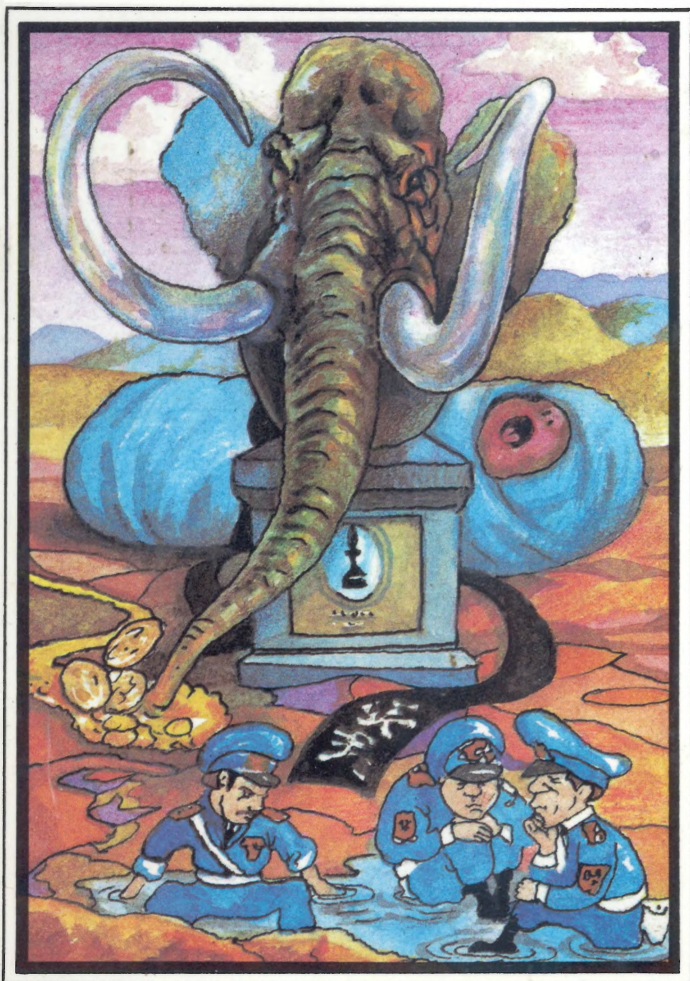

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

2

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF HARRI HARRISON

Volume two

**A STAINLESS
STEEL RAT IS BORN
THE STAINLESS
STEEL RAT
GETS DRAFTED**

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

Книга вторая

**РОЖДЕНИЕ
СТАЛЬНОЙ КРЫСЫ
СТАЛЬНАЯ КРЫСА
ИДЕТ В АРМИЮ**

**Издательская фирма «Полярис»
1992**

«A Stainless Steel Rat Is Born»,
Copyright © 1985 by Harry Harrison.
© 1992 П. Жуков, *перевод на русский язык.*

«The Stainless Steel Rat Gets Drafted»,
Copyright © 1987 by Harry Harrison.

© 1992 А. Кириллов, *иллюстрации.*

© 1992 Издательская фирма «Полярис», *перевод, оформление, название серии, составление.*

Печатается с разрешения автора и его литературного агента.

Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом — запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с ведома издателя.

**РОЖДЕНИЕ
СТАЛЬНОЙ
КРЫСЫ**

Глава 1

Когда я приблизился к главному входу Главного Банка Райского Уголка, автоматика уловила мое присутствие и двери гостеприимно разъехались в стороны. Я вошел, но тут же остановился. Створки поехали друг навстречу другу, сейчас они сойдутся, а потом разойдутся снова — я же не вышел из поля сенсоров, а в закрытом состоянии пробудут секунду шестьдесят семь сотых. Это я уже проверил во время предыдущего посещения банка. Ничего, управлюсь.

Створки сошлись, мой разрядник зажужжал, выбросил пламя и намертво сварил половинки двери друг с другом. В автоматике что-то защелкало, двери попытались снова разойтись, но не тут-то было, они напряглись, крикнули, начали искрить и отрубилась навсегда.

— Вы арестованы за нанесение ущерба имуществу банка! — Ко мне, протягивая лапищи, уже неслись робот-охранник.

— В другой раз, рухлядь ржавая — счел необходимым ответить я и приставил к его груди стрекало для свинообразов. Два контактика на конце стрекала выдавали вольт триста со вполне приличным амперажем. Вполне достаточно, чтобы прошибить свинобрана весом с тонну, что уж говорить об этом роботе. Естест-

венно, изо всех его дыр повалил дым, и чучело рухнуло на пол, грохоча, как мусорный бак.

Но уже у меня за спиной. Я рванул вперед и успел даже отодвинуть от окошка кассы какую-то подвернувшуюся леди. Достав из сумки самый большой пистолет, я навел его на кассиршу и приказал ей не вполне деликатно:

— А ну-ка, киска, сыпани мне в эту сумку шуршунчиков.

Ну, вышло почти ничего, разве что в конце фразы голос немного дрогнул и съехал на визг. Тут кассирша усмехнулась и заявила:

— Иди лучше домой, мальчик. Это тебе не...

Дальше она не успела досказать, потому что я спустил курок и мой безоткатный шарахнул у нее над ухом. Впрочем, се не задело, хотя и могло. Ее глаза закатились, и она медленно сползла куда-то под кассу. Подумаешь, Джимми диГриза бабскими обмороками не проймешь! Я перемахнул через барьерчик и навел пушку на остальных, уже вполне струхнувших клерков.

— Все на шаг назад! Быстро! И не нажимать кнопок! А теперь ты, толстяк, — я поманил толстого кассира, всегда относившегося ко мне не вполне доброжелательно, зато теперь весьма внимательно, — набей-ка емкость бумажками, да покрупней.

Тот повиновался, работая с большим энтузиазмом и обильно потея. Крутом, застыв от ужаса, торчали остальные служащие и клиенты.

Дверь управляющего была закрыта; похоже, его на месте не было. Толстяк набил сумку всей имевшейся наличностью и протянул ее мне. Полиция не появлялась, и шансы смотаться еще оставались. Я смачно выругался, надеясь, что это прозвучало достаточно круто, и указал на мешочек с монетами.

— И мелочь тоже сыпь туда, — одновременно грозно и высокомерно потребовал я у толстяка. Тот незамедлительно исполнил приказание, а полиция так и не ехала. Чтс ж такое, неужто ни один из служащих так и не нажал на кнопку тревоги? С них станется, что же делать?!

Я протянул руку и схватил еще один мешочек с мелочью.

— Загрузи и это, — приказал я толстяку, швыряя ему мешок.

Продельывая это, я исхитрился нажать локтем на кнопку. Что за дела, ни на кого нельзя положиться!

Слава Богу, кнопка сработала. Когда толстяк ссыпал третий мешок, и я, взяв сумку, тащился к двери, шатаясь от тяжести, полиция наконец объявилась. Но как?! Две патрульные машины умудрились столкнуться прямо у входа в банк (впрочем, в наше время вызов полиции — дело редкое, практики у ребят маловато). Постепенно все же копы разобрались и взяли оружие на изготовку.

— Не стреляйте! — провизжал я. Это вышло вполне естественно, поскольку вид полицейских нельзя было назвать дружелюбным. Сквозь стекло услышать меня они не могли, но видеть-то видели.

— Это пугач! — крикнул я. — Смотрите!

Приставив дуло к виску, я нажал курок. Дымогенератор окутал меня облаком дыма, а от звука зазвенело в ушах. Тьфу, зато хоть стрелять не будут. Рутаясь и корча рожи, полицейские начали выламывать двери.

Если вам все это странновато — я вас понимаю. Гоп-стоп — одно дело, а подстроить так, чтобы вас непременно взяли, — совсем другое. Но зачем же такие глупости? — спросите, наверное, вы. Извольте, я вам объясню.

Но сначала мне придется рассказать вам, как мы живем на этой планете. Ну, по крайней мере, как тут живу я.

Райский Уголок обжили несколько тысяч лет тому назад последователи какого-то экзотического культа, памяти о котором не осталось. Они прибыли сюда с другой планеты, называемой то ли Землей, то ли Грязью. Некоторые утверждают, что это и была мифическая прародина всего человечества. Ну, не знаю. По мне, вряд ли. Во всяком случае из этой затеи ничего хорошего не вышло. Непосильные труды истощили предков совершенно — в те времена житуха в Райском Уголке была не сахар. В школах о тех временах учителя толкуют всякий раз, когда хотят урезонить

испорченную современную молодежь. Мы, в общем, им не возражаем, то есть не говорим им в ответ, что они, верно, испорчены не меньше нашего — если учесть, что за последнюю тысячу лет на нашей планете ничегошеньки не изменилось.

Ну да, в начале было тяжело. Вся растительность тут была для человека сплошной отравой, так что сначала пришлось всю ее уничтожить, чтобы на ее месте выращивать съедобные злаки. Фауна тоже в пищу не годилась, да еще у нее были сплошные когти и клыки. Да, в начале было тяжело, настолько даже, что средняя продолжительность жизни овец и коров оказалась тут удручающе короткой. Проблему решили генетически, выведя свинобраза. Представьте себе — тут, правда, требуется воображение — матерого хряка, весом этак в тонну, с острыми клыками и отвратительным нравом. Уже ничего, а если учесть, что он еще и покрыт длинными, как у дикобраза, иглами, а? Зато его мясо съедобно, с тех пор наши фермеры разводят только свинообразов, копченые окорока которых известны уже на всю Галактику.

Что, увы, не означает, что наша поросычья планетка приобрела галактическую популярность. Я тут родился и вырос, так что можете мне поверить. Тут не то что мухи — свинообразы мрут со скуки.

И самое смешное, что я, пожалуй, единственный на планете, кого это не устраивает. Окружающие считали меня чудачком, матушка в свое время решила, что это возрастное, и прибегла к испытанному народному средству от всех напастей, окурив мою комнату дымом тлеющих игл свинобраза. Папенька, тот вообще решил, что я не в себе, и регулярно таскал меня к психиатру. Но тот никак не мог найти у меня отклонений и заключил, что мое поведение есть проявление атавистических черт характера первопоселенцев, этаким генетический нонсенс, как в опытах Менделя. Впрочем, все это было жутко давно.

Когда мне было пятнадцать лет, отец выгнал меня из дома, так что с тех пор родительская опека мне не досаждала. А выгнал он меня после того, как обшарив мои карманы, обнаружил там денег больше, чем сам зарабатывает за месяц. Мать против не была и даже

сама открыла передо мной дверь. Думаю, теперь они счастливы. Слишком уж я мешал их спокойствию.

Что, как я себя чувствую? Да, я знаю, что париям бывает иногда слишком одиноко, а что поделаешь? По-другому я жить не могу. Проблемы у меня бывают, так ведь на то и проблема, чтобы нашлось и решение.

Вот, например, была такая: меня регулярно лупили старшие. Началось это с первых дней в школе. Я допустил ошибку — дал им понять, что умнее их всех вместе взятых. И немедленно получил по физиономии. Так и пошло. Хулиганью это так понравилось, что они даже установили на битье меня предварительную запись. Что было делать? Пришлось пойти учиться драться к университетскому тренеру. Попотел немало, прежде чем почувствовал, что готов к схватке. И одного за другим отделал трех самых отъявленных хулиганов. Смею вас заверить, после этого остальные оказались моими вернейшими друзьями, постоянно твердившими мне, что более упоительного зрелища, чем то, когда я гнал драчунов до конца квартала, им видеть не доводилось. Я уже сказал, что проблема порождает решение, но не только — еще и удовольствие.

Откуда я добыл деньги на тренера? Да уж не у папочки одолжил. Мне там полагалось только три доллара в неделю, которых хватало лишь на мелкие радости, да на леденцы. Первый урок бизнеса преподала мне нужда, а не жадность. Дешево купи, дорого продай, а выручка — твоя.

Понятно, без начального капитала купить я не мог ничего, так что решил за товар не платить вовсе. Но в магазинах тащат все подростки. Потом их хватают и выбивают дурь из головы. Всю эту механику я видел и решил сначала хорошенько изучить поле деятельности и лишь затем взяться за дело. Могу дать совет.

Не суйтесь в мелкие лавочки. Тамошние продавцы знают свой товар наизусть и берегут как зеницу ока. Идите в большие магазины. А там надо сначала выяснить, как устроена сигнализация и запомнить в лицо дежурных детективов. И изучить их поведение.

Самое первое мое изобретение было жутко примитивным — даже теперь, как о нем вспомню, так

краснею — книга-коробка. Просто-напросто я сделал коробку, которая выглядела как книжка, а ее корешок был откидным, на пружине. Этой вещицей я пользовался довольно долго и уже было решил использовать более серьезную модель, как подвернулся замечательный случай. Можно было разделаться с Вонючкой.

Вообще-то его звали Бедфордом Смилингэмом, но мы нарекли его Смелли, Вонючка. Знаете, бывают прирожденные танцоры или, скажем, художники. Вот так и Вонючка. Он родился стукачом. Самым большим наслаждением для него была слежка за одноклассниками. Подсматривал, вынюхивал — и стучал. Доносил даже о самых невинных шалостях. Зато учителя его и любили — можете представить, что за педагоги у нас были. Поколотить его поэтому было невозможно. Его словам верили на сто процентов, и любой борец за справедливость был бы неминуемо наказан.

Вонючка однажды подстроил мне какую-то пакость. В чем там было дело, я уже и не помню, главное — я задумал месть. И придумал. Всякий подросток любит прихвастнуть, вот так и я — взял, да и рассказал о своей книжонке одноклассникам, что лишний раз укрепило мой авторитет. Особенно после того, как еще и угостил их своей добычей. Но авторитет — ладно, главное, я подстроил так, что все это подслушал Вонючка. Ей-богу, сколько лет прошло, а словно все было вчера — это воспоминание до сих пор греет душу.

— Здорово работает! — сказал я. — Слушайте, давайте я вам покажу, как! Пошли в универмаг Минга!

— В самом деле, Джимми?!

— Конечно. Только не толпой. Заходите по одному и становитесь так, чтобы видеть прилавок с конфетами. Ровно в 15.00.

Но дела должны были развернуться интересней, чем они могли себе представить. Я понимал, что Вонючка отправится сообщить новость директору, и, когда он ушел, я забрался к нему в ранец.

Все прошло как по маслу. Это был мой первый криминальный сценарий, в котором действовали другие, и я до сих пор этим горжусь. В назначенное время я был в универмаге возле прилавка с леденцами,

старательно делая вид, что не замечаю шпиков, которые, в свою очередь, делали вид, что не обращают внимания на меня. Небрежным движением я положил книгу возле леденцов и нагнулся, чтобы завязать шнурок на ботинке.

— Попался! — заорал самый дюжий из детективов, ухватив меня за шиворот.

— Что, доигрался?! — ухмыльнулся второй, забирая книгу.

— Эй! — прохрипел я, поскольку воротник сильно сдавил мне горло. — Ты что?! Отдай «Историю», знаешь, сколько моя матушка сплела ковриков из иголок свинобраза, чтобы наскрести семь долларов на книгу!

— Учебник? — осклабился бугай. — Знаем мы, что это за учебник.

И рывком раскрыл книжку. До сих пор приятно вспомнить выражение его лица, когда он увидел там нормальные страницы.

— Меня подставили! — заверещал я и вырвался на свободу. — Я знаю, кто! Это тот воришка, что тырит конфеты! Это Вонючка, вон он, держите его, пока не смылся!

У Вонючки челюсть так и отвисла, когда детективы кинулись к нему. Из его сумки вытряхнули содержимое, и лжекнижка раскрылась, вывалив на пол леденцы.

Прелесть, а не картинка. Крики, угрозы, слезы. Замечательная рабочая обстановка. Да, именно так, поскольку в тот же день я проводил и испытания устройства «Тип-2». Основу механизма составлял бесшумный вакуумный насос, к которому была подведена заборная труба, конец которой был пропущен сквозь рукав. Стоило поднести руку к пачке леденцов, как — фьюить! — она исчезала. Другой конец трубы уходил в брюки. Они висели на мне мешком и выше колена были перехвачены эластичной лентой. Леденцы исправно, пачка за пачкой, падали туда, но вот беда — я никак не мог выключить эту штуковину. Слава Богу, Вонючка продолжал орать и брыкаться, все глазели на него, а я лихорадочно щелкал выключателем. Наконец с ним удалось сладить. Но если бы хоть кто-то

взглянул на меня и на пустой прилавок, то, думаю, справедливые подозрения неминуемо посетили бы его голову. Но никто так и не взглянул, и бодрой, хотя и тяжелой, походкой я вышел из магазина.

Конечно, все это еще никак не объясняет, почему я решил ограбить банк, да еще в день своего рождения, да еще и подстроил так, чтобы меня схватили.

Тут полицейские наконец сломали дверь и ворвались внутрь. Я поднял руки и встретил их теплой улыбкой.

Так вот, главная причина — именно день рождения. Мое семнадцатилетие. У нас, в Райском Уголке семнадцать лет — очень важная дата в жизни любого человека.

Глава 2

Судья подался вперед и взглянул на меня безо всякой враждебности.

— А ну-ка, Джимми, поведай, зачем ты затеял весь этот балаган?

Вилла судьи Никсона стояла у реки, неподалеку от нашей фермы, я часто бывал у его младшего сына, и меня там хорошо знали.

— Меня зовут Джеймс диГриз, господин начальник. Давайте, обойдемся без фамильярностей.

И вы знаете, эти слова сильно улучшили цвет его лица. А его здоровенный, а теперь — красный, нос с раздувающимися ноздрями выпирал из лица, как лыжный трамплин.

— Не сомневайся, парнишка, к тебе отнесутся со всей серьезностью. Обвинения, выдвинутые против тебя, это вполне позволяют. Так что лучше будет, если ты не станешь распускать язык. Твоим адвокатом я назначаю судебного юрисконсульта Арнольда Форте-скью.

— Мне адвокат не нужен. Тем более — старина Форте-скью. Кстати, вы не скажете, сколько лет назад вы в последний раз видели его трезвым?

Смешок, пробежавший по рядам в зале, привел судью в ярость.

— Тишина! — взревел он и так сильно стукнул молоточком, что у того сломалась ручка. От отшвырнул обломок и свирепо уставился на меня.

— Вы испытываете терпение суда. Юрист Форте-скую был назначен...

— Да не нужен он мне. Назначьте его лучше в Муни-бар. Свою вину по всем пунктам обвинения я признаю и отдаю себя на милость справедливого суда.

Он втянул в себя воздух с таким свистом, что я решил немного притормозить, а то его еще хватит удар, суд сегодня не закончится, и я потеряю много времени.

— Извините, господин судья! — я наклонил голову, чтобы скрыть улыбку. — Я поступил дурно и знаю, что должен понести наказание.

— Вот так-то будет лучше, Джимми. Ты парень умный, и мне всегда было больно видеть, как ты разбазариваешь свои способности. Тебя поместят в исправительный дом для малолетних правонарушителей сроком не менее, чем...

— Извините, Ваша честь, — перебил я, — но это невозможно. Если бы я совершил эту глупость месяц назад или хотя бы на прошлой неделе! Закон суров, и я обречен. Но я совершил преступление в мой день рождения. В семнадцать лет.

Судья замешкался. Охранники позевывали, ожидая, пока он вытрясет информацию из своего компьютера. Репортер из «Бьюгл» не менее энергично стучал по клавиатуре своего портативного терминальчика. Что ж, ему досталась неплохая история. Судья разузнал все довольно быстро.

— Все так, — вздохнул он. — Семнадцать тебе исполнилось. Ты достиг совершеннолетия, и судить тебя придется, как взрослого. Значит, тебе светит срок в тюрьме — если не принять во внимание смягчающие обстоятельства. А они таковы: первое преступление, молодость обвиняемого и его чистосердечное раскаяние. В нашей власти отсрочить исполнение приговора, поставив осужденного на учет. Вот мой приговор.

Этот приговор мне решительно не пришелся по вкусу. Надо было что-то предпринять. И я предпринял. Мой вопль заглушил последние слова судьи, я перепрыгнул через барьерчик, свалился на пол, лихо перекувырнулся вперед и кинулся через весь зал в сторону репортера.

— Ты не будешь писать обо мне всякую чушь, щелкопер! — заорал я и грохнул об пол его терминал. Тот раскололся, для пущего эффекта я потоптался на обломках и ринулся в сторону двери. Мне наперерез кинулся коп, по получив ногой в живот, согнулся и следом не побежал.

Удрать я мог в два счета, но бежать пока было еще рано. Пришлось повозиться с ручкой, чтобы наконец меня удосужились схватить и после недолгого сопротивления с моей стороны нацепить наручники.

Теперь я восседал на скамье подсудимых в наручниках, а судья со мной уже не миנדальничал. Ему доставили новый молоток и он размахивал им так, будто хотел вышибить из меня мозги. Я скорчил ему рожу и зарычал.

— Джеймс Боливар диГриз! — провозгласил судья. — Приговариваю вас к максимальному наказанию, возможному в данном случае, — каторжными работам с содержанием в городской тюрьме до прибытия корабля Лиги, после чего вас отправят в ближайший исправительный центр, где вам придется пройти курс противокриминальной терапии.

Молоток обрушился на стол.

— Увести.

Вот так-то оно лучше. Я грозно потряс на прощание наручниками, осыпал судью бранью — затем, чтобы он вдруг не дал слабину. Двое здоровенных копов подхватили меня под локотки, выволокли из зала суда и засунули в машину. И только после того, как дверь за мной закрылась, я позволил себе откинуться на спинку и расслабиться — можно было порадоваться победе.

Да, именно победе. Цель всей операции в том и состояла, чтобы попасть в тюрьму. Я испытывал необходимость в профессиональном росте.

В моем безумии была четкая логика. С молодых ногтей, с мелких краж всех этих леденцов, я всерьез задумывался о карьере преступника. Побудительных мотивов у меня было несколько, но главный — мне нравилось быть преступником. А что? Заработки приличные, работенка не особо пыльная и, если честно, мне нравилось чувствовать свое превосходство, оставляя остальных в дураках. Нехорошо? Возможно, но это приятное ощущение.

Тут я столкнулся с весьма серьезной проблемой. Как подготовить себя к будущему? Преступность — нечто большее, чем кража леденцов. Кое-что я уже понимал. Мне хотелось иметь деньги. Чужие деньги. А деньги хранятся под замками, так что — чем больше я узнаю про замки, тем проще окажется добраться до денег. И я засел за учебу. Мои оценки так стремительно взлетели вверх, что учителям показалось, будто я не так уж и потерян. И особенно горячо они одобрили мой выбор, когда я заявил, что собираюсь выучиться на слесаря. Курс был рассчитан на три года; я, впрочем, управился за три месяца. Тут я попросил, чтобы у меня приняли экзамен. Но мне отказали.

Так дела не делаются — объяснили мне. Надо продвигаться вперед вместе со всеми, так что всего через два года и девять месяцев я получу диплом, закончу школу и отправлюсь вкалывать.

Однако. Я попытался им втолковать, что уже выучился, а мне объяснили, что это невозможно. Видно, у меня на лбу уже было написано «слесарь». Так, по крайней мере, полагали они.

Я стал пропускать занятия, не ходил в школу по несколько дней. Им приходилось ограничиваться устными выговорами, поскольку на экзаменах я получал высшие баллы. И по праву получал, между прочим, — потому что много практиковался. Свои личные делишки я обделывал так аккуратно, что никто ничего не подозревал. Однажды ночью несколько долларов принес мне торговый автомат, потом настала очередь кассы автостоянки. Такая практика не только шлифовала мое мастерство, но и давала средства на обучение. Разумеется, не на школьное — там я и так

должен был тянуть лямку до семнадцати — а на внеклассное.

Никаких руководств по преступлениям не существовало, так что учиться приходилось, как придется. Однажды в словаре я отыскал слово «подделка», и это послужило толчком к изучению фотографии и печатного дела. Искусство рукопашного боя в жизни мне очень помогало, так что я продолжал совершенствоваться в нем, пока не получил черный пояс. Техническими сторонами моей будущей профессии я также не пренебрегал: к шестнадцати годам я знал о компьютерах все, что можно — к тому же приобрел квалификацию микроэлектронщика.

Все это было славно, но — что мне все это даст? Пока я не знал. Поэтому и решил сделать себе на совершеннолетие подарок. Сесть в тюрьму.

Глупо? А что делать?! Надо же отыскать преступников, а где их искать, как не в тюрьме? Согласитесь, смысл есть. Ведь тюрьма мой дом родной, раз там мои близкие. Я буду их слушать, глядеть на них и, когда почувствую себя готовым к трудовой деятельности, достану из башмака отмычку и уйду на волю.

Но все оказалось не так, как я ожидал.

Прежде всего, меня остригли, обработали антисептиком, выдали тюремные одежду и обувь. Правда, сделано все это было настолько непрофессионально, что у меня оказалось достаточно времени, чтобы перепрятать отмычку и деньги. Затем сняли отпечатки пальцев, записали цвет глаз и отвели в камеру. Ну, слава Богу, хоть сокамерник у меня был. Вот-вот начнется учеба. Это был первый день моей настоящей преступной жизни.

— Добрый день, сэр, — вежливо поздоровался я. — Меня зовут Джеймс ДиГриз.

— Повязали лопуха, — пробормотал он, едва взглянув на меня, и продолжал ковырять под ногтями.

Итак, вот и первый урок. Здесь не в чести вежливые формы общения. Что же, крутая жизнь — крутое общество. Я изобразил на лице улыбку и заговорил снова. На этот раз порезче.

— Тебя и самого повязали, чистюля. Меня зовут Джим. А тебя?

По правде говоря, насчет слэнга я был не слишком уверен, поскольку изучал его исключительно по видамкам...

Он медленно поднял голову — взгляд его был полон ненависти.

— С Вилли-Пером еще никто, заруби себе на носу — *никто* таким тоном не разговаривал. Сейчас ты у меня станешь красавчиком. Сейчас я тебя слегка разукрашу — напишу на твоей роже свои инициалы. Сначала букву «В» — Вилли.

— Букву «У», — поправил я его. — «Уильям» — это как-то солидней.

Это окончательно вывело его из себя.

— Ты, козел! Я сам знаю, что мне писать!

Кипя от злости, он довольно долго шарил под матрасом. Наконец извлек оттуда остро заточенную ножовку. Неприятная штучка. Он подбросил ее, поймал, ослабил и кинулся на меня.

Господа, вы же понимаете, что таким манером к «черным поясам» приближаться не следует. Дело нехитрое — я отступил в сторону, рубанул ладонью по запястью и ударил по коленке сзади. Парень въехал башкой в стену. И отключился. Придя в себя, он обнаружил, что я сижу на его койке и чищу его ножичком ногти.

— Меня зовут Джим, — процедил я сквозь зубы. — Повтори-ка: «Джим».

Он взглянул на меня, его лицо вдруг исказилось и он — заплакал! Я так и обалдел. Что ж такое творится, а?

— Все меня достают. И ты тоже. Ржут надо мной. А ты вот нож отнял. Я его целый месяц делал, десять долларов, кстати, за лезвие заплатил...

И расстроился вконец. Я заметил, что он старше меня всего года на два, да и гораздо слабее. Вот и пришлось утешать моего первого знакомого из уголовного мира, вытирать ему мокрым полотенцем сопли и даже всучить пятидолларовую бумажку — лишь бы он только не хлюпал. М-да, что-то преступный мир оказывался не вполне таким, каким я его себе представлял.

И пошло-поехало. Я сидел на кровати и слушал его унылые воспоминания о тяжелом детстве. Двоечник, вечная мишень для чужих насмешек, слабак, нюня. И однажды, совершенно случайно схватившись в очередной потасовке за горлышко разбитой бутылки, понял, что тоже может стать хулиганом. А что? Для этого нужно только оружие. Тут к нему пришло признание — чему, понятно, способствовали нелепые угрозы и беспардонное хвастовство, подкрепленные публичным расчленением птичек и прочих безобидных тварей. Далее — падение: арест за нанесение ножевых царапин мальчику. Отправлен в центр для несовершеннолетних, выпущен, снова неприятности, опять посажен. Наконец очутился здесь, вооруженный ножичком, схлопотавший срок за очередное вымогательство с угрозой применения насилия. Вымогал, естественно, у детей. Ну и карьерка, прости Господи.

Я слушал его вполуха и думал. Что такое «не везет» и как с ним бороться? А, может, меня специально засунули к нему в камеру, чтобы оградить от крутых ребят, находящихся в этой тюрьме?

Тут отключили свет, и я улегся на койку. Утро вечера мудреней. Выйду на прогулку, присмотрюсь к остальным, соображу, кто тут чего стоит, и начну настоящую карьеру. Все будет, как надо.

И я спокойно уснул, убаюкиваемый нескончаемым хныканьем соседа. Ну, ничего. Просто не повезло, что посадили к Вили. Вот такой он неудачник. Завтра все будет по-другому.

Глава 3

Завтрак оказался не лучше и не хуже тех, которые я стряпал себе сам. Ел я чисто механически, прихлебывал кактусовый чай, лениво жевал кашу, приглядываясь к сидевшим по соседству. Тут их было человек тридцать, все жевали крайне старательно и увлеченно, а я перебирал их взглядом, чувствуя, как во мне растет отчаяние.

Во-первых, все они казались безнадежно тупыми, совсем, как мой сосед. Я, конечно, понимаю, что преступный мир должен включать в себя и людей, не шибко умных, да и просто идиотов, но ведь не только же их! Должны же, черт возьми, тут быть и другие?

Во-вторых, все они были не старше двадцати лет. Где же матерые мужики? Или преступность — это что-то вроде грехов молодости, которые легко устраняются специальной корректировкой? Нет, что-то тут не так. Они, похоже, все как один — неудачники. Неудачники и неумехи. Да знай они свое дело, не сидели бы! Не вписались в жизнь и только нагадили себе же.

Придется мне использовать их, это ясно, как дважды два. Если мне у них учиться нечему, то, по крайней мере, они могут навести меня на тех, у кого поучиться можно. Через них я выйду на тех, кто на

свободе, на неуловимых профессионалов. А мне именно этого и надо. Вычислить нужного мне среди этой толпы унылых болванов не составило труда. Небольшая группка собралась вокруг крепкого парня с перебитым носом и шрамами на лице. Казалось, даже надзиратели стараются держаться от него подальше. Так и на прогулке — никто не подходил к нему близко, все держались поодаль.

— А кто это? — спросил я Вилли, который сгорбившись сидел рядом со мной на лавке, интенсивно ковыряя в носу. Он долго и энергично моргал, пока, наконец, не уловил суть вопроса. А сообразив, в отчаянии всплеснул руками.

— Осторожней с ним! Держись подальше, это же Стинджер-убийца. Так мне сказали, и я в это верю. Первый по гашилову. Лучше не связывайся.

Хм, уже хоть что-то. Про гашилово я, конечно, слышивал, но сам не видел ни разу, поскольку жил недалеко от города. В нашей округе было слишком много полиции, и этим у нас не занимались. Гашилово — это противозаконная забава, довольно крутая, популярная в глухих фермерских поселках. Зимой, когда свинообразы стоят в стойлах и урожай в амбарах, аграрии маются от безделья. Руки у них, понятное дело, чешутся, тут гашилово и происходит. Это так. В поселок приходит чужак и бросает вызов местному силачу. Поединки обыкновенно происходят в амбаре на отшибе, женщины не допускаются, зато допускается изрядная выпивка, делаются ставки, и пошло-поехало. Схватка кончается только тогда, когда один из двоих уже не в состоянии подняться. Развлеченьице не для чистоплюев-сляунтяев. Славное мужское дело. Так, значит, Стинджер тут специалист? Что ж, любопытно, надо сойтись с ним поближе.

Это оказалось несложно. Думаю, я мог бы просто подойти к нему и заговорить, но мое сознание все еще было отравлено скверными видиками, которые я смотрел запоем. Большинство из них было о нравах преступного мира, и оттуда, собственно, я и содрал свою эскападу. Тем не менее, идея была вовсе не так плоха. Собственно, об этом можно судить и по результату.

Итак, насвистывая я прогуливался по дворику. Потом, как бы невзначай, оказался рядом со Стинджером и его подручными. Один из шестерых взглянул на меня хмуро, и я как бы поспешно отошел. Чтобы вернуться, когда шестерка отойдет.

— Ты Стинджер? — громко прошептал я, оказавшись рядом с ним и глядя в сторону. Судя по дальнейшему, он в своей жизни смотрел те же видики, что и я.

— Да. А кому это интересно?

— Мне. Я только что сюда попал. Меня просили передать тебе кой-чего.

— Валяй.

— Не здесь. Тут могут услышать. Лучше наедине.

Он подозрительно взглянул на меня, нахмутив густые брови. Но я, видать, его заинтриговал. Он что-то буркнул своим парням и отошел в сторону. Они остались на месте, но глядели мне в спину, когда я пошел за ним. Мы пересекли двор и подошли к лавочке — двух мужиков с нее как ветром сдуло. Я сел рядом с ним, и он еще раз смерил меня презрительным взглядом.

— Ну, валяй, малый, сообщи-ка мне что-нибудь приятное.

— Это — тебе, — сказал я, толкнув по скамейке в его сторону двадцатидолларовую монету. — Это от меня. Мне нужна твоя помощь, и я за нее заплачу. У меня еще есть чем.

Он фыркнул, но быстренько схватил монетку и сунул в карман.

— Я благотворительностью не занимаюсь, — сообщил он. — И помогаю только одному человеку. Себе. Понял? Можешь проваливать.

— Погоди. Мне нужен человек для побега. Примерно через неделю, а?

На этот раз он слушал внимательнее. Повернулся и прямо взглянул мне в глаза. Холодно и уверенно.

— Я шуток не люблю, — произнес он и схватил меня за запястье. Вывернул руку. Это было больно. Вывернуться-то я мог легко, но не стал.

— Это не шутка. Через восемь дней мне нужно быть на воле. И я там буду. И ты — тоже, если захочешь. Решай.

Он помедлил, изучая меня, и отпустил руку. Я принялся массировать запястье, дожидаясь ответа. Было видно, что он обдумывает мои слова, приходя к решению.

— Ты знаешь, за что я сел? — спросил он наконец.

— Кой-чего слышал.

— Если тебе сказали, что я кокнул одного типа, то это так. Знаешь, совсем случайно. Головка у него была слабенькой. Треснула. Это уже оформили было как несчастный случай, да только другой тип проиграл на этой ставке кучу денег. Должен был заплатить мне на следующий день, а вместо этого пошел в участок, потому что так выходило намного дешевле. А теперь меня собираются отправить в госпиталь Лиги и вправить мне там мозги. Тут мне сказали, что потом мне уже никогда не захочется драться. Не нравится мне это.

Пока он говорил, его кулаки сжимались и разжимались. И я понял, что драка для него — это жизнь, единственное, что он умеет и любит делать. Отнимут у него это — как ему потом жить? Я ощутил острый приступ жалости, но ничем его не выказал.

— Ты действительно можешь отсюда выбраться? — спросил он совершенно серьезно.

— Могу.

— Я с тобой. Понимаю, ты хочешь мне помочь не просто так, за так в этом мире никто ничего не сделает. Я сделаю для тебя все, малыш. В конце концов, они меня опять схватят, если ищут всерьез — спрятаться невозможно. Но я хочу успеть. Хочу потолковать с тем пареньком, что засунул меня сюда. Он мне жизнь притушил, так я его загашу.

— Тут, я невольно поежился — говорил он всерьез. Это было ясно, как божий день.

— Я вытащу тебя отсюда, — пообещал я. Но поклялся про себя, что прослежу, чтобы он не встретился с объектом своей мести. Этого мне только не хватало — начать карьеру преступника с соучастия в убийстве.

Стинджер немедленно взял меня под свое покровительство. Пожал мне руку, едва не сломав пальцы своей железной хваткой, и повел к своим парням.

— Это Джим, — сообщил он им. — Прошу любить и жаловать. Если кто его тронет — будет иметь дело со мной.

На их физиономиях появились угодливые улыбки, посыпались вполне лицемерные заверения в вечной дружбе, но, по крайней мере, меня они не тронут. Теперь я был под защитой могучих кулачищ Стинджера, один из которых покоился на моем плече, когда мы возвращались с прогулки.

— Как ты это провернешь? — спросил мой новый друг.

— Утром расскажу. Тут надо еще кой-чего обмозговать, — соврал я. — До встречи.

Из этой дыры мне хотелось выбраться не меньше, чем ему. Только по совершенно другой причине. Его вела месть, а меня — разочарование. Потому что здесь отсиживали неудачники, сплошные неудачники, а я привык считать себя победителем. И что из этого следует? То, что надо быстренько провести рекогносцировку.

Следующие двадцать четыре часа я разрабатывал варианты побега. Механические замки внутри всей тюрьмы я бы открыл без особых усилий, во всяком случае, моя отмычка не знала проблем с дверью камеры. Но как быть с воротами во двор — те запирались с помощью электроники. Было бы время да подходящий инструмент, я бы справился и с ними. Но там сидит охрана, прямо над воротами, в сторожевой будке. Этот маршрут, выходит, не годится, впрочем — как и любой прямой путь. Делать нечего, надо в подробностях выяснить планировку тюрьмы.

Заполночь я вылез из-под одеяла и стал собираться на разведку. Нет, никаких ботинок — надо быть совершенно бесшумным, так что лучше всего сгодятся три пары носок, надетых друг на друга. Я запихнул в постель под одеяло лишнюю одежду — чтобы койка не выглядела пустой, если вдруг кому придет охота взглянуть в камеру через глазок. Вилли, знай себе,

беззаботно посапывал, да похрапывал, так что я спокойненько отомкнул замок и выскользнул в коридор.

В коридоре тускло горело ночное освещение, отовсюду доносился храп. Я вышел на лестничную площадку и осторожно глянул вниз. Этажом ниже охранник приводил в порядок свою экипировку для верховой езды. Что же, надеюсь, завтра он не спохует.

Беззвучно, словно тень, я пробрался на следующий этаж. Никакого разнообразия — те же камеры. Точно так же и следующий, а он был уже последним. Выше некуда. Оставалось возвратиться назад. И тут я увидел что-то металлическое в дальнем углу коридора. Ну, риск — дело благородное, и я быстренько направился туда.

Этот металл, тускло блестевший в полутемном коридоре, оказался ступеньками железной лестницы, которая вела куда-то наверх. Понятное дело, я немедленно взобрался по ней и обнаружил сверху люк. И слишком уж надежно запертый — это я понял не сразу. Замка не было! Должен ведь быть и замок, но в темноте обнаружить его мне никак не удавалось — поверхность люка была абсолютно гладкой.

Спокойно, парень. Если что-то закрыто, то должен быть и замок. Паника вещь хорошая, только мешает вспомнить, что головой не только едят. Так. Замок быть должен. Иди задвижка. На самом люке нет ничего похожего. Что из этого следует? То, что замок должен быть на раме люка. Правильно — я провел рукой по холодному железу и немедленно его отыскал.

Что значит — корректно поставить вопрос! Я достал отмычку, вставил в замок и через несколько секунд то, что должно было щелкнуть, — щелкнуло. Я откинул люк, выбрался наверх и закрыл его за собой.

Я был на воле! Ну, правда, стоял на крыше, зато, по крайней мере, меня обдувал прохладный ветерок. Звезды светили так ярко, что можно было разглядеть поверхность крыши. Ничего особенного. Широкая и ровная крыша, кое-где — вентиляционные люки и печные трубы. Невысокий парапетик-перила. Какая-то

большая тень заслоняла небо. Что за штука? Подойдя поближе, я услышал звук падающей воды. Цистерна. Так. А что внизу? Тоже ничего особенного: залитый светом и тщательно охраняемый тюремный двор. А с другой стороны?

А вот с другой стороны все было куда интересней. Там тоже был двор, только — освещенный светом единственной лампы. Там валялись какие-то пустые ведра, бочки и прочая тара, а в тюремной стене виднелись тяжелые ворота. Понятное дело, что закрытые. Но раз человек что-то закрыл, то он может это открыть — пусть даже это будет другой человек. А именно — я.

Да, приходилось мириться с тем прискорбным фактом, что крыша располагалась на высоте пяти этажей, но и тут можно будет что-нибудь придумать. По крайней мере — найти другую дорогу на задний двор. У меня есть еще шесть дней, и другие варианты попасть туда найдутся. Начинало холодать, я зевнул и поежился. На сегодня достаточно, пора и баиньки.

Тихонько я отправился назад. Аккуратно закрыл за собой люк, убедился, что замок сработал, спустился по лесенке вниз, добрал до своего этажа...

А там — вовсю орали. Громко и разборчиво. И тон задавал мой чудный соседущка. Осторожно приблизившись к родной камере и заглянув в нее, я обнаружил там охранников и немедленно ретировался на лестницу. А Вилли вопил:

— Я проснулся, а его нет! Я остался один, совсем один! Призраки, его сожрали призраки! Спасите меня, умоляю! Они просочились сквозь стены, они сожрут и меня, спасите!!!

Глава 4

От ярости я задохнулся, но взял себя в руки. Ну пропишешь ему по первое число, а что дальше? Схватят и все. Нет, надо сматываться. И я кинулся вверх по лестнице: пролет, следующий...

Тут вспыхнул свет и взвыли сирены. Заключенные переполошились, спросонья переругивались, сейчас они кинутся к дверям, обнаружат меня в коридоре и заявится охрана. Выхода не было. Оставалось одно — бежать на последний этаж, подальше от камер.

Уже в полном отчаянии я заглянул в первую попавшуюся камеру на этом этаже и остолбенел — она была пуста! И все остальные на этаже — тоже! Это давало мне шанс. Птичкой я взлетел по металлическим ступенькам, в два счета обработал замок и собирался уже выскочить на крышу, как слышал внизу шаги двух охранников, поднимавшихся на этаж. Едва они сюда доберутся — все кончено. Замок щелкнул, я навалился на люк и, распластавшись на крыше, опустил крышку на место. При этом успел увидеть, что охранники направляются напрямиком в мою сторону.

Заметили? Сердце билось, как бешеное, я пытался перевести дыхание и ждал дальнейшего развития событий.

Но никаких криков пока не было. Очевидно, они меня не заметили. Я пока свободен.

Хорошенькая свобода! Валяюсь на дурацкой крыше, стучу зубами от холода, а минуты через три меня сцапают.

Еще минуту я бессильно дрожал, испытывая острую жалость к себе. Но встал, встряхнулся, как собака, и ощутил ярость.

— Да что ж это такое?! — сплюнул я. — Гениальный преступник, преступная жизнь... и влипнуть в первой же серьезной заварухе из-за олигофрена с ножичком. Учись, Джим, учись. В будущем пригодится. Запомни — всегда прикрывайся с тыла и флангов. Продумывай абсолютно все и помни, что кретины на то и кретины, что просыпаются именно тогда, когда тебе это меньше всего нужно. Если хочешь, чтобы он спал крепко — сделай так, чтобы он спал крепко. Да, конечно, сейчас эта премудрость тебе, что рыбе зонтик, но на будущее пригодится. А пока — соображай, как выкрутиться.

А чего тут было особенно соображать? Когда охранники откроют люк и вылезут на крышу, то меня обнаружат. Где тут спрячешься? На верху цистерны? Ну и что? Если они вылезут на крышу, то уж проверят все, нечего сомневаться. А что делать? Вниз не сиганешь, а так хоть остается слабенькая надежда. Вперед.

Легко сказать. Стенки цистерны были совершенно гладкими, а до верха было не достать. Я отошел, разбежался, прыгнул и уцепился за какую-то штуковину наверху. Попытался было ухватиться лучше, но пальцы разжались, и я рухнул вниз. Если этот грохот услышали внизу — я не удивлюсь. Надеюсь, что шмякнулся я над пустой камерой, а не над коридором.

— Что-то ты, парень, много думаешь, и мало делаешь, — усовестил я себя. Черт возьми, мне же надо туда залезть!

Отошел к самому краю, несколько раз глубоко вздохнул и бросился вперед.

Разбег, толчок, прыжок и...

Правая рука ухватилась за железо. Ухватился левой и рванулся вверх. И, поцарапавшись о металл, влез на

верх цистерны. Тьфу! В футе от моего лица валялась какая-то дохлая птица, причем ее мертвые глаза смотрели прямо на меня. Я попытался отодвинуться в сторону, но услышал, как крышка люка откинулась на крышу.

— Эй, подтолкни меня. Я застрял!

Это, похоже, были все те же толстячки-охранники, которых я заметил внизу. Опять вздохи и пыхтение — на крышу забирался второй.

— На кой черт мы сюда лезли, — заныл первый.

— Что значит «на кой»?! — возмутился его напарник. — Мы выполняем приказ, а это еще никому не повредило.

— Но люк был закрыт.

— Камера — тоже. Давай-ка, пошевеливайся.

Судя по звуку шагов, они обошли крышу и вернулись к люку.

— Нет его тут. Спрятаться тут негде. И за карнизом он не висит — я проверил.

— Тут еще одно место, где мы не смотрели.

И я почувствовал, как их глаза уперлись в меня. Сквозь металл. Сердце снова бешено заколотилось. Их шаги приближались, и в полном отчаянии я вцепился в поверхность цистерны.

— Не мог он туда залезть. Слишком высоко. Я даже до края не могу достать.

— Да ты и до своих шнурков не достанешь. Давай, помоги мне залезть. Поддержи меня снизу, тогда я дотянусь. Я взгляну только.

Да, он был совершенно прав. Один только взгляд. Что еще надо? Что я мог тут поделаться?! Меня охватило полное безразличие. Я лежал, слушал их возню и переругивания, толстяк старательно пыхтел и, кажется, полз наверх. Вот в футе от моего лица появилась рука, и...

Сработало подсознание. Ей-богу, придумать такое я бы не смог. Рука самостоятельно дернулась и подтолкнула дохлую птицу под самые его пальцы.

Эффект был великолепен. Птица исчезла, зажатая в пальцах, внизу раздались чертыхания, визг и глухой удар.

— Что случилось?!

— Ох... я взялся, а тут... Да я же колено ушиб!

— Ну-ка, вставай. Обопрись об меня. Прыгай на здоровой...

Они медленно опускались вниз, а я наслаждался покоем. Конечно, они могут вернуться, это исключить было нельзя, но первый раунд я по очкам выиграл.

А через какое-то время я понял, что выиграл и второй. На крышу никто больше лезть не собирался. Вскоре сирены замолкли, и все поиски сосредоточились во дворе.

Там орали, хлопали дверьми, рычали двигатели машин, машины трогались с места и уезжали. И уехали. Огни притушили — какая прелесть! Я почувствовал себя победителем и задремал. Но вскоре очнулся.

Болван! Каким победителем?! Тюрьма заперта наглухо. Не сомневайся, они вернутся и обшарят тут все закоулки. И сюда вернутся, можешь быть уверен, да еще и лестницу с собой прихватят.

М-да. Надо что-то делать. И я знал, что. Я знал, куда мне пойти. Есть одно местечко, где меня искать не станут.

Спустился в люк, прошел по затемненному коридору. Все уже снова лежали на койках, разве что кое-где слышно было обсуждение ночных событий. Я бесшумно спустился по лестнице и подошел к родной 567В. Бесшумно открыл и тихо прикрыл за собой дверь. Подошел к Вилли, почивавшему сном праведника.

Моя рука зажала ему рот, глаза парнишки моментально раскрылись, и я счел своим долгом обрисовать ему ситуацию.

— Видишь ли, ты зачем-то вызвал охрану и мне немножко помешал. Сейчас ты получишь то, что заслужил...

Он выгнулся изо всех сил, но тут же обмяк. И глаза прикрыл. Что это, я его уколошил?

Это было бы просто ужасно. Нет, живой, мерзавец, просто в обмороке — едва дышит. Я взял полотенце, смочил водой и приложил к его лицу...

А он очнулся и завизжал. Впрочем, его визг немедленно перешел в хрип — я полотенцем заткнул ему пасть.

— Не бойся, Вилли, я человек добрый. Тебе повезло. Я не буду тебя убивать.

Похоже, мой шепот его успокоил. Во всяком случае, дрожать он перестал.

— Если, конечно, ты мне поможешь. Отвечай-ка: в какой камере Стинджер? Готов? Кивни головой. Отлично. Я снимаю полотенце. Но если вякнешь — задушу. Валяй.

— ... 231В...

На нашем этаже, очаровательно. Так, а полотенце надо положить на место, соседушке в пасть. Положил. И надавил на одну такую жилочку за его ухом. Шесть секунд — обморок, десять — с приветом. Вилли дернулся и обмяк. Я досчитал до семи и отпустил палец. Я, в общем, человек добрый.

Вытащил изо рта Вилли полотенце и вытер им руки. Нашарил на полу башмаки и обулся. Так, еще одну рубашку и куртку. Выпил не меньше литра воды и почувствовал, что готов сразиться с кем угодно. На прощание прихватил с кровати одеяла и сунул их под мышку.

Тихонько, на цыпочках я проскользнул к камере Стинджера. Чувствовал я себя просто прекрасно — свободным и неуловимым. Конечно, это было легкомысленно и глуповато, зато приятно. Дверь 231В распахнулась без труда, а Стинджер открыл глаза, едва я тронул его за плечо.

— Одевайся, — тихонько сказал я. — Нам пора.

Какой молодец — больше ему ничего объяснять не потребовалось. Не задавая вопросов, он натянул одежду и башмаки, а я в это время прихватил его одеяла.

— Нам понадобятся еще, как минимум, два.

— Прихватчу у Эдди.

— А он не проснется?

— Я прослежу, чтобы он снова заснул.

Послышался приглушенный вопрос, а затем глухой удар. Эдди, значит, снова уснул, и Стинджер присоединился ко мне с одеялами.

— Значит так, — сообщил я ему, выходя из камеры — мы лезем на крышу, связываем одеяла и спускаемся вниз. Ясно?

Да уж, ясно... Я в жизни не слышал о более идиотском плане. Но Стинджер, похоже, слыхивал.

— Отлично! Вперед! — кивнул он.

Опять вверх по лестнице, снова крыша — нет, надо сматываться, а то это хождение мне уже надоело.

— Что случилось? — спросил меня Стинджер, когда мы выбрались наверх. — Я слышал, что ты бежал, и уже решил тебя загасить, когда они притащат тебя обратно.

— Не так все просто. Я тебе расскажу, но после, когда выберемся. Давай пока займемся делом. Вязать надо по диагонали — так выйдет длинней. Вяжи прямыми узлами — как в бойскаутах учили. Вот так.

Наконец мы покончили с этим делом. Взялись за концы получившегося каната, потянули в разные стороны. Все, вроде, нормально. Один конец я привязал к трубе и скинул одеяла вниз.

— М-да, на добрых двадцать футов короче, — отметил Стинджер, перегнувшись вниз. — Слушай, ты полезешь первым. Ты легче. А если подо мной они оборвутся, то у тебя не останется шанса.

Ничего не скажешь, с логикой не поспоришь. Уффф... Я взобрался на парапет и ухватился за верхнее одеяло. Стинджер, неожиданно растрогавшись, пожал мне руку. И я полез вниз.

Это было то еще удовольствие. Руки моментально устали, за ткань одеял было трудно уцепиться. Спускаясь я быстро, понимая, что силы на исходе.

И вот наконец ноги повисли в воздухе. Но твердая поверхность двора все еще казалась лежащей очень глубоко внизу. Но решаться на прыжок мне не пришлось — руки непроизвольно разжались, и я полетел вниз.

И шлепнулся о землю, перекувырнулся и сел, тяжело дыша. Да, вот так вот. С этим мы справились. Наверху виднелся раскачивавшийся на одеялах Стинджер, а через миг он уже стоял на земле, отряхивая брюки. Он помог мне встать и, опираясь на его руку, я заковылял к воротам. Пальцы дрожали, и замок открыть никак не удавалось. Здесь, под единственным во дворе фонарем, мы были видны как на ладони, не дай Бог, кто-нибудь выглянет из окна...

Я глубоко вздохнул и снова вставил отмычку. Медленно и осторожно исследовал внутренности замка. Тот наконец щелкнул, и мы выскользнули наружу. Стинджер бесшумно притворил ворота, развернулся и со всех ног бросился в темноту. Я припустил за ним.

Мы свободны!

Глава 5

— Стой! — заорал я Стинджеру, который летел по дороге явно не туда, куда следовало. — У меня есть план получше. Все сосчитано давно, еще до того, как я сел...

Он постепенно притормозил, подумал, и наконец до него дошло.

— М-да, — хмыкнул он. — До сих пор ты не ошибался. Так что надо делать?

— Правило для новичков: оставь след, который возьмут роботы-ищейки. Пошли.

Мы сошли с дороги, продрались сквозь заросли и спустились к ручью. Ручей был мелкий, но холодный, и я не мог сдержать дрожь, шлепая по воде. Неподалеку проходила автострада, и мы направились туда. Мимо прогрохотал контейнеровоз, пришлось присесть. Шоссе было пусто.

— А теперь пошли, — сказал я — прямо на дорогу и немедленно обратно, по своим же следам.

Стинджер сделал все, как надо, и мы снова оказались в холодной воде.

— Здорово, — одобрил он. — Они отыщут, где мы вошли в воду, найдут, где вышли и доберутся до

дороги. Копы решат, что нас подобрала машина. А что мы делаем дальше?

— А дальше мы пойдем вверх по ручью — все время по воде. До ближайшей фермы. Там разводят свинообразов...

— Нет! Ненавижу этих свинок! Меня такая тварь в детстве укусила...

— Выбора нет. Иначе нас утром повяжут. Знаешь, я их тоже не шибко, свиней этих, люблю, но я вырос на ферме и умею с ними обходиться. Пошли лучше, а то ноги по колено отморозим.

Дорога была долгой, мокрой и холодной. А что поделаешь? Только и оставалось, что дрожать и двигаться вперед. Зубы стучали, словно кастаньеты. Все же мы добрались до второго ручейка, впадавшего в наш. Звезды начинали бледнеть — приближался рассвет.

— Ну, наконец, — сказал я. — Нам нужен именно этот ручей. Видишь, срубленное дерево? Мы почти на месте.

Я протянул руку, сломал сухую ветку, нависавшую над ручьем, и пошел дальше. Мы брели, пока не добрались до высокой электроизгороди, пересекавшей ручей. Веткой я приподнял нижний провод, чтобы Стинджер смог пролезть, потом он точно так же помог мне. Когда я был уже по ту сторону, слышался знакомый шорох гигантских игл, доносившийся из рощицы неподалеку. Большая темная туша отделилась от деревьев и затрусила в нашу сторону. Я выхватил ветку из рук Стинджера и ласково позвал животное.

— Суууу-и, Суууу-ии... иди сюда, хрюшечка, иди сюда, милая...

Кабан приближался, сочно хрюкая. Стинджер что-то тихо бормотал. Я снова подозвал свинобрана, и он подошел еще ближе. Красавец, не меньше тонны весом. Уставился на меня своими красненькими глазенками. Я шагнул вперед и медленно поднял ветку. Стинджер застонал у меня за спиной. Но кабан даже не пошевелился, когда я коснулся веткой его уха. Я раздвинул палкой иглы и принялся энергично его почесывать.

— Ты что?! — прохрипел Стинджер. — Он нас растопчет!

— Да нет же, — заверил его я. — Слышишь?

Животное жмурилось от наслаждения и блаженно урчало.

— Понимаешь, у них под иглами тучи всяких паразитов, а сами они до них добраться не могут. Для них почесывание — первейшее дело. А ну-ка, приятель, подставляй второе ухо. За ушами у них зудит сильнее всего. Сейчас дочешу, и двинемся дальше.

Я чесал, кабан урчал, постанывая от счастья, светло. В окнах фермы зажегся свет, мы присели, прячась за свинобраз. Дверь домика отворилась, кто-то вышел на крыльцо и выплеснул воду из тазика. Дверь захлопнулась.

— К амбару! — скомандовал я. — Это вон там.

Кабан недовольно заворчал, едва я прекратил чесать, двинулся следом за нами и проводил до амбара. Это было кстати, поскольку вокруг нас этих колючих ребят сновало немало, а чесать каждого — замучаешься. Но наш был самым крупным среди всех, и остальные расступались перед ним. Так мы и добрались до амбара.

— Пока, дружище, — попрощался я с животным, хорошенько почесав его напоследок. — Приятно было познакомиться.

Тем временем Стинджер открыл ворота, и мы нырнули внутрь. Едва мы успели задвинуть засов, как дверь затрещала — наш дружок хотел к нам.

— Ты спас мне жизнь, — прочувствованно выдохнул Стинджер. — Я этого не забуду.

— Да что ты. Дело в привычке, — скромно ответил я. — Ты вот, к примеру, отлично орудуешь кулаками.

— А ты гениально управляешься со свиньями!

— Ну, я бы оценил себя несколько иначе, — пробормотал я. — Ладно, давай на боковую. Там, в глубине, сено. У нас впереди долгий день, и большую его часть я собираюсь проспать.

Я зарылся в сено, чихнул пару раз и моментально провалился в сон.

Проснулся я оттого, что Стинджер тряс меня за плечо. Сквозь щели между досками пробивался солнечный свет.

— Полиция, — прошептал он.

Я спросонья заморгал и заглянул в дыру. Да, возле дома торчал зелено-белый футтер, а парочка полицейских показывала хозяину какую-то бумаженцию. Тот помотал головой и заорал, перекрывая все звуки, доносившиеся с фермы.

— Нет. Никогда их в жизни не встречал. Да я тут никого живого уже неделю не видел. Рад с вами поболтать, ребята. Да, наружность у этих двоих не из приятных. Что вы говорите — преступники?

— Папаша, мы спешим. Может, ты не видел, а они спрятались где-то тут? Вон в том амбаре?

— Да тут свинообразов крутом полно. Как бы они пробрались?

— Мы обязаны проверить. У нас приказ осмотреть все строения в округе.

И копы двинулись в нашу сторону. Разумеется, тут же послышался дикий визг и мощный топот копыт. Из-за угла амбара, яростно треща иглами, выскочил наш давешний приятель. Мгновение — и полицейские уже сидели в футтере. Рассвирепевший кабан впился в кузов машины, отчего она отскочила в сторону, а в бок появился изрядная дыра.

— Говорил же! — радостно завопил фермер. — Крошка Ларри с чужаками не водится. Какой там амбар, что вы. Будете поблизости, так заглядывайте, ребята!

Последние слова ему пришлось уже прокричать в небо — футтер рывком взмыл и дал деру на запад, преследуемый снизу хрипящим боровом.

— Высший пилотаж, — уважительно сказал Стинджер.

Я кивнул, молча согласившись с его мнением о Ларри. Да, что ни говори, даже в самой непримечательной и тупой жизни случаются моменты подлинного величия.

Но пора и за работу. Я разлегся на теплом сене и задумался, покусывая травинку.

— Знаешь, Стинджер, а свинообразы довольно милы, когда знаешь к ним подход.

— Похоже, что полиция думает иначе, — отозвался он.

— Видимо, ты прав. Зато какое зрелище — в жизни не видал ничего более восхитительного. Не люблю я копов.

— А кто любит? Кстати, Джимми, за что ты сел?

— Ограбление банка. Ты когда-нибудь брал банк?

Стинджер с уважением присвистнул и отрицательно покачал головой.

— Не-е-ет. Не моя это специальность. Я все больше по гашилову. Представь, девять лет — и ни одного поражения.

— Да уж, похоже, жизнь у тебя беспокойная, немало людей повидал. А Смелли Шмука встречать не доводилось? — я импровизировал на ходу. — Мы с ним на пару сделали несколько банков в штате Грэхэм.

— Нет, не доводилось. Даже не слышал никогда. И вообще, ты первый спец по банкам, которого я вижу.

— Ну, так нас не так уж и много. Но медвежатников-то ты уж должен знать. Или утонщиков?

Но я добился лишь очередного покачивания головой.

— Таких ребят, как ты, я встречал только в тюрьме. Знаю парочку шулеров, они всегда толкутся на гашиловке. Но это все мелочь, неудачники. Вот как-то раз встречал я парня... ты Слона не знаешь?

— Да нет, давненько я не был в зоопарке, — пробормотал я, не уловив сути вопроса.

— Да нет же. Это просто такой парень, который чистил банки и все такое прочее. Думал, ты его знаешь.

— Похоже, это было еще до меня.

— Да, давненько. Полиция, насколько мне известно, так его и не взяла. Один пижон болтал, что Слон завязал и лег на дно. Врал, наверное. Пижоны это любят.

Никаких подробностей Стинджер не знал, а я давить на него не стал. Разговор затух, и мы дремали, пока не стемнело. Хотелось есть и пить, но убежище покидать было рано. Я жевал соломинку, старался выбросить из головы мысли о пиве и холодной воде, и

раздумывал о Слоне. К закату солнца я был совершенно подавлен. Моя тюремная эскапада потерпела фиаско. Тюрьмы — для неудачников, вот и все, что мне удалось узнать. И ради этого я рисковал здоровьем и жизнью?! Нет уж, хватит. В дальнейшем будем держаться от тюрем подальше. Умные преступники не сидят. Такие, как Слон, кем бы он ни оказался.

Едва утас последний луч солнца, мы отворили амбарную дверь. Нежное хрюканье последовало незамедлительно, и огромная туша перекрыла выход. Стинджер охнул от ужаса, но я успел схватить его прежде, чем он кинулся прочь.

— Бери-ка ветку и помогай, — сказал я ему. — Лишнее ремесло не повредит.

И какое-то время общими силами мы старательно чесали свинобраз. Животное млело от наслаждения, а, когда мы тронулись в путь, затрусило за нами следом, словно собачонка.

— Теперь друг на всю жизнь, — заключил я, когда мы проскользнули за ворота, потом обернулся и помахал на прощание новому приятелю.

— Хм, я бы прожил без таких друзей, — буркнул Стинджер. — А что дальше?

— Спокойно. Планирование — моя страсть. Чуть поодаль, на шоссе есть перевалочная станция. Там перегружают грузы с линеров на грузовики. Там, понятно, полиция, и туда мы не сунемся. Но на магистраль грузовики выворачивают вон по той дороге, а там есть светофор. И они ждут, пока их не зарегистрирует дорожный компьютер. Так что мы отправимся туда...

— И заберемся в кузов!

— Именно. Молодец. Только нам нужен такой, чтобы ехал на запад. А то прикатим в распрекрасный город Пирли Гейтс и немедленно окажемся в той самой тюрьме, откуда так красиво выбрались.

— Веди, Джим. Ты самый башковитый парень из всех, кого я встречал. Далеко пойдешь.

Мне тоже так казалось, и я кивнул в знак согласия. Жалко, конечно, что нам не по пути. Но мне совершенно неохота мучиться всю жизнь угрызаниями совести из-за того, что с моей помощью утробят какого-то

неизвестного мне деревенского мужика — пусть даже он это и заслужил. Ну, не могу я быть соучастником кровожадных планов Стинджера.

Мы добрались до дороги, устроились в кустах и стали ждать. Подъехали два грузовика, а вдали показались фары третьего. Мы оставались в укрытии. Первый тронулся, тронулся второй и — пошли на восток. Третий приостановился у перекрестка, включив сигнал поворота. На запад!

Подбежали к фургону. Я было начал возиться с замком, но Стинджер отодвинул меня в сторону, дернул засов вниз, и дверь распахнулась. Грузовик тронулся, Стинджер закинул меня внутрь, уже на бегу ухватился за поручень и запрыгнул. Мы захлопнули дверь, но закрыть ее не смогли.

— Получилось! — торжествовал он.

— Конечно. Этот грузовик отвезет тебя, куда нужно, а я должен вернуться в Пирли Гейтс еще затемно. Примерно через час мы будем проезжать Биллвилл. Там я тебя покину.

Когда мы доехали, я спрыгнул у первого светофора. Он пожал мне на прощание руку.

— Удачи, малыш — крикнул он, когда грузовик тронулся.

Ему того же я пожелать не мог.

Едва грузовик скрылся из вида, я достал монету. Номер грузовика я запомнил. Подошел к телефонной будке, набрал номер полиции — и почувствовал себя распоследней крысой.

А что мне было делать?!

Глава 6

Мой план побега был разработан тщательно. И дезинформация моего недавнего спутника — его составная часть. Он-то совсем не глуп, так что легко поймет, кто именно его заложил. И, если он расколется, — а расколется хотя бы из ненависти — то сообщит полиции, что я отправился в Пирли Гейтс. Именно то, что надо. Покидать Билвилл я не собирался. По крайней мере — немедленно.

Офис я заранее снял через агенство и все формальности уладил при посредничестве компьютера. Перед спектаклем со взятием банка я заехал туда и произвел некоторое благоустройство помещения. Теперь это оказалось как нельзя кстати. Здание было поставлено под сигнализацию — что же, я вошел через служебный вход, предварительно отключив сирены с помощью тайного выключателя, установленного мною заранее. После того, как я щелкнул этой кнопкой, у меня было целых десять минут, чтобы не спеша пройти в свой офис. Я зевнул и лениво поплелся на третий этаж мимо незрячих объективов камер, сквозь отсутствующие инфракрасные лучи отключенных на время следящих систем. Когда я открывал дверь, у меня оставалось еще две минуты. Вошел, нажал еще на одну

кнопочку, чтобы окна стали непрозрачными, и направился к бару.

Никогда еще пиво не казалось мне таким холодным и вкусным. Содержимое первой бутылки даже не коснулось моей глотки, так в желудок и ухнуло. Дернув язычок на саморазогревающемся пакете с жареными ребрышками свинобраза, я выпил вторую бутылку. Как только из пакета повалил пар, я разодрал упаковку и извлек оттуда ребрышко — размером с предплечье. Эх!

Насытившись, принял душ и открыл третью бутылку пива. Теперь я чувствовал себя уже гораздо лучше.

— Режим, — вслух приказал я компьютеру, а запрограммировал его просто: он должен был подобрать мне все газетные статьи за последние пятьдесят лет, в которых шла речь о преступнике по кличке Слон. Подобрать, сравнить, исключить перепечатки и выдать пред мои ясны очи.

Я еще не взялся как следует за четвертую бутылку, а готовые листы уже полезли из машинки. Первый лист относился к делам самым свежим — десятилетней давности, это была заметка из Декалога — города на другом полушарии планеты. Полиция схватила в баре пожилого человека, утверждавшего, что он и есть Слон. Но это оказался случай старческого маразма, задержанного водворили в дом для престарелых, откуда, собственно, тот и сбежал. Взял следующую распечатку...

Утомившись к утру, я трансформировал книжный шкаф в кушетку и слегка вздремнул. В сером рассвете, подкрепившись чашечкой кофе, я уложил в бумажный орнамент, образовавшийся на полу, последнюю страничку. Солнечный свет заливал бумаги. Я включил верхний свет и, постукивая стилографом по зубам, углубился в анализ.

Интересно. Этот преступник обожал хвастаться, на месте своего преступления он оставлял рисунок шахматного слона. Впрочем, изображение очень примитивное, скопировать которое не представляет сложности. Что, собственно, я и исполнил немедленно. Отставил рисунок на вытянутой руке и полюбовался им. Неплохо, по-моему.

Первый слон был оставлен в пустой кассе магазина-автомата, торговавшего спиртным, — шестьдесят восемь лет тому назад. Каково?! Если Слон начал свою карьеру подростком, как я, то теперь ему должно быть уже за восемьдесят. Возраст неплохой, если учесть, что на нашей планете нынче средняя продолжительность жизни составляет лет сто пятьдесят. Но что с ним стало, почему он исчез? Уже пятнадцать лет прошло с тех пор, как он оставил свою последнюю визитку. Загибая пальцы, я считал варианты.

Первый: он мог просто загнуться. Тут уж ничего не поделаешь, и оставим это.

Второй: он оставил планету и работает в иных мирах. По сути, случай не отличается от первого. Не будем о грустном. Чтобы искать счастья на других планетах, мне еще надо поднабраться и опыта, и денежек.

Третий: он завязал и теперь потихоньку тратит несправедливо нажитое. Что ж, дай тогда Бог ему крепкого здоровья.

И четвертое: он сменил почерк и перестал выпендриваться с картинками.

Я сидел и угрюмо попивал кофе. В случаях третьем и четвертом у меня еще остаются шансы выйти на него. Перед тем, как исчезнуть, он вел весьма бурную жизнь — я взглянул на список произведенных им работ с большим уважением. Угон самолета, угон машины, ограбление, налет на банк. И так далее, и тому подобное. В общем, суть всех преступлений была одинакова: деньги перемещались из чужих карманов в карман Слона. Или краденое имущество сбывалось с использованием фиктивных документов — опять-таки денежки. И его ни разу не схватили, вот что самое ценное. Такой человек просто-таки предназначен стать моим наставником и покровителем, моим учителем, дабы в один прекрасный день я смог бы получить диплом мошенника с отличием, который откроет мне двери самых богатых закровов.

Но как я его найду, когда на его хвост в течение десятилетий не могла сесть полиция? М-да. С ходу и не ответить. Я решил так: пускай над этой проблемой подумает мое подсознание, а я пока погуляю. Улица за окном оживала, по ней сновал всякий люд, так что

неплохо бы мне выйти и сделать кое-какие покупки. Все мои припасы были либо мороженными, либо консервами, а после унылой тюремной баланды хотелось чего-нибудь свеженького и хрустящего. Я открыл шкаф с гримом и стал готовиться к выходу.

Взрослые не понимают, не помнят — как это, быть подростком. Они с удовольствием забывают этот полустанок на дороге к зрелости. Невинные радости детства позади, взрослые удовольствия — далеко впереди, а в настоящем — только вечно приливающая к голове кровь при мыслях о прекрасном поле да пустые карманы. Несчастливые подростки должны вести себя как взрослые, но не имеют никаких привилегий этого положения. Что до меня, то я избежал утомительной занудности отрочества, сразу перескочив через него. Я не околачивался в школе и не слонялся со сверстниками — я превращался во взрослого. Поскольку, как мне казалось и — не без оснований, я был умнее большинства взрослых, мне нужно было всего лишь изменить внешность.

Сначала наложить морщинки у глаз и на лбу. Нанести эту бесцветную жидкость, кожа стянется, вот они и морщинки — сразу взрослеешь на несколько лет. Пара складок под подбородком отлично сочетаются с морщинами, и вот еще деталька, последняя — маленькие гнусные усы. А если я теперь надену свой бесформенный пиджак делового человека, то и родная маменька не признает меня на улице. Такой случай, кстати, год назад произошел, так что же — я даже нахально спросил у нее время, а она так и не узнала. Поскольку, судя по виду из окна, дождь сегодня исключался начисто, я прихватил зонтик и вышел на ближайшую торговую улочку.

Что касается моего подсознания, то, должен отметить, в тот день оно работало замечательно. Несмотря на все выпитое пиво, жажда меня не оставляла. Сухая отсидка в амбаре все еще давала себя знать. Поэтому я резко свернул под платиновые своды Максвина и подошел к облупленному роботу, по пояс встроенному в прилавок. На его пластиковой физиономии была намалевана дежурная улыбка, а голос был сладкий и чувственный.

— Чем могу служить, сэр или мадам?

«Могли бы и разориться на программу определения пола, в конце концов», — подумал я, разглядывая меню на стене.

— Двойной шерри и чтобы льда побольше.

— Сейчас будет, сэр или мадам. Три доллара, будьте любезны.

Я опустил монеты в щелку, откинулся сервировочный столик, на котором появился напиток. Пока я забирал его, пришлось выслушать рекламную трескотню.

— Шевелись, приятель. Заказывай или отвали, чего застрял... — ввинтился мне в ухо чей-то голос, я пробормотал какие-то извинения, прошаркал в ближайшую кабинку и уселся там.

Просто надо повернуть проблему вверх ногами. Вместо того, чтобы самому разыскивать Слона, надо сделать так, чтобы он искал меня.

Я потягивал напиток, пока от холода не заныли зубы. Глаза мои были устремлены в небо, и кусочки нарождающегося плана постепенно состраивались в единое целое. Да, совершенно никаких шансов отыскать Слона самостоятельно — и глупо тратить время на такие попытки. Значит, мне нужно устроить нечто эпохальное, чтобы это попало во все программы новостей. Преступление должно быть настолько необычным, что любой, умеющий читать или хотя бы — включать телевизор, обязательно узнал бы о нем. Чтобы шуму на весь мир. И при этом все узнают, что это дело рук Слона — я оставляю там его визитку.

Остатки выпивки со свистом всосались в трубочку, мой взгляд сфокусировался и я обнаружил перед глазами плакат. Некоторое время я пялился на него бессмысленно, но постепенно стал соображать. Хохо-чущие клоуны и визжащие ребятишки. Все веселятся так, что, не дай Бог, сейчас описаются. А надпись над их головами гласила:

СОБИРАЙТЕ ЧЕКИ!

БЕРЕГИТЕ ИХ ПРИ КАЖДОЙ ПОКУПКЕ!!

СВОБОДНЫЙ ВХОД В ЛУНА-ПАРК!!!

Несколько лет тому назад я посетил сей заповедник целлулоидных радостей и, будучи тогда еще ребенком,

возненавидел его. Гонки вверх-вниз для сильных желудком, карусельки с подпрыгиваниями, скверная еда, липкие сладости, пьяные клоуны, дешевое веселье для простачков. Луна-парк посещали тысячи ежедневно, десятки тысяч — по выходным, и сотни тысяч долларов оставались после них в кассах парка.

А мое дело — забрать их. Тихо и уверенно, да так, чтобы это стало главной новостью за день на всей планете.

Но как? Как-как... сначала пойти туда и изучить тамошнюю охрану. Кстати, мне как раз полагается выходной.

Глава 7

В этой маленькой разведвылазке разумнее всего было выглядеть на свой естественный возраст. Сняв грим, я снова стал семнадцатилетним и свежим. И удивительно похожим на самого себя — что вряд ли полезно, учитывая мои отношения с полицией. Но дело можно поправить — за щеки засунуть тампоны, слегка подрумяниться — ну, чистый херувим, да еще солнечные очки, украшенные пластмассовыми цветочками, из которых брызгала водичка, если нажать на спрятанную в кармане специальную грушу. Колоссальная выдумка! Стиль нынче слегка изменился, следовательно, широкие штаны вышли из моды и в ходу снова шорты. Точнее, несколько странноватый их подвид под названием «шорты-полубрюки»: одна штанина выше, а вторая — ниже колена. Что поделаешь, купил, пошиты они были из отвратительного пурпурного бархата и замечательно украшены розовыми заплатками. Смотреть на себя в зеркало мне не хотелось. Существо, что взглянуло на меня в ответ, описать практически невозможно. Во всяком случае, грабителя банков *это* не напоминало никак. А на шею я еще повесил очень дешевую камеру.

На станции, садясь в Луна-экспресс, я затерялся в море себе (в таком виде, понятно) подобных. Истери-

чески хохоча и взвизгивая, они брызгались водой из своих розочек на очках, неплохо, в общем, проводили время. Весело. Задорно. Когда мы наконец приехали и двери открылись, я подождал, пока разноцветная толпа вывалит наружу, и поплелся следом. Кому отдыхать, а кому — работать.

Надо подобраться к денежкам. Мои воспоминания о первом посещении парка практически стерлись — и слава Богу! — но я запомнил, что за всякие развлечения и катания платить надо пластиковыми жетонами. Тогда мой отец повел себя как последний жмот и купил всего несколько, они разошлись в пару минут и, конечно, большего мне не полагалось. Значит, первая задача — найти, откуда жетоны берутся.

Ну, это было несложно, поскольку вся эта румяная публика так и ринулась к искомому строению: остроконечному, похожему на перевернутый конус стаканчика мороженого, украшенному сверху флажками и заводными клоунами, а по бокам — позолоченными репродукторами, изрыгавшими душераздирающую музыку. Вокруг здания повсюду торчали пластиковые фигуры клоунов, которые гримасничали, раскачивались и хохотали. Выглядели они пошло, но дело свое знали — изымали наличность у посетителей. Потные юные ручки совали купюры в загребушие лапищи полишинелей. Купюры исчезали, и изо рта клоуна в подставленную предусмотрительно емкость сыпались пластиковые жетончики. Несколько физиологично, не правда ли? Впрочем, остальным так не казалось.

Так. Деньги уходят в здание. Теперь надо отыскать место, откуда они выходят наружу — они же должны выходить наружу?! Обойдя строение вокруг, я обнаружил, что пластмассовые чудачки стоят не по всему периметру. С тыла, скрытое кустами и деревцами, к цоколю прилепилось небольшое строение. Прорвавшись сквозь кусты, я столкнулся с охранником, торчавшим возле неприметной дверки.

— Заблудился, малыш, — ласково сказал тот. — Тут только для сотрудников.

Я кинулся вперед, проскочил мимо него и ткнулся в дверь, умудрившись ее при этом сфотографировать.

— Мне нужно в уборную — занял я, сжав коленки. — Мне сказали, что здесь есть.

Но сильная и мужественная рука схватила меня за шкурку и отшвырнула в сторону.

— Не здесь. Проваливай, откуда пришел.

Что ж, я удалился. Очень даже любопытно — никакой электроники, а замок типа Глабб — надежный, да вот только устаревший. Луна-парк начинал мне нравиться.

Потом последовало мучительное ожидание, когда парк закроется. От скуки я прокатился по ледяной дороге — несешься через ледяные пещеры, в стены которых вморожены разнообразные кошмарики, и те неожиданно напрыгивают на проезжающего пассажира. Впрочем, Космические пираты были не лучше, и из приличия умолчу о коронных аттракционах парка — Болтоне-Чудище и Леденцовой Стране. Наконец, дело пошло к закрытию: пункты обмена денег на жетоны прекратили работу, до закрытия оставался час. Со своего наблюдательного пункта, выбранного в достаточной близости к зданию, я видел, как в бронированный фургон загрузили множество прочных контейнеров. Еще интереснее было то, что как только деньги исчезли в фургоне, то исчезла и охрана. Видимо, предполагалось, что никто, находящийся в здравом уме, не полезет внутрь, желая украсть жетоны.

А вот у меня ум, должно быть, оказался не слишком здоровым. Едва стемнело, я смешался с измученной удовольствиями публикой, которая брела к выходу. Но до выхода не дошел. Задняя стенка Горы Вампиров легко открылась после нескольких точных манипуляций. Я проскользнул в темноту служебного помещения. Высоко надо мной мерцали бледные клыки и капала вниз искусственная кровь. За набитым грязью гробом оказалось уютненькое местечко.

Провел я там не более часа. Этого оказалось достаточно, чтобы убрались служащие, а на близлежащих улицах еще толпились люди, чтобы мой жуткий вид не бросился в глаза, когда я наконец отсюда выйду.

Охранники тут имелись, но обойти их было проще простого. Как и ожидалось, глаббовский замок открылся без проблем, и я быстро проскользнул внутрь. Помещение оказалось без окон, что было кстати — никто снаружи моего фонарика не заметит. Я его включил и с интересом изучил механизм.

Устройство было простым — хорошее качество для механизмов. Меняльные аппараты стояли возле стен — они, понятно, были выключены, но принцип их работы можно было понять. Получив банкноты или монеты, они пересчитывали их и сортировали. Верхний агрегат высыпал в лоток соответствующее количество жетонов. Из пола выходили трубы, которые вели к контейнеру наверху — ясно, что они сообщались с подземными конвейерами, которые доставляют использованные жетоны обратно в обменный пункт. Монеты без участия человеческих рук проходили по прозрачным трубам на точку сбора, где сыпались в закрытые ящики. Они меня не интересовали — слишком тяжелы для переноски. Вот банкноты — да. И легче, и ценней. Те скользили по лоткам и в конце пути грациозно опускались в отверстие в крышке сейфа. Надо сказать, процесс был достаточно надежно огражден от вороватых служащих.

Прелестно. Я еще какое-то время повосхищался машиной и сделал кое-какие заметки в своем блокноте. Обменные агрегаты были сделаны на фирме ОБМЕН, так, во всяком случае, гласила торговая марка на механизмах. Сейф был вполне надежный и соответствовал уровню моих технических навыков. Как и предполагалось, он был пуст. Записав комбинацию, я несколько раз открыл и закрыл его, пока не смог производить это с закрытыми глазами. Не просто так — сия процедура входила в мой план будущих действий.

Покончив с делами, так никем и не замеченный, я покинул здание. Без особого труда выбрался из парка и смешался с праздной толпой. На обратном пути сил проказничать у них осталось немного, и своими очками-брызгалками мне пришлось воспользоваться всего дважды. Не передать то чувство облегчения, когда я наконец ввалился в офис, содрал с себя шутовской

наряд и влил в себя кружку пива. Затем, выражаясь торжественно, погрузился в раздумья.

И начались недели, заполненные трудами. Подбирая экипировку, необходимую для операции, я внимательно следил за новостями. Итак, что мы имеем на сегодняшний день? Один из бежавших преступников схвачен. При задержании он оказал ожесточенное сопротивление. Сообщник до сих пор не обнаружен, несмотря на информацию, полученную от задержанного. Бедный Стинджер, какой постылой сделается его жизнь, когда у него отнимут страсть к дракам... Но переживал я за него не слишком — некогда было... А впереди у меня — куча дел. Главное — разработать план ограбления, да так, чтобы устроить еще и ловушку, в которую должен попасть Слон. С гордостью могу сказать: я в этом преуспел. Наступило время действовать, и в одну из темных и ненастных ночей я собрался нанести повторный визит в Луна-парк. Понятно, мне хотелось провернуть все побыстрее, но операция заняла несколько часов.

А далее оставалось дожидаться подходящего дня. И, лучше всего, воскресного, когда кассы работают не покладая рук. В ходе выполнения плана я снял гараж — вполне законно — и угнал фургончик — тут, как вы понимаете, с законностью было наоборот. Какое-то время ушло на то, чтобы перекрасить, сменить номера и намалевать на дверях эмблемы фирмы. А когда наступила суббота, я уже с трудом удерживал себя от немедленных действий. Чтобы убить время, я долго и обильно завтракал, слонялся взад-вперед, по офису — начинать лучше во второй половине дня, когда сейфы успеют наполниться. Проехать по сельской дороге было одно удовольствие, и в назначенное время я оказался в нужном месте — неподалеку от служебного входа в парк. Натягивая на пальцы облегающие прозрачные перчатки я вдруг ощутил тревогу, впрочем — нетерпение было куда сильнее. Я улыбнулся и включил аппаратик, установленный под приборной доской.

Незримый радиосигнал отправился в путь, а в моем воображении возникла картина происходящего: со скоростью света он долетает до приемника, затем по

проводам бежит до цели — крохотного зарядика взрывчатки. Совсем крохотного, я все рассчитал — его хватит ровно на то, чтобы разрушить заслонку на одном из автоматов, выдающем жетоны, не повредив выводящий лоток. Вот, взрыв должен произойти, и лавина жетонов поперет наружу густой шелестящей струей. Моя щедрость не знает границ! Как бы детки возблагодарили меня мысленно и вслух, знай они мое имя!

Но это еще не все. Мой передатчик отправлял сигнал каждую секунду, так что каждую минуту взрывалась очередная заслонка и ударял новый фонтан. В рассчитанное время я завел фургон и подъехал к служебному входу. Высунулся из окошка, как раз до гордой надписи на борту фургона: ОБМЕННЫЕ АППАРАТЫ ОБМЕНА.

Я, конечно, пытался представить себе последствия беспрецедентной щедрости автоматов, вызванной моими усилиями, но действительность превзошла все ожидания. Вопящая счастливая малышня сновала вокруг, нагруженная жетонами, другие дрались за место возле автоматов, воздух был заполнен криками, служащие и охрана не могли справиться с этим энтузиазмом и расчистить пространство вокруг сломанной техники. По служебной дороге проехать еще было можно, но делать это пришлось очень медленно, постоянно надавливая на клаксон, почти раздвигая бампером восторженную толпу. Я подъехал к заветной дверке, охранники же выгоняли каких-то особенно настырных детишек из кустов.

— У вас что-то не в порядке с автоматами? — вежливо осведомился я.

Ответный рык охранника так и не смог пробиться сквозь царивший здесь детский визг. Охранник просто открыл дверь и почти зашвырнул меня туда вместе с инструментальным ящиком.

Внутри же четыре человека безуспешно сражались с механизмами. Отключить машины оказалось невозможным — потому, разумеется, что я взял на себя смелость закоротить заодно и коробку выключателей. Какой-то лысый тип энергично пилил ножовкой бронированный кабель.

— Это же самоубийство! — заорал я. — Там же четыреста вольт!

— А ты делом займись, умник, — огрызнулся тот. — Твои машины, ты и чини.

— Сейчас, приятель. Вот что нас спасет.

Я открыл свой объемистый инструментальный ящик, в котором лежала одна-единственная блестящая металлическая трубка, вытащил ее и швырнул в правильное место.

Повалил густой черный дым, он быстро заполнил помещение, мелькнули недоумевающие лица служителей и стало ничего не видно.

Но я этого и ждал, а они — нет. Держа ящик в руках, я отсчитал четыре шага в крошечной мгле и поставил ящик рядом с сейфом. Если мои действия и производили какой-то шум, то он наверняка тонул в воплях и криках, доносившихся снаружи. Сейф открылся очень легко. Крышка моего ящика пришлась в аккурат по нижнему краю. Я нагнулся, нащупал стопки и кучи банкнот, смел их в приготовленный ящик и закрыл его. Теперь надо устроить так, чтобы ответственность за этот лихой налет легла на совершенно определенного человека. Да, вы догадались на кого именно. Визиточку я, конечно, нарисовал заранее и теперь извлек ее из нагрудного кармана, положил в сейф, аккуратно закрыл его и только после этого, взяв в руки потяжелевший ящик, встал к сейфу спиной и попытался сориентироваться.

Я знал, что выход в девяти шагах, но успел сделать только пять и тут с кем-то столкнулся. Сильные руки вцепились в меня, и грубый голос заорал над ухом:

— Я его схватил! Помогите!

Я на мгновение отпустил ящик и оказал ему ту помощь, в которой он так нуждался. Незнакомец хрюкнул и осел на пол. Я протянул руку за ящиком, какое-то время не мог его нашарить, но не разволновался, а поискал получше и нашел.

И тут понял, что полностью потерял ориентацию.

Тут уж меня охватила черная, как вот этот самый дым, паника. Такая, что я чуть было не выронил ящик. Вокруг меня черным кольцом сжимался вражий мир

взрослых — а я совсем один, и мне всего семнадцать лет. Жуткое дело. Все кончено.

Сколько времени заняли мои переживания, я не знаю. Вероятно, несколько секунд, пусть даже мне и показалось, что куда больше. Я схватил, образно выражаясь, себя за шиворот и хорошенечко встряхнул.

— Ты же этого хотел, забыл что ли?! Хотел быть один против всех. Так что либо сдавайся, либо начинай соображать. И немедленно!

Разумеется, я предпочел начать шевелить мозгами. Все эти суесящиеся вокруг люди на деле не представляли никакой опасности — они были растеряны не меньше меня. И очень хорошо. Просто протяни руку и иди вперед. Пока не наткнешься на что-нибудь, что поможет сориентироваться. Если повезет, то удастся сориентироваться точно. Впереди послышалось пыхтение, это, верно, обменный аппарат, собственно, я тут же и врезался в него.

В тот же миг моего лица коснулось дуновение свежего ветерка, и где-то над моим ухом знакомый голос заорал:

— Что у вас тут творится?!

Охранник! Он открыл дверь. Как это мило с его стороны. Я двинулся вдоль стены и, пока он орал себе в темноту, проскользнул мимо него и вместе с клубами дыма выскочил наружу. И заморгал от яркого света и от того, что передо мной стоял второй охранник. Мало того, он еще и ухватил меня за руку, заявив при этом:

— Стой смирно. Разберемся.

Ну вот не понимают люди, как следует обходиться с «черными поясами», не понимают, и что тут поделаешь? Жалеть их, вот что — охранника я уложил по возможности нежно, подхватил свой ящик, закинул его в фургон, оглянулся — выясняя насчет свидетелей, захлопнул дверь, завел мотор и медленно покинул веселящийся Луна-парк.

Глава 8

— У них там все о'кей! — крикнул я, проезжая, охраннику, стоявшему возле выезда из парка. Он кивнул в ответ и открыл ворота. Я повернул к городу, не спеша миновал поворот и резко свернул на грунтовую дорогу.

Разумеется, бегство было спланировано с моей обычной тщательностью. Украсть деньги — полдела, надо еще их унести в целости и сохранности. Что такое в наш век поголовной электрификации передать описание фургона и моей внешности в самые медвежьи углы?! В каждой патрульной машине окажется распечатка с моей физиономией, все полицейские на всех перекрестках планеты услышат по рации описание примет. Сколько у меня в запасе? Пока охранники не соображают, но, надо думать, вскорости их приведут в чувство, они раскумекают, в чем тут дело, позвонят по начальству, и немедленно раскрутится розыск. Потребуется на это минут пять, минимум. И прекрасно, потому что мне нужно — только три.

Дорога попетляла среди деревьев, сделала поворот и уперлась в заброшенный карьер. Мое сердце взволнованно забилось — именно в этой части операции приходилось рассчитывать на случай. И тот не подвел:

взятая мной на прокат машина стояла там, где я ее оставил накануне. Понятно, кое-что с нее сперли, но ведь ворюга с характером мог просто подцепить ее на буксир, и прости-прощай! Слава Богу, тут на всю округу из ворюг с характером имеется лишь один-единственный. Надеюсь, вы поняли, о ком это я.

Я открыл машину и достал оттуда коробку с продуктами. Как бы не так — с продуктами: я отнес ее к фургону, перевернул и открыл. Коробка, разумеется, была пуста — только сверху, скрепленные между собой для видимости, лежали кое-какие припасы. Остроумно, не правда ли? Хвалиться, конечно, грешно, но если себя не похвалишь, кто тогда? Тем более, что кто обо всем этом знает?

Теперь деньги надо сунуть в коробку, коробку закрыть, перевернуть и поставить в машину. Я стянул с себя рабочую одежду, поежился от холода и надел спортивный костюм, а одежду закинул в фургон. Включил часовой механизм термитной мины, сунул ее в фургон, сел в машину и тронулся с места.

У выезда на шоссе пришлось притормозить, чтобы пропустить колонну полицейских машин, с воем мчавшихся в сторону Луна-парка. Как спешат-то! Я свернул на шоссе и, не особенно торопясь, порулил в сторону Биллвилла.

Фургон, наверное, уже весело полыхал, превращаясь в гору окалины. Никаких следов! Ничего, фургон был застрахован, так что его хозяин не останется на меня в обиде. А огонь никуда не перекинется, и никто посторонний не пострадает. Все прошло просто отлично.

Вернувшись в офис, я с облегчением вздохнул, откупорил бутылку пива и сделал порядочный глоток. Вытащил из бара бутылку виски и налил себе порцию содовой. Хлебнул, скривился от мерзкого вкуса и вылил остаток в раковину. Ну и дрянь же. Наверное, в конце концов привыкнуть можно, при условии регулярных тренировок, но что-то не очень охота стараться.

Прошло уже достаточно времени, чтобы пресса добралась до места преступления.

— Режим, — крикнул я в сторону компьютера. — Навалай мне последний выпуск газеты!

Машинка мягко заурчала, и на мой стол выехали листки бумаги. Да уж: фонтан из цветных жетончиков прямо на первой полосе. Репортаж я прочел с большим удовольствием, а потом перевернул страницу и увидел свой рисунок. Ну разумеется, они обнаружили его, едва только открыли сейф. А изображен там был шахматный слон, а под ним строчка шахматной записи:

Ладья — Конь 4 х Слон

Что означало: ладья идет на клетку конь 4 и жрет там Слона.

Едва я прочел все это, как приятный жар сменился ледяным ознобом. А не переборщил ли я? А ну как полиция расшифрует запись и устроит мне засаду?

— Нет! — заорал я совершенно искренне. — Полиция обленилась, низкий уровень преступности выбил их из колеи. Они поломают головы и плюнут. А если и не плюнут, то разберутся слишком поздно. Вот Слон — другое дело. Он этот орешек раскусит. И поймет, что письмецо адресовано ему. И, надеюсь, начнет действовать.

Я попивал пиво, а на душе было тревожно. Эта головоломка стоила мне долгих часов мучительных раздумий. На мысль о шахматных справочниках меня навело то, что Слон использовал в качестве визитки условное обозначение шахматного слона. Ясно, что он или она — почему-то считалось, что преступник мужчина, хотя этому не было никаких подтверждений, — увлекается шахматами. Хотя бы слегка. А раз так, он, наверное, знает, что есть две системы нотации, записи ходов. По одной из них, самой древней, которой я и воспользовался, клетки вертикальных рядов называются по имени фигуры, стоящей на них внизу. Так, клетка, на которой стоит белый король, называется Король 1. Король 2 — это следующая клетка по вертикали. Если все это вам кажется сложным, то играть и не садитесь — все остальное там еще круче. Есть и другая форма записи, там каждая из 64 клеток просто нумеруется. Так, Король 4 может иметь номер 21, 8, 22 или 45.

Совсем путаница? Надеюсь. Надеюсь, что полиция не додумается, что это шифр, и не примется над ним мудрить. А то вполне может расколоть меня. Дело в том, что эта коротенькая строчка содержит в себе дату моего следующего дела: я должен буду «взять слона», то есть — я оставляю визитку Слона. Иначе, приму на себя смелость называться Слоном. И как бы возьму его себе в соучастники.

Дальнейшее я представлял себе вполне конкретно. Полиция загадку не разгадает и бросит. А Слон, отсиживающийся в своих тайных хорах, смекнет что к чему. И рассвирепеет. А как же — будет совершенно преступление, в котором обвинят его. Украдены деньги, а ему ничего не перепало! Надеюсь, он задумается над задачей, поймет намек и разберется в деталях.

А что детали? Конь, на нашем блатном жаргоне, это ночь. Конь 4 — что такое? Четвертая ночь чего? Фестиваля современной музыки в Пирли Гейтс. В свою очередь, эта четвертая ночь — сорок пятый день в году, а у нас этот день называется, и это общеизвестно, четвертой ночью, именно с нее начинается четвертый месяц лунного года. Все это должно дать понять Слону, что преступление намечено именно на четвертую ночь фестиваля. И, понятно, что из-за денег. Я скрестил пальцы, чтобы не сглазить. Надеюсь, Слон заинтересуется мной, но не настолько, чтобы предупредить полицию.

Хотелось бы верить, что я рассчитал все правильно. У Слона есть еще целая неделя, чтобы во всем разобраться и прибыть на фестиваль.

Это означает, что у меня тоже — неделя. Неделя, чтобы измотаться и отдохнуть, недосыпать и отоспаться. С наслаждением составлять планы и конструировать аппаратуру, которая позволит вывернуть карманы почтенной публики.

В назначенную ночь лил дождь, и это было мне на руку. Я поднял воротник своего черного плаща, нахлобучил на лоб черную шляпу и сунул под мышку черный футляр от какого-то музыкального инструмента. Видимо, духового. Потому что один конец футляра расширился. Видимо, в том конце помещался раструб

трумпона или пиксафона. Общественный транспорт доставил меня прямехонько к служебному входу в театр. Люблю я служебные входы — привык всюду быть своим. Путь от остановки до дверей я проделал вместе с толпой одетых во все черное музыкантов, волочивших свои инструменты. Пропуск у меня был в порядке и наготове, но дежурный просто махнул рукой и пустил нас всех внутрь. Вряд ли я так уж выделялся чем-либо среди двухсот тридцати оркестрантов. Нынче тут имела место премьера очередного сногшибательного образчика так называемой музыки под названием «Столкновение галактик». Сей опус был создан для оркестра, состоящего из двухсот одного духового инструмента и двадцати девяти ударных. Сочинил сие некто Мои-Вуфтер, вряд ли сторонник сладкого мелодизма. Этот вечер я выбрал исключительно из-за премьеры: уже одно чтение партитуры вызывало головную боль. Артистических уборных на всех музыкантов, конечно же, не хватило, и они слонялись по коридорам, испуская жуткие звуки, разогреваясь перед выходом. Никто, понятно, не видел, что я улизнул, пробрался по задней лестнице и спрятался в подсобке. Обслуживающий персонал давно разошелся, и никто меня тут не потревожит — ну, не считая музыки. На всякий пожарный я закрыл дверь изнутри. Заслышав начало концерта, открыл свой экземпляр партитуры «Столкновения».

Начало, впрочем, было еще спокойным. Понятное дело — галактикам сначала надо родиться, а уж потом столкнуться. Я слушал, водя по партитуре пальцем, пока не добрался до красной отметки, сделанной мною. После чего сунул партитуру в карман и, осторожно открыв дверь, выглянул наружу. Никого. Уверенной походкой пошел по коридору, пол которого уже начинал резонировать в такт надвигающемуся столкновению галактик.

На той двери была табличка — НЕ ВХОДИТЬ. Я достал из кармана черную маску, приподнял шляпу, надел маску и из другого кармана достал ключ. Да, чтобы не тратить время на возню с отмычкой, я заранее сделал дубликат. Напевая себе под нос в такт музыке, — а вы попробуйте напеть в такт такому! —

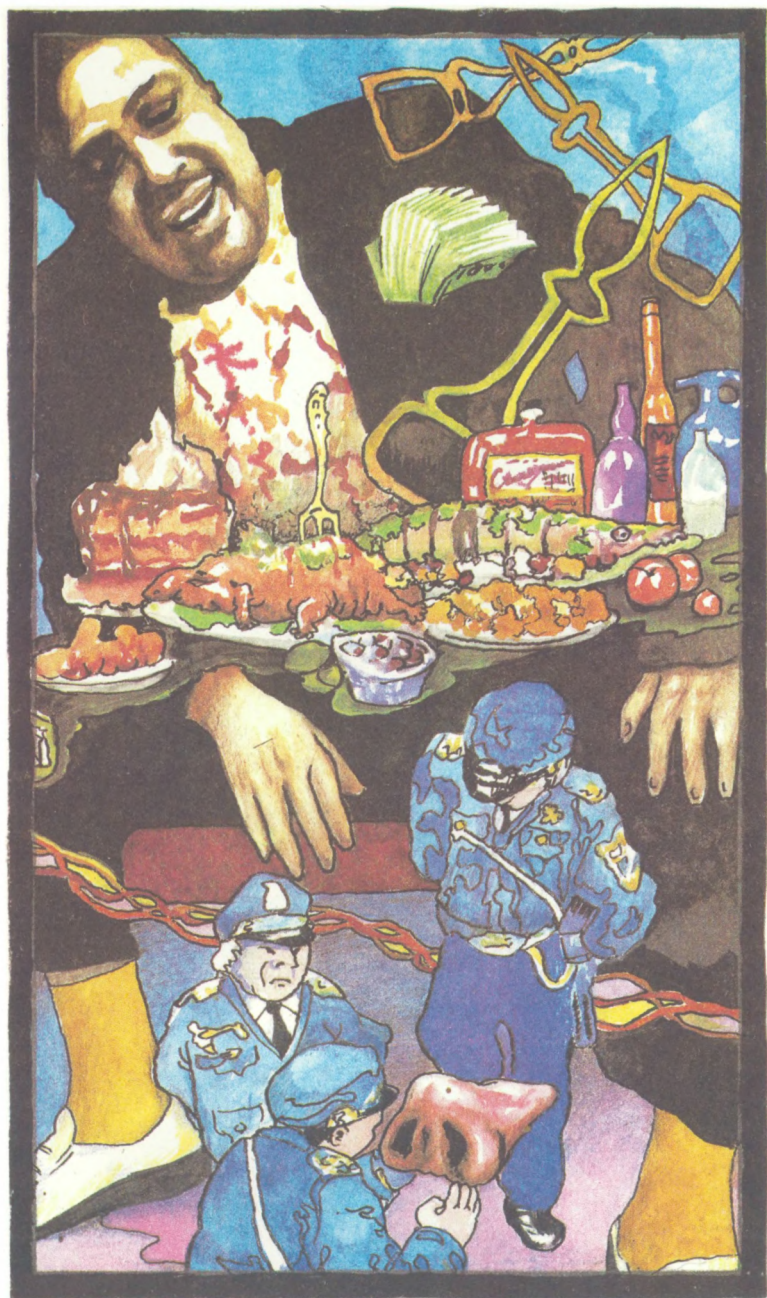
Отель был из дорогих. Исполненные со вкусом и любовью арбалеты, арбалетики и арбалетища заполняли все его коридоры, комнаты и, наверное, даже подсобки. С подобострастием меня проводили до комнаты, настольная лампа в которой также, разумеется, имела вид арбалета. Робот-коридорный отклонялся и послушно удалился после того, как в его нутро провалилась пятидолларовая монета — чаевые.

Я поставил бывший футляр в спальне, скинул промокший плащ, извлек из холодильника бутылку пива — и тут в дверь постучали.

Так быстро?! Если это Слон — он классный сыщик. А кто это может быть еще? Я было замялся, но понял, что развеять сомнения можно единственным образом. С улыбкой — если это окажется Слон — я отворил дверь. И улыбка моя тут же исчезла.

— Вы арестованы, — сообщил мне детектив, демонстрируя свою элегантную бляху. А напарник его для вящей убедительности навел на меня очень большой и совершенно не игрушечный пистолет.

Глава 9

— Что... что... — пролепетал я.

Моя находчивость, однако, не возымела никакого действия на вошедших.

— Одевайтесь. Поедете с нами.

Словно в тумане, я стал собираться. Плащ, понятное дело, надо было оставить здесь, но как им это объяснить? А они меня обыщут, найдут в карманах и маску, и ключ, и остальное. А деньги? Про футляр они ничего не говорили.

Как только я просунул руку в рукав плаща, полицейский защелкнул на моем запястье браслет. Теперь я без него ни шагу.

Мы вышли из номера и двинулись по коридору к лифту, спустились в холл. Детектив держался ко мне поближе, прикрывая наручники. Очень любезно с его стороны. На улице стояла огромная, зловещего вида машина, и ее водитель даже бровью не повел, когда мы забрались внутрь. Мы сели, и он тронул с места.

Как начать разговор — я не знал, моим спутникам тоже, видимо, чесать языком не хотелось: так, в молчании, мы и кружили по мокрым улицам, миновали, как ни странно, полицейскую управу и остановились у здания федеральной полиции. Вот так вот! У меня

екнуло сердце. Да, я был прав, считая, что местные копы меня не вычислят и не поймают. Но кто ж мог подумать, что в дело вступят федералы?! Теперь-то задним умом я осознал ошибку. Слон появился после долгих лет молчания. Почему? И что означает эта шахматная белиберда? Пусть займутся криптологи. Ого-го, вот это нахальство! Кто-то сообщает время и место очередного преступления. Что же, пусть этим займется федеральная полиция. Установить для наблюдения за сейфом современную технику. Проследить за преступником и выявить его возможных сообщников. Повязать.

На меня навалилась такая мучительная депрессия, что я с трудом передвигал ноги. Наконец наша маленькая процессия остановилась возле двери, на которой красовалась табличка «ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮРО РАССЛЕДОВАНИЙ». Чуть ниже висела вторая: «ДИРЕКТОР ФЛИНН».

Мои сопровождающие почтительно постучали, дверь автоматически отворилась, и мы вошли внутрь.

— Это он, сэр.

— Вот и хорошо. Пристегните его к стулу и можете идти.

Хозяин кабинета горой возвышался над письменным столом. Он был просто огромен — учитывая еще и его толщину. Складки подбородка, а точнее сказать — подбородков, свисали ему на грудь. Размеры пуза не давали пододвинуться к столу, пальцы рук, лежавших на столешнице, казались связками сарделек. Я робко взглянул ему в глаза, он ответил мне взглядом, похожим на выстрел гаубицы. Когда меня вели к стулу и пристегивали к нему браслетами, я был совершенно спокоен.

Они ушли, и шаги затихли в коридоре.

— Да, парень, влип ты на славу, — медленно и чуть нараспев произнес начальник.

— Решительно не понимаю, что вы имеете в виду. Произошла какая-то ошибка, — немедленно откликнулся я, но, чтобы всерьез настаивать на собственной невинности, не худо было бы, чтобы не дрожали голос и руки.

— Понимаешь. Нынче вечером ты умыкнул денежки несчастных глухих меломанов. Но это бы ладно, юноша. Ты поступил куда хуже, присвоив себе честное имя другого человека. Зачем ты начал выдавать себя за него?

Что-что?! Присвоил чужое имя... Я машинально поймал ключи от браслетов, брошенные мне через стол, и взглянул на хозяина кабинета несколько более неподвзято.

— Вы же... — отщелкивая браслеты, хриплым голосом начал я, — этот арест, полиция, кабинет... Вы...

Он спокойно улыбался и ожидал окончания моего мыслительного процесса.

— Вы Слон?!

— Ну, а кто же еще, парнишка... Если я правильно понял твое письмецо, бездарно, кстати сказать, зашифрованное, ты хотел меня видеть. А зачем?

Я невольно привстал, и тут же в его руке возник черный пистолетище, дуло которого недвусмысленно глянуло мне в переносицу. Я, понятно, снова опустился на стул.

— Мне не нравится, когда меня имитируют, — его голос лишился теплоты, а с лица ушла улыбка. — А еще больше мне не по душе, когда со мной играют. Даю тебе три минуты, чтобы объясниться, а потом я тебя пристрелю и отправлюсь в твой отель, чтобы забрать сегодняшние денежки. Но сначала ты мне расскажи, где лежат остальные деньги, украденные тобой под моим именем. Итак. Три минуты.

Я, конечно, заговорил — то есть, сделал попытку. Не получилось, я сумел лишь что-то проквакать. Да, убить-то он меня может запросто. Эта мысль меня несколько отрезвила, я прокашлялся и заговорил. Надо хотя бы умереть достойно.

— А мне что-то не верится, что вы хотите меня немедленно кокнуть. Не верю я в ваши три минуты. Давайте не будем стоять у меня над душой, и я спокойно и ясно изложу все мои мотивы, а?

Тут, конечно, был свой риск, но Слон был игроком, в этом я ошибиться не мог. Выражение его лица не изменилось, но он едва заметно кивнул, вполне отда-

вая себе отчет в том, что сейчас он для меня Самый Главный На Свете Начальник.

— Благодарю вас. Ни за что бы не поверил, что вы окажетесь человеком грубым и прямолинейным. Скажу больше — с тех пор, как я впервые узнал о вашем существовании, вы стали для меня образцом для подражания. То, что вы совершили в своей жизни, беспрецедентно, у этого нет аналогов во всей мировой истории. Крайне сожалею, если ненароком задел вас тем, что использовал ваше имя. Разумеется, деньги я отдам. Но подумайте, как еще я мог бы вас отыскать? Вот мне и пришлось сделать все, чтобы вы отыскили меня. И вы отыскили. Думаю, хотя бы из любопытства, если и не из благородства, вы не отправите меня в полицию, не повидавшись со мной с глазу на глаз.

Последовал еще один кивок, но ствол пистолета по-прежнему глядел на меня не отрываясь.

— Ты единственный человек, кто знает меня. Так что, думаю, тебе не надо объяснять, почему мне стоит тебя прихлопнуть. А вот зачем ты хотел со мной встретиться?

— Да говорю же вам — из чистого восхищения! Талант у меня один-единственный — криминальный, и это определило всю мою жизнь. Но я — самоучка, а потому — уязвим. Позвольте мне стать вашим учеником! За эту честь я заплачу любую цену! Кто знает, может быть, пройдут годы, и я смогу хотя бы немного приблизиться к вашему уровню...

Его взгляд смягчился, дуло взглянуло немного в сторону, но игра еще не выиграна — да я и не ставил себе такой цели. Мне нужно было другое — чтобы Слон заинтересовался мной.

— А почему я должен этому верить? — спросил он задумчиво.

— А почему нет? Какие иные причины у меня могли быть?

— Твои-то причины меня не волнуют. А ну как некто, имеющий отношение к полиции, использовал тебя как приманку, чтобы выйти на меня? Сообрази сам — человек, арестовавший Слона, сделает себе прекрасную карьеру.

— Да, конечно. Именно это должно было сразу прийти вам в голову. Но занимаемое вами помещение в этом здании свидетельствует о том, что ваше положение тут очень высоко. Подобный план вы бы вычислили запросто. Или же — и это только доказывает вашу гениальность — вы могли вмешаться в операцию, надуть полицию и заставить арестовать меня по-настоящему! Сэр, я конечно знал, что вы гений, но провернуть такое?! Это уже просто граничит с фантастикой!

Он медленно поклонился, принимая похвалу. И что это? Кажется, ствол пистолета окончательно ушел в сторону. Я вскочил и кинулся вперед.

— Меня зовут Джеймс Боливар диГриз и мне всего семнадцать лет. Родился я в этом самом городе, в клинике матушки Махри для безработных свиноводов. У вас на столе терминал компьютера, который моментально выдаст вам любое досье. Найдите мое! Прочитайте!

Пока он стучал по клавишам, я сидел расслабившись и старался не отвлекать его, ерзая на стуле. Кое-как моя показуха удавалась, я выглядел почти спокойным.

Наконец он откинулся в кресле и принялся разглядывать меня. Он не сделал ни одного движения, но пистолет исчез. Кажется, полная победа. Да нет же, не полная — просто начался следующий раунд.

— Я тебе верю, Джим, и благодарен за теплые слова. Но я работаю только в одиночку, и ученики мне не нужны. Знаешь, я был готов убить тебя, чтобы не засветиться. Но теперь, мне кажется, можно обойтись и без этого. Достаточно твоего слова, что впредь ты не станешь искать встреч со мной и никогда больше не воспользуешься моим именем в своих целях.

— Конечно, обещаю. Я прикинулся Слоном лишь для того, чтобы привлечь к себе ваше внимание, и только. Но умоляю, измените свое решение, примите меня в свою Академию!

— Ее не существует, — ответил он, тяжело поднимаясь на ноги. — Прием заявлений прекращен.

— Тогда позвольте мне сформулировать мою просьбу немного иначе, — не унимался я, чувствуя, что randevу подходит к концу. — Заранее простите, если

я испорчу вам настроение, но делать нечего — приходится выйти за рамки приличий. Сэр, я молод, мне нет еще и двадцати, а вы живете на этой планете уже более восьмидесяти лет. Я очень недолго занимаюсь своим ремеслом, но и за это время сумел ощутить полное одиночество. Я работаю один и только для самого себя. У меня нет друзей в преступном мире, потому что все, кого я встретил там, оказались жуткими дилетантами. Поэтому, собственно, мне все пришлось делать в одиночку. Но если я, такой молодой, настолько одинок, что такое тогда ваше одиночество?

Он замер и стоял совершенно неподвижно, опершись рукой о стол и уставившись в стену, будто в окно, за которым виднелось что-то недоступное моему взору. Потом вздохнул и, будто выпустив при этом из себя всю силу, тяжело опустился в кресло.

— Ты прав, мой мальчик. Не хочу это обсуждать, но твои слова попали в цель. Да, ты прав, но что поделаешь? Я уже стар, где мне менять привычки. Желаю тебе всего доброго и спасибо тебе за увлекательную неделю. Она напомнила мне старые добрые времена.

— Но сэр, подумайте еще раз!

— Нет, невозможно.

— Сэр, дайте мне свой адрес, я перешлю вам деньги.

— Оставь их себе. Ты их честно заработал. Только в будущем используй другое имя. Пусть Слон почивает с миром. И еще, хотел бы дать тебе совет. Направь свои способности на другое, стань полезным обществу. Тогда, наверное, тебе удастся избежать того жуткого одиночества, о котором ты уже имеешь представление.

— Никогда! — завопил я. — Никогда и ни за что! Лучше я кончу свои дни в тюрьме, чем стану работать на этих ослов! Я ненавижу общество!

— Но ты можешь измениться.

— Это невозможно, — с пылом возразил я, но — самому себе, потому что комната была пуста.

Глава 10

Да, бывает и так. Казалось бы, я взобрался на верх блаженства, и что же? Снова в пустоте тоскливейшей депрессии. Я в точности исполнил все, что задумал, мой замысловатый план сработал блестяще. Я выманил Слона из норы и сделал ему предложение, от которого он отказаться не мог.

Но отказался. Что мне теперь была радость от удачно осуществленного ограбления? Эти деньги были для меня, как пепел. Я сидел в своем номере и думал о будущем, а там — только пугающая пустота. Казалось, что после неоднократного пересчитывания деньги полностью потеряли и ценность и смысл. Разрабатывая свой план, я взвесил все. И не учел одно — что он может меня просто-напросто выпроводить. Смириться с этим, понятное дело, было нелегко.

На следующий день я возвратился в Биллвилл и занялся собой, то есть принялся жалеть самого себя. Вот уж что мне нисколько не свойственно! Но на этот раз я и наслаждался этим занятием. Наконец, взглянув в зеркало, увидел там утрюмую физиономию с ввалившимися глазами и показал ей язык.

— Баба! — сказал я сам себе. — Маменькин сынок, плакса, самовлюбленный идиот.

Ну, и так далее. Немного разогнав тучи депрессии, сварил себе кофе — никакого алкоголя, чтоб его! — и сел попивать, да о будущем думать. Что дальше?

А ничего. По крайней мере — теперь. В голову не лезло ничего конструктивного. Все планы утыкались в гладкую стену, а там не было видно ни единой лазейки. Я щелкнул кнопкой тривизора, тот был настроен на коммерческий канал, но еще до того, как я успел переключиться на другой, передо мной во всем своем трехмерном великолепии и шике объявилась дикторша. Одежды на ней было немного, а имеющаяся так просвечивала, что переключать каналы я помедлил.

— Поезжайте туда, где веет ароматный бриз, — заверещала она, — на серебряных песках Ватикано будем мы вдвоем. Ватикано-бич, солнце и волны освежат вашу душу...

Я вырубил тривизор. Душа моя и так чувствовала себя неплохо, так что соблазнительные формы красотки меня только отвлекали. Надо думать о будущем, не до любви пока. Но, Ватикано-бич...

В самом деле! А почему бы мне не отправиться в кратковременный отпуск — или я его не заслужил? Как это, не заслужил, когда в последние месяцы вкалывал почище любого бизнесмена, уподобляться которым мне, как вы понимаете, вовсе не хотелось. Деньги у меня были, и весьма неплохие, так почему бы не потратить часть нажитого столь тяжелым трудом состояния. От проблем, конечно, убежать не удастся: я знаю — от себя не уйдешь. Но что из того? Я могу прихватить проблемы с собой и разобраться с ними в приятной обстановке.

Но только куда? Не на серебристые же пляжи, в самом деле. Я пощелкал клавишами компьютера, вывел на экран парочку путеводителей и не спеша с ними разбирался. М-да... Приятного мало. На побережье можно бы поехать, но только — с этой девчонкой из рекламы, а это весьма проблематично. Шикарные отели, дорогие круизы, музейные редкости — все это привлекало меня не больше, чем каникулы на ферме свинообразов. А что, может, и в самом деле? Подышать свежим воздухом, вспомнить деревенское детство. Понятное дело, когда я выбрался в город, то он мне

очень понравился. И с тех пор за городом я уже не был.

Похоже, это то, что надо. Но только не на ферму. Найду себе какое-нибудь дикое местечко. Скроюсь от людей, убегу от цивилизации и проживу наедине с природой. Чем больше я об этом думал, тем больше мне нравилась эта идея. Куда ехать — вопроса не вызывало. Была у меня одна тайная детская мечта. Соборные горы — вот как она называлась. Покрытые вечными снегами вершины, возносившиеся к небу, словно гигантские башни храмов, захватили мое воображение в детстве. А что? Почему бы нет? Должны же мечты хоть иногда исполняться?!

Уже сама покупка рюкзака, спальника, термопалатки, котелка, фонарика была удовольствием. Снарядившись, я решил не тащиться на линере и полетел в Рафаэль самолетом. Мы заходили на посадку, а я прильнул к иллюминатору и глаза себе проглядел, любуясь горами. А дожидаться выдачи багажа оказалось просто невыносимой мукой.

По картам я определил, что тропа, ведущая в Соборные горы, пересекала шоссе сразу за аэропортом, с северной стороны. Лучше было бы поехать с остальными на автобусе, а не привлекать внимание, подзывая такси, но я же в конце-концов был не на работе, а в отпуске.

— Это довольно опасно, малыш, лезть в одиночку в горы, — заметил пожилой водитель, когда мы тронулись с места. — Легко потеряться. Или страволки могут напасть. Лавины, оползни... Ты хорошенько подумал?

— Да я ж друзей догоняю! Двадцать человек. Туристическая команда бойскаутов из нижнего Армпита. Отдохнуть хотим, — энергично соврал я.

— Что-то я бойскаутов тут не встречал... — пробормотал он со старческой подозрительностью.

— А как же, — продолжал импровизировать я, перегнувшись назад и роясь в рюкзаке, лежащем на заднем сидении, ища там карту. — Они добрались поездом до Боскона и пошли туда, где тропа пересекает железную дорогу. Поджидают меня там. Вместе с

командиром. Что вы, сэр, я бы побоялся в одиночку лезть в горы.

Он продолжал ворчать и ворчал еще сильнее, когда я забыл дать ему чаевые, но тут же хитро усмехнулся и резво укатил — потому что в результате он содрал с меня больше, чем положено. Причем, я с трудом подавил в себе желание всучить ему фальшивые пять долларов. Шум мотора затих, и я взглянул на тропу, петлявшую по долине вверх. И окончательно понял, что придумал себе замечательный отпуск.

Не стану распространяться насчет радостей походной жизни. Бог мой, стоит ли обсуждать с кем-нибудь свое удовольствие? Все шло, как положено. У меня обгорел нос, по всему телу ползали муравьи. Звезды казались удивительно яркими и близкими, чистый воздух наполнял легкие. Я, знай себе, бродил, карабкался, мерз в ледяных речушках и совсем позабыл о своих невзгодах. Казалось, нет им в этом мире места. Обновленный, усталый, но довольный, дней через десять я спустился с гор и поселился в отеле, номер в котором был забронирован заранее. Что дальше? Как, что?! Горячая ванна и холодное пиво — и вы поймете, что такое полное счастье. Потом приплелся в комнату и включил тривизор — там передавали новости, но было лень вылезать из кресла и переключать, и я слушал их вполуха.

— ... сообщает о росте экспорта ветчины, который уже на целых четыре процента превысил ожидаемый. Однако наблюдается спад на рынке щетины свинообразов, что уже повлекло за собой критику правительства, не делающего пока ничего для исправления этого положения.

— Местные новости. Завтра перед судом предстанет компьютерный взломщик, проникший в Федеральную сеть. Федеральный прокурор расценивает этот случай, как тягчайшее преступление, и требует восстановления смертной казни, однако...

Лощеное лицо диктора пропало, и передо мной собственной персоной возник сам компьютерный взломщик. У меня сперло дыхание. Ну и что, что цвет волос у него теперь был другим, тоже мне, проблема! Не узнать его было невозможно!

Это был Слон!

Меня бросило в жар, и я кинулся к окну и забарабанил по переключателю режимов кондиционера. Метнулся обратно к экрану. Увеличил размер изображения. Да, нет сомнений, это он.

Пока я торопливо одевался и приводил себя в порядок, план уже зрел в моей голове. Срочно в город и помочь Слону. Разумеется, выяснив, что там стряслось. Я запросил расписание самолетов: после полуночи шел почтовый. Взял билет, поужинал, немного отдохнул и первым был на борту.

В своем офисе я оказался уже на рассвете. Пока компьютер трудился, распечатывая мне все, что имело отношение к аресту Слона, я варил кофе. Но чтение новостей за чашечкой напитка моего настроения не улучшило. Увы, напротив. Да, нет сомнений, речь шла именно о Слоне, хотя всюду упоминалось имя Билл Ватис. Его взяли на выходе из помещения федеральной полиции, где он умудрился установить компьютерный жучок, с помощью которого удалось добраться к сверхсекретным файлам. А случилось это на следующий день после моего отъезда на заслуженный отдых.

И тут я понял все. Он сел из-за меня. Если бы не моя безумная выходка, он бы ни за что не полез в эти секретные файлы. Ему потребовалось выяснить, не стоит ли за мной полиция. На душе стало погано.

— Я посадил его — мне его и вытаскивать! — воскликнул я и вскочил, расплескивая кофе. Вытер лужу и немного пришел в себя. М-да, неплохо было бы вытащить его из тюрьмы. Вот только как? Да, у меня уже есть некоторый опыт по этой части, а попасть в тюрьму несравнимо легче, чем оттуда драпануть. Однако, поразмыслив, я решил, что туда не полезу. Полиция вывезет его оттуда и без моего участия. На суд-то его повезут, а, следовательно, придется использовать транспорт.

Но вскоре я понял, что не все так уж прекрасно. Впервые за долгие годы был схвачен по-настоящему опасный преступник, и шумиха поднялась невообразимая. Слона содержали в специальном помещении, внутри самого здания федеральной полиции, а вовсе

не в обычной тюрьме. Туда не пролезешь. А когда его повезут в суд — то какие будут предприняты меры предосторожности... Бронированные фургоны, охрана, мотоциклы, полицейские экранолеты и вертолеты. Не подберешься. Я почувствовал, что оказался в тупике. Что самое интересное — полиция тоже, правда, по другой причине.

Вот по какой. После тщательного расследования они установили, что настоящий Билл Ватис покинул планету двадцать лет назад. Все записи, касающиеся этого, исчезли из памяти компьютера, и только письмо, присланное настоящим Ватисом своим родственникам, позволило установить подлог. Иначе говоря — арестовали вовсе не Ватиса. Тогда кого же?

Его, понятное дело, допросили, ответом же, по сообщениям газет, были «полное молчание и отсутствующая улыбка». Теперь его называли Мистером Икс. Кто он такой — не знал никто, а ему ясность в этом вопросе, похоже, была не особенно нужна. Но дату суда назначили — через восемь дней. Такое стало возможным, поскольку Мистер Икс одновременно отказался признать свою вину и подать апелляцию. Отказался защищать себя сам и был против назначения ему адвоката. Следствию все это пришлось не по душе, оно заявило, что дело закрыто и потребовало скорейшего суда, который и был назначен на следующую неделю.

Итак, выходит, я бессилен! Я было признал свое поражение, но ненадолго. Надо ждать окончания суда. Тогда наконец Слона переведут из здания федеральной полиции. А когда он окажется в нормальной тюрьме, я его оттуда вытащу. Главное, успеть до прихода корабля, который повезет его на принудительную прочистку мозгов. Кажется, я уже говорил об этом: они используют последние достижения науки для того, чтобы превращать преступников в нормальных обывателей. Увы, зная этого человека, можно было не сомневаться, что он предпочтет умереть, чем сломаться. Я обязан вмешаться.

Ждать помощи от противника было бессмысленно. Мне не удалось проникнуть в зал суда, когда началось

слушание дела. За ходом дела пришлось следить по тривизору.

Все прошло лихо и быстро. Утро заседания: чтение списка преступных деяний подсудимого. Перечень оказался весьма внушительным. Компьютерное злодеяние, взлом банка данных, использование терминала для личной выгоды и прочая ахинея. Один за другим свои показания давали свидетели, что немедленно принималось к сведению. Слон, казалось, ничего этого не слышал и не видел. Его взгляд был направлен куда-то вдаль, словно там он видел вещи куда более любопытные, нежели эта нелепая судебная комедия. Когда слушание свидетелей закончилось, судья стукнул молотком и объявил перерыв на обед.

После достаточно торжественного банкета — с семнадцатью переменами и кордебалетом — суд занял свои места. Судья явно пребывал в добром расположении духа, а обвинитель, не мешкая, подвел ужасающий итог. Судья одобрительно кивал да поддакивал, а потом поблагодарил следователей за отлично проведенную работу. Приосанился и заговорил:

— Дело вполне ясное. При этом совершенно очевидное. Обвинения серьезны настолько, что поколебать их не сможет никакая защита. Да и сам факт отсутствия защиты является дополнительным свидетельством в пользу истины. А истина состоит в том, что подсудимый преднамеренно, со злым умыслом, совершил вменяемое ему в вину деяние. Сомнений тут не может быть никаких. Дело заслушано и закрыто. Тем не менее, я прерываю на сегодня заседание суда и объявляю перерыв до утра. Завтра суд соберется на утреннее заседание, на котором и будет оглашен приговор. Правосудие свершится, в чем смогут убедиться все.

— Ничего себе, правосудие, — процедил я сквозь зубы и встал, чтобы выключить тривизор, но судья, оказывается, еще не кончил.

— Мне сообщили, что Галактическая Лига весьма заинтересовалась этим делом. Корабль к нам уже выслан и прибудет в течение двух дней. Заключенный

будет взят из-под нашей опеки и, поймите мои радостные чувства, наконец-то мы от него избавимся.

Челюсть у меня так и отвисла. Да как же это?! Все пропало. Только два дня... Что можно успеть за два дня? Неужели всему конец — и Слону, и моей начинающейся карьере?

Глава 11

Сдаваться я не желал. Надо попытаться — пусть даже меня постигнет неудача, пусть даже я сам окажусь за решеткой. Он влип из-за меня и я должен его спасти. Но как? В здании Федеральной полиции до него не добраться, по дороге в суд не освободить, да и просто в зал суда меня не пустят.

Суд. Суд? Суд... Суд! — да чего же это я заикнулся на суде? Было, значит, тут что-то такое, за что цеплялось мое сознание, в мозгу словно ворочалась какая-то бесформенная масса, мучительно пытаюсь сложиться в мысль.

Да конечно же! Ура!!! — возликовал я и забежал по кругу, размахивая руками и издавая сложный звук, который был моим коронным номером на всех вечеринках. Звук назывался «брачный хрюк свинобраза».

— Так что же суд? — громко спросил я самого себя и немедленно ответил. — Сейчас я вам все расскажу про суд. Это старинное здание, памятник архитектуры, охраняемый законом. Судя по всему, его подвалы завалены грудями древних, истлевших дел, а на чердаке полным-полно летучих мышей. Днем-то его стерегут как зеницу ока, а вот ночью... Ночью-то там пусто!

Я отправился в каморку и стал рыться в инструментах. Отмычки, фонари, провода, жучки — все, что нужно для осуществления успешной производственной деятельности.

Еще нужна машина, а лучше — фургон, поскольку я надеялся, что улепетывать придется вдвоем. Этим надо заняться немедленно. Несколько вариантов всегда были у меня на примете, предстояло воспользоваться одним из них. Теперь был самый разгар дня, но фуруны и грузовики хлебной компании «Крамб и Бейкери» уже были на своей стоянке, где их потихоньку готовили к ночной смене. Несколько фурунов въехало в гараж, а один — проехал чуть дальше, уж и не знаю зачем. Как бы то ни было, ближе к вечеру я уже ехал по загородному шоссе, а вскоре после наступления темноты оказался в Пирли Гейтс и через какое-то время уже входил через заднюю дверь в помещение суда.

Система сигнализации тут была, но, батюшки мои! — сколько поколений назад ее устанавливали?! Теперь она годилась лишь на то, чтобы охранять здание от детей и умственно неполноценных. Впрочем, в здании не было ничегошеньки, что представляло бы хоть какую-то ценность. Как сказать... Вооружившись ключом от зала суда, который я успел скопировать, еще когда слушалось мое собственное дело, я направился вперед. Зал номер шесть. Открыл дверь, остановился в дверях и оглядел сумрачное помещение. Сквозь высокие окна с улицы проникал желтый свет. Я прошел вперед, сел в судейское кресло и взглянул в сторону скамьи свидетелей. Потом отыскал кресло, в котором во время разбирательства дела сидел Слои. Там он будет сидеть и завтра. А вот тут он встанет, когда придется выслушать приговор. И его лапищи лягут вот на этот барьерчик. Вот на это самое место.

Я осмотрел деревянный пол и мрачно усмехнулся. Опустился на колени и постучал по нему. Затем достал дрель — и работа закипела.

Да, ночка выдалась, что надо! Я пилил, стучал, потел и даже совершил небольшую прогулку, во время которой отыскал и немножко обчистил магазин спортивных принадлежностей. Но, что самое трудное, я

должен был придумать план побега. А точнее — маршрут. Маршрут должен быть не только коротким, но и безопасным. Было бы времени побольше — я бы выкопал туннель. Но время, время... Так что изобретательность должна заменить ручной труд. Я устроился поудобнее и погрузился в мысли, но вскоре начал клевать носом. Нет, только не это! Я снова вышел на улицу и отправился в ночной ресторанчик, где заказал утрюмому роботу пару чашек крепчайшего кофе. Помогло. Сердце застучало четче, и в голове прояснилось. Я вышел на улицу и немедленно ограбил магазин верхней одежды. Пошатываясь от усталости, вернулся в здание суда.

Дрожащими пальцами закрыл за собой все двери и уничтожил все возможные и невозможные следы. Окна уже окрасились серым светом зари, когда с делами наконец было покончено.

Запершись изнутри в подвале, я пошевелил натруженными пальцами, проковылял через помещение, плюхнулся на брезент, установил будильник и мгновенно провалился в сон.

Когда комариный писк будильника меня разбудил, кругом была крошечная мгла. Мгновенный приступ паники мне удалось подавить сообразив, что темно оттого, что я в подвале. И окон тут нет. Снаружи-то день в полном разгаре. Я включил фонарик, повозился с настройкой телемонитора и на экране возникла цветная картинка зала суда. Камера, установленная накануне, работала вполне прилично. Там, в зале, какие-то старухи старательно обтирали тряпочками мебель и подметали пол. Заседание начнется через час. Я оставил монитор включенным и произвел последнюю проверку. Отлично, все работает... теперь остается запастись терпением и ждать.

Что, собственно, я и стал делать, попивая холодный кофе и с трудом разжевывая зачерствевший вчерашний бутерброд. Но вот, двери зала распахнулись, и моему ожиданию пришел конец: в зал ввалились зеваки и пресса. Монитор показывал отлично, в динамике неразборчиво галдели зрители. Шум смолк, когда в зале появился судья. На него немедленно устреми-

лись все взоры, а едва он начал свою речь, все присутствующие превратились в слух.

Сначала он измучил всех полным пересказом происходившего в суде вчера. Пересказал все заседание, выразил свое полное согласие с каждым выводом и замечанием. Его речь я полностью пропустил мимо ушей, поскольку был занят тем, что тщательно разглядывал Слона, а особенно внимательно — его лицо.

Слон держался молодцом. Его лицо не выражало ничего, кроме скуки. Но в глазах таились презрение и ненависть. Гордо выпяченная челюсть лучше всех слов говорила о том, что да — можно заточить его тело, но душа-то останется свободной! Увы, ненадолго — если судья добьется своего. Тут мое внимание привлекла перемена в лице судьи. Наконец он покончил с преамбулой. Прочистил горло и указал на Слона.

— Подсудимый, встаньте и слушайте приговор.

Глаза всех собравшихся устремились на подсудимого. А тот, знай себе, бесстрастно сидел, даже не пошевелившись. Послышался нарастающий ропот возмущения. Судья покраснел и стукнул молоточком.

— Вы на суде и извольте подчиняться! — загремел он. — Или вы встанете сами, или вас заставят силой. Понятно?

Я взмок. Если бы только можно было ему крикнуть, чтобы он не упирался. Иначе, что делать, если его будут держать под локотки дюжие охранники? Двое из них уже двинулись вперед, повинаясь знаку судьи. Но Слон медленно взглянул на судью. Взгляд был исполнен пламенного презрения и мог бы утратить кого угодно, только не Его Честь. В этом взгляде крылся такой заряд отвращения, что запросто мог бы уничтожить парочку-другую мелких форм жизни.

И он встал! Полицейские замешкались на поддороги, когда его лапищи вцепились в поручень. Загородочка скрипнула под тяжестью поднимающегося тела. Он поднялся, распрямился, руки отпустили поручень и бессильно упали вдоль тела.

Пора! Изо всех сил я надавил на кнопку. Взрывы оказались негромкими, но эффект произвели — паль-

чики оближешь! Они сделали вот что — выбили два болта, на которых держался край люка. Под тяжестью Слона люк провалился, и Слон ухнул вниз, как бомба. Он еще падал, а я уже карабкался вверх — успев глянуть напоследок на экран.

Он исчез, и в зале повисла тишина. Пружины вернули люк в исходное положение, и я задвинул снизу тяжелые стальные засовы. Все произошло очень быстро: обернувшись, я увидел, что тело Слона все еще качается на батуте. Когда я прыгнул с лестницы и подошел, он уже остановился и бесстрастно взглянул на меня.

— А, Джим, мальчик мой. Рад снова тебя видеть.

Он ухватился за мою руку, и я помог ему сойти вниз. Наверху было столпотворение: визг, крики, кутерьма. Я позволил себе разок победоносно глянуть на экран, чтобы полюбоваться видом позеленевшего судьи и суетящихся полицейских.

— Весьма эффектно, Джим. Весьма, — произнес Слон, любясь картинкой на экране.

— Да, ничего, по-моему, — согласился я. — Снимите пока верхнюю одежду. Времени мало, потом объясню.

Он не медлил и уже срывал одежду. Взору явилась огромная пухлая фигура, одетая в изысканное пурпурное белье. Он вскинул руки над головой, повинувшись моей команде. Взобравшись на лестницу, я натянул на него гигантское платье.

— Пальто вон там, — показал я. — Наденете его сверху. Туфли менять не надо, платье длинное. Потом наденете эту шляпу, вот так. Тут зеркало и помада, а я пока открою дверь.

Он беспрекословно исполнил все, что было сказано. Слон преобразился в даму весьма героических пропорций. На стук сверху он не обращал ни малейшего внимания.

— Вперед! — скомандовал я, и он по-женски засеменил к выходу.

Пока он приближался ко мне, я держал дверь закрытой и на ходу снабжал его инструкциями.

— Они уже на подвальной лестнице, но та заблокирована. Мы пойдем другим путем.

Я натянул полицейский шлем, дополнив тем самым свой костюм до полного соответствия уставу караульной службы.

— Вы — преступник, — заявил я Слону. — То есть, преступница. Под моим надзором. А теперь — уходим.

Я ухватил его за руку, и мы свернули налево, в пыльный коридор. Сзади, со стороны заблокированной лестницы, доносился страшный грохот, кто-то вдобавок еще и орал. Мы поспешили в котельную, потом по коротким лестничным маршам добрались до выхода. Замок и петли тяжелой двери были тщательно смазаны, она распахнулась мгновенно, и мы вышли в переулок.

Прямо за спиной стоявшего на посту полицейского. Он был там один.

Очень хорошо. Налево — полицейский и тупик. Направо — полицейского нет, переулок и свобода. И тут у Слона под ногой что-то хрустнуло. Полицейский обернулся, как ошпаренный.

Его глаза расширились донельзя — оно и понятно, учитывая, что со мной рядышком была дама столь экстравагантного вида. Этим я немедленно воспользовался, прыгнул вперед и вцепился ему в шею. Его руки обхватили меня, но ненадолго, потому что тунгусский захват шеи приводит к мгновенной потере сознания. Главное — голову надо повернуть на 46 градусов, как на фотокарточке для служебного удостоверения. Ну вот, я аккуратно опустил его тело на землю и придержал Слона, готового ринуться по переулку.

— Не туда.

В здании напротив была дверь с табличкой, извещавшей, что тут **СЛУЖЕБНЫЙ ВХОД**. Дверь была заперта, но открылась ключом, заблаговременно припасенным. Рукой я указал верное направление своей «спутнице», снял свой дурацкий шлем и бросил его в сторону полицейского. Заперев дверь изнутри, скинул с себя форменную одежду. По дороге в торговый зал снял и галстук, так что теперь на мне были только брюки и рубашка. Отклеил и сунул в карман усы, и мы

смешались с толпой посетителей. На нас поглядывали, но не очень назойливо. Мой спутник, то есть «спутница», удостоилась нескольких изумленных взглядов, но это был приличный магазин, и особенно на нас не пялился никто. Я вышел первым и придержал дверь. Пошел вперед по забитому пешеходами тротуару. Сзади, слабая, по мере нашего удаления, слышались крики и вой сирен. Я позволил себе улыбнуться. Обернувшись, обнаружил, что эту слабость позволила себе и моя «спутница». Она даже мне еще и подмигнула. Быстро отвернувшись — нельзя же поощрять подобные вольности! — я свернул за угол, где нас поджидал хлебный фургон.

— Стойте здесь и смотрите в зеркальце, — сказал я, открывая заднюю дверь. Хлопоча внутри, я едва увернулся, когда в фургон сзади влетела огромная фигура.

— Никто не видел... — выдохнул он.

— Отлично.

Я выбрался наружу, закрыл дверь, обошел фургон, сел за руль и завел двигатель. Фургон покатиł вперед, добрался до угла и замер, ожидая просвета в потоке транспорта.

Тут мне захотелось повернуть и проехаться мимо здания суда. Но кому нужна дешевая бравада? Лучше просто смыться.

Наконец я выбрался на магистраль и аккуратно поехал в сторону окраины. Дорога мне известна хорошо, мы уже будем далеко, когда ее перекроют.

Опасность еще не миновала, но меня уже охватило приятное чувство глубокого удовлетворения. Ну, а почему бы и нет?! Я же все-таки это сделал! Преступнику века устроил побег века. Кто нас теперь остановит?

Глава 12

Я ехал медленно, но уверенно примерно до полудня. Держался в стороне от магистралей, выбирая окольные дороги. Несмотря на то что маршрут постоянно петлял, я уверенно продвигался на юг, испытывая при этом горячее чувство приязни к формуле $лг^2$. Знакомо, не так ли? Да, конечно же. Площадь круга равна квадрату радиуса, умноженному на число «пи». А что это значит? А то, что каждый оборот колеса нашей колымаги со страшной силой увеличивал площадь поисков драпанувшего преступника. И его сообщника, кстати, тоже.

Мы ехали уже часа четыре, и это давало нам приличную фору. Надо было, к тому же, учесть, что все это время Слон сидел в фургоне и ничего не знал о дальнейших деталях нашего плана. Необходим инструктаж, а заодно можно и перекусить. Я свернул в ближайший торговый район, отыскал там ресторанчик и припарковался в дальнем углу стоянки, задом к глухой стене. Слон трогательно заморгал, когда в распахнутую дверь ворвались свет и свежий воздух.

— Пора завтракать, — сообщил я. — Не хотите ли...

Но он жестом заставил меня замолчать.

— Позволь сначала сказать мне. Спасибо тебе, Джим. От всего сердца благодарю тебя за то, что ты для меня сделал. Я обязан тебе жизнью — ни больше ни меньше. Спасибо.

Опустив глаза и зардевшись, как барышня, я шаркал ножкой по земле. Потом прокашлялся и сказал.

— Я сделал только то, что нужно было. Но давайте об этом позже.

Увидев мое замешательство, он согласно кивнул, ну прямо с королевским достоинством, невзирая на свой нелепый наряд. Я указал на ящик, на котором он сидел.

— Пока вы будете переодеваться, я принесу еды. Вы ничего не имеете против пищи от Максвина?

— Против?! Да после этой жуткой тюремной баланды горячий свинобургер покажется пищей богов! Да, если не трудно — большую порцию спамьянов в сахаре.

— Уже несу!

Захлопнув дверь, я рысью помчался под манящие платиновые своды. Энтузиазм Слона по поводу свинобургеров меня весьма обрадовал, но он пока ни о чем не подозревал.

Со всех сторон, ото всех столов доносились хруст и чавканье. Я прошел к стойке, опустил в приемник деньги и протараторил заказ роботу, тут же схватил пакет с едой и напитками — и был таков.

Устроившись на ящике в кузове фургона, мы закусывали с немалым энтузиазмом. Заднюю дверь я оставил слегка приоткрытой — чтобы проникал свет. Слон избавился от платья, и теперь на нем был более-менее приличный мужской костюм — самый большой из тех, какие мне попались на глаза. Он одним махом отхватил половину сэндвича, заел спамьяном и улыбнулся.

— Твой план побега просто гениален, мой мальчик. Я заметил, что с полом что-то делали, едва сел на стул и долго гадал, что именно это означает. Я надеялся, что ты рассчитал все правильно, поэтому, когда земля разверзлась у меня под ногами, я, честно говоря, испытал ни с чем не сравнимое чувство наслаждения. Мне никогда не забыть, как исчезла с моих глаз эта отвратительная рожа судьи.

Широко улыбнувшись, он прикончил сэндвич и аккуратно вытер руки, прежде чем заговорил снова.

— Поскольку мне не хотелось бы снова смущать тебя своими похвалами, я предпочел бы узнать, как именно ты собираешься спрятать меня от полиции. И не потому, что я опасаясь за свое будущее — просто желаю узнать твой великолепный план во всех его мельчайших деталях.

Похвала Слона — это похвала, и я немного понежился в ее лучах, выковыривая из зубов мелкие хрящики.

— Спасибо на добром слове. Ну что же, расскажу дальше. Хлебный фургон превращает нас практически в невидимок, поскольку такие фургоны во множестве колесят повсюду, — тут я вдруг осознал, что по неизвестной причине все больше подражаю его манере говорить. — Мы будем раскатывать, пока не стемнеет, но ехать будем туда, куда нам надо...

— А полицейские патрули, разумеется, не станут нас задерживать, поскольку номера на этом фургоне давным-давно не те, что были до его перехода в твое владение.

— Конечно. Об угоне уже заявили, но розыск вскоре прекратится, потому что фургон обнаружат утром неподалеку от гаража в Биллвилле. Новые номера я счищу растворителем, спидометр подкручу назад, так что самый последний тупица поймет, что на машинке немножко покатались, да и бросили. Вот и все. Кто свяжет временную пропажу фургона с происшествием в суде? Да никто.

Он проглотил эту информацию вместе с остатками спамьяна и задумчиво облизал пальцы.

— Основательно. Лучше — придумать трудно. Но из сказанного следует, что наша конечная точка — Биллвилл? И нам придется там отсиживаться, поскольку полиция вскоре возьмет под контроль всю страну?

— Да. Там у меня база. Не зря же я расспрашивал вас о ваших гастрономических пристрастиях. Пока все не стихнет, вам придется прятаться в автобаре Максвина.

Его брови поползли вверх, и он мрачно глянул на скомканные обертки от свинобургеров. Впрочем, у

него хватило такта не высказать свои чувства вслух. Я поспешил ободрить его.

— Я все там устроил сам, не беспокойтесь. Конечно, присутствуют известные неудобства, но...

— Но не такие, как в Федеральной тюрьме! — подхватил он. — Прости мою неуместную озабоченность. Я не хотел тебя обидеть.

— А я и не обиделся. Тут такая история: однажды вечером полиции взбрело в голову причинить мне некоторые неприятности, и я шмыгнул в служебный вход местного Максвина, меня не нашли. Переживая, пока все уляжется, я тщательно все осмотрел. Потрясающе! Они же полностью решили основные проблемы всех дешевых обжорок — по части низкооплачиваемого и малоквалифицированного персонала! Люди слишком уж сообразительны и алчны, быстро понимают, что к чему, и требуют прибавки. Так что единственный выход — просто избавиться от них.

— Замечательное решение. Послушай, если ты больше не хочешь крумплумпов, то я бы съел парочку, пока ты мне все так замечательно расписываешь.

Я передал ему скользкий пакет и продолжил.

— Итак, все автоматизировано. Едва клиент делает заказ, требуемое блюдо из холодильника едет в микроволновую печь и моментально подогревается до нужной температуры. Послушайте, эти печи такие мощные, что за двенадцать микросекунд они в состоянии зажарить целого свинобраза со всеми потрохами!

— Однако...

— Напитки доставляются с той же скоростью. Клиент еще только кончает говорить, а к нему уже все приехало? Но — остается за дверкой, которая распахнется, когда будет уплачено. Процесс полностью автоматизирован и надежен, поэтому человеку там просто делать нечего. Раз в неделю харчевню осматривают, туда, конечно же, завозят и провизию. Но происходит это в разные дни — чтобы машины не мешали друг другу.

— Понятно, — ухмыльнулся он. — Значит так. Машинное отделение, скажем, становится убежищем.

Когда холодильники заполнены и приезжает техническая служба, надо перебраться к холодильникам. Потом — обратно. Ага, теперь мне понятно, зачем нужна эта теплая одежда, которая лежала вместе с костюмом. Ну, а если авария?

— Тогда в помещениях ремонтной службы раздается сигнал и приезжает механик. Но я сделал так, что сигнал дублируется в самом помещении, так что времени, чтобы перебраться к холодильникам — вполне достаточно. А что касается возможных случайных визитов obsługi, то и тут меры приняты. Едва в замок вставляется ключ снаружи, как звучит сигнал, при этом замок блокируется на шестьдесят секунд.

Он захохотал и хлопнул меня по плечу.

— Да, парень... ты предусмотрел все. Но вот какое дело — мне изредка хотелось бы что-нибудь почитать, да и, как бы это поделikatней, как там насчет санитарно-технических услуг?

— Там есть портативный видеоскоп и библиотечка. Завернуты в спальные принадлежности. Ну, а удобства там есть — для механиков.

— Ну, большее и представить себе трудно.

— Но... — я опустил глаза — я бы хотел... — наконец, поднял голову и решился. — Вы сказали в тот раз, что не нуждаетесь в учениках. Осмелюсь проявить любопытство — вы не передумали? Не изменили своего мнения? Может, вам было бы приятно развеять скуку тем, чтобы преподать мне науку о правонарушениях? Ну так, время скоротать?

Теперь уже он опустил глаза и вздохнул.

— У меня есть веские причины, — начал он, — чтобы отклонить твою просьбу. И особенно — теперь. Но я действительно передумал. В благодарность за мое спасение я зачисляю тебя в Школу Альтернативного Образа Жизни на парочку семестров. Но мне кажется, что ты имеешь в виду не то, чтобы я пошел на это из одной только благодарности, да и не думаю, что именно в расчете на благодарность подобного рода ты меня спасал. Ну что же... Честно говоря, я и сам не прочь передать другому то небольшое, что узнал за свою жизнь. И в то же время мне хотелось бы сохранить нашу дружбу.

Я остолбенел от счастья. Мы одновременно поднялись и обменялись рукопожатием. Хватка у него была железная. Я взглянул на часы.

— Мы слишком долго стоим тут, надо отъезжать, чтобы не привлекать внимания. Надо ехать, следующая — конечная. Прошу вас, выходите не мешкая и сразу идите в служебную дверь, запирайте ее за собой. Я вернусь, едва только избавлюсь от фургона. И буду вашим первым гостем.

— Как скажешь, Джим. Я — само послушание.

Дорога была скучной, но что поделаешь. Впрочем, скучал я не сильно, меня переполняли замыслы и планы на будущее. Я, знай себе, гнал и гнал фургон, лишь однажды остановившись — чтобы сменить батареи на станции. И снова вперед, петляя окружными путями Райского Уголка, глядя, как медленно валится за горизонт солнце. Наконец свернул на служебный въезд торгового центра Биллвилла, опустевшего до утра.

Никого не видно. Слон вылетел из фургона, и дверь за ним захлопнулась. Пока все шло замечательно, и мне не терпелось покончить с операцией, но я знал, что лучше не торопиться.

Никто не видел, как я внес в свой офис мешки с оборудованием, — это было рискованно, но необходимо. Вычистил фургон внутри, обрызгал все, что только можно, жидкостью для снятия отпечатков пальцев, что рекомендую всем — и угонщикам фургонов в том числе.

Ну, вот и все. Я сделал все, что мог. А теперь поставлю фургон в конце окраинной улицы и пойду обратно.

Ночь была теплой, и прогулка вышла приятной. Со стороны пруда в городском парке доносилось сонное щебетание водоплавающих. Присев на скамеечку, я разглядывал спокойную поверхность воды. И думал о своей судьбе, да о будущем.

Неужели мне удалось расстаться с прежней жизнью? Неужели мне удастся преуспеть в преступной карьере? Слон обещал вывести меня в люди — и он единственный на этой планете, кто может это сделать.

Насвистывая, я двинулся в торговый район. Но глядел не себе под ноги и не по сторонам, а исключительно в светлое будущее. И настолько ушел в свои мысли, что не замечал пронесившихся мимо машин, не заметил и ту, что остановилась рядом.

— Эй, малый, погоди-ка минутку!

Ничего не соображая, я машинально обернулся. Увы, я слишком поздно сообразил, что стою прямо под фонарем, а за рулем машины сидит полицейский. Никогда не узнаю, зачем он остановился, о чем хотел меня спросить. Потому что он узнал меня!

Занятый делами Слона, я совершенно упустил из виду, что я сам тоже в розыске! Что вся полиция получила мои фотографии и приметы. А я, как последний остопоп, болтаюсь по улицам, забыв об элементарной осторожности! Все это пронеслось в моем мозгу, едва я понял, что он меня узнал.

— Ты Джимми диГриз!

Казалось, он удивлен не меньше меня. Однако не настолько, чтобы растеряться. У него тут было все в порядке, а у меня — не очень-то. А вот этот жест он, похоже, отрабатывал долго и упорно, не иначе, как перед зеркалом. Словом, не успел я и глазом моргнуть, как в его руке оказался безотказный (75 калибр) пистолет, и его ствол пристально глядел на меня в приоткрытое окно машины.

— Стоять! — рыкнул он. И одарил меня ухмылочкой представителя закона.

Глава 13

— Неправда ваша, дяденька! — выдохнул я, поднимая руки. — Вы что же, собираетесь пальнуть в меня, в несчастного ребенка, только потому, что с кем-то спутали?!

Ствол пистолета не шелохнулся, зато шевельнулся я, пытаясь бочком-бочком обойти машину спереди.

— Не двигайся. Вернись на место, — заорал он, но я продвигался вперед. Единственное, на что я мог надеяться, что так уж просто он меня не пристрелит. В общем, это, кажется, противозаконно. Я хотел вынудить его вылезти из машины, тогда ему придется убрать пушку. Не сможет ведь он одновременно целиться в меня и открывать дверь машины.

Пушка исчезла. И я — тоже. Как только он опустил пистолет, я развернулся и дал деру, пригнув голову и изо всех сил работая ногами. Он заорал вслед — и выстрелил!

Пистолет бабахнул точь-в-точь как натуральная пушка, пуля свистнула над ухом и попала в ствол дерева. Я обернулся и замер. Этот парень, похоже, психопат.

— Так-то лучше, — произнес он, положив руку с пистолетом на дверцу машины и держа меня на мушке.

— Я не промахнулся. Я просто выстрелил мимо. На первый раз. А в следующий раз — попаду. Я чемпион по стрельбе в округе. Понял? И я люблю тренироваться.

— А тебе не кажется, что ты псих? — дрожащим голосом осведомился я. — Из-за одного подозрения палить по людям!

— Имею право, — он подошел ко мне, держа пистолет наизготовку. — Это не подозрение, а задержание. Я тебя узнал. Ты в розыске. А отмазаться мне просто. Скажу — преступник ухватился за пистолет, случайный выстрел — и тю-тю. Убедительно. Ну что, хочешь подержаться за мою пушечку?

Какое странное совпадение. Психопат, а заодно и полицейский. Ну что же, бывает. Понятно, что ему охота спровоцировать меня на бегство и слегка поупражняться. Интересно, кстати, как ему удалось пройти специальные тесты, рассчитанные именно на то, чтобы не допускать в органы таких охламонов. Нет уж, пускай в другой раз постреляет. И я медленно вытянул руки вперед и заговорил.

— Я не собираюсь оказывать никакого сопротивления, господин офицер. Подчиняюсь вам, хотя и произошла ошибка. Надевайте наручники и забирайте меня.

Он разочарованно глянул на мои руки и вздохнул. Помедлил немного, ожидая от меня каких-нибудь действий, потом снял с пояса наручники и швырнул их мне. Пистолет в его руке при этом не дрогнул.

— Надевай.

Я защелкнул браслет сначала на одной руке — достаточно свободно, чтобы руку вытащить, потом — на другой. Занимаясь наручниками, я не заметил, как он подошел. А он подошел и так стиснул браслеты, что они прямо-таки врезались в кожу.

Улыбался он с садистским наслаждением.

— Попался диГриз. Ты арестован.

Я глянул на него снизу вверх — он был на целую голову меня выше и раза в два тяжелее — и расхохотался. Он сунул пистолет в кобуру и схватил меня. Здоровенный дядька задержал ребенка. И никак не мог понять, почему я хохочу, а объяснять я ему не

стал. Просто применил один прием, как нельзя лучше подходивший к сложившейся ситуации.

А именно: врезал ему в пах коленом. Он отпустил руки и сложился пополам. Бедняге было очень больно и из чувства сострадания я врезал ему еще и по шее — сложенными руками. Теперь ему уже не было больно, поскольку он отключился, еще не рухнув на землю. Я опустился на колени и принялся обшаривать его карманы в поисках ключика от браслетов.

— Что тут происходит? — раздался голос, и двери ближайшего дома распахнулись. Выстрел перебудил всю округу. Придется наручниками заняться позднее. Надо смываться.

— Сами, что ли, не видите?! — заорал я. — Человека ранили. Оставайтесь при нем, а я бегу за помощью!

Последние слова я прокричал через плечо, торопливо удалясь по улице и сворачивая за ближайший угол. В дверном проеме появилась женщина и окликнула меня, но разговаривать с ней мне было что-то не очень охота. Надо шевелиться, пока сюда не нагрянула облава. Да, делишки складываются не вполне удачно. Запаястья ныли, пробегая под фонарем, я взглянул на руки — они побелели. Тесные наручники нарушили циркуляцию крови. Легкое чувство вины, возникшее в моей душе после применения не вполне корректного приема, улетучилось напрочь. Надо снять эти штучки, и как можно скорее. В офисе, больше негде.

Избегая главных улиц и держась подальше от людей, я наконец добрался до места. Пальцы к тому времени уже почти не слушались, потеряв всякую чувствительность.

Прошло невыносимо много времени, пока мне удалось достать из кармана ключи. Наконец достал. И тут же уронил. И поднять уже не мог, потому что пальцы не сгибались. Я мог их только трогать, и все.

Да, в жизни бывают тяжелые моменты, и этот, как мне кажется, был из самых тяжелых. Я не мог сделать того, что было необходимо. Я был разбит, убит и сломлен. Попасть в здание оказалось невозможным. Какое тут медицинское образование требуется, когда понятно — если наручники не снять немедленно, то

доживать придется с пластиковыми руками. Вот так вот.

— Нет, не так! — прорычал я себе. — Высади дверь, делай, что хочешь, хоть ногами открывай.

Да нет же, не ногами! Помертвевшими пальцами я поковырялся в связке ключей, пока не нашел нужный. Затем нагнулся, потрогал его языком, не обращая на грязь никакого внимания. Зажал ключ в зубах. Пока неплохо!

Господа, если вам вдруг захочется открыть замок зубами, то вот вам мой маленький совет — не делайте этого! Видите ли, в чем тут дело, — вам сначала придется долго шевелить башкой, чтобы вставить ключ в скважину. Когда вы это все же сделаете то придется снова крутить ею, чтобы повернуть в замке ключ, а потом — биться башкой в дверь, чтобы ее открыть...

Наконец я добился своего и рухнул лицом на пол. Да, я помнил, что наверху меня поджидает то же самое. Что же, я повторил свое упражнение и, наконец, попал в офис. Увы, больше благодаря настойчивости, упрямству и грубой силе, чем интеллекту. Я слишком устал, чтобы думать. Мог только действовать.

Захлопнув дверь локтем, я доковылял до верстака, спихнул на пол ящики с инструментами и разворошил их содержимое. Отыскал наконец вибропилу. Поднял ее зубами и умудрился вставить в полуоткрытый ящик стола, прижал ящик локтем, зафиксировал. При этом поранил губу. Но это были мелочи. Запястья горели огнем, а кисти рук уже ничего не ощущали. Побелели, как мертвые. Похоже, я опоздал. Локтем включил пилу. Поднес к лезвию наручники, изо всех сил растянув цепочку. Пила взвизгнула, цепь распалась и руки разлетелись в стороны.

А теперь предстоит более точная работа — разрезать браслеты, да так, чтобы не отрезать себе кисти. Дело, скажу вам, не простое.

Когда с этим было покончено, кругом все было забрызгано кровью. Но браслеты были сняты, и понемногу восстанавливалось кровообращение.

А потом я рухнул в кресло и смотрел, как с рук стекает кровь. Онемение вскоре прошло, и накатила боль. С трудом поднявшись на ноги, я поплелся к

аптечке и перепачкал кровью весь ящик, пока не отыскал и проглотил две капсулы болеутоляющего. Прочистил раны антисептиком и перевязал. Порезы были скорее неприятные, чем опасные. Не очень глубокие. Закончив перевязку, глянул в зеркало и содрогнулся. Пришлось залепить пластырем губу.

На улице послышался вой полицейской сирены — ну что же, парень, пришло время хорошенько поразмыслить о жизни.

Влип я не слабо. Биллвилл не слишком велик, и все выезды из города наверняка уже перекрыты. Дело не хитрое. На дорогах стоят заслоны, для осмотра окрестностей высланы копы с приборами ночного видения, а на вокзал — наряд полиции. Все дырки запечатаны. Я оказался в ловушке, как крыса. Что дальше? Разумеется, патрули на улицах. Ближе к ночи народу на улицах будет становиться все меньше, и шансов пробраться незамеченным почти не останется.

Ну ладно, а что будет утром? Я знал, что будет. Они станут обыскивать дом за домом, квартиру за квартирой и наконец обнаружат меня. При мысли об этом я покрылся холодным потом. Неужели конец?

— Да нет же! — вскричал я, вскочил на ноги и заметался по комнате. — Джимми диГриз слишком скользкий, чтобы попасть в грубые лапы местной полиции. На этом остановимся — меня зовут Джимми диГриз Скользкий. И я намерен в очередной раз ускользнуть. Но как?

Я вскрыл бутылку пива, сделал большой глоток и развалился в кресле. Взглянул на часы. Сейчас было уже поздно, и появляться на улице не следовало. Рестораны закрываются, из душных кинотеатров вымещаются последние зрители и, парочка за парочкой, отправляются по домам. Одинокая фигура непременно привлечет внимание блюстителей закона.

Значит, ждем до утра. Придется рискнуть при свете дня. Ах, если бы дождь! Я поспешно набрал прогноз погоды и сразу обмяк: солнечно с вероятностью 99%. С таким же успехом можно ожидать бурю или землетрясение.

Офис выглядел, как после нападения террористов. Прибраться, что ли?

— Нет, Джимми, прибираться не обязательно. Потому что полиция рано или поздно окажется здесь.

А здесь полным-полно отпечатков пальцев, и они отлично знают группу твоей, Джим, крови. Что же, им придется серьезно поломать головы, пока они смекнут, что именно тут стряслось.

Ну, хотя бы просто поразмыслить им будет над чем. Неплохо бы, кстати, подгадить тому полицейскому садисту. Я подкатил свое кресло к терминалу и сочинил записку. Принтер пискнул, я потянулся и достал лист. Отлично!

К СВЕДЕНИЮ ПОЛИЦИИ. МЕНЯ СМЕРТЕЛЬНО РАНИЛ САДИСТ ИЗ ПОЛИЦИИ, КОТОРОГО НАШЛИ БЕЗ СОЗНАНИЯ. ОН СХВАТИЛ МЕНЯ. ИСТЕКАЮ КРОВЬЮ, СКОРО УМРУ. ПРОЩАЙ, ЖЕСТОКИЙ МИР. УХОЖУ, ЧТОБЫ БРОСИТЬСЯ В РЕКУ.

Сомневаюсь, что они этому поверят, но, по крайней мере, это хотя бы слегка подпортит жизнь тому психопату с пистолетом. А остальные — пускай-ка прочешут реку. Записка слегка запачкалась кровью, я еще добавил, приложив к ней бинт. Осторожно положил бумажку на пол.

Эта мелкая пакость меня слегка взбодрила. Я присел к столу, допил пиво и все обдумал. Что-нибудь важное не учтено? Да нет, вроде. Тут нет никаких важных записей, а остальные — надо уничтожить. Я нажал на кнопку — и вся моя информация превратилась в случайный набор знаков. Остальное — инструменты, снаряжение, оборудование — легко заменить, когда потребуется. Вот только деньги оставлять не хотелось.

Натянув поверх бинтов тонкие пластиковые перчатки, я принялся за работу. Утомительно, а что делать?

Деньги лежали в сейфе, потому что какой налетчик доверяет банкам? Сложил их в чемоданчик. Чемоданчик заполнился только наполовину, и сверху я кинул особенно тонкие инструменты. Напихал еще туда одежды, встал на крышку и утрамбовал все так, чтобы можно было повернуть ключ в замочке.

Теперь пора сменить одежду и заняться внешним видом. Строгий черный костюм из ткани, украшенной тонким белым узором из крохотных банкнот. Оранже-

вый воротничок — такие носят все начинающие банкиры. Стильные туфли из кожи свиногобра на высоком каблуке. Не помешает, если я стану немного выше. Теперь, перед выходом, приклею усы и нацеплю очки в золотой оправе. Можно бы еще покрасить волосы и усилить загар.

Закончив все приготовления, слегка обалдев от пива, обезболивающего и усталости, я поставил будильник и забылся.

Гигантские москиты вились надо мной, зудели, жужжали и жаждали моей крови...

Я открыл глаза, встряхнулся, чтобы отогнать кошмар. Писк будильника усиливался, напоминая идущих в атаку москитов. Нажав кнопку, я облизал пересохшие губы и поплелся выпить воды. Да, день уже начинался, на улице виднелись ранние прохожие.

Я умылся, тщательно оделся и придал своему облику последние штрихи. Оживление на улицах достигло утреннего пика, я подхватил чемоданчик, убедившись, что в холле пусто, закрыл за собой дверь и пошел не оглядываясь. Эта страница моей жизни дочитана, нынче — первая страничка жизни новой.

Во всяком случае, я на это надеялся. Весьма деловой походкой — полагаю, это выглядело вполне убедительно — я сошел вниз по лестнице и вышел на улицу.

И немедленно увидел полицейского, который стоял на углу и очень внимательно разглядывал всех подряд пешеходов.

Я на него даже не взглянул, а устоялся на шедшую передо мной очаровательную девчонку с первоклассными ножками. Занявшись сим предметом, я пытался не думать о присутствии блюстителя закона. Приблизился к нему, прошел мимо и стал удаляться, ожидая окрика...

Которого не было. Возможно, полицейский и сам загляделся на девчонку. Но я прошел только мимо одного, а сколько их еще впереди?

Да, это была самая длинная прогулка в моей жизни. Так, во всяком случае, мне показалось. Двигался я не слишком поспешно, но и не очень медленно. Просто постарался сделаться частью толпы, простым служа-

щим, спешащим на работу, которого заботят только начальник, доходы, расходы и долговые обязательства.

Еще одна улица — пока все спокойно. Теперь — свернуть за угол. Служебный проезд за торговым центром. М-да, тут местечко не слишком подходящее для бизнесмена вроде меня. Смотри в оба и не мешкай. А за поворотом ты будешь в безопасности.

В безопасности?! Я покачнулся, словно от удара. У входа стоял служебный фургон Максвина, и громадный механик открывал двери.

Глава 14

Я взглянул на часы, прищелкнул пальцами и на всякий случай вышел из служебного проезда. И важно направился в ближайшую закусочную. В первой же кабинке там торчала парочка копов — наверное, чтобы мне не было скучно завтракать в одиночестве. Понятное дело, они пялились именно на меня. Глядя прямо перед собой, я пошел к дальнему столику. Между лопаток у меня зудело, но не чесаться же у всех на виду! Видеть я их не мог, но и так было понятно, что они глядят мне вслед, шепчутся между собой и приходят к выводу, что выгляжу я как-то странно. Лучше проверить. Да, встают, идут в мою сторону, подходят...

Краем глаза я видел штаны синего цвета рядом с собой, сердце застучало так громко, что, казалось, его звук слышен по всему ресторану. Сейчас прогремят роковые слова... Сейчас... мои глаза скользили вверх по штанинам...

А это был всего-навсего шофер в форменной одежде, который уселся напротив.

— Кофе, — сказал он в микрофон, развернул газету и углубился в чтение.

Сердце почти успокоилось. Я мысленно выругал себя за трусость и подозрительность. Самым густым басом, на который был способен, сделал заказ.

— Черный кофе и острую похлебку с клецками.

— Шесть долларов, будьте любезны.

Я закинул монетки в автомат. Под локтем зашумел механизм, и на стол выехал завтрак. Я не спеша позавтракал, глянул на часы и принялся за кофе. Как мне было известно по прошлому разу, когда я сам прятался в холодильнике, максвиновский техник затрачивает на профилактику минимум тридцать минут. Прошло уже сорок. Я поднялся и пошел к выходу, стараясь не думать о том, что увижу, когда, наконец, открою служебную дверь закусочной. Я ведь что сказал на прощание Слону? «Я буду первым, кто войдет в эту дверь». А первым оказался механик. Неужели он накрыл Слона? От этой мысли меня прошиб пот. Ну да ничего, скоро все выяснится. Я прошел мимо кабинки с полицейскими — те ушли. Надеюсь, подальше. Я вышел на улицу и снова свернул к торговому центру.

Приближаясь к двери, я держал ключ наготове. Улица впереди была пуста, но за спиной слышались шаги. Полиция? С утомительным постоянством мое сердце вновь застучало как бешеное. Возле двери я замедлил шаг. Остановился и незаметно бросил ключ на тротуар — чтобы сделать вид, будто только что его нашел. Поднял и внимательно разглядывал, пока человек проходил мимо. Он не проявил к моей персоне никакого интереса. Свернул себе служебным ходом на рынок и исчез.

Я быстро оглянулся — нет ли еще кого, и торопливо подскочил к двери. Повернул ключ, толкнул — конечно, она не открылась.

Установленный мной механизм задержки сработал прекрасно. Дверь откроется ровно через минуту. Через долгих шестьдесят секунд.

И в своем прекрасном костюме я был здесь неуместен, как титька на брюхе свинобраза — так говорили у нас на ферме. И вот, такой неуместный, я стоял и потел, ожидая появления полиции или случайного прохожего.

Наконец ключ повернулся, дверь открылась, и я ввалился внутрь.

Пусто! Только возле дальней стенки лениво погромыхивал автомат. Зажужжал, заурчал, куда-то вниз поехал бокал с напитком, следом за ним в путь отправился бургер. Но человека тут видно не было. Они его схватили. Следующий на очереди — я.

— А, мой мальчик. Я так и подумал, что это ты.

Слон появился из холодильника, невообразимо огромный в своем теплом одеянии, со спальником и сумкой под мышкой. Он захлопнул за собой дверцу, и тут меня покинули последние силы, и я сполз вниз по стеночке.

— У тебя все в порядке? — осведомился Слон с тревогой в голосе.

Я мог лишь слабо махнуть рукой в ответ.

— Все прекрасно. Дайте только дух перевести. Я боялся, что вас взяли.

— Не стоило тревожиться. Когда ты не появился сразу, я понял, что тебе пришлось слегка изменить планы. И принялся репетировать эвакуацию на случай, если заявятся законные визитеры. И они-таки появились. Ты знаешь, в холодильнике довольно холодно. Я не знал, сколько они тут проторчат, но был уверен, что ты предусмотрел что-нибудь и на этот случай...

— Я должен был сказать!

— Не страшно. Я и так во всем разобрался. Нашел спрятанные наушники и слушал, как кто-то бормочет себе под нос. Теперь рассказывай. Были проблемы?

— Проблемы... — я с облегчением рассмеялся. Но тут же умолк, уловив в своей смехе истерическую нотку. И рассказал ему все, опустив некоторые пикантные детали. Время от времени восклицая, он внимательно выслушал все до печального конца.

— Ты слишком строг к себе, Джим. Одна ошибка в течение такого трудного дня — право же, это прости-тельно.

— Но непозволительно! Из-за своей глупости я чуть было не засыпал нас обоих! Но такое впредь не повторится.

— Тут ты ошибаешься, — он наставительно погрозил пухлым пальцем. — Это может произойти в любой момент, пока ты не научишься работать. Тебе надо учиться, и серьезно.

— Конечно!

— ... До тех пор, пока подобные ляпсусы станут просто невозможными. При всей твоей малоопытности ты действовал на удивление удачно. Теперь ты сможешь совершенствоваться.

— И вы будете моим наставником... Я стану великим мошенником!

Тут он нахмурился и слегка помрачнел. Неужели я ляпнул что-то не то? Я нервно кусал губы, пока он расстилал спальник и усаживался, а когда наконец заговорил, я был готов внимать каждому его слову.

— Вот тебе первый урок, Джимми. Я не мошенник. И ты не мошенник. Преступниками мы быть не хотим, потому что преступники — люди глупые и никчемные. Важно понять именно то, что мы стоим вне общества и живем по своим, очень жестоким законам, которые еще более жестоки, чем в обществе, которое мы отвергли. Эта жизнь ведет к одиночеству, поэтому ее надо выбирать сознательно. И если выбор сделан, остается неукоснительно ему следовать. Ты должен стать более нравственным, чем остальные, потому что жить тебе придется, руководствуясь более жестким моральным кодексом. И в этом кодексе слову «мошенник» места нет. Это слово — из их языка, оно предназначено для таких, как ты, но тебе следует от него отказаться.

— Но я хочу стать преступником...

— Позабудь об этом. Знаешь, извини, конечно, но все это — юношеские амбиции. Эмоциональный выпад против общества, которое ты очень не любишь. А эмоции — это только эмоции, ерунда. Ты отвергаешь общество и в то же время принимаешь их слово, которое должно обозначать тебя. Мошенник. А мы не мошенники.

— Тогда кто же мы?

Слон сцепил пальцы и принял торжественный вид.

— Мы — Граждане Высшего Света. Мы отринули глупые, косные, скучные до зевоты моральные и этические заветы, по которым живут остальные. И заменили их своими, куда более совершенными. Физически мы находимся среди них, но им не принадлежим. Где они ленивы, там мы деятельны. Где они

безнравственны, там мы добродетельны. Где они лгут, там мы — сама Правда. Мы, возможно, величайшая из сил, действующих на благо отринутого нами же общества.

Тут я растерянно заморгал, но терпеливо ждал, что он расставит все по местам.

— В каком мире мы живем? Оглянись вокруг. Граждане этой планеты, да и любой другой из обширной организации, известной как Галактическая Лига, являются гражданами изобильного, богатого союза миров, где почти напрочь позабыто значение слова «преступник». Ты был в тюрьме и видел сброд дешевых подонков, которых они называют преступниками. И это просвещенный мир! А на других планетах — горстки недовольных и еще какое-то мизерное количество социально неприспособленных. Несмотря на то что генетический контроль существует уже очень давно, эти немногие рождаются до сих пор, но их выявляют очень рано и отправляют на коррекцию. Эту планету я покидал только однажды, отправившись в турне по ближайшим планетам. Ужас! По красочности и замыслу жизнь на этих планетах похожа на размокшую обертку. И я поспешил вернуться в Райский Уголок, потому что, как здесь ни противно, но он в самом деле райский уголок в сравнении с остальными.

— Я хотел бы когда-нибудь увидеть эти другие миры...

— И ты должен, мой мальчик, это обязательно надо сделать. Но сначала найди свой путь в этом мире. И будь доволен, что до сих пор у нас не введен еще тотальный генетический контроль. И что на каждом углу не стоят автоматы для корректировки мышления тех, кто недоволен обществом. На других планетах все дети на одно лицо. Кроткие, мягкие и социально приспособленные. Конечно, у некоторых из них генетические погрешности — а мы называем это силой — не проявляются слишком рано. И эти бедолаги начинают испытывать себя на мелких преступлениях — грабежах, мелких кражах, угонах скота и прочей ерунде. Они могут продержаться месяц-другой — в зависимости от развития интеллекта. Но не дольше — полиция их отлавливает и отправляет на корректировку.

Усвоив эту информацию, я задал очевидный вопрос.

— Но если все это вовсе не преступность, не протест против общества, что тогда остается на нашу долю?

— Я надеялся, что ты не задашь этого вопроса. Эти неудачники и олухи, с которыми ты познакомился во время своей отсидки, составляют девяносто девять и девять десятых процента преступников в нашем чинном и благородном обществе. Оставшаяся одна десятая процента — это мы, неотъемлемая составляющая общества. Без нас вселенная издохла бы от перегрева. Жизнь законопослушных граждан была бы без нас столь скучной, что им осталось бы только удавиться. Вместо того, чтобы нас преследовать, им следовало бы признать нас лучшими из достойнейших!

При этих словах, его глаза сверкнули, голос загремел. Не хотелось, конечно, прерывать столь возвышенную речь, но требовались уточнения.

— Простите меня, но не объясните ли вы — почему?

— Хотя бы потому, что мы придаем смысл работе полиции, даем им возможность раскатывать в автомобилях, набитых всякой дурацкой техникой. А публика — с каким интересом слушает она репортажи о нашей работе, с каким жаром их обсуждает и наслаждается мельчайшими подробностями! А во что обходятся им все эти развлечения? Даром! Только приходится иной раз расплачиваться деньгами: железками и бумажками. А те, кстати сказать, застрахованы. Ведь если мы и берем банк, то деньги возмещаются страховой компанией, которая вынуждена понизить годовые дивиденды, но — на микроскопическую величину. Каждый клиент получит меньше на миллионную долю доллара. Никаких затрат, совершенно никаких. Мы благодетели человечества, мой мальчик, настоящие благодетели.

Но для того, чтобы действовать на благо людям, нам приходится действовать вне пределов их правил и устоев. Чтобы сосуществовать с ними, мы должны быть осторожными, как крысы. В прежние времена это было легче, крыс тогда в обществе было больше — законы были мягче: так в старых деревянных домах их

всегда водилось больше, чем в новостройках из бетона. Но крысы живут и там. Да, нынешнее общество сооружено из бетона и стали, и лазеек в нем меньше. И прогрызть себе новые ходы сможет не всякая крыса. Только стальная.

Тут я невольно разразился аплодисментами. Захлопал так, что отбил себе ладони. И он, принимая мое восхищение, величаво склонил голову.

— Это мы и есть — стальные крысы! — восторгался я. — Стальные крысы! Это нелегкая доля немногих избранных — быть стальной крысой!

Он кивнул головой в знак согласия и продолжал говорить.

— Согласен. Но у меня горло пересохло от речей. Не поможешь ли мне управиться с этими хитрыми механизмами? Выдои-ка из них двойной шерри.

Я кинулся к автоматам у дальней стены.

— С радостью покажу, как это делается. У каждого механизма есть проверочный тумблер. Обратите внимание, это автомат напитков. Сначала надо включить его, а затем — отвести лоток в сторону, чтобы напиток попал к вам, а не выехал в зал. На каждом лотке есть бирка. Видите — шерри. Легкое движение руки и... готово.

Звякнув, выехал бокал. Слон тут же схватил его. Припал к нему губами и замер, а потом — зашептал уголками рта.

— Тут окошко, и на меня глядит какая-то фифа!

— Не волнуйтесь. Стекло зеркальное. Она просто любит свою мордашкой. Это окно используется для наблюдения за клиентами.

— Да? Верно, теперь вижу. Ну, они просто обжоры. Должен признаться, это зрелище несколько волнует мой желудок.

— Нет проблем. Вот управление горячими блюдами. Тут рядом как раз макманибургеры, не желаете ли?

— Весьма даже желаю.

— Пожалуйста.

Он ухватил бутерброд, по традиции украшенный глазами-бусинками и пушистым хвостом, и принялся уплетать. Было просто сущим удовольствием глядеть

на него. Но тут мне пришлось отвлечься, чтобы не забыть опустить монеты в прорезь кассы.

У Слона глаза расширились от изумления. Еще не прожевав как следует, он заговорил:

— Ты платишь? А я полагал, мы бесплатно пасемся в гастрономическом раю, где круглые сутки бесплатно дают выпить и закусить?!

— Да, но учитывая, что я расплачиваюсь ворованными деньгами, выходит, что я просто возвращаю их в оборот, чтобы не пострадала экономика. Надо учесть еще и то, что система Максвина на послабления не рассчитана. Тут учитывают каждый кусочек льда, каждое волоконец мяса. При проверке механизмов, механик знает, что он в ответе за каждую порцию. Компьютер прослеживает каждый заказ, поэтому запасы холодильника и пополняются очень точно. Выручка автоматически извлекается из кассового ящика со стороны зала. И сразу попадает в бронированный фургон, замок которого открывается лишь набором шифра. Так что, если мы будем питаться бесплатно, это немедленно засекут. И приедут выяснять, в чем тут дело. Впрочем, поскольку возвращаться сюда мы не станем, то, уходя, прихватим с собой всю кассу.

— Прекрасно, молодой человек, прекрасно... А то, признаюсь, меня слегка встревожило твое проявление честности. Ну ладно, раз уж ты там неподалеку, то состряпай порцию заячьего рагу, я плачу.

Глава 15

Видимо, школы бывают и в более странных местах, хотя, по правде говоря, представить себе этого не могу. Особенно скучать от одиночества нам не приходилось — время от времени даже разговаривать было невозможно из-за постоянного шума и лязганья максвиновских автоматов. Самый грохот стоял в часы ленча и обеда, еще один пик приходился на время, когда в окрестных школах кончались занятия. В такие моменты подкреплялись и мы — все равно разговаривать в этом производственном шуме было невозможно. Подкреплялись мы старательно и вскоре перебрали чуть ли не все меню Максвина. Макбаннибургеры исчезали в наших глотках без счета, впрочем, как и мороженое Фуми. Мне, кроме того, весьма по душе пришлось доббиндоги, пока один из них, очутившись в моем желудке, не вступил в сложные отношения с заливными ножками свинобраза и с кошкофриттами. Что до вкусов Слона, то они оказались весьма неприятными, и ему поэтому пришлось по душе все меню сразу. После того, как шум стихал, мы предавались неге, и моя учеба возобновлялась. Наконец мы со Слоном добрались до компьютерных операций, и тут я понял, чем он занимался последние лет двадцать своей жизни.

— Дайте мне терминал — и я буду править миром! — заявил он, и его голос прозвучал так уверенно, что я понял — не врет.

— Когда я был молод, — Слон пустился в воспоминания, — то преуспевал в различных отраслях деятельности, направленной на то, чтобы развлечь обитателей этой планетки. Согласись, вовсе не плохо спереть деньги из сейфа во время их перевозки в банк и оставить вместо кучи банкнот свою визитку. Кстати, им так и не удалось сообразить, в чем там было дело...

— А в самом деле, в чем?

— Но мы, кажется, перешли к компьютерам?

— Давайте же разок отвлечемся. Обещаю использовать услышанное только на благое дело: готов повторить ваш трюк с тем, чтобы оставить там вашу визитку. Если вы, конечно, позволите.

— А что? Неплохая идея... На то и щука в озере, чтобы карась не дремал. Пусть-ка нынешние копы пораскинут мозгами. Что ж, я расскажу тебе о том дельце. Может, ты сам догадаешься, как я его обстряпал.

Итак. Старое, хорошо охраняемое здание центрального монетного двора. Стены двухметровой толщины. В здании установили новые гигантские сейфы, вмещающие миллиарды долларов. Когда из банка требовалось отправить деньги, то служащие — под охраной, разумеется — загружали бумажки в инкассаторский контейнер, который запирался и опечатывался на глазах у всех присутствующих. Снаружи ждал бронированный фургон. Естественно, под охраной наряда полиции. По сигналу фургон подавал задом к наружной, тоже бронированной двери. В стене — специальная внутренняя камера и процесс шел так: контейнер помещался во внутреннюю камеру изнутри, двери со стороны двора закрывались, открывались двери наружу — и они не открывались, пока не будут закрыты внутренние — контейнер попадал в фургон, тот ехал на станцию, подъезжал к линеру и перегружался в бронированный вагон. Там тоже единственная дверь, которая запиралась, опечатывалась и ставилась под сигнализацию. Во время поездки охрана сидела в специальном отделении. Поезд приезжал на место и про-

цедура повторялась в обратном порядке: фургон, в него грузился все еще запечатанный контейнер, его перевозили в банк. Наконец открывали... И обнаруживали там лишь мою визитку.

— Великолепно!

— Объяснить тебе, как это было проделано?

— Вы были одним из охранников в поезде...

— Нет.

— Водителем фургона...

— Нет.

Я ломал голову в течение часа, наконец Слон сжался надо мной и рассказал обо всем.

— Да, твои варианты неплохи, но они, увы, не совсем безопасны. Вообще ты более практичен, чем я. Я-то обычно предпочитал полагаться на мозг больше, чем на мускулатуру. Мне было незачем взламывать контейнер, чтобы взять деньги, потому что он был пуст, уже когда покинул здание. Собственно, не совсем пуст — в нем лежали кирпичи и моя визитка. Теперь догадываешься?

— Деньги не покидали здания... — пробормотал я, пытаясь подстегнуть свое воображение, — но они были загружены в контейнер, а контейнер был помещен в фургон...

— Ты кое-что пропустил.

Я щелкнул пальцами и вскочил на ноги.

— Конечно! Стена! Вы дали мне все ключи к разгадке, а я оказался непроходимо туп! Ну конечно же, стена: старая, каменная, в два метра толщиной!

— Именно. У меня ушло четыре месяца на то, чтобы пробиться внутрь. Испортились три робота, а я все же своего добился. Сначала мне пришлось купить здание, расположенное через дорогу от монетного двора, и пробить туннель. Киркой и лопатой. Очень медленно и очень тихо. Потом я полез вверх: сквозь фундамент, внутрь стены. Это оказалось не так уж и сложно, потому что каменными у нее были только наружная и внутренняя стенки, а промежуток между ними был просто засыпан булыжником. Бесшумной алмазной пилой я вскрыл стенки внутренней камеры и установил механизм, способный заменить контейнер за полторы секунды. Когда внутренняя дверь камеры, со стороны двора, закрывалась, то необходимо было

переключить замок — только тогда открывалась наружная. А на это уходило прорва времени — целых три секунды. Они так и не поняли, как все это произошло. Кстати, механизм все еще на прежнем месте. Только, знаешь, все это рытье туннелей — сплошная морока. Вот компьютерные операции — совсем другое дело. Чистый интеллект.

— Но разве в наше время, со всеми этими кодами и блокировками, компьютерные преступления еще возможны?

— То, что один человек может зашифровать, другой способен расшифровать. Не оставляя при этом никаких следов. Приведу тебе несколько примеров. Начну с того, что называется «кувырок». Иногда это еще называется «салями». Предположим, у тебя на счету в банке 8000 долларов, которые приносят тебе 8 процентов годовых. Раз в неделю банк пересчитывает твой счет. То есть, в конце первой недели банк умножит сумму счета на 0,0015384 и прибавит результат к сумме счета. Твое состояние увеличится на 12,30 долларов. Правильно? Проверь на калькуляторе.

Я подсчитал — результат был верен.

— Ровно двенадцать долларов и тридцать сантимов, — подтвердил я.

— А вот и нет, — решительно возразил он. — Прибыль-то составила 12,3072, не так ли?

— Да, но как прибавишь к счету семьдесят две сотые сантима?

— Да, это непросто, потому что банковские счета знают только вторую цифру после запятой. И вот тут банк должен решить — что делать с остатком. Можно так: округлить все, что больше 0,005 в большую сторону, а то, что меньше 0,0049 — скинуть в нуль. За день все округления в общем дадут в среднем результат, близкий к нулю. Кроме того — и это общепринятая практика — банк может просто забирать на свой счет все, что идет после второй цифры после запятой. Мелочь, а приятно. Но мелочь — только по банковским масштабам, а для отдельного клиента — сумма ого-го! То есть, если запрограммировать компьютер так, чтобы он скидывал все эти хвостики на отдельный счет, то выйдет, что баланс в порядке и никто не в обиде.

Я принялся терзать калькулятор и, увидев, что выходит, аж затрясся от восторга.

— Если с каждых десяти тысяч в округление уходит полсантима, то это прибыль в пятьдесят долларов!

— Да, и с какой суммы? А в нормальном банке масштабы куда больше. И они обеспечивают организатору доход, как минимум, пять тысяч долларов в неделю.

— И что, это самый мелкий и простой ваш компьютерный трюк?

— Конечно. Ну, а когда человеку удастся проникнуть в суперкомпьютеры корпораций, суммы там просто астрономические. Да и сама работа на таком уровне — сплошное удовольствие. Потому что, если быть осторожным и не оставлять следов, корпорация даже не догадается, что ее надувают. Более того, они и знать об этом ничего не хотят и не верят, даже когда все становится совершенно очевидным. Да и обвинить кого-либо в компьютерном преступлении очень сложно. Отличное занятие для пожилого человека вроде меня. Я не попадался ни разу. Ну, кроме последнего...

Он тяжело вздохнул и погрузстнел.

— Это мой грех! — воскликнул я. — Если бы не моя попытка найти вас, то вам бы не пришлось встречаться с федеральной полицией.

— Нет, Джим, ты тут ни при чем. Я недооценил их меры безопасности, которые оказались куда жестче, чем те, с которыми я сталкивался ранее. Что же, моя ошибка — и мне за нее платить. И я до сих пор плачу. Кстати, в безопасности этого убежища сомневаться не приходится, но местная пища начинает мне что-то приедаться. А тебе?

— Это же еда моего поколения, — отрицательно покачал головой я.

— Ну да, об этом я не подумал. Лошадь на сене оскомину не набьет, да и свинообразу его пойло не опротивеет.

— А вы сможете прожить сто лет на одних омарах и шампанском.

— Эх, весьма точно подмечено, мой мальчик... Так, как ты думаешь, сколько нам здесь еще торчать? — спросил он прямо, отодвинув в сторону тарелку с недоеденными крumpлумами.

— Думаю, пару недель.

Он содрогнулся.

— Отличный шанс похудеть...

— К тому времени поиски прекратятся. Но и потом нам следует избегать открытого перемещения. Впрочем, я придумал одно средство. Кажется оно вполне безопасно и надежно.

— И какое же?

— Суденышко. Небольшой катер на Стикс-ривер. Я купил его не так давно, на подставное имя, разумеется, и теперь он дожидается нас в бухточке, неподалеку от Биллвилла.

— Превосходно! — Он с жаром потер руки. — Конец лета, круиз на юг, жареная зубатка по вечерам, бутылки с вином охлаждаются в реке, бифштексы в придорожных ресторанчиках...

— А я еще и пол сменю...

Он моргнул и уставился на меня. Выслушав объяснения, облегченно вздохнул.

— Нас ведь могут увидеть с берега, так что мне придется вырядиться девицей. По крайней мере — пока не отъедем подальше.

— Отлично. Ну что же, а я слегка сброшу вес, мне тут держать диету несложно. Отпущу усы и бороду, выкрашу волосы в черный цвет. Заняться есть чем. Кстати, не лучше ли месяц, а не две недели? Еще две недели пойдут на пользу моей фигуре, а усы и борода за это время примут нормальный вид.

— Я с вами месяц продержаться смогу.

— Тогда решено. И большую часть нашего времени мы используем для обучения. Лучше, Быстрее и Больше — вот наш девиз на ближайшее время.

Надо сказать, что учеба занимала меня настолько, что вездесущий запах свинобургеров не тревожил, скажу больше — я даже был в состоянии продолжать их уплетать, чего нельзя было сказать о моем учителе, так что его фигура уменьшалась одновременно с тем, как возрастали мои знания по части нарушения законов нашего уважаемого общества. Я уже был готов двинуться в путь и раньше, но Слоны были непоколебимы.

— Если план принят, то исполнять его следует неукоснительно. План может быть изменен лишь в случае, когда меняются внешние обстоятельства. Человек есть

животное разумное, и ему требуется приучить себя к порядку, чтобы стать мыслящим существом. А то, знаешь, причины для того, чтобы менять планы, всегда можно отыскать.

Он вздрогнул от грохота кухонных агрегатов — похоже, в школах окончились занятия, — и подвел итог нынешнего дня.

— Итак, хорошо спланированная операция всегда удается. Если вмешиваться в хорошо спланированное дело, то оно будет провалено. Наш план хорош. Поэтому мы будем его придерживаться.

Ко дню, назначенному для отправления в путь, Слон сделался намного стройнее и крепче. Горнило гастрономических испытаний еще более закалило его. А я так, наоборот, прибавил в весе. Ну что же. Скудные пожитки собраны, сейф вычищен начисто, уничтожены все следы нашего пребывания. Оставалось только ждать, поглядывая на часы.

И тут раздался сигнал. Мы вскочили на ноги, радостно улыбаясь. Я отключил звук, а Слон распахнул дверь в холодильник. Когда в наружной двери повернулся ключ, мы закрыли дверь за собой. И стояли, ежась, в этом максвиновском склепе, слушая, как механик расхаживает по покинутому нами помещению.

— Слышите? — тихо спросил я. — Он ремонтирует холодильник возле аппарата с шерри. Не правда ли, довольно смешно?

— Я бы предпочел не обсуждать гастрономические темы, — поморщился Слон. — Кстати, не пора ли выходить?

— Пора. — Я отворил дверь на улицу и с неприщипки зажмурился. Улица была пуста, не считая конечно, служебного максвиновского фургона.

— Нам туда.

Мы выбрались наружу, и я закрыл дверь за собой. Уф, воздух был сладок, свеж и даже то, что тут немного пованивало какой-то тухлятиной, казалось очень милым — я уже просто озверел от вечного однообразия максвиновских ароматов. Слон заторопился к фургону, а я пока аккуратно, двумя клинышками, заблокировал двери нашего павильона гастрономических ужасов. Если механику вздумается выйти раньше, чем ему поло-

жено, это его слегка притормозит. А нам-то и нужно всего минут пятнадцать.

По части отмычек и замков Слон оказался докой, так что, когда я отошел от двери, фургон был уже отворен. Он залез внутрь, я сел за руль и завел мотор.

Дальнейшее было весьма прозаично. Слона я оставил неподалеку от бухточки, приглядывать за нашими пожитками, а сам отправился парковать похищенный фургон у ближайшего магазина. Потом, медленным шагом, вернулся на набережную.

— Наш катер вот тот — белый, — показал я, другой рукой одновременно проверяя, хорошо ли держатся мои усы. — Причал полностью автоматизирован. Сейчас я его подгоню.

— Итак, круиз начинается, — сказал он с веселым огоньком в глазах.

Я направился к причалу и вставил идентификационную карточку катера в щелку контроллера.

— Доброе утро, — раздался милый металлический голосок. — Вы идете на катер «Лаки Бакс». За подзарядку батарей с вас причитается двенадцать долларов. За судовой припас...

Он монотонно бубнил свою информацию, которую и так было видно на терминальчике, и ничего тут не поделать. Я переминался с ноги на ногу, наконец тот замолк, и я смог бросить монетки. Автомат заурчал и выплюнул обратно мой пропуск. Не спеша я подошел к катеру, вставил пропуск в замок и подождал, пока можно будет войти внутрь. Вскоре вышел в реку и направил катерок к одинокой фигурке на берегу.

Только в том-то все и дело, что не одинокой! Рядом со Слоном на лавочке восседала какая-то девица.

Я знай себе кружил и кружил по реке, а она не уходила. Слон сидел расслабленно и не подавал мне никаких знаков. Я сделал еще один круг и, завидя вдали патрульную полицейскую машину, счел за лучшее направиться к берегу. И тут девушка вскочила с лавочки и радостно кинулась ко мне.

— Да ведь это же Джимми диГриз! Какая приятная встреча!

Глава 16

Да, у жизни в запасе всегда найдется какой-нибудь сюрприз. Что поделаешь, подогнал катерок к причалу и пригляделся к девице повнимательней. В конце концов, если она меня знает, то и я должен ее знать. М-да, ничего себе: куколка, рубашечка красиво топорщится, губки словно лепестки роз, нет сомнения — это воплощение моей мечты.

— Это ты, Бет? Бет Наратин?

— Как это мило с твоей стороны — вспомнить меня!

Я был готов выскочить с чалкой на берег, но она выхватила у меня канат и накинула его на кнехт. За ее плечом промелькнула патрульная машина, мелькнула и отправилась патрулировать дальше. Когда она заговорила, Слои поднял глаза к небу.

— А я вот шла-шла и вдруг гляжу — да кто же это?! Нет, Бет, сказала я себе, не может быть, чтобы это был Джимми. С чего бы это ему вылезать из максвиновского фургончика, да еще в таких усищах? Джимми теперь знаменитость, его все время по телевизору крутят, нет, просто не верится. А потом я подумала — а вдруг это все-таки он? Почему бы тогда нам не повидаться?! Я за тобой чуточку подсмотрела,

вижу — ты поговорил с этим приятным джентльменом — и решила дожидаться тебя тут. Хотите по речке покататься, да?

— Да, в общем-то... Но, скорее, не прокатиться, а прогуляться. Денек-другой. Рад был тебя повидать, Бет.

Да, только это приятно и было — повидать. Как-никак, предмет детского поклонения. Я помнил ее по школе, и забыть ее было трудно. Она была на четыре года меня старше, так что теперь рядом с нами сидела вполне зрелая женщина. Теперь ей, стало быть, двадцать один. А в своем классе она была лидером, королевой красоты школы в год ее выпуска. И по справедливости, надо отметить. Да и теперь выглядит вовсе не плохо. Ее голос будил во мне массу воспоминаний.

— Джимми, ну что же ты врешь... У вас столько вещей, что мне кажется — вы надолго. И знаешь, я тебя понимаю. На твоем месте я бы тоже отправилась куда подальше.

Последние слова она произнесла чуточку другим тоном. На что это она намекает? Задерживаться мы не могли. А ее намерения стали вполне понятными, когда она спрыгнула на борт и принялась раскачивать катерок.

— Лишнее местечко всегда найдется! — жизнерадостно крикнула она и примостилась на носу. Я вышел на пирс и взял вещи.

— Она узнала меня, — шепнул я Слону. — Что будем делать?

— А что мы тут можем поделать? — вздохнул он в ответ. — Разберемся по дороге. Выбора-то никакого.

Что правда, то правда. Я вручил ему пожитки, а сам принялся распутывать мертвый узел, который она мимоходом завязала. Развязал, оттолкнул наш «Лаки Бакс» ногой и прыгнул на палубу. Слоны поволок вещи в каюту, а я встал за штурвал, запустил двигатель, и мы пошли вниз по реке. Подальше от Биллвилла, Максвилла и закона.

Но только не от Бет. Она разлеглась на палубе прямо передо мной, юбочка задралась так, что мне оставалось только любоваться ее стройными ножками. Что я и делал. Видимо, почувствовав это, она поверну-

лась назад, взглянула на меня и одарила понимающей улыбкой. А я-то, помнится, собирался на катерке преобразиться в девушку. Вот потеха-то...

— Ладно, Бет, выкладывай, — пробурчал я, с трудом переводя взгляд с ее ножек на речные просторы. Впрочем, я начинал сердиться.

— Что ты имеешь в виду, милый?

— А вот этого не надо. Ты сказала, что смотрела все последние новости. Стало быть — все про меня знаешь.

— Конечно. Ты взял банк и бежал из тюрьмы. Но знаешь, меня это особенно не волнует. У каждого свои проблемы, так что у меня — тоже. Но когда я увидела тебя и этот катер, то поняла, что деньги у тебя есть. Много денег, наверное. И решила к тебе присоединиться, а что?

Я мучительно старался думать не о ее ногах, а о деле. Она была помехой.

— Да, у меня отложено немного денег. Я могу дать тебе часть и высажу на берег...

— Спасибо, милый. Но только за деньги. Знаешь, берег исключается. Надоел мне этот Биллвилл. Я мир посмотреть хочу. А ты мне это путешествие оплатишь.

Она перевернулась на спину и стала улыбаться солнышку. Я мрачно прикидывал, что трех-четыре ударов вполне хватит, чтобы свернуть эту чудную шейку к чертовой матери.

Безо всяких шуток. Какие уж тут шутки! Проблему надо решать, по возможности, без шума. Мы летели вперед, вода за кормой распадалась на два пенных вала, Биллвилл остался позади, за изгибом реки открывались зеленые просторы полей. Слоны выбрались на палубу и присел рядом со мной. Говорить в ее присутствии, понятное дело, было особенно не о чем.

Так, в молчании, мы провели почти час, и тут впереди показалась пристань у прибрежного магазинчика. Бет зашевелилась и села, ероша пальчиками свои роскошные светлые волосы.

— Знаешь, Джимми, я проголодалась. А вы, наверное тоже. Почему бы нам здесь не пристать, а я сбегая и куплю пива и чего-нибудь поесть. Годится?

— Вполне, — согласился я. Она сходит на берег, мы на максимальной скорости скрываемся в туманной дали.

— Но я на мели, — улыбнулась она. — Совсем-совсем. Так что, если хотите есть, дайте мне немного денег. Тысячи, полагаю, хватит.

Произнесено это было с таким невинным выражением на мордашке, что я задумался — а что у нее самой за проблемы? Судя по всему — вымогательство и шантаж: все данные для этого у нее были налицо. Пришлось вытащить бумажник.

— Прекрасно, — сообщила она, пересчитывая бумажки в пачке. Глазки ее при этом так и горели. — Я мигом обернусь. Я просто уверена, что вы меня дождетесь. Джимми, ты и твой приятель и соскучиться не успеете. Кстати, а его в программе новостей я видеть не могла?

Я проводил ее весьма выразительным взглядом почти до магазина. Ничего не скажешь, покачивания ее бедер были в самом деле замечательны.

— Живьем шкуру спускает, — пробурчал Слон.

— Угу. Спускает и сушиться вешает. Что делать?

— Пока только то, что она сказала. Убивать нельзя, так что выбирать не приходится. Да и не люблю я убийство как метод.

— И я не люблю. Хотя, честно говоря, очень уж хочется. Впервые в жизни.

— А что тебе о ней известно?

— Да почти ничего. Со школьных времен мы не встречались. Она сказала, что у нее какие-то проблемы, но что это означает?

Он задумчиво кивнул.

— Как только подвернется случай, я доберусь до компьютера. Выясню, не проходит ли она по полицейским спискам.

— А что это нам даст?

— Пока не знаю, мой мальчик. Но проверить надо. А пока придется смириться с имеющейся ситуацией. Хоть кошмары свиного дворца позади, да и преследователи тоже. Пока это создательнице намерено высасывать из нас деньги, мы в безопасности. Временно. Как бы то ни было, она все же украшение компании.

Возразить было нечего, оставалось сидеть и утрюмо ждать, когда вернется непрощенная гостья.

После ленча мы продолжили наше путешествие. Утомившись от солнечных ванн, Бет спустилась вниз, вздремнуть. Слон захотел постоять у штурвала, я объяснил ему все нехитрые премудрости управления и указал навигационные знаки. Говорить нам было почти не о чем. Но было о чем подумать.

Предмет наших дум объявился на палубе после полудня.

— Чудненькое суденышко, — сказала она. — Отличная спаленка, кухонька и все остальное. Вот только там всего две кровати. Как же мы разместимся?

— В очередь, — буркнул я, ее голосок уже начал действовать мне на нервы.

— Джимми, ты всегда был пошляком... Я думаю, что лучше всего мне спать внизу. А вы с приятелем чуточку потерпите. На палубе.

— Потерпеть, юная леди?! В мои-то годы торчать среди ночного тумана?

Слон с трудом сдерживал гнев, а ее улыбка сияла как ни в чем ни бывало.

— Ну что вы, — ответила она. — Уверена, вы что-нибудь да придумаете. А теперь я бы хотела сделать остановку в следующем городке. Знаете, все произошло так быстро, что я не успела собраться. Представляете, я оставила дома всю одежду и косметику.

— И что, тебе опять хватит парочки долларов? — осведомился я, просто так — чтобы разговор поддерживать.

— Ну, думаю, еще одной тыщонки мне хватит.

— Пойду-ка я вниз, — сказал Слон и больше на палубе не появлялся, пока я не отшвартовался и леди не ушла. Он вынес две банки пива, я взял свою и сделал порядочный глоток.

— Убийство исключается, — твердо сказал он.

— Совершенно исключается, — хмуро согласился я. — Но мы можем насладиться хотя бы мыслями о нем.

— Просто поднять якорь и уплыть — нельзя. Она немедленно сдаст нас полиции и оторвет неплохое вознаграждение. Нам надо шевелить мозгами быстрее,

чем она. К нам она попала случайно, это ясно. Денежки любит, так что давать ей их придется. А потом она решит, что вытянула из нас уже все, что можно, и сдаст полиции. На судне карта есть?

Было видно, что его мощный ум заработал на полные обороты. Без лишних слов я спустился вниз и принес карту. Он провел по ней пальцем.

— Мы, кажется, теперь вот тут. А ниже по течению, вот здесь — находится шумный городишко Валлс Халла. Когда мы будем там?

Я прикинул масштаб и замерил расстояние пальцами.

— Если пораньше тронемся, то, думаю, завтра к полудню.

Его лицо озарила такая широкая улыбка, что глаза сузились в щелки.

— Прекрасно, просто замечательно. Все складывается, как нельзя лучше.

— Что складывается?

— Мои планы. О них я пока умолчу, нужно продумать некоторые детали. Когда она вернется, то все, что ты должен делать, это мне поддакивать. Теперь обратимся к бытовой стороне дела. Где мы будем спать ночью?

— На берегу, — ответил я, направляясь вниз. — Пока наша подружка еще не вытянула из наших карманов все, я пойду и куплю палатку и прочую чепуху.

— Отлично. Я останусь тут на страже и займусь деталями планов, пока ты не вернешься.

Я купил туристское снаряжение, отбивных и небольшой коллекционный набор изысканных вин. После максвиновского рациона хотелось разнообразия. Солнце клонилось к горизонту, я привязал катер к берегу на краю зелененького лужка — там мы могли разбить палатку. Склонившись над мясом, Слон причмокнул и объявил, что обед приготовит сам. Пока он хлопотал возле плитки, а Бет полировала ногти, я устроил жилье. За трапезу мы сели, когда солнце повисло над горизонтом, словно оранжевый шар. Это было великолепно. Никто не проронил ни слова, пока обед не закончился. Проглотив последний кусочек, Слон

вдохнул, поднял бокал, пригубил и снова испустил вздох насытившегося человека.

— Хвалить себя нехорошо, но должен отметить, что уровень был высочайшим, — отметил он.

— Да, к тому же изо рта наконец-то исчез этот свинообразный привкус, — согласился я.

— Не нравится мне ваше вино. Гадость.

В темноте виднелся только силуэт девушки. Голосок, лишившийся шикарного телесного обрамления, оставлял желать лучшего, как, впрочем, и само содержание речи. Тем не менее, когда Слон заговорил с ней, в его голосе не было ни единой нотки раздражения.

— Бет! Вы позволите мне называть вас так? Спасибо. Так вот, Бет, завтра мы будем в Валлс Халла, там мне придется сойти на берег, чтобы связаться со своим банком. Наши сбережения подходят к концу. А ты ведь не хочешь, чтобы у нас кончились деньги, не правда ли?

— Конечно нет.

— Так я и думал. А что ты скажешь, если я принесу тебе из банка сотню тысяч долларов в маленьких купюрах?

Раздался ее изумленный вздох. Она напарила рукой выключатель, и на катере вспыхнули ходовые огни. Впервые утратив душевное равновесие, она уставилась на Слона, совершенно изумленная.

— Что за игры, дядя?

— Никаких игр, милая Бет. Я просто хочу оплатить нашу безопасность. Тебе известны определенные вещи, о которых вслух лучше не говорить. Мне кажется, что это достаточная сумма за твоё молчание. А ты как считаешь?

Она заколебалась. Затем — расхохоталась.

— Конечно, да. Дайте мне только взглянуть на эти денежки — и путешествуйте себе дальше без вашей маленькой бедняжки.

— Договорились, моя дорогая, договорились.

Больше на эту тему мы не говорили, да вскоре и отправились спать. День выдался трудным для всех нас. Бет осталась на катере, а мы спустились к палатке. Я еще сходил к катеру, чтобы установить сигнализацию — чтобы катер не унесло ночью, и когда вернул-

ся, Слон уже храпел вовсю. Перед тем как уснуть, я понял, что впереди у нас еще один день свободы — прежде чем Бет задумает обратиться в полицию. Пока она ждет денег, и это заставляет ее молчать. Уже в полудреме я понял, что этого-то Слон и добивался.

Несмотря на все протесты Бет, вниз по реке мы двинулись через час после рассвета. Она вышла на палубу позже, хмурая, но вскоре ее настроение улучшилось после того, как Слон рассказал ей как, ничего не тратя, разместить капитал, чтобы он приносил приличный доход. Коснулся темы покупок, объяснил какие вещи станут ей доступны уже сегодня вечером и околдовал ее, как удав кролика. В его игре я не понимал решительно ничего, но получал от нее огромное наслаждение.

В полдень я пришвартовался к причалу на канале, который разрезал Валлс Халла надвое. Центр города был неподалеку. Слон выглядел солидно: борода расчесана, усы подкручены. Он был собран и деловит.

— Много времени это не потребует, — сообщил он и удалился.

Бет посмотрела ему вслед, дрожа от нетерпения.

— А он что, и впрямь тот самый Слон? — спросила она, едва тот исчез из вида.

— Не знаю.

— Да ладно чепуху молоть. По тривизору была передача о том, как его вычислил один коротышка с усами. Ну, вылитый ты.

— Не я один на свете с усами.

— Нет, никогда бы я тогда, в школе, не подумала, что ты кончишь именно так.

— Взаимно. Я восторгался тобой на расстоянии.

— Ну да, как и всякий подросточек. Думаешь, я не знала? Мы с девчонками над этим хихикали, да ты представь, учителя, ведь и те туда же...

Умолкнув, она кинула в мою сторону сердитый взгляд, на что я мило улыбнулся и пошел вниз — мыть посуду, поскольку этой работы подружка старательно избегала. Мне оставалось домыть всего ничего, когда с берега донесся крик.

— Эй, на катере! Позвольте взойти!

На причале стоял Слон, сияющий и великолепный. Его новый костюм, похоже, обошелся в целое состояние. Чемодан, который он держал в руке, был из настоящей кожи, весь украшенный какими-то сияющими золотыми штукovinaми. Глаза у Бет сделались как блюдца. Слон взобрался на борт и заговорщически подмигнул нам.

— Лучше спуститься вниз. Всему миру вовсе не обязательно знать, что в этом чемодане.

Бет пошла первой. Слон прижимал чемодан к груди, пока я закрывал дверь. Затем смахнул со стола бумаги, положил чемодан и медленно открыл крышку.

Даже я оторопел. Тут было куда больше ста тысяч долларов. Бет уставилась на деньги, протянула руку и взяла пачку тысячедолларовых банкнот.

— Настоящие? Они настоящие? — спросила она.

— Прямо из хранилища. Лично проверил.

Оставив ее любоваться денежками, Слон повернулся ко мне.

— А теперь, Джим, не окажешь ли ты мне маленькую услугу? Найди веревку, что ли, или бечевку. Ну, сам сообрази. Кроме того, хотелось, чтобы было тихо, когда ты будешь связывать эту маленькую паршивку.

Я этого ожидал — в отличие от нее. Ее ротик еще только раскрывался для крика, а я уже схватил ее за горло и сильно надавил чуть пониже ушей.

Глава 17

С жестоким наслаждением я разодрал одно из одеял на полосы, связал нежные запястья Бет и не менее нежные лодыжки. Рот мне удалось залепить пластырем. Как раз в тот момент, когда она очнулась и собралась закричать. Не получилось.

— А дышать она сможет? — деловито осведомился Слон.

— А то?! Взгляните только, как в глазах ее сверкает ярость и как гнев вздымает прекрасную грудь. Разумеется, она прекрасно может дышать — через нос. Только объясните мне, что все это значит и что мы делаем дальше.

— На палубе, если ты не против.

Прежде, чем заговорить, он подождал, пока дверь за нами будет плотно прикрыта.

— Наши неприятности позади, мой мальчик — начал он, радостно потирая руки. — Я понял это, лишь взглянул на карту. Во-первых, в этом городе есть банк, филиал Галактик Траст, в котором у меня имеется счет и, как я убедился, весьма внушительный. Второй факт, достойный интереса, состоит в том, что в городе есть космопорт.

Несколько мгновений я не понимал ничего. Кажется, я пытался сложить вместе оба факта. Один плюс один равняется двум. Неплохо. И тут моя челюсть отвисла...

— Вы хотите сказать, что нам... что мы покидаем планету?

Он ухмыльнулся и кивнул.

— Именно. Этот маленький мир стал слишком тесен для нас. Пришло время отряхнуть пыль Райского Уголка с наших ног и удалиться от него на парочку световых лет. Ты, помнится, говорил, что хотел бы попутешествовать?

— Да, но контроль... Инспекция, полиция и прочее такое?

— Разумеется. Но таможенную и иммиграционную службу можно обойти. И я знаю, как именно. Прежде чем решиться на этот план, я выяснил, какие корабли нынче есть в порту. Утром, когда я сходил с катера, я еще ничего толком не знал. Мне хотелось лишь достать денег и стреножить девчонку. И посмотреть косморасписание. Но судьба к нам благоволит. В порту готовится к вылету грузовик с Вении, отправка — рано утром. Это ли не чудно?!

— Наверное. Но, если бы я еще понимал, что тут к чему...

— Джим, у тебя страшно запущено образование. Мне казалось, что любой школьник знает, насколько продажны венианцы. Они же просто сущее наказание для полиметристов Галактической Лиги. Совершенно неисправимы. Девиз Вении — *La regloj c'iam sansiligas*. Что приблизительно переводится так: закон, что дышло, как повернешь, так и вышло. Или, одновременно: не подмажешь — не поедешь. Хотя нельзя сказать, что Вения — мир преступников. Нет, это скорее планета чудаков.

— Звучит интригующе, — согласился я. — И что же вы предприняли?

— Пока ничего. Но, думаю, в космопорте все уладится.

— Ну, наверное.

Я был далек от энтузиазма. План выглядел слепленным на скорую руку и в нем была куча изъянов.

— А что делать с девушкой?

— А ничего. Мы оставим сообщение полиции, пошлем по электронной почте с указанием доставить его после нашего отлета. Сообщим место, где ее найти.

— Но оно не должно быть слишком оживленным. Ниже по течению есть автоматизированная пристань. Я там причалю где-нибудь с краю.

— Отлично. Расскажи мне, как туда добраться, и я отправлюсь в космопорт. Встретимся в 23.00.

— Согласен.

Я поглядел ему вслед, завел мотор, развернулся и отправился к пристани. Добрался туда уже почти в полной темноте. Пристань заливал яркий свет, и канал просматривался великолепно. Большинство суденышек были отшвартованы ближе к берегу, что мне было вполне на руку. Я выбрал самую дальнюю стоянку, пришвартовался и спустился в каюту. Включил свет. Меня встретил ненавидящий взгляд прелестных глаз. Прикрыл дверь и уселся на койку напротив Бет.

— Я хочу поболтать с тобой. Послушай, ты обещаешь не орать, если я отлеплю пластырь? Мы все равно довольно далеко от города, и тут тебя никто не услышит. Договорились?

Она нехотя кивнула. Я отклеил пластырь и едва успел отдернуть пальцы от ее щелкнувших зубов.

— Я тебя убью, зарежу, растопчу...

— Ну ладно, ладно. Согласись, из нас двоих это могу сделать скорее я. Так что лучше заткнись.

Она замолкла. Кажется, наконец она осознала свое положение, поскольку в глазах теперь был скорее страх, чем ненависть. Не могу я терроризировать беззащитных девушек, но она же первая начала. В общем, теперь она была готова слушать.

— Тебе, наверное, неудобно. Полежи спокойно, я тебя развяжу.

Едва я освободил ее руки, она попыталась вцепиться ногтями в мое лицо. Этого я ожидал, так что она вновь оказалась без чувств на своей койке.

— Ну, не надо глупостей, — попросил я. — А то опять свяжу и залеплю рот пластырем. Не забывай, ты же сама во всем виновата.

— Ты бандит, вор. Погоди, доберется до тебя полиция...

— Ну а ты — маленькая шантажистка. Давай-ка не будем ругаться и поговорим по душам. Что нам делать с тобой дальше? Мы, видимо, оставим тебя на катере, полиции будет сообщено, где ты, лишь когда мы окажемся достаточно далеко отсюда. Я уверен, тебе найдется, что им рассказать. Тут ходит линер и есть магистраль. Нас ты больше не увидишь, да и они, думаю, тоже.

— Я хочу пить.

— Сейчас, принесу тебе что-нибудь.

Ну конечно, она немедленно попыталась прорваться к дверям. И снова решила выцарапать мне глаза, едва я повернулся к ней спиной. Разумеется, этого я не допустил. Чувства ее понять можно, но она могла бы и воздержаться выражать их столь назойливо.

Время тянулось медленно. Ничего особо интересного она мне рассказать не могла, да и я ей тоже. Прошло несколько унылых часов, наконец катер качнулся — кто-то на него спрыгнул. Я тут же кинулся к ее кровати, но девчонка все же успела пронзительно взвизгнуть, прежде чем я в очередной раз отключил у нее звук. Дверная ручка щелкнула и повернулась.

— Кто там? — крикнул я, принимая боевую стойку.

— Не чужие, уж поверьте, — донесся знакомый голос.

С облегчением я открыл дверь.

— Она слышит? — осведомился он, кинув взгляд на безмолвную фигуру, распростертую на койке.

— Возможно. Сейчас я проведу профилактику и выйду на палубу.

Он вышел первым, а когда на палубе появился я, ночное небо осветила яркая вспышка и вверх ушла светящаяся точка.

— Добрый знак, — заметил Слон. — Пошел в глубокий космос. Ну, все готово. Сейчас важно все делать быстро и, я полагаю, надо брать вещички и трогаться.

— А на чем?

— Я взял напрокат машину.

— Ее же выследят.

— Надеюсь. Бюро проката находится на линер-станции. Билеты я взял. Ты доволен?

— Да, я упомянул линер, болтая с нашей подружкой.

— Два великих ума всегда смогут работать как один. Я сейчас спущусь вниз и для надежности выроню билеты так, чтобы она это заметила. Все равно надо спускаться, чтобы собрать вещи.

И проделал он это, надо сказать, виртуозно: я просто заметить не успел, как голубенькие билеты на линер выпали на одеяло. Выпали из кармана, сами по себе, без помощи рук. Высокий класс! Со сборами мы обернулись быстро и пошли прочь. В дверях я не удержался и послал Бет воздушный поцелуй. В ответ, разумеется, получил яростный взгляд и глухое рычание. Хотя, если подумать, ей грех жаловаться: пару тычонок она у нас все же умыкнула.

Мы сдали машину на станции и добрались до линера. Подождали, пока он уйдет, и никем не замеченные отправились в космопорт. Только при виде залитого светом борта корабля я осознал: вот он — момент воплощения всех моих планов и усилий.

Да, я оставляю планету! Одно дело — смотреть космооперы и совсем другое — отправиться в пространство. Я покрылся гусиной кожей: нет, это просто замечательно! Новая жизнь будет прекрасной!

— Пошли в бар, — скомандовал Слон. — Наш человек уже там.

Худой человек в замызганном комбинезоне, казалось, уже собирался уходить, но, увидев Слона, вновь опустился на место.

— *Vi estas malfrua!** — сердито начал он.

* Вы опоздали (эсперанто).

— Vere — sed me havas la monon,* — ответил Слон, извлекая приличную пачечку банкнот, при виде которой наш собеседник мигом утомился. Деньги поменяли хозяина, далее последовал краткий обмен репликами и следом за первой в недрах комбинезона исчезла и вторая пачечка. Довольный, космолетчик повел нас в сторону служебного фургона, в который мы и забрались. Дверь захлопнулась, и в полной темноте мы отправились в путь.

Вот уж приключение! Мимо грохотали невидимые нам машины, раздавались странные скрипящие звуки, затем слышалось громкое шипение, будто мы ехали внутри гигантской змеи. Вскоре фургон остановился, наш провожатый вышел и отворил дверь. Я выбрался первым и обнаружил, что стою у подножия пандуса, ведущего к корпусу несколько обшарпанного корабля.

А рядышком, уставившись прямишенько на меня, стоял охранник.

Ну, вот и приехали. Приключение окончилось, не успев начаться. Что делать? Бежать? Нет, нельзя оставлять Слона. Пока я тупо соображал, Слон спокойненько обошел меня и не спеша направился к охраннику.

И сунул ему пачку банкнот.

Тот еще пересчитывал купюры, а мы уже топали по пандусу, торопясь за нашим космонавтом и волоча сумки с багажом.

— Eniru, rapide? — приказал провожатый, распахнув дверь в отсек. Дверь захлопнулась, и мы оказались в полной темноте.

— Тихая гавань, — вздохнул Слон и начал шарить руками по стене в поисках выключателя. Наконец свет вспыхнул. Мы находились в крохотной каюте с двумя узкими кроватями и микроскопической душевой. Весьма уныло.

— Милый домашний уют, — почти проворковал Слон, озираясь вокруг с благодушной улыбкой. — Нам придется провести здесь по меньшей мере два

* Верно, но у меня есть деньги (эсперанто).

** Заходите, скорее (эсперанто).

дня. Так что, давай-ка, спрячем пока свои пожитки. А не то капитан примется на нас наезжать, и сумму взятки придется удвоить.

— Что-то я не вполне понимаю. Вы разве еще не заплатили?

— Да нет, это были только первые взносы. Взятками не делаются, чтобы ты знал. Искусство давать взятку — весьма тонкое. Космонавт получил за то, что довел нас до корабля в обход наземных служб и устроил так, что на посту окажется охранник, который возьмет с нас свою долю. А офицеры на корабле о нашем присутствии пока не подозревают — в частности, капитан, которому причитается самый большой куш. Ты все это увидишь собственными глазами.

— Да, не помешало бы. И вправду, это сложная наука.

— Да, вот именно.

— Ну, вам хорошо — вы знаете их язык и можете договориться.

Тут брови Слона поползли вверх от удивления.

— Так ты что же, нас не понимал?

— Нет, я в школе иностранного языка так и не выучил. Ни одного.

— Иностранного?! — Слон, казалось, был просто потрясен. — Ну, ты, верно, вырос в самом глухом углу этой пороссячьей планеты! Это же не *иностран- ный*, милый мой! Это эсперанто, межгалактический язык, очень простой, и его все знают с детства и говорят на нем, как на родном. Твое образование в катастрофическом состоянии, но делу можно помочь. Ты сможешь заговорить на нем, еще до того, как мы приземлимся. Для начала запомни, что все глаголы настоящего времени всегда оканчиваются на *as...*

Он умолк, потому что кто-то дернул дверную ручку. Слон приложил палец к губам и указал мне кивком на душевую. Я нырнул туда и включил свет, он тут же погасил свет в каюте. Протиснулся ко мне, и я погасил свет и в душевой. Слон закрыл дверь, едва только стала открываться дверь в коридор.

В каюте слышались шаги, затем негромкий свист. Простая проверка, ничего страшного, сейчас он уйдет...

Но дверь в душевую распахнулась. Вспыхнул свет. С головы до ног расшитый золотом офицер глянул на Слона, забившегося в душевую кабинку, на меня, примостившегося на умывальнике и примерзко ухмыльнулся.

— То-то мне почудилось, будто внизу кто-то возится. Безбилетники!

И в его руке появился маленький пистолетик.

— А ну вылезайте. Сейчас вы сойдете на землю, а я вызову местную полицию.

Глава 18

Наклонившись вперед, я перенес вес тела на левую ногу, напряг мышцы. Пусть только Слон отвлечет внимание офицера, и я кинусь в атаку. Ходить с голыми руками против пистолета — удовольствие сомнительное, но и возвращаться в тюрьму хотелось не слишком. Слон, похоже, мои намерения понял, и предостерегающе поднял руку.

— Погоди, Джеймс, не будем торопиться. Ты отдохни пока, а я переговорю с господином офицером.

Его рука медленно скользнула в карман и извлекла оттуда тонкую пачку кредиток.

— Это аванс за маленькую услугу, — сказал Слон, передавая бумажки офицеру, схватившему пачку обеими руками. Ему это удалось без труда, поскольку пистолет успел уже где-то исчезнуть — так же быстро, как и появился. Пока Слон начинал свою речь, офицер быстренько пересчитал деньги.

— Услуга, о которой мы вас просим, состоит всего-навсего в том, что вы нас не обнаружите в течение двух дней. Такую же сумму вы получите завтра, и еще раз мы вам заплатим, когда вы нас обнаружите и поведете к капитану. Послезавтра.

Деньги исчезли, и вместо них в руке офицера снова появился пистолет — просто фокусник какой-то, я так и не заметил движения его рук. Мог бы на сцене выступать.

— А мне кажется, — медленно начал офицер, — что лучше будет, если я заберу все деньги, которые у вас при себе и спрятаны в чемоданах. Деньги заберу, а вас отведу к капитану.

— Да ну... — поморщился Слон. — Я же расскажу капитану, сколько именно вы взяли, и он все отберет, а вам не останется ничего. Да, еще я сообщу, кто из остальной команды также был подкуплен, у них тоже отберут деньги, и не думаю, что это прибавит вам популярности на корабле. Не правда ли?

— Пожалуй, в ваших словах есть доля истины. — Офицер задумчиво почесал щеку, пистолет опять куда-то пропал. — Если бы немного прибавить, тогда, возможно...

— Не более десяти процентов, — Слон был строг, но прибавку выплатил. — До завтра. Закройте, пожалуйста, за собой дверь.

— Разумеется. Приятного путешествия.

С этими словами он вышел, я выбрался из душевой, схватил Слона за руку и пожал ее.

— Поздравляю, сэр. Это было просто великолепно! Я даже не подозревал, что это искусство может достигать подобных высот.

— Благодарю тебя, мой мальчик. Думаю, ты усвоил основные правила. Конечно, он и не собирался выкидывать нас с корабля. В его словах крылось лишь коммерческое предложение. Я его принял, он поднял цену, я согласился и закрыл торг. Он знал, что больше из меня выжать невозможно, потому что мне предстоит еще расплачиваться с капитаном. Разумеется, без лишних слов он сообразил, что капитан ничего не узнает о полученной им взятке. Все по правилам...

Его слова были прерваны громким сигналом в коридоре, над дверью замигала красная лампочка.

— Что-то случилось?

— Наоборот. Мы стартуем. Думаю, лучше нам привлечь, а то эти древние колымаги при старте идут с диким ускорением. Ну что же, еще несколько ми-

нут — и этот убогий Райский Уголок простится с нами. Надеюсь, навсегда. Эта ужасная тюрьма, свиньячья пища...

Его слова потонули в нарастающем гуле, койки задрожали. На грудь навалились стартовые перегрузки. Ну, прямо как в кино — только в действительности все оказалось куда более впечатляющим. Вот оно! Стартовали! Какие радости ждут нас впереди...

Но еще весьма далеко впереди. Матрац был тонкий, спину ломило от перегрузок. Несколько раз мы проходили через невесомость, опять перегрузки, и наконец установилась нормальная искусственная гравитация. Или почти нормальная. Время от времени там что-то сбило, и сила тяжести прыгала вверх-вниз. А вместе с ней и мой желудок. Так что это даже к лучшему, что в нем давненько не было никакой пищи. Из всего провианта у нас была лишь затхлая, отдающая ржавчиной, вода. Так и летели. Офицер был подкуплен, никто к нам не заходил, я валялся на койке и старательно изучал эсперанто. Через двое суток гравитация наконец стабилизировалась, и ко мне немедленно вернулся аппетит. Оставалось ожидать, когда нас обнаружат, сдерут взятку и — накормят.

— Безбилетники! — охнул, распахнув дверь, наш знакомый офицер и в ужасе отшатнулся от такой отвратительной картины. Видимо, он разыгрывал пришедшую вместе с ним проводницу. — Ужасно! Нелыханно! А ну, быстро поднимайтесь и следуйте за мной. Капитан Гарт с вами разберется.

Представление вышло вполне убедительным, разве что впечатление несколько смазала рука офицера, протянувшаяся за деньгами сразу, как только отвернулась проводница. Той, кстати, вся эта комедия была явно скучна. Надо полагать, она была в доле.

Мы вышли, миновали коридор и поднялись на три пролета по металлической лестнице. И оказались на мостике. Ну, хоть капитан был шокирован, увидев нас — похоже, он был единственным на корабле, кому не было известно о нашем существовании.

— Разрази меня гром — откуда вы взялись?

— Из пустой каюты на палубе С.

— Но вы были обязаны проверить эти каюты! — Капитан обернулся к нашему знакомцу.

— Я проверил, капитан, и это записано в бортижурнале. За час до старта. А после этого я был с вами на мостике. Видимо, в это время они на борт и проникли.

— Кому вы дали взятку? — Капитан обернулся к нам: старый и седой космический волк смерил нас недобрым взглядом.

— Никому, капитан, — ответил Слон глубоко порядочным голосом. — Старые грузовозы типа Рейти я знаю очень хорошо. Перед самым стартом охранник зашел внутрь корабля. Мы незаметно проследовали за ним и спрятались в каюте.

— Не верю ни единому слову. Говорите, кого вы подкупили, или отправитесь в карцер.

— О, капитан! Ваш экипаж совершенно неподкупен и взятки не берет! — Недоверчивое фырканье капитана Слон просто игнорировал. — И у меня есть тому доказательства. Все мое скромное состояние в целости и полной сохранности. Вот в этом кармане.

— Выйдите! — немедленно приказал капитан остальным. — Всем выйти! Я принимаю вахту. Заодно допрошу эту парочку более подробно.

Члены команды и офицер с безразличными лицами вышли из рубки. Когда помещение опустело, капитан резко обернулся в нашу сторону.

— Давайте.

Слон вручил ему довольно скромную сумму, капитан пересчитал деньги и тряхнул головой.

— Маловато будет.

— Разумеется, — кивнул Слон. — Это только первый взнос. Остальное вы получите после посадки на какой-нибудь приятной планетке с ленивыми таможенниками.

— Вы хотите слишком многого. У меня нет никакого желания нарываться на неприятности с местными властями за нелегальный ввоз иммигрантов. И потом, мне куда легче сначала избавить вас от денег, а затем — избавиться от вас.

Этот сильный ход не произвел на Слона решительно никакого впечатления. Он похлопал по карману и покачал головой.

— Это невозможно. Окончательный расчет — этим чеком Галактического банка на двести тысяч. Он не действителен, пока я не поставлю на нем свою подпись. Вторую подпись. А я даже под пыткой не подпишу его прежде, чем мы ступим на твердую землю.

Капитан выразительно пожал плечами и отвернулся к пульту. Там он пощелкал какими-то, вряд ли особенно важными, кнопками и снова обернулся к нам.

— Но вы должны оплатить питание, — вполне миролюбиво сообщил он.

— Разумеется. Давайте условимся о цене.

Казалось, что все наконец улажено, но в коридоре Слон шепнул мне на ухо:

— Каюта, несомненно, прослушивается. Наш багаж проверен. Все деньги при мне. На всякий случай постоянно держись рядом. Этот офицер, например, может весьма профессионально обчистить карманы. А теперь, может, нам слегка подкрепиться, как ты считаешь? Раз уж за все заплачено, то не закончить ли нам вынужденный пост роскошным пиром?

Мой желудок радостно забурчал, соглашаясь с этим предложением, и мы двинулись на камбуз. Пассажиров на корабле не было, так что толстый и небритый кок подавал только венианскую пищу. А это... Ну, наверное, аборигенам не привыкать, зато остальным... Вы когда-нибудь ели, одновременно зажимая себе нос? Что именно мы едим — повара я не спрашивал. Боялся, что он объяснит. Тяжело вздохнув, Слон приступил к еде.

— Да, об одной детали венианской жизни я забыл совершенно, — сказал он мрачно. — О еде. Избирательность памяти подвела. Хотя, что ж тут странного — кто и когда захочет вспоминать такой вот пир.

Я полоскал водой рот, поэтому ответить ему не мог.

— Мелочь, а приятно, — сказал я наконец. — По крайней мере, хоть водичка тут получше, чем в каюте. Слон снова тяжело вздохнул.

— Да это ж ты кофе пьешь, милый.

М-да, путешествие оказалось не из самых приятных. В весе мы потеряли сильно, поскольку обеды чаще пропускали, чем на них присутствовали. Я продолжал учиться, познавал тонкие детали науки хищений, взыскания, двойной и тройной бухгалтерии — все

только на эсперанто. Язык и в самом деле оказался довольно простым, так что вскоре я на нем мог уже свободно разговаривать.

Во время первой посадки мы сидели на корабле: вокруг было полно солдат и таможенников.

— Не здесь, — сказал капитан, разглядывая на экране окрестности. — Планета очень богатая, но чужаков тут не любят. Вам подойдет следующая планета этой же системы. Она аграрная, мало населена. Иммигранты там настолько нужны, что даже таможня отсутствует.

— Название? — осведомился Слон.

— Амфисбиона.

— Никогда не слыхивал.

— И неудивительно. Одна из тридцати тысяч обитаемых планет.

— Верно. Но все же...

Слон выглядел явно озабоченным, и я не мог понять — почему. Если не понравится планета, то у нас достаточно денег, чтобы с нее выбраться. Но какое-то неясное предчувствие, видимо, сильно тяготило моего приятеля. Он даже подкупил эконома, чтобы тот пустил его к бортовому компьютеру. И, когда мы в очередной раз сражались с обедом, он мне все рассказал.

— Это все воняет даже хуже, чем наша жратва.

Начало было многообещающим, что и говорить.

— Я не смог отыскать в галактической лоции никаких сведений о планете под таким названием. А лоция дополняется автоматически при каждой посадке на новую планету — после того, как корабль сообщает об этом по планетарной связи. К тому же, я ничего не узнал о следующем пункте нашего маршрута из программы полета. Там стоит блок. А код знает только капитан.

— Что мы можем сделать?

— Ничего — пока не окажемся на месте. Вот тогда-то и увидим, что он задумал.

— А если подкупить кого-нибудь из офицеров?

— Я пробовал. И добился лишь ответа, что только сам капитан знает, куда мы летим. И вот эту важную новость мне сообщили только после того, как я за нее заплатил. Грязный фокус. Впрочем, я тоже так умею.

Ободрить его мне не удавалось. Думаю, он был сломлен еще и венианской пищей. По мне, так хорошо было бы попасть на эту планетку, какой бы она там ни оказалась. Приличный вор проживет в любом обществе. Тем более, что еда там наверняка получше этой вот бурды.

Мы оставались на ногах, пока корабль не приземлился и над дверью не вспыхнул зеленый свет. Наши скудные пожитки были уложены, и мы поплелись к выходу. За пультом шлюза стоял сам капитан и что-то бормотал, пока анализаторы забортного воздуха делали свое дело: шлюз не откроется, если не будет получен удовлетворительный результат.

Наконец прибор пискнул, капитан нажал кнопку. Огромный люк медленно откинулся, внутрь повеяло теплым пряным воздухом. Мы стали настороженно принохиваться.

— Вот ручка, — произнес капитан Гарт.

Слон улыбнулся. Капитан пошел вперед, мы с чемоданами топали за ним. Стояла ночь, в вышине ярко сияли звезды, какие-то невидимые существа кричали в темноте. Только над шлюзом светился огонек.

— Покончим с нашими делами здесь, — произнес капитан, остановившись на краю трапа. Слон отрицательно покачал головой и указал на металлическую поверхность.

— Мы все еще на корабле. Пожалуйста на землю.

Они сошлись, что подписание документа произойдет на нейтральной территории — на пяточке неподалеку от трапа. Слон вынул наконец свою ручку и аккуратно поставил подпись. Капитан — какая подозрительность! — сверил ее с подписью на чеке и кивнул. И тут же торопливо направился к трапу. Мы подняли вещи и пошли в темноту.

Тут капитан внезапно обернулся и крикнул:

— Теперь они ваши!

Как только трап поднялся, вспыхнули мощные прожекторы — пришили нас к земле, как мотыльков. К нам бежали вооруженные люди. Мы были в ловушке.

— Чувствовал ведь, что здесь что-то не так, — пробормотал Слон. Он выронил сумки и мрачно уставился на бежавших к нам людей.

Глава 19

Из темноты появилась рослая фигура в великолепном красном мундире. Незнакомец остановился перед нами и принялся подкручивать свои пышные, ухоженные усы.

Казалось, он только что вышел из какого-то театра, где играл в исторической пьесе, поскольку был вооружен саблей, которую крепко держал за рукоять.

— Я забираю вас и все, что у вас обоих есть. Все. Быстро!

Тут подбежали еще двое в форме. В руках у них были пистолеты весьма странного вида — с огромными стволами и деревянными рукоятками. За спиной послышался скрип — трап снова опускался вниз, и на его площадке по-прежнему стоял капитан Гарт. Я нагнулся, чтобы взять чемоданы.

И прыгнул. В сторону капитана. И почти схватил его.

Раздался выстрел, пуля просвистела у меня над ухом и щелкнула по обшивке корабля. Капитан, выругавшись, занес надо мной кулак. Лучше и не придумаешь — я сделал еще шаг, перехватил руку и заломил ее за спину. Капитан завизжал от боли. Приятный звук.

— Отпусти его, — раздался голос. Я обернулся и увидел, что Слон распростерт на земле, в его грудь

упирается нога офицера, а острие сабли, оказавшейся не просто украшением, направлено в горло Слона.

Я слегка сжал шею капитана и только тогда отпустил его. Он скользнул вниз, и его башка громко стукнулась о трап. Я отошел в сторону, Слон с трудом поднялся на ноги и, отряхнувшись, повернулся к нашему захватчику.

— Извините, сэр. Позвольте осведомиться у вас о названии планеты, на земле которой мы стоим?

— Спайовента, — последовал ответ.

— Благодарю вас. И позвольте, я помогу подняться моему другу капитану Гарту. Хочу извиниться перед ним за неосмотрительное поведение моего юного друга.

Никто его не остановил, и он подошел к капитану, когда тот начал приходить в сознание.

Но снова потерял его, поскольку Слон ткнул его в висок.

— Я человек, в общем-то, не мстительный, — сообщил он, вытаскивая бумажник. — Но я должен был немного выплеснуть свои чувства, — продолжил он, передавая бумажник офицеру в красном, — чтобы вернуться к своему нормальному миролюбивому состоянию. Вы меня понимаете?

— На вашем месте я поступил бы именно так, — кивнул офицер, пересчитывая деньги. — Но хватит. Заговорите еще раз — умрете.

Он отвернулся, и из темноты вынырнул человек с двумя металлическими браслетами в руках. Слон покорно стоял, пока он согнувшись, защелкивал один из них на его лодыжке. Ну, не знаю, что это была за штука, но мне она не понравилась. На меня они устанут ее надевать.

Но не тут-то было. В мою спину уперлось дуло пистолета, и браслет защелкнулся, не дождавшись протестов с моей стороны. Кандалы выпрямились и взглянули мне в лицо. Он стоял так близко, что его зловонное дыхание просто-таки облизало меня. Ткнув мне в грудь жестким пальцем, он сообщил:

— Я — Тарс Тукас, слуга нашего господина, могущественного капо Дочки. Но тебе запрещается произносить мое имя, называй меня хозяином.

Я хотел было поправить его, объяснив, как его надо называть в самом деле, но он нажал какую-то кнопку на металлической коробочке, пристегнутой к поясу.

Катаясь по земле, я пытался разогнать красный туман, заставший болью глаза. Когда мне это отчасти удалось, я увидел, что рядом со мной стонет Слон. Я помог ему встать на ноги. Нет, не стоило мистеру Тукасу так обходиться с человеком в столь солидном возрасте... Но он лишь криво ухмыльнулся мне в лицо.

— Так кто я?

Я подавил соблазн еще раз высказаться начистоту — ради Слона.

— Хозяин.

— Не забывай этого и не пытайся бежать. Повсюду установлены нейротрансляторы. Если я подержу кнопку включенной чуть дольше, то твои нервы перестанут работать. Навсегда. Понял?

— Понял, хозяин.

— Теперь отдай все, что у тебя есть.

Я отдал. Деньги — монетки и банкноты, ключи, часы, отмычки. Тукас меня вдобавок еще и обыскал и результатом остался доволен.

— Пошли.

Быстро разгорелся тропический рассвет, прожекторы погасли. Не оборачиваясь назад, мы отправились вслед за хозяином. Идти Слону было тяжело, приходилось ему помогать. Тарс Тукас подвел нас к стоявшей неподалеку раздолбанной деревянной повозке и приказал сесть в нее сзади. Мы уселись на поперечную доску и глядели, как из грузового люка корабля сгружают какие-то короба.

— А вы неплохо врезали капитану, — наклонился я к Слону. — Так, выходит, вы неплохо осведомлены об этой милой планетке? Как ее называют?

— Спайовента. — Слон изрыгнул название, будто проклятие. — Тяжелый жернов на шее у Лиги. Капитан просто-напросто продал нас в рабство. К тому же он контрабандист. На любые контакты с этим миром наложен строгий запрет. Тем более — на поставки оружия, а им наверняка забиты эти короба. Спайовента!

Ну, мне это ничегошеньки не объяснило, кроме того, что наши дела обстоят ужасно. Но это я и так уже понял.

— А не могли бы вы мне описать этот самый жернов подробнее?

— Я виню в происшедшем только себя. Очень жаль, что я впутал тебя в эту историю. Но капитан Гарт еще поплатится. Если не останется ничего другого, мы сдадим его правосудию, Джим. Как-нибудь, но мы сообщим о его проделках в Лигу.

Это вот как-нибудь расстроило Слона вконец, и он устало уронил голову на руки. Я сидел молча и ждал, когда он соберется с духом. Наконец Слон выпрямился и заговорил. В его глазах горел странный огонек.

— Не упирайся, Джим. Не нарывайся. Не позволяй этим скотам тебя измотать. На этот раз мы влипли серьезно. Лига установила контакт со Спайовентой лишь десять лет тому назад, до этого планета была совершенно изолирована. Еще со времен Раскола. Так что за эти тысячи лет она изгадилась полностью. Вот именно такие места, как это, сделали слово «преступность» бранным — потому что на этой планете правят бандиты! Сумасшедший дом захвачен сумасшедшими. Здесь царит полная анархия, да нет, что я говорю — в сравнении с происходящим на Спайовенте любая анархия — это что-то вроде пикника бойскаутов. В свое время я предпринял специальное исследование, желая изучить систему управления, существующую на этой планете. То, что происходит здесь, уходит корнями в самые темные периоды истории человечества. Планета отвратительна со всех точек зрения, а Лига ничего не может поделать. Без оккупации, разумеется. А оккупация полностью противоречит принципам Лиги. Сила Лиги оказалась ее слабостью: ни одна планета не может напасть на другую планету, потому что немедленно окажется перед лицом немедленного уничтожения — война у нас объявлена вне закона. Новооткрытым планетам Лига помогает советами или материально. Да, ходят слухи, что внутри Лиги существуют секретные организации, которые ориентированы на разрушение самых жутких планетных формаций, таких как эта, но публично о такой деятельности не

сообщается ничего. Спайовента — кривое зеркало цивилизованного мира. Здесь правят не закон и правосудие, а грубая сила. Так что, Джим, мы попали в переплет. В очень скверный переплет. Структура власти здесь проста. Планета поделена на капотерии — каждую из которых возглавляет капо — вроде нашего капо Дочки. Размер каждой капотерии зависит только от возможностей капо. Его подданные получают долю от добычи, награбленной у крестьян или захваченной на войне. Это пирамида, и в самом низу ее находятся рабы. То есть, мы с тобой, Джим.

Он указал на браслет, охватывающий лодыжку, и грустит. Я тоже.

— Но в этом положении есть и светлая сторона. — Я попытался вывести его из отчаяния.

— Какая же?

— Потому что во всем есть светлая сторона. — Неожиданно для самого себя я пустился в разглагольствования. — По крайней мере, нам удалось дать деру из Райского Уголка, оставим там все свои проблемы. И теперь у нас есть все для нового старта.

— С самого низа? Рабами?

— Именно! Теперь мы можем двигаться только в одном направлении — вверх!

Это жутковатая шуточка заставила Слона чуть улыбнуться и, воодушевленный, я продолжал.

— Вот еще один пример. Нас обыскали и отняли почти все, что у нас было. Но у меня в башмаке до сих пор лежит маленький сувенирчик на память о тюрьме. Вот! — Я извлек отмычку, улыбка Слона сразу стала шире. — Отлично работает. Смотрите! — И в два счета я снял со своей лодыжки браслет, повертел его в пальцах и надел обратно. — Когда мы будем готовы бежать, мы просто убежим.

Тут уже Слон стал улыбаться по-настоящему. Он протянул руку и по-товарищески похлопал меня по плечу.

— Ты совершенно прав, Джим. Мы должны стать хорошими рабами — на время. Нам надо изучить связи в этом обществе, механику власти и подступы к ней, узнать про источники богатства и способы их захвата. Как только я найду все дыры, ходы и лазейки в этом общественном строении, мы вновь превратимся

в крыс. Только, боюсь, не в стальных, а в самых обычных — голодных и зубастых.

— Крыса, какой бы она ни была, все равно прекрасна. Мы победим!

Тут нам пришлось отодвинуться друг от друга, поскольку в повозку закинули первый короб из тех, которые сгружали с корабля. Повозка скрипела, шаталась и грозила рассыпаться. Когда в нее закинули последний, то к нам присоединились грузчики. Я порадовался, что внутри повозки было темновато — особенно разглядывать этих ребят вблизи мне не хотелось. Три пропыленных, грязных человека, одетых в лохмотья.

К тому же — невымытых, что мой нос немедленно уловил. Тут в повозку залез четвертый человек — самый отвратительный, и самый среди них громадный. Зато одежда на нем выглядела более-менее прилично. Он уставился на нас, мне это не очень понравилось, а тут он еще и ткнул в меня ногой.

— Знаете, кто я? Я — Тычок, и вы все мое стадо. Для начала ты, старик, снимай куртку. Мне она подходит больше.

— Спасибо, сэр, — ответил Слон. — Куртка в самом деле неплохая, но, думаю, что вам она не подойдет.

Я понимал, на что он нарывается, и надеялся не подвести. Особенно развернуться здесь было негде, но этот головорез был вдвое меня больше. И один удар я сделать успею, главное — хорошо и точно вложиться.

Верзила, разумеется, взревел от ярости и полез по коробам к нам. Рабы в ужасе расползались из-под его ног. Так он почти добрался до Слона и уже собирался схватить его, как я врезал ему сзади по шее, обеими руками. Он рухнул вниз и что-то там приятно хрустнуло.

— Теперь у вас новый Тычок, — провозгласил я, аудитория при этом согласно закивала. Я ткнул пальцем в сторону ближнего из рабов.

— Как меня зовут?

— Тычок, — немедленно ответил тот. — Только не подставляй ему спину, когда он проснется.

— А ты мне поможешь?

Он ухмыльнулся, показав почерневшие обломки зубов.

— В драке я тебе не помощник.

— Никаких драк. Давайте жить мирно.

Рабы переглянулись, удивились и кивнули.

— Вот и отлично. Для начала — давайте, выкинем этого ублюдка из повозки. Пусть он окажется подальше, когда проснется.

Что и было исполнено — с немалым энтузиазмом.

— Спасибо за помощь, Джеймс, — произнес Слон. — Мне показалось, что рано или поздно тебе придется с ним разобраться, так почему бы не сразу. Ну что же, вот мы и начали свое восхождение в новом обществе. Ты уже выбрался из низшей категории... Что это?!

Я обернулся, и мои глаза тоже полезли из орбит. Батюшки, это была какая-то машина: она медленно приближалась, фыркая дымом и нутужно пыхтя. Водитель ее остановился перед самой повозкой, его напарник подцепил нас на буксир. Толчок, и мы тронулись.

— Смотри внимательней, Джим, и запоминай, — заговорил Слон. — Это древняя техника, давным-давно позабытая всеми, затерявшаяся во мраке веков. Эта штукавина приводится в действие паром. Обладеть! Кажется, мне начинает здесь нравиться.

Ну, меня эта техника из неолита очаровала не слишком. Мои мысли были заняты выброшенным нами головорезом и тем, что будет, когда он нас все же догонит. Надо бы узнать о каких-то основных правилах поведения здесь и — побыстрее. Я перебрался ближе к остальным рабам, но прежде, чем я начал разговор, мы прогромыхали по мосту и въехали куда-то — через ворота, проделанные в высокой стене. Водитель приостановил нашу колесницу и крикнул:

— Сгружайте все здесь!

В качестве нового Тычка я больше присматривал, чем вкалывал. Когда на землю был опущен последний короб, один из моих рабов крикнул:

— Он идет! В воротах, за тобой!

Я немедленно обернулся. Да, экс-Тычок, весь в крови и царапинах, приближался ко мне с покрасневшим от ярости лицом.

Зарычал и бросился на меня.

Глава 20

Я бросился от него прочь. Не потому, что испугался, а чтобы выбраться на более просторное место. Удалившись на приличное расстояние от повозки, я развернулся к нему и провел подсечку. Верзили немедленно растянулся в навозе.

Это вызвало здоровый смех зрителей. Пока он вставал, я успел осмотреться. Тут были вооруженные охранники, рабы и, весь в красном, капо Дочки. В голове забрезжила смутная идея, но прежде, чем она обрела конкретную форму, мне пришлось еще раз пошевелиться, чтобы спасти свою жизнь.

Великан кое-что усвоил. Дикой беготни больше не было. Теперь он приближался ко мне медленно, разведя руки с растопыренными пальцами. Да, стоит мне попасть в его нежные объятия, как живым оттуда уже не выбраться. Медленно отступая, я обернулся к капо Дочки, уклонился в сторону, быстро сделал шаг вперед и, ухватив обеими руками вытянутую руку верзилы, повалил его через себя. На то, чтобы перекинуть его на спину, мне едва хватило моего веса. Он снова растянулся в пыли.

Я моментально вскочил на ноги. Теперь я знал, что надо делать. Надо устроить представление.

— Это была правая рука! — громко объявил я.

Противник, прихрамывая, снова шел ко мне.

— Правое колено! — объявил я следующий удар.

И нанес его — в коленную чашечку. Это довольно болезненно, и он, вскрикнув, рухнул. На сей раз вставал он гораздо медленней, но злиться все еще не переставал. Отлично, пока не отключится полностью, будет меня убивать. Для моего представления лучше и не придумаешь.

— Левая рука!

Я схватил его левую руку и заломил за спину. Мужик был силен, удержать его руку вывернутой удавалось с трудом. Вдобавок он пытался провести подсечку или врезать мне локтем под дых. Надо было его опередить.

— Левая нога! — крикнул я и врезал ему ногой по левой икре — он снова рухнул.

Отступив на шаг назад, я взглянул в сторону Капо Дочки. Похоже, я завладел его вниманием.

— А можешь ли ты так же хорошо убивать, как танцуешь? — спросил он.

— В общем, да. Но я предпочитаю этого не делать.

Тут я заметил, что мой противник снова стоит покачиваясь из стороны в сторону, и слегка повернулся, чтобы не упускать его из виду.

— Я бы хотел просто вырубить его. Тогда я выиграю бой, а у вас остается раб.

Руки гиганта сомкнулись на моей шее, и он радостно зарычал. Ну, я немного ему подыграл — представление должно быть правдоподобным, и не глядя ударил локтем назад — аккуратно под ребра, точнехонько в солнечное сплетение. Его руки отпустили мою шею, послышался тяжелый звук рухнувшего на землю тела. Готов. Я сделал шаг вперед.

Капо Дочки подозвал меня, я немедленно подошел.

— Это новый способ драки, чужеземец, — заговорил он, нахмурившись. — До сих пор мы делали ставки на бойцов, которые бьются только на кулаках — пока не пойдет кровь и один из них не ляжет.

— Такая драка сколь жестока, столь и бессмысленна. Искусство состоит в том, чтобы знать — как и куда ударить.

— Но твое искусство беспомощно против остро заточенной стали, — произнес он, наполовину вытащив меч из ножен.

Э, тут надо быть осторожнее, не то он примется кромсать меня лишь для того, чтобы выяснить, справлюсь ли я с этим.

— Против такого мастера меча, как вы, с голыми руками не устоишь.

Насколько я понял, мечом он пользовался только тогда, когда резал мясо, но лезть всегда полезна.

— Однако против менее умелого фехтовальщика это искусство срабатывает.

Он хмыкнул и подозвал ближайшего охранника.

— А ну-ка, пощекочи его ножичком.

Ситуация вышла из-под моего контроля — но поединка было не избежать. Охранник улыбнулся, извлек из ножен сверкающий кинжал и направился ко мне. Я улыбнулся ему в ответ. Противник занес нож для удара — над головой, а не выставил его вперед, как это сделал бы опытный боец. Пусть идет вперед, пока не захочет ударить.

Стандартная защита. Шаг навстречу, удар принимается предплечьем, захватывается запястье и выворачивается наружу. Все проделывается очень быстро.

Нож отлетел в одну сторону, он — в другую. Надо быстренько заканчивать представление, не то главный бандит захочет увидеть, как я могу работать против дубинок, пистолетов и прочих замечательных устройств. Я шагнул к капо Дочки и тихо сказал ему:

— Это секреты защиты другого мира. Здесь, на Спайовенте, они неизвестны, и я не хочу их раскрывать при всех. Думаю, вам бы не хотелось, чтобы все рабы узнали эти опасные приемы. Позвольте показать вам все, что я умею — без лишней публики. Я могу обучить этому искусству ваших телохранителей. Тут есть люди, кто желает вашей смерти. Подумайте о вашей безопасности.

Вся эта ахинея напоминала мне лекцию о правилах движения, но аборигену она показалась убедительной. Но не до конца.

— Мне не по душе новые веяния. Предпочитаю обходиться тем, что есть.

Ну, разумеется, — когда сам стоишь на вершине, а остальные в цепях у подножья. Я торопливо продолжал:

— Но то, что я показал — не новое, оно старо, как мир. Эти секреты хранились в тайне с сотворения мира. А теперь они могут стать вашими. Грядут перемены, вы это знаете, а знания — сила. Когда враги хотят отнять у вас достаток, годится любое оружие.

И эта полная чепуха кажется, заставила его задуматься. Из того, что Слон успел мне поведать об этом тупом мире, я понял, что здесь сила — гарант безопасности и причина паранойи. М-да, судя по ширине лба капо Дочки задумываться ему сложновато. Он повернулся и ушел.

Судя по всему, вежливость и мыло на этой планете не в ходу. Ни тебе «до свидания», ни «надо все обмозговать». То, что аудиенция закончена, я понял не сразу. Обезоруженный охранник потирал кисть и нехорошо поглядывал на меня. Но кинжал спрятал.

После разговора с капо мой статус несколько изменился. Теперь без особой причины на меня браться не будут. Но оставался прежний противник — Тычок. Он все еще сидел на земле, по-прежнему ошеломленный. Когда я подошел, он поднял на меня глаза — выражение в них отсутствовало полностью.

— Ты напал на меня два раза, — заявил я бедолаге, как можно более грозно. — В моей игре третий раз означает — конец. Если ты еще раз предпримешь что-либо против меня, то умрешь.

Он еще смотрел на меня с ненавистью, но в его глазах уже мелькал страх. Он испуганно съехался, стоило мне сделать шаг к нему. Уже неплохо. Но слишком часто поворачиваться к нему спиной нельзя. Однако на этот раз я повернулся и зашагал прочь.

Он поплелся за мной следом к поджидавшей нас кучке рабов. На него было брошено несколько угрюмых взглядов, но драки не возникло. Меня это устраивало. Одно дело — заниматься спортом в чистом зале, а другое — постоянно быть настороже из-за того, что эти бродяги собираются меня кокнуть. Слон, тот просто лучился от радости.

— Прекрасно исполнено, Джим, прекрасно.

— Однако я очень утомился. И что дальше?

— Судя по всему, наша команда на сегодня отработала свое. И теперь — отдыхает.

— Значит, на очереди еда и сон. Отлично.

Кажется, это называется пищей. Добрых слов о ней говорить не очень хочется, ну, разве что, она была немного лучше той, венианской, с корабля. За строением на огне пыхтел громадный грязный чан. Шеф-повар — если можно нарекать таким благозвучным титулом засаленного оборванца, мешал содержимое длинной деревянной поварешкой. На столе валялись мокрые деревянные миски, рабы брали миску, подходили к повару и тот выделял каждому его порцию. Ложек не было — потому что они вообще не подразумевались. Рабы ели руками. Пришлось последовать их примеру. Пойло оказалось какой-то овощной похлебкой — вполне безвкусной, зато сытной. Покончив с едой, я без труда подавил желание попросить добавку.

— Ну, и как долго мы будем рабами, — спросил я Слона, который ел не торопясь, привалившись к стене.

— Пока я не пойму, как тут все устроено. Ты всю жизнь провел на единственной планете. Поэтому сознательно и бессознательно принимаешь известное тебе общество за общий случай. И это неверно. Культура — такое же изобретение человечества, как вилка или компьютер. Но разница между ними все же есть. Мы легко совершенствуем компьютеры и столовые приборы, но что касается культуры — стоп, никаких перемен. Всякий убежден, что его образ мыслей является единственным и уникальным, а остальное — безумие и извращение.

— Звучит глупо.

— А так и есть. Но если ты это понимаешь, а они — нет, то можешь выйти за рамки правил, раздвинуть их ради собственной выгоды. Сейчас я и занимаюсь тем, что выясняю местные нравы.

— Только не слишком затягивайте.

— Не обещаю, но и мне тут не слишком уютно. Дело в том, что необходимо выяснить — существует ли здесь вертикальная мобильность и как она действует. А если ее нет, то придется ее внедрить.

— Вы меня запутали. Вертикальная чего?

— Мобильность. Не чего, а что. Это имеет отношение к разделению общества на классы. Может ли, например, раб выбиться в охранники? Если да, то вертикальная мобильность есть. Если нет — то общество четко расслоено на классы и возможна лишь горизонтальная мобильность.

— То есть, единственное, что возможно — заделаться главным рабом и гонять остальных?

Он кивнул.

— Именно, Джимми. И мы перестанем быть рабами, как только я пойму, как это возможно. Но для начала не мешает отдохнуть. Видишь, остальные уже забились в солому. Предлагаю последовать их примеру.

— Согласен...

— Эй, поди сюда!

Это был Тарс Тукас собственной персоной, и кричал он мне. Ох, длинный денек будет.

Зато, по крайней мере, удастся осмотреть окрестности. Мы пересекли двор — арену моего триумфа — и поднялись по каменным ступеням. Тут имелся вооруженный стражник, в караулке рядом скучали еще двое. Пошли по коридору. Здесь уже появлялись отдельные элементы роскоши: пол был устлан циновками, стояли колченогие стулья, а на стенах — висели портреты, некоторые из которых слегка напоминали Капо Доччи.

Наконец меня втокнули в большую комнату с окнами, выходящими на наружную стену. Вдали виднелись деревья и поле и больше ничего. В комнате пребывал сам Капо с небольшой компанией — видимо приближенных. Компания была исключительно мужской. Господа выпивали из металлических кубков и были хорошо одеты — разумеется, если разноцветные кожаные штаны, свободные рубахи и длинные мечи можно назвать хорошей одеждой. Капо подозвал меня жестом.

— А ну-ка покажись нам.

Остальные повернулись в нашу сторону, разглядывая меня, словно диковинного зверя.

— И что, он действительно свалил того без кулаков? — произнес один из господ. — Он же такой маленький и хилый. Просто сопля на ножках.

Да, бывают моменты, когда рот следует открывать только для приема пищи. Похоже, так мне поступить и следовало бы. Но я уже устал, надоели мне все эти убудки, вот я и не сдержался.

— Да уж не такой хилый, как ты, свинья!

И, надо сказать, этот оборот речи весьма сильно подействовал на его психику. Сначала он взвыл от ярости, затем — покраснел, вытащил клинок и кинулся на меня.

Раздумывать мне опять было некогда. Я выхватил у стоящего неподалеку человека его кубок и выплеснул его содержимое в лицо нападавшему.

Большая часть пролетела мимо, но на одежду попало достаточно, чтобы раззадорить моего противника! Он рубанул мечом по воздуху, я поставил под удар кубок и отвел его в сторону. Проехав кубком по лезвию до гарды, я перехватил руку нападавшего и вывернул ее.

Он завопил, меч зазвенел по полу, мой противник повернулся боком, открывшись для завершающего удара, и я уже почти произвел его.

Но тут мне сделали подсечку сзади, и я рухнул.

Глава 21

Вероятно, или казалось, что все это ужасно смешно. Ржали, надо отметить, они дружно. А когда я попытался дотянуться до упавшего клинка, то кто-то отпихнул его ногой. Да, дела обстоят не блестяще. В одиночку со всеми мне не справиться. Надо срочно сматывать удочки.

Но как? Двое навалились сверху и прижали меня к земле, кто-то ударил ногой в бок. Я не успел даже пикнуть, как мой противник сидел на мне верхом и доставал из ножен очень неприятный кинжальчик с волнистым лезвием.

— А откуда эта тварь, капо? — осведомился он, ухватив меня за подбородок и приставляя кинжал к горлу.

— С корабля скинули, — ответил капо Дочки. — Чужеземец.

— А он хоть чего-то стоит?

— Не знаю, — пожал плечами капо, весело глянув на меня. — Наверное. Только не нравятся мне его хитрые инопланетные штучки-дрючки. Слушай, прирежь его, да и дело с концом.

Во время этого чрезвычайно содержательного диалога я не шевелился — очень было интересно узнать, чем он закончится. А потом взял да пошевелился.

Противник резко вскрикнул, когда я вывернул и — надеюсь — сломал ему руку, выхватил заодно кинжал. А потом швырнул своего врага в сторону его дружков. Те попятились. Но были еще люди и сзади — они отступили, когда я описал круг рукой с кинжалом. И рванул прочь. Побежал, спасая свою шкуру.

В единственно известном мне направлении, вниз по лестнице. По дороге столкнулся с Тарсом Тукасом и мимоходом сбил его с ног.

Сзади раздавались яростные вопли, но оборачиваться мне было некогда, я неслился через ступеньки к стражникам у входа. Они не успели подняться с лавки, когда я налетел на них, и мы рухнули на пол. Двинул одному из них в подбородок, выхватил за ствол его ружье. Второй еще попытался прицелиться в меня, так что пришлось ему быстренько дать по башке трофеем.

Когда я выскакивал в дверь, топот погони раздавался уже совсем близко. Стражник в дверях был немало удивлен, увидев меня, и даже попытался выхватить меч, но потерял сознание. Я бросил кинжал и схватил этот, куда более серьезный, клинок. Впереди теперь были только ворота, к счастью, распахнутые настежь.

Вот только они охранялись вооруженными ребятами, уже, кстати сказать, вскинувшими свои ружьишки. Грянул залп, и я помчался через двор наискосок, к сараю, в котором обитали рабы. Ну, не знаю — как там палила охрана, но за угол я заскочил еще совершенно целым и невредимым.

Итак: один меч, одно ружье, один донельзя усталый Джим диГриз. Маловато выходит — тем более, что этот самый Джим диГриз не смел не только остановиться, но и сбавить скорость. Впереди была наружная стена — на ней каменщики занимались каким-то мелким ремонтом. Тут же стояли леса и стремянки, рабочие с которых так и посыпались, стоило мне заорать и замахать мечом. Я в одно мгновение взлетел наверх. Отметив при этом, что точность стрельбы заметно растет — пули втыкаются вокруг меня в стену, высекая из нее осколки, и, надо полагать, точность вскоре окажется вполне удовлетворительной, дабы пресечь мое дальнейшее бегство.

Я забрался на стену и лег на нее лицом вниз, стараясь отдышаться. Сделал несколько вдохов и решил осмотреться — и тут же пожалел об этом, поскольку стрелки немедленно громыхнули общим залпом, просто-таки разорвавшим воздух над моей головой. Вообще капо Дочки и свита возложили тяготы погони на стражников, а сами стояли в сторонке картинно бряцали оружием и ругались. Картина была вполне торжественной и драматической. Они снова пальнули, и я снова пригнул голову.

Впрочем, я успел обнаружить, что несколько стражников уже взобрались на стену и весьма резво идут вперед, окружая таким образом меня с флангов. Я свесился наружу и принялся изучать коричневую жижу, имевшуюся в большом количестве у подножия стены. Между тем понимая, что прыгать туда — мой единственный вариант.

— Эх, Джим, Джим, — укорил я себя. — Пора бы тебе, дорогой, научиться держать язык за зубами...

После чего вздохнул поглубже — и сиганул вниз.

Раздался всплеск, и я обнаружил, что застрял. Жижка доходила мне до шеи, а ноги увязли в мягком грунте, который и погасил удар. Барахтаясь изо всех сил, вытащил ногу, потом другую. И, преодолевая вязкие объятия, побрел к берегу. Преследователей пока видно не было, но, надо думать, они не замедлят появиться. Оставалось только идти вперед и ни о чем не думать. Наконец, я добрался до берега и, сжимая в руках захваченное оружие, заковылял вверх, чтобы укрыться среди деревьев. Стражников все еще не было видно. Ну ничего, они, наверное, уже перешли мост, так что вскоре явятся. Тем не менее, пока мне жутко везло.

И тут я рухнул головой в кусты от внезапно пронзившей меня боли. Боли, лишившей меня зрения, слуха и всех прочих чувств.

Потом она прекратилась, и я утер слезы. Болевое кольцо — и как я мог позабыть о нем? Тарс Тукас пришел в себя и нажал на кнопочку. Что это он тогда говорил? Если подержать подольше, то нервы совсем портятся и не остается ничего, кроме как подохнуть? Я

схватился за ботинок, чтобы достать отмычку, и тут боль накатила снова.

После того, как она опять прекратилась, я уже был слаб настолько, что едва мог шевелить пальцами. Пока возился с отмычкой, понял, что должен благодарить судьбу за то, что ребята оказались садистами. Им бы взять и не отпускать кнопку — и я давно был бы уже мертвецом. Но кто-то из них, наверняка сам Капо Доччи, хотел заставить меня пострадать напоследок, давая заодно понять, что выхода у меня нет и не предвидется. Отмычка была уже у меня в замке, и тут боль снова свалила меня.

Когда она прекратилась, я лежал на боку, не в силах двигаться, отмычка выпала из пальцев.

Но надо двигаться. Еще одна такая волна, и со мной будет покончено. Пальцы дрожа зашевелились. Отмычка медленно ползла к крошечному отверстию в замке, залезла внутрь, легонько повернулась...

Прошло много времени, прежде чем кровавый туман в моих глазах рассеялся. Боль в теле понемногу стихала. Я лежал и чувствовал, что уже больше никогда не встану. Когда ко мне вернулось зрение, сначала пришлось стряхнуть с ресниц слезы и лишь затем увидеть самое прекрасное на свете зрелище...

Открытое болевое колечко валялось среди прелой листвы.

Только уверенность моих хозяев в том, что деться мне некуда, спасла мне жизнь. Преследователи не торопились — было слышно, как они переговариваются, направляясь в мою сторону.

— ... где-то здесь. На черта он им сдался?

— Терять хороший клинок и ружье? Никак нельзя. Да и Капо Доччи хочет повесить его во дворе, пока не завоняет. Никогда в жизни не видел, чтобы он так бесновался.

Жизнь медленно возвращалась в мое парализованное тело. Я свернул со звериной тропки, по которой полз, и укрылся в низком кустарнике, попытавшись расправить за собой траву.

— Смотри, — доносились голоса. — Здесь он выбрался на берег. Пополз по этой тропинке.

Тяжелые шаги приближались, приблизились и миновали меня. Я вцепился в оружие и делал единственное, что мог, — ждал, когда ко мне вернутся силы.

Надо признать, это был довольно сложный момент моей жизни. Совершенно один, дрожащий от боли, изможденный, преследуемый людьми, которые жаждут моей смерти, мучимый жаждой... Ничего себе, список. Единственное, чего нехватало, так это дождя.

И тут начался дождь...

Вообще, мне кажется, что слишком сильные эмоции что-то пережигают в человеке. Если любил слишком сильно, то больше любить не сможешь. Ну, тут у меня, надо сказать, личного опыта не было, зато что касается затруднительных ситуаций в жизни — дело другое. И теперь я прямо-таки расхохотался. И тут же зажал себе рот. Нет, господа, нельзя так поступать со злобными стальными крысами! Нельзя, они могут заржаветь!

Подавив стон, я попытался пошевелить ногами. Боль еще не прошла, но ярость заглушила ее. Подхватив ружьишко, упираясь мечом в землю, я попытался встать. Выдернул меч и стоял, покачиваясь. Но и не падал. Наконец смог поплестись вперед, шаг за шагом удаляясь от преследователей.

Лес оказался довольно большим, и какое-то время я петлял по диким тропкам. Преследователи, похоже, побрели в другую сторону и остались далеко позади. Потом лес начал редеть и кончился. Дойдя до опушки, я прислонился к дереву, чтобы перевести дух, и стал разглядывать лежавшее передо мной возделанное поле. Ну что же, пришло время возвращаться к людям. Где плуг, там и пахарь. Найти его будет не трудно. Когда силы немного восстановились, я пошел вдоль края поля, готовый скрыться в лесу при первой же опасности. Но, на мое счастье, я увидел крестьянскую хижину. Домишко был низким, крытым соломой, без окон — по крайней мере, их не было с моей стороны. Из трубы поднималась тоненькая струйка дыма. Но в таком теплом климате топить необходимости нет. Значит — там готовят пищу.

При одной только мысли о еде мой желудок принялся бурчать. Я, в общем, его понимал. Еда и питье были необходимы. А где их искать, кроме этой уединенной фермы? Вопрос звучал как ответ. Ковыляя по бороздам, я потащился к дому. Ни души вокруг. Но сквозь приоткрытую дверь доносились голоса и смех — и запах еды. И я вошел в дом.

— Привет, люди. У вас гости!

Их было с полдюжины — сгрудившихся вокруг добела выскобленного деревянного стола. Старые и молодые, худые и толстые. Но с одинаковым выражением на лицах: от удивления у всех отвисли челюсти. Даже дитя прекратило реветь и уставилось на меня. Старший, седой старик, поспешно вскочил с места.

— Добро пожаловать, ваша честь, добро пожаловать...

Склонив голову, он дернул себя за чуб. Видимо, выражая мне признательность за визит.

— Чем можем вам служить, досточтимый?

— Если бы у вас нашлось для меня немного еды...

— Входите! Располагайтесь, как дома! Наша трапеза скудна, но мы с радостью разделим ее с вами! Садитесь здесь!

Он поднял стул, который опрокинул, вскочив мне навстречу, и предложил мне сесть. Остальные вышли из-за стола, чтобы мне не помешать. Похоже, все они были прирожденными знатоками людей и сразу распознали во мне особу весьма высокого происхождения. Кажется, это они поняли по моим мечу и ружью.

Над огнем висел котел, мне наполнили и подали деревянную миску. Здесь жизнь была побогаче, чем у рабов, поскольку снабдили меня и деревянной ложкой. В миске оказалось овощное рагу с редкими кусочками мяса, удивительно вкусное. А в глиняной кружке плескалась ледяная вода — чего я еще мог желать?!

Я ел, а крестьяне о чем-то перешептывались в дальнем углу комнаты. Вряд ли они замыслили недоб-

рое, но на всякий случай я глаз с них не спускал, а меч положил поближе к себе, прямо на стол.

Когда я покончил с едой и несколько против воли и приличий рыгнул, то они тепло восприняли последнее как некий способ ободрения — старик отделился от группы и выступил вперед. Перед собой он вел перепуганного подростка, примерно моих лет.

— Позвольте поговорить с вами, досточтимый сэр...

Я согласно махнул рукой и еще раз рыгнул. Старик улыбнулся и кивнул.

— Как мило с вашей стороны поблагодарить повара. Похоже, вы человек доброго ума и мягкого нрава, красивый и образованный. И, похоже, выдающийся воин, так что позвольте изложить вам наше маленькое дельце.

Я снова согласно кивнул: лезть всегда отыщет лазейку.

— Это мой третий сын, Дренг. Он силен и отважен, хороший работник. Но хозяйство у нас маленькое, а ртов приходится кормить много. Да еще — отдавать половину урожая нашему великому и могучему капо Дочки — за нашу защиту.

При этих словах он склонил голову, но в голосе звучали покорность пополам с ненавистью. Похоже, капо Дочки защищал их тут исключительно от капо Дочки. Старик толкнул Дренга вперед и сжал ему плечо.

— Смотрите, сэр, как камень. Он очень сильный. И всегда хотел стать наемником, как вы. Чтобы с оружием в руках продавать свои услуги знати. И это хорошая работа, которая к тому же позволит иной раз приносить в дом пару-другую гроутов.

— Но я не занимаюсь рекрутами!

— Конечно, досточтимый сэр. Именно в том и дело. Если он пойдет в копыеносцы к капо Дочки, то не сыщет там ни денег, ни славы, а только раннюю смерть.

— Ну-да, — подтвердил я на всякий случай. Вообще, что-то старик излагал дело весьма путанно, но мне это было только на руку — я же так пока и не знал, какие на Спайовенте порядки. Хотя, пока все это

звучит не слишком обнадеживающе. Я отхлебнул воды и попытался рыгнуть еще разок, на радость повару, но не смог. Старик между тем продолжал говорить.

— Каждый воин вроде вас должен иметь слугу. Но мы видим, что вы один. Осмелюсь поинтересоваться — что с вашим слугой?

— Погиб в бою, — особо не задумываясь, ляпнул я.

Старик явно растерялся, из чего мне пришлось сделать вывод, что слуги в сражениях участия принимать не должны.

— Дело в том, — принялся выкручиваться я на ходу, — дело в том, что враги напали на наш лагерь. — Вроде, попал, поскольку старик согласно кивнул. — Конечно, я расправился с тем подонком, который прирезал бедолагу Смелли. На то она и война. Тяжелое ремесло.

Все присутствующие понимающе закивали. Похоже, я опять попал в точку. Тут я подозвал к себе юнца.

— Подойди-ка ближе, Дренг. Расскажи о себе сам. Тебе сколько лет?

Он взглянул на меня из-под свисающей челки и промямлил:

— В День Червя стукнет четыре.

Подробности, касающиеся праздника с таким очаровательным названием, меня заинтересовали не слишком. Четыре года, однако... Что-то великоват он для четырехлетнего. Видимо, на планете год довольно длинный.

— Прекрасный возраст для слуги. — сообщил я. — А теперь скажи мне, что обязан делать слуга? — В самом деле, очень интересно.

Он радостно кивнул.

— Конечно, сэр, я знаю. Старый Квечи был когда-то солдатом и рассказывал мне об этом. Слуга должен чистить меч и ружье, приносить от походного костра еду, наполнять водой фляги, давить камнями вшей...

— Отлично. Вижу, ты и впрямь все знаешь. До мельчайших деталей. И ты рассчитываешь, что в награду за свои труды я научу тебя воинскому искусству?

Он быстро кивнул. В комнате все стихло, пока я обдумывал ответ.

— Ладно, договорились.

Соломенная крыша вздрогнула от общего радостного крика, и старик немедленно выставил на стол кувшин домашней браги. Дела складывались неплохо. Если даже и не отлично, то по крайней мере, хорошо.

Глава 22

Как только стало известно, что Дренг получил новую работу, все занятия на ферме были оставлены. Домашняя бражка — штука весьма своеобразная на вкус, но какой-то процент алкоголя она содержала, это уж наверняка. Пришлась она весьма к месту. Я выпил довольно, чтобы заглушить боль, и притормозил, чтобы, подобно остальным, не растянуться на полу. Заодно решил подсобрать дополнительную информацию о планете, расспрашивая подвыпившего старика.

— Я приехал издалека, поэтому мало что здесь знаю, — поведал я ему. — Но слыхивал, что местный главарь, капо Дочки, существо весьма грубое.

— Грубое, — проворчал старик и снова отхлебнул этого растворителя домашней выделки. — Тонко сказано, сэр. Ядовитые змеи расползаются в стороны при его приближении. А то как же, известно, что один его взгляд может убить младенца.

И всякое прочее в том же роде. Все это можно было уже не слушать, пошла обычная пьяная болтовня. Отыскал взглядом Дренга — тот припал к кувшину с брагой. Отобрал кувшин и потряс парня, надеясь привести его в чувство.

— Пошли. Мы уходим.

— Уходим?.. — Он заморгал, пытаясь сообразить, что к чему. Но не очень успешно.

— Мы. Уходим. Прогуляться.

— Ага, гулять. Я захвачу одеяло. — Он, покачиваясь, встал и заморгал снова. — А где твое одеяло, которое я должен нести?

— Захвачено врагами, вместе со всеми прочими вещами. У меня остались только меч и ружье, но с ними я не расстанусь — только вместе с самой жизнью...

— Вместе с жизнью... Правильно. Я принесу тебе одеяло.

Он порывлся в дальнем углу комнаты и достал два вполне приличных куска ворсистой ткани — не обращая ни малейшего внимания на причитания женщин по поводу холодной зимы. Да, нелегко, верно, жить крестьянам. Надо будет при случае помочь Дренгу заработать парочку этих самых гроутов.

Дабы не лицеизрееть традиционной душераздирающей сцены, я ждал Дренга во дворе. Наконец он вышел — накинув одеяла на плечи, держа в руке кожаную суму. На его шее болтался в ножнах клинок весьма устрашающего вида. Дренг уже отчасти протрезвел, подошел ко мне и, чуть покачиваясь, встал рядом.

— Ведите, хозяин.

— Сейчас ты покажешь мне дорогу. Мне надо навестить крепость капо Дочки.

— Как? Ты служишь у него?!

— Нет. У него я не стану служить ни за какие коврижки. Он держит там взаперти моего друга. Я хочу передать ему записку.

— К крепости крайне опасно приближаться. Даже просто приближаться.

— Это верно, но, видишь ли, все дело в том, что я совершенно бесстрашный. И мне необходимо связаться с другом. Ты покажешь дорогу через лес. Мне не очень хочется, чтобы люди капо Дочки нас заметили.

Дренг вполне разделял эту мою мысль. Пока мы шли по едва заметным лесным тропкам, он протрезвел. Наконец мы прибыли. Я внимательно взглянул на дорогу, которая вела к подъемному мосту в стене крепости.

— Ближе нельзя, нас заметят, — прошептал он.

Я согласно кивнул, глядя на послеполуденное солнце.

— День у нас сегодня был не из легких. Давай-ка ляжем прямо здесь, в лесу, а наутро тронемся.

— Куда тронемся?! На верную смерть?

Как странно, такой жаркий день, а у него зуб на зуб не попадает. Во всяком случае, он отвел меня в самую чашу, где обнаружилась ложбинка, на дне которой протекал ручеек. Достав из сумки глиняную чашку, он принес воды, проглотив которую, я осознал, что иметь слугу — не так уж и плохо. Исполнив положенные слуге дела, он расстелил одеяла и завалился спать. А я, прислонившись к дереву, принялся изучать похищенное ружье.

Ружьишко было новехоньким, блестело и казалось не очень-то подходящим для этой планетки. Понятное дело — оно попало сюда с корабля. Слон говорил, что экипаж занимается контрабандой оружия. Ну вот, образчик у меня в руках. Надо присмотреться повнимательнее.

Никаких клейм и номеров. Не указано и место производства. Если бы его заполучили агенты Лиги, то определить, на какой из планет оно изготовлено, было бы невозможно. Ружьецо было небольшим, что-то среднее между пистолетом и винтовкой. Не буду хвастаться, но скажу, что со стрелковым оружием знаком не поверхностно — я почетный член стрелкового клуба в Пирли Гейтс и, будучи вполне приличным стрелком, не раз помогал им выигрывать состязания — но такого инструмента еще не встречал. Калибр примерно 30 и что характерно — гладкоствольное. Прицел стальной, открытого типа, спусковой крючок снабжен предохранителем, а вот тут еще какой-то рычажок на прикладе. Я немедленно нажал на рычажок — ружье переломилось, и на землю высыпались патрончики. Кажется, стало понятно, как оно устроено.

Вполне изящно. Никаких канавок или нарезки — так что не надо чистить ствол. Пуля не вращается, но удерживается на траектории с помощью стабилизаторов. Которые заодно продельывают в теле очень большие дырки. Никакого магазина — твердый

пропеллент. Устраняется проблема выброса гильз. Я заглянул в боевую камеру — надежно и безопасно. Пули загружаются в рукоятку, одна помещается в казенник. Есть маленький фотоэлемент для подзарядки батарей. Нажимается курок, в камере раскаляется термоконтакт, который воспламеняет заряд. Газ выталкивает пулю, а часть его используется для подачи в казенник очередной пули. Просто, дешево и надежно. И смертельно.

Наваливалась усталость. Я пристроил ружье и меч под боком, улегся на одеяло и последовал примеру Дренга.

К утру мы выпались и встали с легким похмельем в голове. Дренг принес воды и выдал кусочек чего-то, похожего на вяленую воблу. Такой же кусочек взял сам и принялся старательно жевать. Завтрак в постели — что может быть великолепнее. Я попытался откусить — и чуть не сломал себе зуб. Эта штука не только с виду походила на воблу, но и вкус у нее был совершенно такой же.

К тому времени, когда должны были опустить мост, мы укрылись в кустарнике на вершине холма — в непосредственной близости от ворот. Точнее — в самом близком к мосту укрытом месте: все деревья и кустарники на подступах к воротам были вырублены. Мне-то что, я лишь досадовал, что ближе подобраться невозможно, а Дренг трясся всем телом. Ну вот. В воротах стали появляться люди. Сначала выехали пятеро: маленький вооруженный человек и четверо рабов, которые волокли повозку.

— Это что еще? — спросил я.

— Сборщик дани. Поехали забирать часть урожая.

— А я думал, что крестьяне сами приходят в замок.

— Нет! Никогда! Это же верная смерть.

— Что, и они не приходят даже продавать продукты?

— Продавать? Они забирают у нас просто все, что им надо.

— А дрова? Вы что же, не продаете им дрова?

— Да они просто крадут их, когда им нужно.

Хм, весьма односторонняя экономика, — подумал я. Но что-то ведь делать надо — не оставлять же Слона в таком жутком месте навеки. Да еще в

качестве раба. Тут мои размышления были прерваны суматохой возле ворот. И, похоже, мои мечты материализовались — из ворот, растолкав стражников, прямо к нам неслась гигантская фигура.

Слон!

Да, это был Слон и он несся во всю прыть. И, разумеется, следом за ним поспешали стражники.

— А ну, бери меч и вперед — за мной! — крикнул я, вложив рукоять меча в руку Дренга. И помчался сломя голову вниз по склону, визжа что было сил — чтобы отвлечь внимание стражников. Но те меня упорно игнорировали, так что пришлось пальнуть разок-другой по верх их голов.

Тут они заметили меня. Замедлили погоню, один вообще рухнул на землю и прикрыл голову руками. Слон летел вперед на всех парах, но один из стражников упорно бежал следом и размахивал пикой. Он ударил ею Слона в спину и сбил с ног. Я еще раз выстрелил на бегу, перепрыгнул через лежавшего Слона и свалил копыеносца ударом приклада.

— Наверх! На холм! — заорал я, увидев что Слон поднимается на ноги, а его спина — залита кровью. Пальнув еще пару раз для острастки в стражников, кинулся ему на помощь и только тут заметил, что Дренг так и лежит, сжимая в руке меч, на вершине холмика.

— А ну, вниз и помогай ему, не то я тебя пристрелю! — заорал я и, обернувшись, снова выстрелил.

Опять ни в кого не попал, но заставил их залечь и пригнать к земле головы. Слон заковылял вверх по склону, а Дренг, собрав в кулак всю свою совесть — или перепугавшись, что я и в самом деле его пристрелю — стал ему помогать. Стражники, видать, окопались и приступили к действиям: вокруг засвистели пули. Пришлось пальнуть по ним еще пару раз.

Наконец мы вскарабкались на холм и ввалились в относительно безопасный для нас лес. Мы с Дренгом помогали идти, а точнее — просто тащили на себе Слона. Я мельком взглянул на его спину — рана выглядела неглубокой. Когда мы наконец продрались сквозь кусты и скрылись среди деревьев, можно было перевести дух. Стражники сюда не сунутся.

— Дренг, уводи нас. Поймать нас не должны.

И самое странное, что они нас так и не поймали. Парень, верно, все свое детство провел в этом лесу, так что знал тут любую тропку. Но идти было тяжело. Мы продирались сквозь кустарники, карабкались по крутому травянистому склону, опять продирались, опять поднимались. Наконец Дренг раздвинул какие-то кусты и указал на вход в небольшую пещеру.

— Однажды я выследил здесь фуррилла. Про это место никто не знает.

Вход в пещерку был узковат и втаскивать туда Слона оказалось нелегким делом. Зато дальше пещера расширялась настолько, что можно было спокойно рассестись всем троим. Встать вот только было невозможно. Развернув одеяло, я уложил на него Слона и повернул на бок. Он застонал. Лицо его было в синяках и грязи. Он взглянул на меня и улыбнулся.

— Спасибо тебе, мой мальчик. Я знал, что ты будешь рядом...

— Но даже я сам об этом не знал...

— Чепуха. Но, пожалуйста, быстрее...

И тут он дернулся и застонал, а его тело выгнулось от непереносимой боли. Боже мой — я совершенно позабыл про болевое кольцо! Сейчас, кажется, ему дают непрерывный сигнал — верная смерть!

Спешка — всегда убыток. Я заставил себя не суетиться, не спеша снял правый башмак и достал отмычку. Нагнулся, вставил ее, повернул и — кольцо соскочило. Боль пронзила мою руку, когда я отбрасывал его в сторону.

Слон лежал без сознания и тяжело дышал. Оставалось только ждать.

— Твой меч, — сказал Дренг, протягивая оружие.

— Оставь его пока себе. Не возражаешь?

Он опустил глаза и задрожал.

— Я хотел стать воином, но, видать, слишком для этого труслив. Я не смог заставить себя прийти вам на помощь.

— Но в конце-концов ты же решился. Помни об этом. Нет таких людей, которым неведом страх. А смелый человек отличается именно тем, что делает свое дело, даже когда ему страшно.

— Достойная мысль, молодой человек, — раздался низкий голос. — Запомни ее навсегда, непременно запомни.

Слон уже пришел в себя и слабо улыбался, глядя на нас.

— Так вот, Джим, как я уже говорил, пока они не включили эту свою штуковину, я был уверен, что этим утром ты вернешься. Ты оказался на свободе, и я знал, что тут меня не бросишь. После твоего побега было много шума и криков, дурацкой беготни, а потом ворота закрыли и все смолкло. Было понятно, что ночью тебе к нам не пробраться. А на рассвете ворота будут открыты, и я не сомневался, что ты окажешься поблизости, чтобы вытащить меня. Вот я и упростил тебе задачу. Вышел сам.

— Да уж, упростили! Едва не погибли...

— Так не погиб же. И, видишь, как все замечательно. Мы снова вместе, к тому же — на свободе. К тому же, у нас появился союзник. Неплохо для одного дня. А вот теперь один серьезный вопрос. Что мы будем делать дальше?

А в самом деле — что?

Глава 23

— Ну, что дальше — понятно, — ответил я. — Остаемся здесь, пока не утихнет шум. А поскольку мертвый раб стоит недорого, то он утихнет быстро.

— А откуда они знают, что я мертв?

— Вы забываете про болевое кольцо. Вы просто никуда деться не могли. Только умереть. Ну вот, а когда шум стихнет, мы отправимся к какому-нибудь жилью и перевяжем вашу рану.

— Какая ерунда. Крови многовато, но там же только царапина.

— А инфекция? Рану надо обязательно обработать. — Я обернулся к Дренгу. — Тут живет кто-нибудь поблизости?

— Да почти никого, вот только вдова Апфельтри — прямо за болотом. Надо пройти мимо сухого дерева, пойти вдоль края болота и...

— Стоп. Не рассказывай, ты нас туда отведешь. — Я опять повернулся к Слону. — А что мы будем делать дальше?

— А вот дальше, Джим, мы поступим в армию. Ты у нас теперь наемник, так что тебе туда прямая дорожка. А детали таковы. Армия всегда находится в крепости, а в любой крепости всегда есть закрытая комнатка, в

которой свалены гроуты. Ты будешь воевать, а я займусь запертым помещенником. Кстати, армию я тебе уже выбрал. Тебе предстоит служить капо Димонте.

— Только не ему! — взвыл Дренг, вцепившись в свою шевелюру руками. — Он ужасен, съедает каждое утро по младенцу, его мебель обита человеческой кожей, а вино он пьет из черепа своей первой жены...

— Ну ладно, — урезонил его Слои. — Понятно, что в ваших краях у Димонте не слишком хорошая репутация. Как-никак, он враг капо Дочки и регулярно совершает на него набеги. А так, наверное, он ничем не лучше и не хуже местного. Но у него есть одно достоинство: он враг нашего врага.

— То есть, почти наш друг. Отлично. У меня есть должок капо Дочки, и я хочу его воззратить.

— Не надо помнить обид, Джим. Это затуманивает сознание и обязательно испортит твою карьеру. А цель у нас простая — зарабатывать гроуты, а не сводить счета.

Я кивнул и согласился.

— Разумеется. Но пока вы будете разрабатывать операцию, я вполне могу позволить себе небольшое развлеченье.

Было видно, что Слои не одобряет меня. Увы, олимпийское спокойствие мне было не свойственно. Молодость, наверное. Я сменил тему.

— Ну, возьмем мы кассу, и что дальше?

— Выясним, как аборигены связываются с контрабандистами, с теми же венианцами. Нам это нужно просто для того, чтобы смыться отсюда. Но ты знаешь, чтобы достичь цели, нам с тобой придется принять религию. — Он расхохотался, увидев мою растерянность. — Не тарашь на меня глаза, мой мальчик, я, как и ты, естественно-научный гуманист, и не нуждаюсь в божьей помощи. Но все дело в том, что тут, на Спайовенте, вся технология находится в руках Ордена Черных монахов...

— Только не это! — вновь взвыл Дренг. — Они знают Тайны, которые лишают людей разума. Это из их мастерских появляются всяческие противоестественные штучки. Хрипящие и свистящие машины, гово-

рящие ящички, болевые кольца. Держитесь от них подальше, хозяин, умоляю!

— Да, то, что сообщил наш юный друг — правда, — кивнул Слон. — Конечно, тут надо принять во внимание и его естественный страх перед неизвестным. Да, каким-то образом вся технология сосредоточена в руках Черных монахов. Понятия не имею, что там у них за религиозные убеждения — если таковые вообще существуют, но они в самом деле производят и ремонтируют все механизмы, которые только имеются на планете. И это обеспечивает монахам известную безопасность, поскольку — ну кто же станет нападать на них, когда все остальные капотерии немедленно выступят против: чтобы не потерять доступ ко всяким металлическим штучкам. И нам с тобой не остается ничего другого, как связаться с монахами.

— Полностью одобряю ваш план. Итак, в армию, забираем все гроуты, связываемся с контрабандистами и покупаем свой отлет с планеты.

Дренг совершенно запутался в непонятных словах и время от времени вставлял в наш разговор какую-то несусветную чушь. Ему проще было действовать, так что он бесшумно удалился — видимо, на разведку, и столь же бесшумно вернулся. Никого вокруг, можно двигаться. Слон уже мог передвигаться практически без посторонней помощи, да и домик вдовы был неподалеку. Вдовица, несмотря на заверения Дренга, что все будет спокойно, задрожала как осиновый лист, едва нас увидев.

— Ружья и мечи... Убийства и смерть... Я погибла, погибла...

Однако, ворча и причмокивая беззубыми челюстями, вдова послушно поставила на огонь котел с водой. Я отрезал полосу ткани от своего одеяла, прокипятил и промыл Слону рану. Вдову удалось убедить выделить нам немного самогона; Слон вздрогнул, но не проронил ни звука, когда я промывал его открытую рану. Ну, надеюсь, что алкоголя в этой жидкости достаточно для дезинфекции. Прокипятил еще один кусок одеяла и перевязал Слона. Больше я ничего сделать не мог.

— Прекрасно, Джим, просто чудесно, — ехидничал Слон, натягивая на себя порванную куртку. —

Видать, ты не зря потратил годы в бойскаутах. А теперь поблагодарим добрую вдову и отправимся с миром, а то хозяйке, похоже, не по себе в нашей компании.

И мы пошли по ухабистому проселку, с каждым шагом удаляясь от капо Дочки. Дренг оказался прекрасным добытчиком: лазил по окрестным садам за фруктами, выкапывал съедобные клубни на полях — прямо под носом у хозяев. Те, впрочем, не возражали и лишь почтительно хватались за чубы, увидев мое оружие. М-да, на этом свете уважают только бандитов. В первый раз в жизни я осознал преимущества миров Лиги.

К стенам крепости Демонте мы подошли только после полудня. Крепостишка выглядела чуть поприличнее, чем у Дочки, или так просто показалось издалека. Расположена она была на острове посреди озера. С берегом сообщалась посредством дамбы и подъемного моста. Дренг дрожал от ужаса и с радостью остался ждать меня на берегу, вместе со Слоном. Воинственной походкой я перешел дамбу и взошел на мост. Два стражника с ленивым подозрением уставились на меня.

— Привет, братишки, — бодро начал я, выкатив грудь и подтянув живот. — Это владения капо Димонте, известного повсюду силой обаяния и мощью руки?

— А тебе-то что?

— Ты видишь: вооруженный и умелый воин желает поступить на службу.

— Да уж, братишка, ты и выбрал, — весьма мрачно протянул один из стражников. — Ну ладно, войдешь в ворота, пройдешь через двор, третья дверь направо, спросишь там. — Тут он наклонился ближе и прошептал: — За три гроута я дам тебе совет.

— Уговорились.

— Так плати.

— Потом. Сейчас я на мели.

— Ну еще бы — раз решил наняться сюда. Хорошо, через пять дней, но тогда уже пять гроутов.

Я согласно кивнул.

— Он предложит тебе очень мало, а ты не соглашайся меньше, чем за два гроута в день.

— Спасибо. Я не забуду.

И пошел во двор. Нужная мне дверь была открыта, там находился толстый человек с совершенно лысой головой и что-то корябал в бумажках. Когда моя тень упала на стол, он поднял голову.

— Проваливай! — начал он очень невежливо. — Всем же сказано, что до послезавтра никаких денег!

— А мне тут, собственно, ничего пока не положено, — ответил я. — И, наверное, не будет, поскольку что же я стану к вам наниматься, когда вы своим так вот платите...

— Прости, добрый чужеземец, не разглядел. Солнце прямо в глаза светит. Ты хочешь к нам? Мы рады тебе. Меч и ружье у тебя есть, а боеприпасы?

— Есть.

— Прекрасно. — Он потер ладони. — Кормежка тебе и твоему слуге, один гроут в сутки.

— Два в день и боеприпасы.

Он нахмурился, пожал плечами, нацарапал что-то на листке и протянул его мне.

— Это контракт на год, жалование повышается только по окончании срока. Если читать и писать не умеешь, поставь крестик, вот здесь.

— Спасибо. Но я умею. Достаточно хорошо для того, чтобы заметить, что ты поставил тут четыре года. Так что я сначала исправлю, а уж потом — подпишу.

Что я и сделал, подписав документ именем судьи Никсона, прекрасно сознавая, что срока контракта мне дожидаться не суждено.

— Ладно, приведу своего слугу и престарелого отца.

— Никаких дополнительных паек бедным родственникам! — взвился Сранк. — Делитесь между собой!

— Ладно, — согласился я. — Вы сама щедрость.

Отправился обратно и от ворот махнул своим сотоварищам.

— Так за тобой должок — напомнил стражник.

— Расплачусь — когда эта крыса мне заплатит.

Он одобрительно хрюкнул.

— Если ты думаешь, что этот плох — погоди, еще поговоришь с капо Димонте. Думаешь, стал бы я сидеть тут только за зарплату, без доли от трофеев?

К воротам медленно приближались мои спутники. Слон тащил упирившегося Дренга.

— А долю от трофеев быстро дают?

— Сразу после битвы. Завтра выступаем.

— Против капо Дочки?

— Увы, нет. А то говорят, у него навалом денег и драгоценностей, вот бы и поделился. Да вот, выходит, что не в этот раз. Мы пойдем куда-то на север. Может, это будет неожиданное нападение на бывшего союзника — так что пока нам ничего не говорят. И правильно — напасть, когда никто и ухом не ведет, а мост опущен — половина выигрыша.

Раздумывая над этим образчиком военной мысли, я повел свой маленький отряд в казарму. Ну что же, особыми удобствами она не отличалась, но все же жилище разрядом повыше, чем обиталище рабов. Деревянные нары с соломенными тюфяками для воинов и солома под нарами — для слуг. Что-нибудь надо придумать и для Слона, ну ничего, взятка делу поможет. Мы присели на нары, а Дренг отправился на кухню.

— Как спина? — спросил я.

— Ноет, но не очень сильно. Немного отдохну и отправлюсь осматривать окрестности.

— Утром времени будет больше. Лучше отдохнуть, а то эти два дня были не из самых спокойных.

— Да, наверное, ты прав. А вот и наш парень с едой!

Еда оказалась горячим рагу, в котором среди овощей плавали кусочки какой-то птицы. Наверняка птицы: млекопитающие обычно перьями не покрыты. Мы разделили две порции на троих и немедленно все проглотили. Кому не известно, что свежий воздух и пешие прогулки положительно сказываются на аппетите. К рагу полагалась еще и порция кислого вина, от которого мы со Слоном, понюхав, отказались, а Дренг прихлебывал и глазки щурил. А потом завалился под нары и захрапел.

— Пойду-ка я осмотрюсь, — сказал я, — а вы пока полежите на койке...

Договорить я не успел, потому что раздался ужасающий визг горна. Я поднял глаза и обнаружил в дверях трубача. Он немедленно издал еще одну душераздира-

ющую трель, и я был готов встать, подойти к нему и свернуть ему шею, но он отскочил в сторону и поклонился. В дверном проеме появилась сухопарая фигура, облаченная в голубой мундир. Присутствующие в казарме солдаты немедленно вскочили, склонили головы и потрясли оружием, отдавая честь. Я последовал их примеру. Надо полагать, к нам пожаловал капо Димонте собственной персоной.

Как я уже сказал, был он весьма худощав. К тому же у него, верно, было что-то не в порядке с кровообращением, ибо кожа имела голубоватый оттенок. Маленькие красные глазки выглядывали из синих впадин, голубоватые пальцы потирали сизую челюсть. Капо подозрительно огляделся и начал речь. Голос у него оказался низким и глубоким.

— Мои солдаты, у меня для вас хорошая новость. Собирайтесь и готовьте оружие, в полночь мы выступаем. Марш будет быстрым, чтобы к рассвету добратся до Пинетских лесов. Идут только воины — слуги останутся здесь и присмотрят за вещами. В лесу мы проведем целый день и к вечеру отправимся дальше. Ночью соединимся с союзниками и на рассвете все вместе пойдем на штурм.

— Можно вопрос, капо, — заговорил один из моих новых коллег. Он был весь в шрамах, седой, так что, очевидно, человек весьма заслуженный. — Против кого мы выступаем?

Со всех сторон возник ропот, а ветеран продолжал:

— Если же имя нашего врага пока тайна, то скажите, кто наш союзник.

Но и этот вопрос не понравился капо Димонте. Он почесал подбородок и погладил рукоять ножа. Публика, между тем, ожидала. Казалось, капо сильно нуждается в нашей поддержке, поэтому в конце концов, он заговорил.

— Вам будет приятно узнать, что наши союзники отважны и сильны. У них есть боевые машины, и эти машины способны сокрушить любые препятствия. С их помощью мы сможем взять любую крепость, разгромить любую армию. И это большая удача, что мы выступаем на их стороне.

Он сжал губы, явно не желая продолжать, но что поделаешь...

— Наша победа несомненна, ведь наши союзники, это... Орден Черных монахов!

В помещении повисла напряженная тишина. И взорвалась негодующими воплями. Я совершенно не понимал, какие претензии имеются у присутствующих к Ордену, но было очевидно — ничего хорошего в таких союзниках нет.

Глава 24

Капо высказался и немедленно вышел. Крики между тем продолжались, и через какое-то время стало очевидным, что громче всех орет именно тот, весь покрытый шрамами, ветеран. Наконец он взобрался на стол и своими воплями заставил замолчать всех остальных.

— Вы все знаете старину Таскера. Я вовсю рубил головы, еще когда большинство из вас и на горшке-то сидеть не умели. Так вот, я буду говорить, а вы будете слушать. А кто захочет, выскажется позже. Есть возражения?

Поскольку вместе с последними словами он продемонстрировал собравшимся сжатый кулак и оглядел всех свирепым взглядом, то возражений не было.

— Хорошо. Так вот, слушайте. Я давно знаю этих псов в черных сутанах и не доверяю им ни на пол-гроута. Они заботятся только о своих шкурах. Если они хотят, чтобы мы бились на их стороне — значит, дельце будет опасным и они предпочитают, чтобы вместо них подышали мы. И мне это не нравится.

— Мне тоже, — подал голос кто-то из толпы. — А у нас что, есть выбор?

— Нет, — сердито рявкнул Таскер. — В том-то и дело, что выбора у нас нет. Похоже, нас обули.

Он вытащил свой меч и грозно потряс им в воздухе.

— Все оружие, которое мы имеем, нам поставляют Черные монахи. Кроме новых ружей. Без их помощи нам будет нечем воевать, а раз так, то придется либо голодать, либо вкалывать на фермах. А это не для меня. И, похоже, и не для вас тоже. Так вот — или мы не воюем, или воюем. Все вместе. А если мы пойдем биться, а какая-нибудь гадина вздумает улизнуть, то я ее лично прирежу.

И он еще раз пригрозил сверкающим клинком. Народ безмолвствовал.

— Веский довод, — шепнул мне на ухо Слон. — Безупречная логика. Ему бы философией заняться, а не растрачивать себя по пустякам. Похоже, вам придется с ним согласиться.

Что и произошло. Ну, правда, после криков и споров. Так или иначе, но нынче ночью мы выступаем на стороне Черных монахов. Хотя и противно. Господа наемники по инерции продолжали бучу, мне все это наскучило, и я завалился спать, а Слон отправился куда-то собирать информацию.

Разбудили меня новые крики, на сей раз начальственные. Сон не взбодрил, наоборот, после него усталость, казалось, только усилилась. Но, похоже, я не был одинок в своем пессимистическом отношении к жизни: кругом ругань, мрачные взгляды — ночной марш не радовал решительно никого. Кстати, некоторые из проклятий оказались весьма любопытными с чисто филологической точки зрения и я постарался их запомнить, дабы воспользоваться ими в будущем. Итак, марш. Я умылся холодной водой, что меня немного взбодрило. Слон сидел на койке. Встал и протянул свою лапищу.

— Будь осторожен, Джим. Помни, в этом варварском мире человек человеку — волк.

— А мне такая житуха по нраву, старина, — отшутился я. — Не беспокойтесь.

— Знаешь, — вздохнул он, — я все равно беспокоюсь. Смешно, я всю жизнь смеялся над всякими там предсказателями, астрологами и прочими хиромантами,

а вот теперь... Я сам себе противен за ту депрессию, в которой оказался, но будущее кажется мне темным и пустым. Мы недолго были вместе, и мне не хочется, чтобы нашей дружбе пришел конец. Прости меня, но я предчувствую опасность и ощущаю просто безысходное отчаяние.

— Так ведь тому есть причины. — Я старался говорить с энтузиазмом, хотя мне это и плоховато удавалось. — Вы лишились своего положения, очутились в тюрьме, бежали, прятались, сидели на диете, опять бежали, давали взятки, были обмануты, проданы в рабство, ранены и еще хотите, чтобы не было депрессии?

Но мои слова вызвали лишь слабую улыбку на его лице. Он пожал мне руку.

— Конечно, Джим, ты прав. В крови токсины — в башке депрессия. Будь осторожен, следи за собой. К твоему возвращению я придумаю, как избавить капо от лишних гроутов.

Впервые за все время нашего знакомства он выглядел на свои годы. Обернувшись в дверях, я увидел, как тяжело он укладывается на нары. Ничего, к моему возвращению ему полегчает. А Дренг будет его кормить и ухаживать за ним. Мое же дело — выжить и вернуться.

Марш оказался тяжелым и изматывающим. День выдался жарким, так что и ночь не принесла особого облегчения. Мы тащились, обливаясь потом и отбиваясь от мелких кровососов, которые кружились над нами тучами в ночной мгле. Ухабистая дорога заставляла быть в постоянном напряжении, ноздри забивала пыль. Мы шли и шли вперед, следом за громыхающей и свистящей повозкой, которая возглавляла наше шествие. Один из паровичков тащил повозку с капо Димонте, так что тот перемещался с каким-никаким, но комфортом. Командиры находились явно при нем — попивали винцо и сопели в две дырочки. А нам даже ругаться вслух сил уже не было.

Когда наконец мы вошли под сень Пинетского леса, усталость уже довела нас до отчаяния. Подобно большинству, я рухнул на ковер из пахучих игл и застонал от счастья. Услышав, что часть отряда во главе с

неутомимым стариной Таскером требует перед отдыхом своей доли кислого вина, я поразился их выносливости и отключился.

Весь день мы оставались на одном месте. Отдых был кстати. Около полудня нам раздали пайки — там было что-то твердокаменное, отчасти напоминавшее давно зачерствевший хлеб. Запивать его пришлось теплой, провонявшей водой. Потом я опять спал, а в сумерках нас подняли, выстроили, и марш был продолжен.

Через несколько часов мы подошли к перекрестку и свернули направо. По рядам пронесся легкий ропот — кто-то, похоже, в этих краях ориентировался.

— Что говорят? — спросил я человека, молча шедшего рядом.

— Капотерия Динобли. Вот куда мы идем. В этих краях нет ни одной другой крепости. До остальных идти несколько дней.

— А ты что-нибудь о нем знаешь?

Он хрюкнул и замолчал, но заговорил человек, шедший сзади.

— Я у него служил, давно, правда. Он и тогда был уже стар, теперь-то, поди, совсем развалина. Да ну, капо как капо, все они одинаковы.

Опять навалилась усталость. Бог мой, на свете есть масса более приятных способов заработать себе на жизнь. Нет, эта кампания будет первой и последней в моей жизни. По возвращении мы берем со Слоном кассу и убегаем, унося столько гроутов, сколько сможем. Тут я едва не налетел на спину идущего впереди: мы, оказывается, остановились.

Дорога шла вдоль леса, а на фоне темных силуэтов деревьев виднелись еще более густые тени. Я попытался сообразить, что это может быть такое, но тут появился офицер.

— Нужны добровольцы, — заявил он. — Ты, ты, ты и ты.

При этом он коснулся и моей руки, так что я превратился еще и в добровольца. Тех, кого выдернули из строя и погнали к лесу, оказалось около двадцати. Тучи разошлись и в свете звезд можно было разглядеть, что черные пятна — непонятные механизмы на колесах. Тихонько свистел пар, вырывающийся из

какой-то трубки. От механизма отделилась темная фигура и остановила нас.

— Я расскажу вам, что вы должны делать.

Едва он начал говорить, как в ближайшей к нам машине распахнулась металлическая дверка. В топку — а это была топка — подкинули дрова, и пламя осветило говорившего. Одет он был в черный балахон, черный капюшон полностью скрывал его лицо. Он указал на машину.

— Эту машину надо совершенно бесшумно провезти через лес. Я прикончу любого, кто издаст хотя бы звук. Дорога расчищена еще днем, так что идти будет легко. Беритесь за канаты и тащите.

Вторая фигура в черном раздала нам веревки и выстроила в линию. Мы впряглись и по сигналу потащились вперед.

Но эта штукавина ехала довольно легко. Шепотом нам сообщали, куда идти. Потом мы остановились на опушке леса. Отпустили веревки и стали толкать махину руками, пока наконец командиры не были удовлетворены. Потом они затеяли долгий спор о дальности и прицеле, я пытался понять, что происходит, но не слишком в этом преуспел. Начальство пока о нас позабыло, и я улучил минутку, чтобы выглянуть из кустов.

Очень интересно там оказалось. Впереди было поле, полого поднимавшееся к крепости. Темные башни отчетливо виднелись на фоне мутного неба. У подножия крепости мерцали отсветы звезд — вода защитного рва.

Я проторчал возле кустов до рассвета, а потом вернулся к остальным — чтобы выяснить, что за махину мы тащили через лес. Очертания механизма виднелись уже четко, но понять, что же это такое, все равно не удавалось. Очередной паровичок с какой-то длинной стрелой наверху. Фигура в черном возилась с рычагами управления. Свист пара усилился, длинная стрела опустилась и легла на землю одним концом. Подойдя, я обнаружил там большой металлический ковш — и немедленно был наказан за любопытство: меня тут же заставили тащить огромный валун. Вдвоем еще с каким-то бедолагой мы откатали его от кучи, но

загрузить в ковш смогли, лишь позвав на помощь еще двоих. Что за дела? Я присоединился к остальным наемникам, тут объявился капо Димонте, которого сопровождал человек в сутане.

— А она сработает, брат Фарвел? — осведомился Димонте. — Я же в этих механизмах ничего не соображаю.

— Зато я все в них понимаю, вот увидите. Едва только мост спустят, как машина разнесет его в дребезги.

— Да уж хотелось бы. А то стены высоки, и потери, если придется лезть через них, будут большими.

Брат Фарвел отошел к устройству и принялся инструктировать водителя. В котел подкинули очередную порцию дров, шипение усилилось. День уже наступил. Поле перед нами лежало совершенно мирное, тихий такой сельский пейзаж. Просто идиллия. А позади, за моей спиной, в кустах скрывалась маленькая, но армия и боевые машины. Было ясно, что схватка начнется, едва мост опустят, и машины выведут его из строя.

Нам приказали лечь — чтобы не заметили из замка. Солнце давно уже взошло, день был в разгаре, но — ничего не происходило. Я подобрался к машине поближе.

— Не опускается, — пробормотал вдруг Фарвел. — В это время мост всегда опущен. Что-то тут не так.

— Может, они знают, что мы здесь? — предположил капо Димонте.

— Да! — над нами раздался невероятно громкий голос. Казалось, он идет с верхушек деревьев. — Мы знаем, что вы здесь. Ваша атака обречена. И все вы — также. Готовьтесь встретить неминуемую смерть!

Глава 25

Да, голос возник совершенно неожиданно. Я аж подпрыгнул от удивления. И не только я — монах, управлявший машиной, был ошарашен не меньше. Его рука дернула какой-то рычаг, раздалось шипение, стрела рванулась вверх, описала широкую дугу и врезалась в какую-то невидимую преграду: аппарат содрогнулся и задребезжал. Стрела замерла, но камень, лежавший в ковше, по инерции продолжал движение. Я рванулся вперед и успел заметить, что он рухнул в ров прямо перед поднятым мостом. Отличный выстрел — наверняка камень разбил бы мост, если бы тот был опущен.

Все вокруг пришло в движение. Брат Фарвел отшвырнул монаха от рычагов и принялся его колошматить, рыча от ярости. Появились мечи, забегали солдаты — некоторые стали палить по кронам деревьев. Капо Димонте изрыгал приказы, которых никто не слушал. Я прижался спиной к дереву, взял на изготовку ружье и приготовился отражать атаку.

Но атаки не последовало. Снова загремел таинственный голос.

— Уходите. Возвращайтесь туда, откуда вы пришли. Вас пощадят. Капо Димонте, ты делаешь ошибку. Тебя

просто используют Черные монахи. Ты погибнешь зря. Возвращайся в свою крепость, здесь тебя ждет только смерть.

— Вот он! Я его вижу! — заорал брат Фарвел, тыча пальцем куда-то вверх. Тут он обернулся и, обнаружив меня, приказал. — Вон там, на ветке. Это творение дьявола, немедленно уничтожь его!

А почему бы и нет? Теперь я тоже увидел эту штуку. Подумаешь, обычный громкоговоритель. Ружье бабахнуло, сильно толкнув меня в плечо, мимо. Выстрелил еще раз, и динамик рассыпался на кусочки.

— Это всего лишь машина! — заорал брат Фарвел. — Начинайте атаку. Капо, гоните людей вперед. Мои метатели смерти поддержат вас — они проломают стены.

Выбора не было. Капо закусил губу и подал знак горнисту. Тот издал три резких звука, их подхватили горнисты на флангах и в тылу. Когда передовые части войска вышли из леса, он поднял меч и приказал следовать за ним. С огромной неохотой я затрусил вперед.

Да, яростной атакой мероприятие назвать было трудно. Так, что-то вроде принудительной прогулки. Мы вышли в поле и стали ждать, пока на позиции выедут метатели смерти. Наконец паровики заняли свои места и принялись швыряться камнями. Камни свистели над нашими головами, некоторые исчезали за стенами крепости, а некоторые — ударялись в стены и отскакивали от них. Черта с два они их проломают,

— Вперед! — заорал капо и взмахнул мечом.

И вот тут-то...

Из-за крепостных стен вылетели серебристые шары, пролетели над полем и упали неподалеку от нас.

Хлоп — и раскрылись. Один упал совсем рядом, так что я смог увидеть, что это — тонкостенный контейнер, заполненный какой-то жидкостью. А жидкость дымилась и, похоже, интенсивно испарялась. Отравляющее вещество! Я кинулся прочь, стараясь на бегу не дышать. Куда там! Эти штуковины падали повсюду, в воздухе разливался тяжелый химический запах, легкие уже разрывала боль удушья, и я не смог удержаться — вдохнул.

И как только воздух попал в легкие, упал. И мрак обьял меня.

Я лежал на спине — вроде бы, но остальное совершенно тонуло в сплошной головной боли. Малейший поворот головы словно затягивал раскаленный обруч на висках. Я попытался приоткрыть хотя бы один глаз — внутри глаза словно что-то взорвалось. Я застонал и услышал, что мой стон подхвачен товарищами по несчастью. Боль в голове была совершенно невероятной, какой-то галактической, всемирной головной болью, по сравнению с которой любая мигрень — полная чепуха. Я вспомнил все случаи, когда у меня болела голова и посмеялся над прошлым. Детские штучки. Вот эта — настоящая. Рядом кто-то застонал, и я — как и многие, лежащие вокруг — отозвался, и не только из солидарности.

Но понемногу боль начала отпускать. Удалось даже приоткрыть глаз, затем — другой. Надо мной высилось голубое небо, ветер шуршал травой. С огромной осторожностью я приподнялся на локте и окинул взглядом поле битвы.

Оно было усеяно бездыханными телами. Впрочем, некоторые уже возвращались из небытия и сидели на земле, держась за головы. А парочка тех, что повыносливее, или — поглупее, даже поднялись на ноги. Повсюду валялись обломки серебристых снарядов, выглядевших теперь совсем невинно. В голове все еще что-то стучало, но не это было теперь важно. Итак, мы живы. Газ не убил нас, но просто вывел на время из строя. Весьма благородно. Я взглянул на собственную тень и прикинул, насколько она укоротилась. Сейчас что-то около полудня. Итого мы были без сознания несколько часов.

Так почему же мы не мертвы? Отчего же люди капо Динобли не вышли в поле и не перерезали нас, как кроликов? Или хотя бы не разоружили? Мое ружьецо валялось рядом, я проверил — оно было даже заряженным. Сплошные загадки. Я вскочил и тут же пожалел об этом — в голове застучало, и раздался пронзительный вопль. Я снова сел на место и растерянно огляделся.

Нет, орал не я. Орал брат Фарвел. При этом он рвал волосенки на своей голове. Вообще, такое поведение, насколько я успел его узнать, ему было не свойственно. С превеликой осторожностью я все же попробовал встать на ноги. Очень любопытно, что же так расстроило монаха.

Ага, теперь понятно.

Он стоял возле одного из метателей смерти. М-да, механизму не слишком повезло: он был разворочен, разбит, раскурочен, разнесен на части. Просто гора металлического хлама, погнутых трубочек и рваной обшивки. Длинная стрела была аккуратно разрезана на три части, даже колеса валялись отдельно от корпуса. Ремонту устройство, очевидно, не подлежало. Брат Фарвел продолжал орать и рвать на себе волосы, наконец сорвался с места и куда-то побежал. Ключья волос, подхваченные легким ветерком летели следом за ним.

Брат вернулся, тут криками разразились уже все остальные монахи, а Фарвел доковылял до капо Димонте, который пришел в себя лишь теперь.

— Разрушены, все до одной! — рычал монах, а капо его не слушал и только зажимал руками уши. — Плоды шестилетних трудов! Пропали, разбиты, полная гибель! Разрушены метатели смерти, паровой таран, и сделал это он — капо Динобли. Поднимай людей и атакуй крепость, он должен быть наказан за это несусветное кощунство!

Капо глянул в сторону крепости. Она стояла такая же тихая и спокойная, как и на рассвете. Мост поднят, будто ничего и не происходило.

Димонте повернулся к монаху, лицо его было холодным и отрешенным.

— Нет. Я не поведу людей на стены. Так мы не договаривались. Вы должны были сделать проходы, мое дело — атака.

— Ты не можешь взять свои слова обратно...

— Так я их и не беру. Разбейте стены, и мы пойдем в атаку. Вперед, союзники.

Брат Фарвел покраснел от ярости, набычился и воздел кулаки к небу. Капо остался невозмутим и

лишь вынул меч из ножен — видимо, для профилактики.

— Ты видишь, я вооружен, — счел необходимым заметить он. — И мои люди — тоже. Это — намек, и я его понял. Пока мы тут валялись, люди Динобли могли сто раз перерезать нам глотки и забрать оружие. Они этого не сделали — только разрушили твои машины. Значит, они воюют не со мной. Поэтому и я не буду воевать с ними. Деритесь сами, это — *ваша* война.

Носком башмака он пнул горниста, все еще валявшегося на земле.

— Труби сбор.

Надо сказать, что мы были вполне счастливы покинуть Черных монахов, занятых плачем над разбитой техникой и утраченными надеждами. Весть о случившемся быстро достигла ушей каждого, болезненные гримасы сменились радостными улыбками, головная боль прошла, а на ее место пришло чувство облегчения. Не будет никакой битвы, никаких опасностей. Монахи заварили эту кашу, вот пусть и расхлебывают. А моя улыбка была особенно широкой — у меня появились очень хорошие новости для Слона.

Я знал, как мы сможем покинуть эту чертову планету.

Я уже понимал, что происходило прошлой ночью. Разумеется, наше приближение не осталось незамеченным в темноте. Есть же всякие полезные приборы. Конечно, наблюдатели заметили просеку, увидели механизмы, и понять общий смысл затеи не составляло большого труда. На дереве установили обыкновенный громкоговоритель. Был выбран сильный, не вполне гуманный газ. И все это — заведомо превышает технические возможности планетки и означать может только одно.

Там, в крепости капо Динобли находились инопланетники. Была у них тут, видимо, какая-то своя цель. Видимо, их как-то обнаружили монахи и сильно отчего-то на них разозлились. Впрочем, легко понять, почему — раньше только монахи держали в своих руках все технологии на Спайовенте. Кстати, насколько я успел заметить, вся техника была исключительно военной... Я стал припоминать длинные лекции Слона

по геополитике и экономике и уже было пришел к полному решению наших запутанных проблем, но тут в первых рядах колонны послышались громкие вопли. Что такое? Я протолкался вперед и увидел изможденного гонца, валявшегося на траве подле дороги. Капо Димонте потрясал кулаками и изрыгал проклятия.

— Напасть за моей спиной! На мою крепость! Это сын червя, Дочки, это он! Вперед, быстрым маршем! Домой!

Вторично совершить подобный марш-бросок я не решусь никогда. Мы отдыхали, лишь когда без сил валились на дорогу. Выпивали немного воды и снова шли вперед. Подгонять нас не было необходимости — это касалось всех. Там, в крепости, были семья капо, его казна, наши слуги. Под охраной лишь маленького отряда стражников.

Я беспокоился за Дренга, которого едва знал. И за Слона. Что станет с ним, когда крепость будет взята? Да ничего, наверное. Он же стар и безобиден.

Но я понимал, что, увы, все это не так. Он был беглый раб, а как на этой планете обходятся с беглыми рабами, я мог себе представить.

Еще глоток воды, немного еды и снова вперед. Всю ночь без отдыха. На рассвете я увидел, что наша колонна растянулась, впереди оказались наиболее сильные и я — в их числе. Когда я остановился, чтобы перевести дух, то вдруг заметил двух мужчин, торопливо удалявшихся по дороге.

— Разведчики! — заорал я. — Мы обнаружены!

Капо выскочил из повозки и подбежал ко мне. Я указал рукой.

— Два человека. Прятались в кустах и побежали в сторону крепости.

Капо в ярости заскрежетал зубами.

— В таком состоянии нам их не догнать. Дочки будет предупрежден и сбежит.

Он взглянул на растянувшуюся колонну и подозвал офицеров.

— Баркус, ты останешься здесь, дашь им отдохнуть и двинешься за нами. Я отправлюсь со всеми, кто способен идти. Они будут по очереди отдыхать в повозке. Мы уходим.

Я взобрался в повозку, мы тронулись: другие бежали рядом, придерживаясь за нее, чтобы экономить силы. Паровичок хрипел, гремел и дымил, пока мы медленно вползали на холм.

Впереди показались башни крепости, над ними висел дым. Когда мы свернули за очередной поворот, то впереди себя увидели шеренгу вооруженных людей. Они дали по нам залп. Мы не сбавили скорости. Паровичок громко присвистнул, мы поддержали его жутким ревом, ярость просто несла нас вперед. Враг дрогнул и побежал. Кажется, это был просто заслон, и они присоединились к основным силам Дочки, отходившим от озера.

Когда мы добрались наконец до дамбы, там уже не было ни одного противника. Над разбитыми воротами крепости поднимался дым. Я был рядом с капо, когда мы подошли к воротам. В проеме показался солдат и устало отсалютовал мечом.

— Мы остановили их, капо, — сообщил он и прислонился спиной к стене. — Они ворвались во двор, но в башню мы их не пустили. Они пытались поджечь входную дверь.

— Леди Димонте, дети?

— Все живы. И казна цела.

Но казарма располагалась во дворе, а не в башне! Я протолкался вперед, пробрался сквозь разбитые ворота. Кругом лежали тела, множество тел. Безоружные слуги, зарубленные в ходе битвы. Из башни выходили защитники — среди них был и Дренг. В руке он держал топор, его одежда была запачкана кровью, но выглядел он спокойным.

Я глянул ему в лицо и прочел там скорбную весть. Он мог уже ничего не говорить, я все уже знал. Слова донеслись, словно издалека.

— Я ничего не мог поделать. Я не мог остановить их. Он мертв. Наш старик мертв.

Глава 26

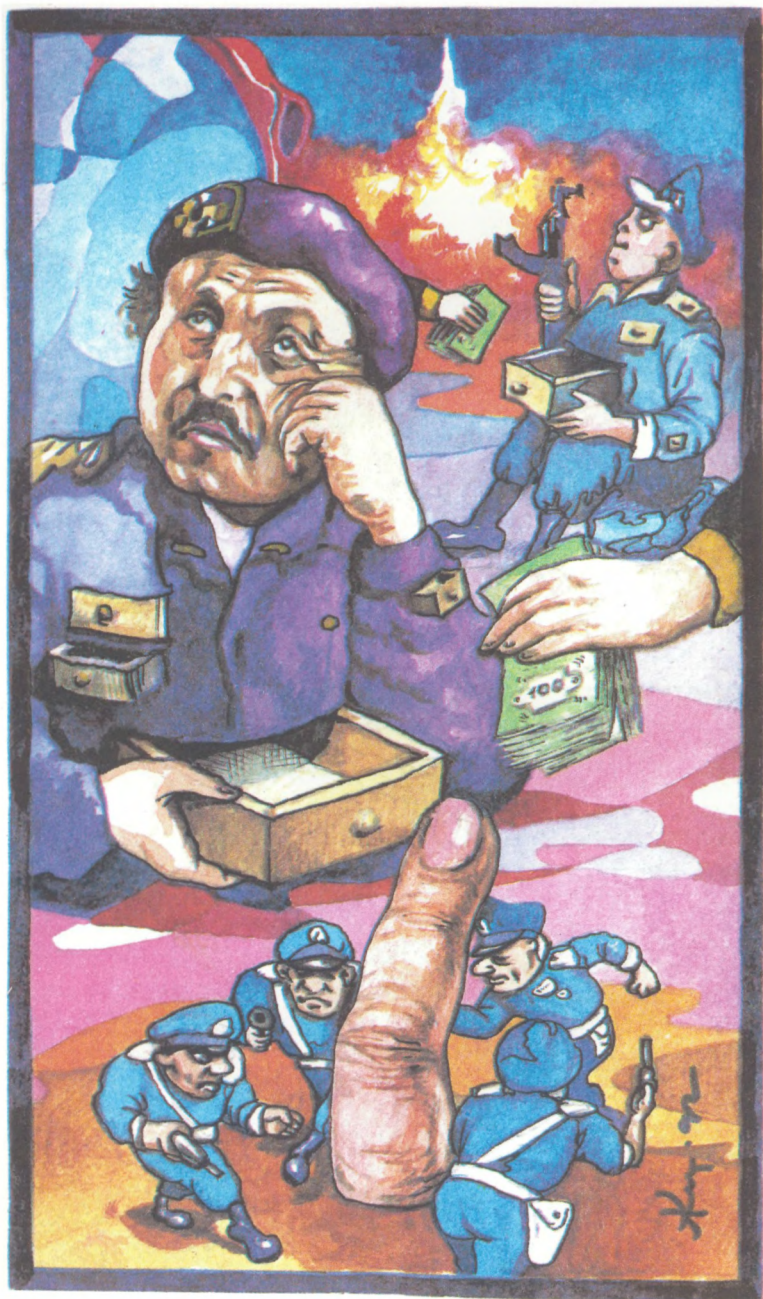
Закрыв глаза, он лежал на койке — словно спал. Никогда я еще не видел его таким спокойным. Дренг укрыл его до подбородка моим одеялом, умыл ему лицо и расчесал волосы.

— Когда начался штурм, я не смог его перенести в башню, — рассказывал Дренг. — Он был слишком тяжел, слишком болен. Спина стала совсем черной, очень горячей. Он приказал, чтобы я уходил, потому что он все равно уже покойник. Сказал, что так или иначе — не убьют враги, так убьет эта... фекция. Да, им его убивать не пришлось...

Учитель и друг. Они его все же убили... Он стоял больше, чем все население этой зачуханной планетки. Дренг дотронулся до моей руки, и я отдернул ее, сердито повернувшись к нему. Он протягивал мне какой-то сверточек.

— Я украл для него кусочек бумаги, — пояснил Дренг. — Он хотел тебе написать. Вот.

Молча я развернул листок. На пол выпал вырезанный из дерева ключ. Я подобрал его и пробежал глазами написанное. Там был изображен план крепости, стрелка указывала на одну из комнат. Надпись

гласила: ХРАНИЛИЩЕ. А снизу была приписка, сделанная твердым, разборчивым подчерком.

Похоже, дела мои настолько плохи, что увидеться с тобой мне не удастся. Сделай металлическую копию ключа — это от хранилища. Пока, Джим, приятно было познакомиться. Будь сильной крысой.

И подпись — тоже аккуратная. Я прочел имя — два раза. Нет, он подписался не одной из своих кличек, даже не Слоном. Он поставил там свое настоящее имя. Самое дорогое — зная, что я единственный человек во Вселенной, кто оценит такое доверие.

Навалилась страшная усталость, и я вышел из казармы. Дренг принес чашку воды. Да, отчего-то вдруг жутко захотелось пить — выпив чашку, я послал Дренга за следующей.

Ну, вот и все. Конец. Он чувствовал его приближение, но беспокоился обо мне. Думал обо мне, когда смерть уже прикоснулась к нему.

Что дальше? Как мне быть дальше?

Все обрушилось на меня разом: усталость, боль, жалость. И прямо на солнцепеке я завалился на бок и уснул. Проснулся, когда было уже далеко за полдень. Дренг принес мне одеяло, подложил под голову и все время, пока я спал, сидел рядом.

О чем нам было говорить? Мы положили тело Слона на тележку и по дамбе отвезли на берег. Не одни мы были заняты скорбным трудом. Около дороги высился небольшой песчаный холм, на его травянистых склонах росли деревья. Вид на крепость открывался отсюда превосходный. И мы похоронили его здесь, не поставив над могилой ничего — ни памятника, ни знака. Этот жалкий мир был недостоен его. Хватит с него и того, что тут будет покоиться его тело. Если я и воздвигну памятник своему старшему другу, то за многие световые годы отсюда. Ничего, настанет время, и я исполню этот долг.

— Ну что же, Дренг, займемся теперь капо Дочки и его компанией. Да, мой добрый друг отрицал месть как метод, так что мстить я себе не могу позволить. Назовем это справедливым возмездием. Преступников надо исправлять. Вот только как?

— Я помогу тебе, хозяин. Сначала я не мог сражаться, боялся, а потом рассвирепел и теперь готов стать воином, как ты.

Я кивнул ему. Мысли обрели ясность.

— Знаешь, Дренг, война — это не занятие для настоящего фермера. Не лезь ты во все эти дела. Но запомни, как ты победил свой страх, тебе это в жизни поможет. И еще — Джим диГриз всегда возвращает свои долги — ты вернешься на ферму. Сколько стоит ферма?

Дренг опешил.

— Не знаю. Я никогда ферм не покупал.

— Это понятно. Но ведь кто-то же из твоих знакомых в курсе?

— Ну... Когда старый Квечи вернулся из армии, то заплатил вдове Рослер двести гроутов... Нет, двести двадцать...

— Отлично. С учетом инфляции пятисот гроутов тебе хватит. Держись со мной, парень, и ты получишь свое хозяйство. А теперь, топай-ка на кухню и тащи еду, а я пока займусь планом действий.

Все это представлялось шахматной партией, которую разыгрываешь в уме. Дебют был практически очевиден. Если разыграть его по нотам, то партия обязана закончиться полной победой. И я сделал первый ход.

Капо Димонте развалился на троне — усталый, как и все мы, с покрасневшими глазами и бутылкой вина в руке. Я протолкался сквозь толпу офицеров, окружавших его. Он мрачно глянул на меня и махнул рукой.

— Уходи, солдат. Награду ты получишь. Я помню, ты отлично поработал сегодня. Но оставь меня, мне надо все обдумать...

— Затем я сюда и пришел, капо. Чтобы рассказать тебе, как разгромить Дочки. Я служил у него и знаю многие его секреты.

— Говори!

— Только наедине, капо.

На мгновение он задумался и — махнул рукой. Остальные, недовольно ворча, вышли. Пока двери за ними не закрылись, капо прихлебывал вино.

— Ну, выкладывай. И побыстрее, а то у меня плохое настроение.

— У всех плохое. То, что я хотел рассказать без свидетелей, пока не имеет отношение к капо Дочки. Пока. Ты его разгроишь, в том нет сомнений. Но для этого надо привлечь на свою сторону капо Динобли со всеми его секретами. Что может быть лучше, когда во время нашего штурма все защитники крепости окажутся спящими?

— Не ври, Динобли соображает в таких вещах не больше, чем я. Да, к тому же, он еле ходит и последний год вообще лежит в постели.

— Я слышал. Но те, кто использует его крепость в своих целях, те, на кого пошли войной Черные монахи — они-то понимают. И именно они помогут тебе.

При этих словах он выпрямился, глаза его заблестели, как у старого интригана. Коим, впрочем, он и был.

— Отлично. Ты и отправишься к ним. Посули им долю от добычи — ты, кстати, тоже ее получишь, если провернешь это дело. Иди и от моего имени обещай им все, что сочтешь нужным. Еще до конца этого месяца Дочки будет жариться на моем вертеле, его тело будет истерзано раскаленными гвоздями, голова...

Он продолжал разглагольствовать в том же духе, но мне это уже было неинтересно. Я сделал первый ход — пешкой. Теперь пора вводить в бой силы покрупнее. Я откланялся, оставив капо бормотать проклятия, размахивать руками и расплескивать вино. Слишком уж эти ребята неуравновешенны.

Дренг уже собрал наши скудные пожитки, и мы немедленно отправились в путь. Пока крепость не скрылась из виду, мы шли по дороге, а затем свернули к протекавшему неподалеку ручейку. Там, возле него, был лужок, куда мы и направились.

— Здесь мы останемся до утра. Я хочу отдохнуть и все хорошенько обдумать. Надо быть в форме.

Ночной сон освежил мой мозг, и все, вроде бы, встало на свои места.

— Дренг, — сообщил я парню. — Это будет операция для одного человека. Мне неизвестно, какой прием я встречу, возможно, мне придется выбираться

оттуда с боем. В общем, там мне может оказаться не до тебя. Возвращайся в крепость и жди меня там.

Стучаться в ворота не пришлось, там стояли двое здоровенных стражников. Я пересек поле, миновал останки боевых машин монахов, которые уже успели покрыться рыжим налетом ржавчины, и ступил на мост. И, старательно держа ружье стволом вниз, подошел к охране.

— У меня важное сообщение к тому, кто здесь распоряжается.

— Проваливай-ка, — меланхолично ответил тот, кто повыше, при этом он наставил на меня ружье. — Капо Динобли никого не принимает.

— Да мне дела нет до капо, — сообщил я, заглядывая через головы охраны во двор. А там как раз проходил человек в грубой одежде. В совсем обыкновенной одежде. Вот только под драными отворотами штанов блестели пластиковые башмаки.

— Желаю капо доброго здоровья, — заговорил я, повысив голос. — Надеюсь, он регулярно принимает нейростимуляторы и его осматривает хороший геронтолог.

Стражник в недоумении зарычал, но мои слова предназначались вовсе не для его ушей. А человек, пересекавший двор, остановился, как вкопанный. И медленно повернулся в мою сторону. На вытянувшемся лице горели пронзительные голубые глаза. Он молча оглядел меня, подошел и заговорил со стражниками — по-прежнему изучающе рассматривая меня.

— В чем тут у вас дело?

— Да ерунда, ваша честь. Лезут тут всякие.

— Пропустите-ка его. Хочу его кое о чем порасспросить.

Стража взяла на изготовку, и я прошел в ворота. Когда мы отошли настолько, что нас не могли услышать, человек обернулся ко мне и еще раз оглядел с немалым удивлением.

— Иди за мной. Хочу говорить с тобой с глазу на глаз.

И не проронил больше ни слова, пока мы не вошли в комнату и не заперли дверь за собой.

— Ты кто? — начал он с естественного, но слишком уж прямолинейного вопроса.

— Знаете, я хотел спросить о том же самом вас, Лиге, например, известно о вашей деятельности на этой планете?

— Лиге?! Разумеется! Это же вполне законный... — и тут он осекся. Помедлил, улыбнулся и продолжал: — Ну, это во всяком случае говорит о том, что ты с другой планеты. А ну-ка, присаживайся да рассказывай. А потом я решу, что именно я могу сообщить тебе о нашей работе.

— Что же, справедливо, — кивнул я и рухнул в кресло. А ружье положил на пол. — Итак, меня зовут Джим. Я был в экипаже венианского корабля, у меня возникли нелады с капитаном и он высадил меня на этой вот чужой планетке. Вот и все.

Он взял блокнот и принялся записывать.

— Тебя зовут Джим, а фамилия твоя...

Я промолчал. Он нахмурился.

— Ладно, пока оставим. Как звали капитана?

— Думаю, сэр, пока придержать эту информацию. Пока вы не объясните мне, кто же вы.

Он отложил блокнот в сторону и откинулся в кресле.

— А что я могу рассказать тебе, так и не зная, кто ты? Как ты попал на Вению? Как называется столица твоей планеты? Как зовут депутата Галактического Совета от твоей планеты?

— О, все это было так давно, что я забыл...

— Не лги. Ты такой же венианец, как и я сам. Пока я не узнаю больше...

— А что вы хотите узнать? Меня зовут Джим, я подданный Лиги, в детстве меня было не оттащить от тривизора, всю жизнь я обедал у Максвина — оборот сорок два миллиарда, распространены по всей Галактике — изучал молекулярную электронику и еще у меня черный пояс по кемпо. Этого хватит?

— Возможно. Но ты сказал, что тебя высадили на эту планету с венианского корабля. А это — ложь. Контакты со Спайовентой запрещены.

— А это был незаконный контакт. Венианский грузовик привез сюда оружие. Это, например.

А вот это его уже сильно заинтересовало. Он немедленно схватил блокнот.

— Имя капитана...

Я молча покачал головой.

— Эту информацию вы получите, если организуете мой отлет отсюда. А сделать это вы в состоянии, поскольку, судя по вашим словам, находитесь здесь с ведома Лиги. Так что давайте торговаться. У меня в наличии достаточное количество гроутов, чтобы оплатить себе обратный билетик. Вы окажете мне небольшую помощь в решении одной совершенно частной проблемы, а я назову вам имя капитана.

Все это ему пришлось не по душе. Он напряженно размышлял, будто извиваясь на крючке, но соскочить с него так и не смог.

— Ну ладно, пока вы все это обдумываете, — предложил я, — расскажите хотя бы, кто вы и чем тут занимаетесь.

— Ты должен пообещать, что не откроешь этих сведений местным. Наша операция может оказаться успешной, если ее детали останутся в тайне.

— Обещаю, конечно. Никому из местных я ничем не обязан.

Он сцепил пальцы и снова откинулся в кресле, будто вознамерившись прочесть лекцию. Увы, мое предположение оказалось верным.

— Я — профессор Ластиг, из Елленбогенского университета, где занимаюсь прикладной социозкономикой. Должен сказать, что отделение прикладной социозэкономики и создано мной, поскольку наука это относительно новая, достаточно недавно отделившаяся от социозэкономики собственно...

Я заморгал — чтобы не ослочить и не заснуть. Вот из-за таких-то учителей и я дал деру из школы...

— ... годы трудов и переписки, чтобы добиться осуществления нашей мечты. Практического приложения наших теорий. Труднее всего было убедить чиновников Лиги — виной всему принцип невмешательства. В общем нам удалось их убедить, и они позволили осуществить этот проект при условии особых мер контроля. Кто-то мрачно пошутил — ну, хуже, чем там есть, мы все равно сделать не сумеем. То есть мы

проводим операцию на уровне технологического развития этой планеты, из чего следует, что наш план будет работать и тогда, когда мы отсюда уйдем.

— Что же конкретно вы делаете? — вмешался я.

Тот запнулся.

— Как?! Но я же только об этом и говорю?

— Простите, профессор, но вы излагаете мне теорию. Не могли бы вы мне пояснить, чего вы хотите добиться?

— А, ну если вы хотите вести разговор в *обывательствах* терминах... Что ж, извольте... Мы рассчитываем изменить саму основу местного общества, ни больше и ни меньше. Вывести эту планету из примитивного состояния с помощью кнута, пряника, чего угодно. После Раскола, Спайовента пришла к весьма отвратительной форме военного феодализма. Вообще военный феодализм выполняет важную роль в эпохе раздробленности. Он поддерживает общую структуру власти, позволяет различным этническим группам защищать и сохранять себя...

— Что-то я тут не заметил ни защиты, ни охраны.

— Именно. Потому-то военные феодалы и должны уйти.

— Отлично! Рассчитывайте на меня — с превеликим удовольствием ухлопаю парочку!

— Насилие — это не наш метод! Оно не только отвратительно, но и запрещено для всех подданных Лиги. Наша задача тут состоит в создании независимого правительства. Для этого мы стимулируем развитие промышленности. Это повлечет за собой интенсификацию денежного обращения и положит конец натуральному обмену. Накопив капиталы, правительство сможет ввести систему налогов, и те пойдут на содержание общественных служб. Для этого, разумеется, придется создать институт права. Что будет стимулировать централизацию, рост коммуникативности, развитие общественного сознания.

Звучало все это просто великолепно — хотя налоговую систему я, например, люблю не слишком. И с институтом права у меня отношения напряженные. Но все же лучше, чем капо.

— В теории все выглядит прекрасно, — согласился я. — Но как вы сможете осуществить все это на практике?

— О, просто! Предлагая более качественные услуги по более низким ценам. Потому-то Черные монахи и решили напасть на нас. Религиозны они не больше, чем моя шляпа — Орден просто служит для сохранения монополии на технологию. А мы эту монополию ломаем и, понятно, им это не по нраву.

— Очень хорошо. Ваш план замечателен, и я желаю вам всяческих удач. Но мне необходимо еще кое-что сделать перед тем, как выбираться из этого отхожего места. Чтобы помочь вам в деле разрушения монополии на технологию, я готов приобрести у вас партию усыпляющего газа.

— Это невозможно. На сделки подобного рода мы не имеем права идти. Кстати, я уже вызвал стражу — ты останешься здесь. Потому что слишком много уже знаешь о нашей деятельности.

Глава 27

Мозг еще только переваривал сказанное профессором, а тело — уже действовало. А именно: перескочило через стол, руки слегка сдавили шею господина Ластига, и тот обмяк в кресле. Не следовало бы ему так легкомысленно пропускать мимо ушей информацию о моем черном поясе. Ну вот, едва он потерял сознание, я уже был возле двери — и вовремя. Как только я задвинул засов, ручка пошевелилась. А теперь, Джим, руки в ноги, как ты умеешь, — посоветовал я себе. Вот только вначале надо проверить, нет ли у этого двуличного академика чего-нибудь интересного.

В столе, во всяком случае, были только книги и папки, ничего из этого мне пока не требовалось. Я вывалил содержимое всех ящиков на пол — ничего интересного так и не нашлось. В дверь уже принялись стучать, так что надо заняться самим профессором. В карманах обнаружилась лишь связка каких-то ключей. Сунул их в карман — авось, пригодятся. Схватил ружье и кинулся к окну — весьма своевременно, поскольку в дверь бухнули чем-то тяжелым. Так, второй этаж, двор вымощен булыжником. Прыгну — сломаю ноги. Я осмотрел стену и моментально преис-

полнился любви к местным каменщикам, совершенным неумехам — вот в том-то и дело! Между камнями зияли огромные щели. Дверь уже поддавалась под ударами, я выбрался за окно, засунул ружье за пояс сзади и стал спускаться.

Что оказалось весьма просто. Не добираясь до самой земли, я прыгнул, сделал кувырок — несколько неосмотрительно, поскольку ружье врезалось в спину, вскочил и бросился за угол здания. В окне еще никто не появился. Свобода!

Опять свобода и снова — совершенно замечательная. Свобода в центре вражеской крепости, где все — против меня.

— Да, свобода! — я стиснул зубы, расправил плечи и подпустил важности своей походке.

— Да, свободен, как только может быть свободна Стальная Крыса! Вперед, Джим — неужели ты не сумеешь подобрать замка к связке ключей, которая бренчит у тебя в кармане ?!

Да вот, так уж жизнь устроена, что лучшие советы в жизни ты даешь себе сам. Я прошел аркой и вышел во двор. Там болтались люди, но особого внимания на меня они не обратили. Это пока не объявили тревогу, а объявят — мигом кинутся меня искать. Глядя прямо перед собой, я отправился в дальний угол двора, в сторону какого-то массивного здания. Потому что в его стене виднелись массивные ворота и рядышком маленькая дверца. Подходя, я увидел, что и ворота, и дверь снабжены вполне современными замками. Очень любопытно будет поглядеть, что у них там спрятано. Главное, подобрать ключик.

Стараясь вести себя по-свойски, я подошел к двери и принялся перебирать ключи. Их было штук двадцать. Замок, несомненно, фирмы Болгер, у меня глаз на такие вещи наметан. Теперь остается найти хорошо знакомый ключик.

— Эй, ты что тут делаешь?

Вопрос задал какой-то здоровенный детина, небритый, с покрасневшими глазенками. За поясом у него имелся здоровенный кинжалище, по рукоятке которого он нервно барабанил пальцами.

— Не видишь, что ли? Дверь открываю, — отозвался я. — Это тебя, что ли, послали мне в помощь? Тогда поддержи.

И передал ему свое ружье. Он устался на ружье, что принесло мне несколько дополнительных секунд, и я вставил ключ в замок. Но ключ не повернулся.

— Никто меня не посылал, — наконец произнес детина, продолжая разглядывать ружье. Что-то оно его сильно заинтересовало, кажется, он пытался понять, зачем ему его отдали. Я прервал многотрудный ход его мыслей.

— Ладно, раз уж ты все равно здесь, то поможешь... — уф, второй ключ подошел. Дверь отворилась, я повернулся, сжал кулак и использовал его по назначению, подхватил из рук падающего свое ружьишко и ступил внутрь.

— Эй ты, стоять!

Кто это там разорался — мне было совершенно неинтересно. Да и вообще, грубости в свой адрес я игнорирую, так что осталось войти внутрь и закрыть дверь за собой. Я это сделал и осмотрелся, немедленно ощутив приступ жуткого отчаяния. Никакой надежды. В этом гигантском, плохо освещенном помещении стояли паровики. Пять штук.

Вот было бы прекрасно сесть на такой и дать деру! Замечательно. Сначала развести огонь, принести дровишек, поднять пар. Простенькая процедура, занимает не больше часа. Так что ежели меня никто не потревожит, через часок я смогу запустить механизм и гордо выехать во двор со скоростью среднего пешехода.

Но когда мои глаза свыклись с полумраком, я понял, что это не совсем обычные паровички — у тех были деревянные колеса с железными ободами, а у этих — шины-дутики. Что же это, новая модель? Или просто инопланетная техника, замаскированная под древние развалюхи?

Я подбежал к ближайшему и вскарабкался на водительское кресло. Все те же здоровенные рычаги управления и прочие маховики, но и — незаметное снизу мягкое кресло и обычная, (для меня обычная!) приборная доска. Вот это уже другое дело!

Сунув ружье под кресло, я расположился поудобнее. Тут был даже ремень безопасности, предосторожность мудрая, но в данный момент совершенно излишняя. Так, зажигание, спидометр, переключатель передач. И еще несколько неизвестных мне рычагов и ручек. Удары в дверь убедили меня, что детальное ознакомление с устройством придется отложить на неопределенное время. Я протянул руку и попытался завести двигатель. Ничего не произошло.

То есть произошло, но совершенно не то, чего я ожидал. Двигатель не заработал, зато в ушах зазвучал милейший девичий голосок.

— Не пытайтесь включить двигатель, не пристегнув ремень безопасности.

— Вы совершенно правы, мисс, благодарю вас, — ответил я и немедленно защелкнул ремень. И снова включил зажигание.

— Двигатель включается только на нейтральной передаче, — продолжал наставлять меня голосок.

Удары в дверь становились все увереннее. Я выругался и переключил скорости, как требовалось.

И двигатель заработал. Я включил передний ход и услышал очередной совет.

— Не пытайтесь тронуться с места при включенном ручном тормозе.

Тьфу, тормоз, тут уже маленькая дверца рухнула на пол, поршни пришли в движение, повалил пар, ко мне бросился какой-то человек.

Машина содрогнулась и двинулась вперед.

Вот это да! Покрытая стальными плитами, украшенная фальшивыми железяками, она была невероятно тяжела, проверить это было проще простого — я нажал акселератор, крутанул баранку и поехал прямо на ворота.

Пар грохотал и бил струями во все стороны, лишь усиливаясь во время разгона. Удар в самый центр ворот меня оглушил, а мой благородный конь удара словно и не заметил. Бросив мельком взгляд на людей, разбегающихся во все стороны, я пригнулся, чтобы проезжая ворота, не получить по башке рухнувшей балкой перекрытия. Балка проскрежетала по корпусу

и отскочила в сторону. Я выпрямился в кресле и радостно улыбнулся.

Великолепная картина. Солдаты бежали врассыпную, ища, где спрятаться. Я вывернул руль и сделал маленький круг по двору в поисках выхода. Тут по стальной броне свистнула пуля. Вот и ворота. Отлично, вперед! Я нажал акселератор и нашарил шнур свистка. Пар валил, свисток свистел, машина набирала скорость, все разбегались.

Увы, машина разгонялась недостаточно быстро. Какой-то умник уже пытался поднять мост. Двое человек, вцепившись в лебедку, отчаянно ее крутили: цепи моста позвякивали и натягивались. Я мчал вперед, свисток свистел, по стальным плитам обшивки чиркали пули. Пришлось пригнуться и нажать на газ. Шанс у меня был лишь один.

Мост поднимался медленно, но верно, и отрезал мне путь к спасению. Вырастал прямо на моих глазах. Поднялся на десять, двадцать, тридцать градусов. Похоже, дело швах.

Удар оказался столь силен, что меня выкинуло наружу — если бы не ремни безопасности. Спасибо вам, неизвестная мисс, за вашу материнскую заботу. Передние колеса взбирались все выше и выше на мост, пока нос машины не задрался в воздух. Еще чуть-чуть и она опрокинется.

А все равно — ничего не остается. И тут слышался жуткий треск. Машина рванулась вниз — цепи моста выдрали крепления из стен — машина оказалась слишком тяжелой. Я едва не спятил от очередного удара, но нога осталась на акселераторе, а колеса вращались. Она дернулась вперед — прямо в воду. Ну и что, я крутанул руль, выровнял машину и съехал на дорогу. Все быстрее и быстрее, на холм и за поворот — тут можно сбросить скорость, чтобы не опрокинуться на ухабах. Я уже далеко и в полной безопасности.

— Джим, — снова сказал я себе. — Будь другом, постарайся так больше никогда не поступать.

Огляделся — погони не было. Но она будет и скоро — да не пешая, а на другом паровике. Я надавил

на газ и сжал челюсти покрепче — чтобы зубы не стучали от прыжков по ухабам.

Потом был долгий подъем, и скорость упала. Машина едва ползла на первой скорости, да и вес ее был немалым. Пользуясь случаем, я проверил аккумуляторы — полные! И это хорошо, поскольку с заправочными станциями на Спайовенте неважно. Сзади между тем слышался тихий свист. Вот и они! Ровно две машины, и обе у меня на хвосте!

Ну ничего, им меня все равно не взять. Вне дороги на таких машинах не проедешь, сразу завязнут, а дорог к крепости капо Динобли было мало. То есть — одна. Значит, кто раньше выедет, тот раньше и придет.

Вот только, ежели я их приведу туда у себя на хвосте, то они узнают, где теперь машина. И вернутся еще разок, но уже с газовыми баллонами. А это нехорошо. Очень даже неприятно. Я взглянул назад и увидел, что они приближаются. Потом они тоже стали взбираться на холм и наши скорости сравнялись. Я съехал с холма и резко набрал скорость,дребезжание мучительно нарастало. Надеюсь, машины строили с учетом местных условий. Впереди была развилка, какие-то крестьяне принялись прыгать во все стороны, чтобы освободить мне проезд. Чтобы попасть к капо Динобли, мне следовало свернуть налево. Но я поехал прямо. Увы, эта дорога мне была совершенно неизвестна, оставалось гнать по ней вперед, рассчитывая только на удачу.

Что-то надо делать, причем — быстро. Даже если я весь день сумею сохранять отрыв, то к вечеру батареи сядут и все пойдет прахом. Думай, Джим, шевели извилинами.

А за поворотом меня поджидал счастливый случай. Поле пересекала грунтовая дорога. Пересекала и спустилась к ручью. Как и все особо замечательные идеи, эта идея возникла моментально и никаких дополнений не требовала.

Ни секунды не колеблясь, я повернул и съехал на луг. Ехал все медленнее и медленнее, ощущая, как колеса проваливаются в грунт. Если застряну — конец. Во всяком случае — моему обладанию этой по-

возкой. А мне, по правде, очень хотелось ее сохранить.

На самой малой скорости я полз вперед, наконец передние колеса въехали в воду. И начали погружаться в грязь — тут я остановился и стал осторожно пятиться. Глядя через плечо, вернулся на дорогу по своей же колее. Переключил скорости, взглянул на результаты своего труда. Просто замечательно! Следы ведут к ручью и заканчиваются у воды.

Сзади слышался нарастающий шум погони. Я нажал на газ, добрался до ближайшего поворота и скрылся за деревьями. Остановился, заглушил двигатель, поставил машину на тормоз и спрыгнул вниз.

Снял и вывернул на бегу куртку. Набросил на плечи, рукава завязал на груди, закатал штаны до колен. Не бог весть какая маскировка, но должна сработать. Надеюсь, преследователи не успели меня подробно рассмотреть. Если вообще разглядели.

Встал я там, где только что сворачивал, и едва успел вымазать грязью лицо, как из-за поворота появился первый паровик.

Они сбросили скорость, вот тут-то я и выскочил на дорогу. И заорал.

— Он поехал туда!

Водитель и стрелок обернулись и уставились на следы, пересекавшие поле. Машина остановилась.

— Он заехал в воду и погнал по ней дальше. Это ваш приятель?

Вот это был самый трудный момент. Напряжение росло и продолжало расти до тех пор, пока не появилась вторая машина. Встала рядом с первой. А если они примутся меня расспрашивать? Или вдруг узнают? Очень хотелось убежать, но если я побегу — все пропало.

— Давай туда! — крикнул кто-то, водитель повернул руль и съехал на поле.

Я спрятался за деревьями и глядел на происходящее с немалым интересом. Зрелище оказалось великолепным. Да, не скрою, я был горд собой. Очень горд и признаваться в этом мне вовсе не стыдно. Художник ведь всегда знает, что создал шедевр, — зачем из

ложной скромности ему принижать величие своего труда.

Да, это был шедевр. Первая машина перебралась через поле и, подняв тучи брызг, плюхнулась в воду. Но при этом она разогналась так, что остановилась не сразу — в воду въехали и задние колеса. Паровичок замер и стал медленно погружаться. По самые оси.

Ругани было немало. Тут, слава Богу, кто-то сообразил взять трос и соединить обе машины. Очень хорошая мысль. Колеса второй машины месили грязь ровно столько, чтобы и она завязла в грязи по самые уши. Я поаплодировал и пошел к своему стальному коню.

Вообще, без дальнейшего можно было бы и обойтись. Но, знаете, бывают в жизни моменты, когда противиться искушению просто грешно. Я сел, пристегнул ремень, завел двигатель, осторожно развернулся и выехал на дорогу.

Проезжая поворот, я сильно дернул шнурок свистка. Свисток, по своему обыкновению, завизжал, головы присутствующих разом повернулись ко мне. Я улыбнулся им всем сразу и сделал ручкой. И чудесное зрелище скрылось из виду за деревьями.

Глава 28

Я ехал, как триумфатор. Хохотал, пел, дергал для забавы шнур свистка. Но энтузиазм прошел, и настало время поразмыслить над следующими ходами. Сильно мешали пар и свист механизмов, но зачем они вообще? Изучив пульт управления, я обнаружил нужный рычажок и убрал эти театральные эффекты. Пар, кажется, вырабатывался тут специальным кипятильником, а все шумы — так и вовсе были записаны на пленку. Так что до крепости я докатил в тишине и комфорте. К тому времени, а дело было уже после полудня, план был разработан до мельчайших подробностей.

Я миновал последний поворот и выехал на дорогу, прямиком ведущую к воротам. Здесь я снова включил пар с музыкой. Медленно подъехал к стражникам. Они уже слегка приподняли мост и с подозрением глядели на меня. Я встал около рва.

— Эй, ребята, не стреляйте, я свой! — крикнул я. — Я здешний, помощник капо Димонте. Пошлите за ним, он захочет осмотреть свой новый паровик.

Да уж, нет сомнений, что он этого захочет. Как только мост опустили, он подскочил ко мне.

— Где ты его взял?

— Украл, — честно сознался я. — Садитесь в кабину, я покажу вам кое-что интересное.

— А где усыпляющий газ? — осведомился он, взбираясь по лесенке.

— Газ не понадобится. С этой машиной мы можем сделать все куда проще. Это не совсем обычный паровик, надеюсь, вы уже заметили. Новая, улучшенная модель...

— Идиот! Что ты несешь?! — И он полез рукой за кинжалом. Ну что за несносный характер!

— Ваше светлость, лучше я вам покажу, как эта машинка ездит. Лучше один раз увидеть, как говорится. Садитесь сюда и пристегнитесь ремнем.

Ну, по крайней мере, он удивился. Я пристегнул ремни и задом съехал по дамбе на берег. На малой скорости, с положенными паром и шипением.

Остановился и повернулся к капо.

— Ну, как вам скорость машины? Вы видели что-нибудь подобное в своей жизни?

— Что за глупые шуточки, парень?!

— Ничего, капо, сейчас вы все поймете.

Я отключил пар и звук. Капо понимающе кивнул.

— Ты загасил огонь, потому она и не движется.

— Совсем наоборот. Просто я убрал звук — чтобы никто не слышал, как она приближается. Сейчас она поедет. Но сначала ответьте на один вопрос. Если бы это была вражеская машина, стражники успели бы поднять мост?

Он фыркнул.

— Неужели ты так глуп, что задаешь подобные вопросы? Да пока она доползет до моста, солдаты сто раз успеют его поднять.

— Хорошо. Теперь — смотрите.

Я нажал на акселератор, и машина рванулась вперед в полной тишине. Почти в полной — слышны были только гудение двигателя и шуршание шин. Быстрее и быстрее, напрямик к воротам, которые надвигались с ошеломляющей быстротой. Стражники отскочили в сторону, мы с треском разнесли отремонтированные ворота и въехали во двор.

И резко затормозили. Капо сидел, выпучив глаза, хватая ртом воздух, и пытался достать меч из ножен.

— Убийца! Но тебе не удалось меня убить!

— Да погодите же, капо. Это была простая демонстрация прогрессивной техники. Я показал вам, каким образом вы и ваши солдаты проникнете в крепость капо Дочки. Прямоком во двор, где вы сможете убивать, грабить, резать, пытать...

Вот в таких вещах он разбирался. Меч отправился обратно в ножны, глаза потеряли яростный блеск, затуманились — похоже, они уже видели, как с капо Дочки сдирают шкуру и выливают на него кипящую смолу.

— Хорошо, — пробормотал он, часто моргая и постепенно возвращаясь к реальности. — Идея интересна, и я желаю узнать все подробности нашего плана. За бутылкой вина — такой поездочки у меня в жизни еще не бывало.

— К вашим услугам. Но сначала позвольте спрятать машину подальше от посторонних глаз. Атака будет успешной лишь при условии полной неожиданности.

— Тут ты прав. Поставь ее в амбар, а я назначу туда охрану.

Вино, которым он меня угостил, оказалось на порядок лучше той кислятины, что давали солдатам, и пил я его с удовольствием. Но не очень увлекаясь — завтра голова должна быть ясной. А сейчас мне необходимо было найти доводы, чтобы тронуться в путь немедленно. Потому что если мы будем медлить, то сюда зайвится профессор Ластиг со своими нервно-паралитическими бомбами. Не сомневаюсь, что профессор сильно осерчал, когда я утнал их машину. А если учесть, что в округе не так уж много крепостей, где ее можно спрятать, то вывод напрашивался сам собой. Пора действовать. Я мысленно двинул вперед ладью и сказал:

— Крепость грязного капо Дочки всего в четырех-пяти часах пешего хода, правда?

— Пять часов спокойной ходьбы, четыре — быстрым маршем.

— Отлично. Теперь подумаем вот о чем. Дочки напал, когда большей части войска тут не было. Он разрушил мост и сильно повредил крепость. Перед тем, как выступить на него, надо отремонтировать мост

и, возможно, нанять новых солдат. Чтобы во время ~~вашего~~ следующего набега ничего подобного не произошло. Логично?

Он отхлебнул вина и взглянул на меня поверх бокала.

— Да, черт побери, все обстоит именно так. Осмотрительность, осмотрительность — мои офицеры мне все уши об этом прожужжали. Я хочу прищучить этого подонка, спустить с него шкуру, а они — осмотрительность, осмотрительность...

— И сдерете, капо, нет никаких сомнений. Но, знаете, я вам посоветую совсем другое. К черту осторожность! Думаю, этот дьявол в человеческом облике должен быть наказан немедленно!

И это ему очень понравилось. Было видно, с каким вниманием он выслушивает мой план.

— Оставьте крепость такой как она есть. Возьмите с собой всех людей. Если все пройдет, как надо, то войска вернутся раньше, чем кто-либо узнает, что они уходили. Мы выступим в полночь, бесшумно, как духи мести, выйдем на исходные позиции еще до рассвета и подберемся к самой крепости Дочки. Я знаю там одно удобное местечко. Как только опустится мост, я сделаю так — с помощью моей машины, конечно, — что мост останется опущенным. Ваши войска атакуют, и вот она — победа. Как только крепость будет захвачена, вы отошлете сильный отряд обратно, для защиты своей крепости.

— Что ж, звучит красиво. Но как ты собираешься помешать им поднять мост?

Когда я ему объяснил, он просто просиял.

— Ты только сделай это, и я обеспечу тебя до конца твоих дней! Гроутами Дочки, конечно, — едва только захвачу его казну.

— Вы слишком добры к своему жалкому слуге. Но осмелюсь дать вам совет — пусть пока все в крепости отдыхают — нам предстоит тяжелая ночь, не так ли?

— Да, правильно. Я отдам приказ.

После чего я вышел. Кроме вполне естественной заботы об измученных товарищах, у меня были и другие причины пожелать им приятного отдыха. У меня

же, до того как отправиться поживать, имелось еще несколько весьма неотложных дел.

— Инструменты, — втолковывал я Дренгу, вытащив его из-под нар. — Понимаешь? Напильники, молотки, всякое такое. Где можно найти?

Дренг запустил пятерню в колтун на голове и принялся задумчиво чесать башку. В ней явно происходил напряженный умственный процесс, я уж было решил хорошенько встряхнуть парня, чтобы он соображал быстрее, но сдержался. Лучше уж не вмешиваться в естественный ход вещей — возможно, что почесывание головы сильно помогало распространению электромагнитных импульсов по коре его головного мозга. Наконец, процесс завершился.

— У меня никаких инструментов нет.

— Я знаю, мой мальчик. — Я услышал скрип собственных зубов и постарался взять себя в руки. — Но у кого-то они есть. Как ты думаешь, у кого?

— У кузнеца! — гордо произнес он. — У кузнецов всегда есть инструменты.

— Отлично. А теперь отведи-ка меня к ближайшему.

Ближайший кузнец оказался мрачным и волосатым субъектом, профессионально вымазанным сажей. Разумеется, от него разило вином.

— А ну, вали отсюда, сопля! Еще никто не касался инструментов Грундиса, никто!

Ну, знаете ли! Чтобы гаркнуть на него, мне и заводиться не пришлось.

— А ну, горе своей престарелой матушки, заткнись! Эти инструменты капо, а не твои! И капо прислал меня за ними. Или я их беру, или мой слуга приводит капо сюда. Считаю до трех!

Для начала он сжал кулаки и зарычал. На счет «два» — задумался. Понятное дело, он видел, как я нынче катал капо, и понимал, что я — лицо доверенное. С начальником цапаться ему не хотелось, и на счет «три» он принялся чесаться и кланяться, кланяться и чесаться.

— Конечно, хозяин. Грундис свое место знает. Инструменты, вот оно как, инструменты. Так это мы мигом наладим, мигом.

Я подошел к верстачку, на котором валялся инструментарий. Жалкое зрелище. Порылся в куче, пока не отыскал напильник, молоток и неуклюжие ножницы для жести. Передал их Дренгу.

— Бери. А ты, Грундис, придешь завтра в амбар и заберешь их.

Дренг пошел следом за мной и, увидев паровик, застыл с открытым ртом.

— Закрой, а то мухи залетят, — по-дружески посоветовал я ему, забирая инструменты. — Еще мне нужна прочная сумка или мешок, такого вот примерно размера. Отыщешь и принесешь сюда. Потом отправляйся дрыхнуть — ночь будет тяжелой.

С нормальным инструментом я бы управился в два счета, а тут... Понятно, речи не шло, чтобы уложиться в допуск, выйдет похоже — и ладно. Металлическая боковина водительского сиденья была толщиной примерно с ключ. Я пилил, рубил, резал. Наконец получилось что-то похожее. Ну, наверное, сойдет.

Дренг и, надеюсь, остальные уже спали, можно было приступать к операции «Большие Гроуты». С ключом в кармане и сумкой за поясом, бесшумный аки тень — опять-таки, надеюсь — я отправился блуждать по лабиринтам крепости. План Слона навечно отпечатался в моей памяти, а дух его, судя по всему, витал надо мной, поскольку казну я отыскал моментально. Вставил ключ в замок, скрестил на счастье пальцы и повернул.

С громким лязгом замок открылся. Я прирос к месту, сердце громко застучало в груди. Звуки наверняка должны были услышать.

А вот и не слышали. Легко скрипнув, дверь распахнулась, и я вошел внутрь. И закрыл за собой дверь.

Прелестно. Сквозь высокие решетчатые окна лился яркий свет, а вдоль дальней стены располагались сундучки, сундуки и сундучища.

Первый сундук был наполнен медными гроутами. В полном соответствии с логикой во втором были гроуты серебряные, и я заполнил ими свою сумку наполовину. Тут мне на глаза попался маленький сундучок, стоявший рядом. Улыбнувшись, я нащупал там угловатые монеты. Золотые гроуты — целая куча. Очень удачная

вылазка. Когда сумка основательно потяжелела, я остановился. Жадность не доводит до добра. Вспомнив эту глубокую мудрость, я перекинул сумку через плечо и ушел той же дорогой, что и пришел.

Во дворе были стражники, но меня они не заметили. Я прошел в амбар, включил в машине приборные огни — вместо освещения. Открыл ящик для запчастей и с чувством глубокого удовлетворения положил туда сумку. Вторая ладья в моей воображаемой шахматной партии вышла на боевые позиции и встала рядом с первой. Игра шла форсированно, и выигрыш был делом времени.

— А теперь, Джим, — в очередной раз посоветовал я себе, — иди-ка ты и вздремни немного. Денек завтра будет тяжелым.

Глава 29

Что-то мне мешало. Просто на нервы действовало. Я ткнул в это что-то рукой, но оно не отставало. С трудом разлепил глаза — за окном была ночь, а рядом стоял Дренг и тряс меня за плечо.

— Не сердись, хозяин, — залопотал он. — Но ты же сам приказал разбудить. Войско уже строится.

Мое негодующее бормотание перешло в надсадный кашель. Наконец мне удалось с ним справиться. Дренг подал мне чашку с водой, я сделал огромный глоток и снова рухнул на койку. Да, институт слуг нравился мне все больше и больше, но я был слишком измучен. Даже все юношеские силы могут оказаться бессильными перед ударами судьбы. Впрочем, попеняв себе за минутную слабость, я собрался с духом.

— Дренг, — приказал я. — Отправляйся на кухню и принеси мне еды. Чего уютно, не то я просто сдохну от упадка сил. И вина — раз уж на этой планете понятия не имеют о других стимуляторах.

Чего поделать, я вышел во двор, вылил на себя, охая и фыркая, ушат холодной воды. Растерся досуха и обнаружил, что солдаты уже выстроились на дворе для получения боеприпасов. Итак, великое приключение начиналось. Дренг меня уже поджидал. Я присел на

нары, съел чего-то бобового, запил кислым вином. Одновременно с едой мне пришлось говорить — это был последний шанс побеседовать без свидетелей.

— Дренг, твоя военная карьера подходит к концу.

— Не убивай меня, хозяин!

— Идиот! Не жизнь, а военная карьера! Эта ночь — последняя ночь твоей службы. Утром ты получишь расчет и отправишься домой. Кстати, где твой старик хранит деньги?

— Мы слишком бедны, чтобы откладывать гроуты.

— Понятно. Но если бы деньги у вас были — куда бы вы их прятали?

Этот вопрос оказался для него слишком сложным, и пока он раздумывал, я мог спокойно жевать.

— Зарыл бы под очагом! — наконец отозвался он. — Помню, старик однажды так и поступил. Все прячут деньги под огнем — там их никто не отыщет.

— Лучше не придумашь. Именно там их отыщут немедленно. Ты должен распорядиться своим состоянием более мудро.

— Но у меня нет никакого состояния.

— Оно у тебя появится еще до восхода солнца. Так вот, дам тебе совет. Когда вернешься домой, отыщи поблизости два дерева. Измерь веревкой расстояние между ними. Вырой яму ровно посередине. Зарой деньги там и, когда нужно, бери. Только понемногу. По несколько монет. Понял?

Он с энтузиазмом кивнул.

— Два дерева, закопать посередине. Потрясающе! Никогда не слышал ни о чем подобном!

— Хорошая идея, согласен, — вздохнул я. — Ну, пошли. Будешь кочегаром моей огненной колесницы.

Я встал и пошел к амбару. Войска уже выстроились и стояли в полной готовности. Наконец, позевывая и почесываясь, появились офицеры во главе с капо. Времени оставалось мало. К тому же Дренг залез в кабину и, увидев светящиеся огоньки приборов, взвизгнул от ужаса.

— Свет дьявола! Огни духов! Верный знак смерти!

Он схватился руками за грудь и приготовился немедленно отдать Богу душу. Пришлось его хорошенечко встряхнуть.

В итоге мысли о смерти были отброшены в сторону, когда же я протянул ему горсть золотых и серебряных гроутов, глаза его стали огромными, как блюдца. Да, это было состояние, и оно могло повернуть его жизнь в лучшую сторону. По крайней мере, за время пребывания на этой планетке мне удалось совершить хотя бы одно доброе дело.

— Чем это вы там занимаетесь? — Снизу подозрительно глядел капо Димонте.

— Готовим машину, ваша честь.

— Убери слугу. Сейчас я поднимусь к тебе.

Я отправил Дренга в кузов, и капо сел рядом.

— Вы оказываете мне великую честь своим присутствием, ваша честь!

— Да, черт возьми. Я поеду с тобой, а войска пойдут пешком. Заведи эту штуку.

Разведчики уже отправились вперед, мы прогрехотали по мосту и выехали на дамбу. Основная группа войск энергично топала следом за нами. Во время прошлого набега Дочки все они лишились имущества, а многие — и слуг. И конечно все горели жаждой мести.

— Капо Дочки должен быть взят живым! — ни с того, ни с сего сообщил Димонте. Я было хотел ответить, но сообразил, что он разговаривает сам с собой. — Должен быть схвачен и доставлен в крепость. Сначала содрать немного кожи, затем, наверное, стоит выколоть глаза. Нет, не сразу — он должен видеть, что с ним делают...

И так далее, и тому подобное. Я не стал вслушиваться. Мне было о чем подумать и о чем посожалеть. Когда умер Слон, гнев затуманил мое сознание и лишил способности рассуждать здраво. Но теперь все прошло, и я понял, что пустился в эту экспедицию исключительно ради мести. И вовсе не ради памяти Слона, потому что тот всегда был против подобного насилия. Но не поворачивать же назад. Кампания началась, и мы зашли уже слишком далеко.

— Останови свою штуку! — вдруг приказал капо. Я нажал на тормоз.

Впереди на дороге виднелась темная кучка людей — наших разведчиков. Капо сошел вниз, я перегнулся

через борт и стал смотреть. Разведчики вели человека, скрутив ему за спиной руки.

— Что случилось? — спросил капо.

— Он следил за дорогой, ваша честь. Едва успели схватить.

— Кто он?

— Солдат, звать — Палек. Я его знаю, сражались вместе во время южной кампании.

Капо подошел к пленнику и зарычал:

— Я взял тебя, Палек, взял и связал.

— Да.

— Ты служишь капо Дочки?

— Да, ему. Получаю его гроуты.

— Ты их давно уже пропил все. Хочешь служить у меня и получать мои?

— Да.

— Отпустите его. Баркус — серебряный гроут этому человеку.

Наемники умеют драться, но и легко меняют хозяев. В общем, какое им дело до разногласий между капо. И, как только Палек взял гроут, ему тут же вернули оружие.

— Говори, Палек, — приказал капо. — Теперь ты мой законный слуга, поскольку взял мой гроут. Расскажи о планах Дочки.

— Хорошо. Тут нет секретов. Он знает, что твоя армия не пострадала и что ты выступишь против него, как только сможешь. И он послал нас наблюдать за дорогой, но не рассчитывал, что ты появишься так скоро. Сейчас он пьет, а, значит, нападения сегодня не ожидает.

— Я воткну ему меч в брюхо, я выпущу оттуда вино вместе с его кишками... — Капо с трудом остановился. — А что войска? Они будут сражаться?

— Они только что получили жалованье. Но они не слишком любят капо и, едва увидят, что битва проиграна, перейдут на вашу сторону.

— Отлично. Все идет прекрасно. Встань в строй. Разведчики, вперед, а ты, — он взглянул в мою сторону, — заводи машину.

Он снова взобрался наверх. Мы тронулись. Не встречая по пути никаких помех, мы уверенно продвигались.

гались вперед. Отдыхая каждый час, мы приближались к неприятельской крепости. Еще задолго до рассвета настигли разведчиков, поджидавших нас на дороге. Точно на том самом месте, которое я выбрал. Крепость Дочки была за поворотом...

— Пойду, назначу дозоры, — сказал капо и спустился вниз.

— Хорошо. Мой слуга покажет им место, где они должны будут укрыться и наблюдать за воротами крепости.

Я подождал, пока он отойдет, и зашептал на ухо Дренгу.

— Возьми свою сумку и все вещи — сюда ты больше не вернешься.

— Хозяин, я не понимаю...

— Поймешь, если заткнешься и будешь слушать. Отведешь солдат в те самые кусты, где мы прятались, когда собирались спасти Слона. Помнишь?

— Мимо обгоревшего дерева и...

— Хорошо, хорошо, помнишь. Отведешь солдат туда, покажешь, где им прятаться, и ляжешь рядом с ними. Заварушка начнется на рассвете. В это время ты ничего делать не должен. Понял? Не отвечай вслух, просто кивни.

Он кивнул.

— Прекрасно. Когда все побегут, останешься на месте. Как только увидишь, что вокруг никого нет и тебя никто не видит, — сматывайся. Уходи в лес и отправляйся домой. Оставайся там, пока не уляжется шум. А потом — пересчитай денежки и живи долго и счастливо.

— Значит, я больше не служу у тебя?

— Именно. Уволен из армии с почетом и выходным пособием.

Он рухнул на колени и вцепился в мою руку. Прежде, чем он успел заговорить, я приложил палец к его губам.

— Ты был хорошим слугой. Теперь будь хорошим хозяином. Двигай!

Я глядел ему вслед, пока он не пропал во тьме. Глупый — но верный. И единственный друг, который

нашелся у меня на этой планете. Теперь, когда нет Слона...

Мрачный ход моих мыслей был, по счастью, прерван появлением капо. Он взобрался на сиденье, следом за ним появились вооруженные солдаты, взгромоздившиеся на верх машины.

— Начинает светать. — Капо взглянул на небо. — Как рассветет, так и начнем.

Оставалось только ждать. Казалось, напряжение разлито в воздухе и даже мешает дышать. Постепенно светало, из тьмы выступали лица, все — с одинаково мрачным выражением.

Я сосредоточился на том, что происходило сейчас за поворотом. Вспоминал, как мы в тот раз лежали там с Дренгом. Закрытые ворота крепости, поднятый мост становились все четче и четче в лучах восходящего солнца. Из-за стен струился дым мирных очагов. Начали шевелиться солдаты, смена караула. Наконец, ворота распахнулись, опустился мост. Что дальше? Как обычно? Если же нет, то наше войско вскоре обнаружат...

— Сигнал! — капо толкнул меня в бок.

Что было вовсе необязательно. Солдата я заметил, едва тот появился, и нога уже надела на акселератор. Машина дернулась и ринулась вперед, набирая скорость. Миновала поворот, прыгая и раскачиваясь на ухабах, и устремилась напрямик к воротам крепости.

Стражники растерянно смотрели на нас. Рабы, толкавшие тележку, тоже оцепенели, не в силах сдвинуться с места.

Затем поднялся крик. Мост затрещал — его попытались поднять, но на нем были повозка и рабы. Послышались удары и визгливые приказы, каждая секунда потерянного времени была нашей. Наконец они втащили повозку обратно в ворота, но — поздно.

Мы проскочили. Передние колеса взобрались на мост, машина подпрыгнула и въехала на мост целиком. Я нажал на тормоза, но с повозкой мы все равно столкнулись, рабы и стражники посыпались в ров, а мы остановились перед воротами.

— За капо Димонте, за гроутами и с Богом, — проорал капо и кинулся в атаку.

Остальные последовали за ним, перелезая через машину на мост, и исчезали во дворе крепости.

Зазвучали ружейные выстрелы, слышались крики. За моей спиной нарастал рев наступающей армии. Я увидел, что капо с передовым отрядом отбили подъемный механизм моста — поднять который было, конечно, невозможно из-за стоящей на нем машины. В том и заключались простота и совершенство моего плана. После того, как я въехал на него, поднять мост было совершенно невозможно. Только теперь я продвинулся вперед и дал проход наступающим войскам.

Битва за крепость капо Доччи началась.

Глава 30

Атака действительно оказалась неожиданной. Наши войска хлынули внутрь крепости, а солдаты капо Дочки лишь выбирались из казарм. Да, стражники на стенах бились отчаянно, но что они могли сделать?

Чтобы усилить панику в стане врага, я запустил на полную катушку все звуковые эффекты паровика и направил машину на горстку защитников, сгрудившихся во дворе замка. В меня несколько раз выстрелили, но большинство — разбежалось. Дела шли весьма хорошо.

Защитники на стенах подняли руки вверх — в общем, у них с самого начала было не слишком много причин класть голову за Дочки. Яростно сражались лишь офицеры — возле внутренних ворот. Но число их убывало — одни погибли под пулями, другие — скрывались за дверью замковой башни.

— Факелы! — заорал капо Димонте, когда дверь в башню захлопнулась. — Мы выкурим этих сволочей.

Да, сражение окончилось так же внезапно, как и началось. Вся крепость, за исключением башни, была в наших руках. Схватка оказалась короткой, но жестокой — повсюду валялись трупы. Рабы, дрожа от страха, жались к стенам, пленников увели. Осталось

разобраться с главным зданием. Капо Димонте взмахнул дымящимся факелом и снова завопил:

— Эй, Дочки, жирная свинья, настал твой конец. Выползай, сын червя, сразись как настоящий мужчина, не то я спалю тебя заживо. И тебя, и всех остальных: мужчин, женщин, детей, собак, крыс, голубей — всех, кто там сидит с тобой вместе. Выходи, подонок!

Изнутри грянул выстрел, и пуля расплущилась о булыжник у ног Димонте. Он взмахнул рукой — раздался ответный залп. Пули щелкали по стенам, прошивали дверь, влетали в окна. Когда выстрелы стихли, изнутри раздался истошный визг.

— Предупреждаю в последний раз! — не унимался Димонте. — С женщинами и детьми я не воюю. Я не воюю с теми, кто сдается. Сложите оружие и живите. Мне нужен только капо Дочки. Дочки, червяк, ты меня слышишь?

Факел потрескивал, а внутри башни слышались приглушенные крики и возникла какая-то суеда.

Дверь распахнулась, и из нее кубарем вылетел капо Дочки. Он был полураздет и бос, зато — с мечом в руке.

При виде своего врага Димонте потерял остатки хладнокровия. Он взвыл и яростно кинулся вперед. Дочки, с окровавленным лицом, встал на ноги и поднял меч.

Да, это стоило видеть — все, собственно говоря, и смотрели. Все опустили оружие, встали кругом, из окон башни глядели любопытствующие. Я слез вниз и встал перед машиной — отсюда все было видно как нельзя лучше.

Враги были достойны друг друга, равны и в умении, и в ярости. Меч Димонте обрушился на поднятый клинок Дочки, тот отбил удар и сделал выпад — Димонте отскочил. И пошло-поехало, железо лязгало о железо, сыпались яростные проклятия.

Они метались по двору, размахивая мечами. Удар и защита, защита и удар — примитивно, но очень энергично. Тут раздался крик — Димонте пролил первую кровь врага, зацепив бок Дочки.

И это было началом конца. Димонте был сильнее и злее, к тому же — вдохновлен своей победой. К

тому же, если Дочки действительно бил так, как нам рассказал пленный на дороге, то сражаться теперь ему приходилось не только с Димонте, но и с похмельем. Димонте теснил врага все сильнее, гнал его через двор, и тот наконец уперся спиной в стену. Отступать ему было некуда. Димонте отбил очередной удар и ударил сам — рукоятью меча в челюсть. И тут же обезоружил врага резким движением клинка.

И тут все давешние мысли о долгих и мучительных пытках исчезли из головы Димонте. Он просто занес меч и ударил.

Было не очень приятно видеть, как сталь рвет горло Дочки. Меня замутило, и я отвернулся. И тут на солнце наполнила тень.

Сначала в небо глянул один человек, затем — другой. Раздался общий вздох. Я тоже взглянул. Только, в отличие от остальных, я знал, что там появилось.

Огромный, блестящий в лучах солнца, корабль класса Д, оборудованный атмосферным гравитационным подъемником. Тяжеленный корабль проплыл над двором крепости с легкостью перышка. И без малейшего усилия остановился, завис над нашими головами, словно кара Господня.

Я развернулся и нырнул в кабину. Бежать поздно, да и некуда: из корабля на землю уже сыпались серебряные шары. Я лихорадочно шарил под сиденьем, испуганно оглянулся на шары, сделал глубокий вдох, задержал дыхание и, перегнувшись через сидение, достал свою кожаную сумку.

Вокруг падали на землю и взрывались шары, по двору поползли клубы газа. Солдаты начали валиться с ног. Я переложил сумку себе на колени, нащупал ремень безопасности и тут увидел, как мимо пробежал Димонте и упал уткнувшись лицом в труп своего врага.

В ноздрях уже щипало, когда мне удалось пристегнуть сумку к телу. Да, вот и все, что я мог тут сделать. Боль в легких нарастала. Долгим прощальным взглядом я обвел двор. Кажется, Спайовенту я вижу в последний раз.

— И прекрасно! — закричал я, обращаясь к бездыханным телам и выпуская воздух из легких. Затем вдохнул...

Когда я пришел в себя, то почувствовал, что лежу на чем-то мягком, в закрытые веки бил свет. Открыть глаза было страшно — я помнил, как болела голова в прошлый раз. От одного воспоминания я вздрогнул, съежился и мотнул головой.

И ничего неприятного не почувствовал. Вдохновленный результатом этого невольного эксперимента, я тихонько приоткрыл глаз. Нормально. Мигнул — опять никакой боли.

— Какой нынче газ-то хороший, вот уж спасибо, — заявил я, обращаясь неизвестно к кому, и открыл оба глаза.

Маленькая комнатка, изогнутые металлические стены, узкая кровать. Все было понятно — меня взяли на борт. Понять это не составило бы труда, даже если бы я не видел корабля, опускающегося над крепостью. Но вот где мои гроуты? Я быстро оглянулся, но сумки не увидел. Быстрое движение головы вызвало головокружение, я рухнул на койку и тихонько застонал.

— Выпейте это. Снимает последствия отравления.

Я вздрогнул, открыл глаза и увидел высокого мужчину, который вошел в каюту и закрывал теперь за собой дверь. Он был облачен в какую-то неизвестную мне форму с множеством золотых пуговиц и нашивок, скорее всего военную. Он протянул мне пластиковый стакан, я осторожно взял его и принял.

— Да что вы! — удивился он. — Мы же могли спокойно убраться, пока вы были без сознания.

Веский аргумент. Я залпом выпил горькую жидкость и почувствовал облегчение.

— Вы украли мои деньги, — заявил я.

— Они в целости и сохранности.

— В сохранности они только в моих руках. Как это было, когда вы меня нашли. Они были пристегнуты к моему телу. И иначе, как воровством, ваш поступок я расценить не могу.

— Вот только не надо болтать! — рявкнул он. — Ты, наверное, сам их украл.

— Еще чего?! Я заработал их тяжелым трудом и вовсе не согласен, чтобы их у меня отобрали и передали в фонд помощи вдовам героев звездных войн!

— Ладно, хватит. Я пришел сюда не для того, чтобы обсуждать судьбу твоих жалких гроутов. Их поместят на счет в галактическом банке.

— А по какому курсу? И сколько процентов годовых?

Похоже, я довел его до белого каления. Во всяком случае, его тон стал просто ледяным.

— Хватит. Ты попал в серьезную переделку, и тебе придется многое нам объяснить. Профессор Ластиг сообщил, что тебя зовут Джим. Каково твоё полное имя и откуда ты?

— Зовут меня Джим Никсон, а родом я с Вении.

— Если будешь врать, то мы не договоримся. Тебя зовут Джим диГриз и ты преступник, бежавший из Райского Уголка.

Что ж, мне оставалось только беспомощно заморгать. Понятия не имею, кто этот парень, но с информацией у них все в порядке. Я ощутил себя дилетантом, который пытается вести партию против профессионала. Понятно, он хочет меня ошарашить, заставить потерять самообладание и все выложить. А я не буду играть в эту игру. Я сел на койку так, чтобы видеть его глаза, и спокойно ответил:

— Мы, кажется, не представлены друг другу.

Его гнев, похоже, пропал, теперь он выглядел вполне спокойным. Он нажал на какую-то кнопку, и из стены выехал стул. Он сел и закинул ногу на ногу.

— Капитан Варод, Флот Лиги. Инспектор планет. Ты будешь отвечать на мои вопросы?

— Да, но только если мы будем их задавать друг другу по очереди. Где мы теперь?

— Примерно в тринадцати световых годах от Спайовенты. Тебя это устраивает?

— Разумеется.

— Моя очередь. Как ты попал на эту планету?

— На борту венианского грузовика, который незаконно поставлял оружие капо Дочки, ныне покойному. Это его заинтересовало, и он нетерпеливо наклонился вперед.

— Имя капитана?

— Сейчас моя очередь. Что вы намерены делать со мной?

— Ты — бежавший преступник и будешь возвращен в Райский Уголок, где и отсидишь положенное.

— Да ну? — Я неуверенно усмеялся. — А теперь я с радостью отвечу на ваш вопрос: я начисто забыл имя капитана. Пытаться будете?

— Не валяй дурака, Джим. Ты влип серьезно. Веди себя благоразумно, и я попробую сделать для тебя все, что в моих силах.

— Хорошо. Я вспомню имя капитана, но лишь когда мы окажемся на какой-нибудь нейтральной и приличной планете.

— Это невозможно, Джим. Во-первых, все, что произошло, — задокументировано, а во-вторых — я же как-никак представитель закона. Я обязан доставить тебя в Райский Уголок.

— Отлично. Но дело в том, что у меня временно отшибло память, просто ужас какой-то. Да, прежде, чем вы оставите меня в шок, не расскажете ли вы о том, что дальше будет со Спайовентой?

Он откинулся на стуле.

— Сначала придется полностью устранить последствия вмешательства команды Ластига. Вообще мы согласились с его нахождением там лишь под нажимом Межгалактической ассоциации прикладной социэкономии. Им удалось собрать внушительную сумму для финансирования этого проекта — нашли несколько заинтересованных планет. В общем, нам было проще дать им возможность убедиться в собственной глупости, чем запрещать.

— И что же, они убедились?

— Да уж. Одно дело создавать модели, а другое — проверять их на практике. Такие опыты в прошлом уже ставились, и последствия всегда были катастрофическими. Существовала такая теория — монетаризм. Так она послужила причиной гибели нескольких культур и двух планет. Вот и теперь — эксперимент вышел из-под контроля, так что требуется вмешательство специалистов.

— Вторжение?

— Ты, видно, слишком много смотрел в детстве тривизор. Не забывай, что войны запрещены. Нет, наши люди будут работать внутри существующего на

Спайовенте общества. Возможно, именно с капо Димонте — раз уж он расширил свои владения. Теперь ему помогут советом и содействием, чтобы он смог еще более усилить свою власть и увеличить свои территории.

— И убивать все больше людей!

— Нет, за этим мы проследим. Вскоре он будет не способен править без нашей помощи и наших людей. Централизованное управление...

— Усиление права, установление налогов — я это уже слышал. От профессора Ластига.

— Нет, не так. Наши методы опробованы и работают. В течение одного, максимум — двух поколений Спайовента вступит в сообщество цивилизованных планет.

— С чем вас и поздравляю. А теперь — оставьте меня наедине с моими грустными думами о моей грядущей отсидке.

— Так что же, ты не назовешь имени этого контрабандиста? И он будет продолжать свое грязное дело? Сколько еще смертей окажется на твоей совести?

Да уж. Разве не я виновен в том, что произошло во дворе крепости? Моя же была идея — идти на приступ. Но Димонте все равно бы пошел на штурм и, кто знает, не было бы тогда число жертв еще больше? Но все равно, взять на себя ответственность — не так-то легко. А капитан Варод словно читал мои мысли.

— У тебя есть чувство ответственности?

Что же, хороший вопрос. В проникательности ему не откажешь.

— Да. Я верю в то, что жизнь священна, и не признаю убийств. Жизнь дается человеку лишь раз, и я не могу стать причиной его смерти. Конечно, я ошибался, но мои ошибки меня чему-то научили. Торговца оружием зовут капитан...

— ... Гарт, — закончил он. — Мы давно за ним наблюдаем. Это был его последний рейс.

— Так зачем же вы у меня это пытались узнать?

— А только ради тебя самого, Джим. Я уже говорил тебе, что мы занимаемся реабилитацией. Ты принял важное решение, и я верю, что это пойдет тебе на пользу. Желаю удачи. — Он поднялся.

— Большое вам спасибо. Я буду вспоминать ваши слова всякий раз на прогулке по тюремному двору.

Уже в дверях он улыбнулся.

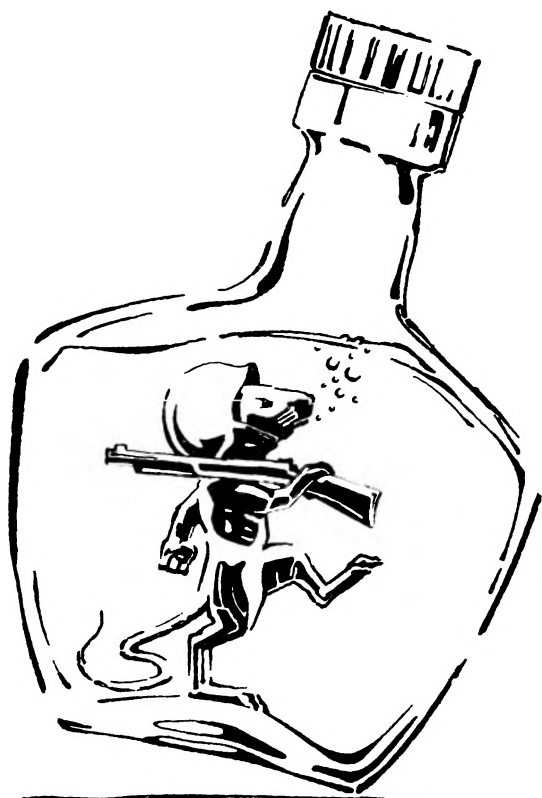
— Вообще-то у меня неплохие связи в судебных кругах, да и, по правде, я не считаю, что тюрьма — справедливое наказание за неудачную попытку ограбления банка. Мы придумаем для тебя что-нибудь повеселей. Мы долетим до одной из планет, и оттуда тебя заберут на другом корабле. Но дожидаться его тебе, конечно, придется под замком.

Он уже вышел, но в последний момент обернулся.

— Учти, кстати, я совершенно позабыл, что у тебя в башмаке спрятана отмычка.

И ушел. Я уставился на закрытую дверь и вдруг расхохотался. Все же, какая бы там планета ни оказалась, это уже нормальный мир — заполненный всякими приятными вещами, которые достанутся тому, кто знает свое дело. А уж я-то свое дело знаю, это несомненно!

Спасибо тебе, Слон, спасибо за все. Ты научил меня жить. Благодаря тебе — родилась Стальная Крыса!

**СТАЛЬНАЯ
КРЫСА
ИДЕТ
В АРМИЮ**

Глава 1

Я слишком молод, чтобы умирать. Мне всего-навсего восемнадцать. Но сейчас вы смело можете назвать меня покойником. Пальцы слабеют, ладони скользкие от пота, а под ногами — километровая бездна. Держаться больше не могу. Сейчас свалюсь...

Обычно я не поддаюсь панике, но сейчас ситуация далека от обычной. Все мое тело от макушки до пяток дрожит от невероятного напряжения, а мозг парализован безвыходностью положения.

Я попал в беду, в нелепую ловушку, и винить мне в этом некого, кроме себя. Как много мудрых советов дал я себе за всю жизнь, как много получил их от Слона — а что толку? Опять не зная броду, полез в воду...

Наверное, я заслужил такой конец. Нержавеющая Стальная Крыса на поверку оказалась очень даже ржавеющей.

Край металлической двери очень гладкий, необычайно трудно держаться кончиками пальцев. Носки ботинок едва зацепились за выступающий комингс, а каблуки висят над бездной. Стоять так долго на цыпочках настоящая пытка, но она ничто по сравнению с болью в пальцах рук.

А ведь поначалу план казался таким простым, логичным и остроумным! Лишь теперь я осознал, насколько он сложен, авантюрен и нелеп!

— Джимми диГриз, ты идиот, — бормочу я сквозь стиснутые зубы и только сейчас замечаю, что до крови прикусил губу. Я разжимаю зубы и сплевываю — и тут правая рука срывается. Безумный страх придает мне сил, и я каким-то чудом ухитряюсь снова зацепиться за верхний край двери.

Но силы уходят так же быстро, как и пришли, оставляя меня по-прежнему беспомощным и еще более изнуренным. Нет, из этой западни мне не выбраться. Рано или поздно пальцы разожмутся, и я полечу вниз. Так стоит ли затягивать мучения?

— Нет, Джим! Не сдавайся!

У меня шумит в ушах, в голове раздаются глухие удары, и кажется, что голос доносится издалека. И я не узнаю свой голос — он стал выше, богаче интонациями. Такое чувство, будто ко мне обращается сам Слон. Это его мысль, его слова. И я держусь, не зная толком, зачем. А внизу раздается далекий гул.

Гул? В шахте темно, как в могиле. Неужели кто-то включил маглевлифт? Я с трудом — окостенела шея — наклоняю голову и вглядываюсь во мрак. И спустя какое-то время вижу крошечный огонек.

Кабина движется вверх.

Что с того? В здании 233 этажа. Велики ли шансы, что кабина остановится как раз подо мной, и я смогу легко и спокойно сойти на крышу? «Астрономически малы», — горько думаю я. А вдруг кабина поднимется выше, размазав меня по стене? Такое вполне возможно. Огонек приближается, мои зрачки с каждой секундой расширяются, гул двигателя нарастает, налетает ветер... Конец!

Да, конец — подъема кабины. Она останавливается как раз подо мной. Я слышу, как раздвигаются створки двери, слышу голоса двух охранников.

— Я тебя прикрою. Но и ты не зевай, когда будешь осматривать холл.

— Он меня прикроет! Вот уж спасибо! Я вроде бы не вызывался добровольцем.

— Ты не вызывался — я тебя назначил. У меня два шеврона, а у тебя сколько? То-то. Выходит, тебе идти.

Охранник с одним шевроном невнятно выругался и вышел из кабины. Как только его тень заслонила свет, падавший из двери лифта, я осторожно опустил левую ногу на крышу кабины. В надежде на то, что если она подо мной качнется, то шаги полицейского скроют это. Не скажу, что сделать это было легко — бедро свело судорогой, а пальцы словно примерзли к двери. Затем я медленно перенес трясущуюся правую ногу и встал на крышу. Скрюченные пальцы все еще держали комингс: я чувствовал себя полным дураком.

— В холле пусто, — донесся издалека голос охранника.

— Проверь память монитора, не засек ли он кого постороннего.

Внизу что-то звякнуло, и донеслось приглушенное бормотание, я оторвал правую руку от скользкого металла и принялся отлеплять непокорную левую.

— С восемнадцати ста, когда последний служащий ушел домой, здесь никто не появлялся.

— М-да, загадка, — буркнул охранник с двумя шевронами. — Датчики зарегистрировали, что кабина поднялась на этот этаж. Мы спустили ее вниз. И никто, говоришь, здесь не выходил?

— Нет тут никакой загадки, просто лифт поехал сам собой. Ложный сигнал компьютера. Сам себе дал команду.

— И не хочется с тобой соглашаться, но делать нечего. Поехали вниз, доиграем партию в картишки.

Охранник с одним шевроном вернулся, дверь лифта закрылась, я бесшумно присел на корточки. На этаже, где находится тюрьма, они вышли. Тем временем я пытался дрожащими пальцами распутать узлы, в которые превратились мои мускулы. Как только удалось это сделать, я открыл люк в крыше, проник в кабину и осторожно выглянул. Картежники скрылись в караулке. С великими предосторожностями пустился в обратный путь. Осторожно крадучись вдоль стен — был бы хвост, я б его виновато поджал — негромко орудуя отмычкой, погромыхая коридорными дверями.

Наконец добрался до своей камеры, открыл и закрыл дверь, спрятал отмычку в подошву башмака, после чего завалился в кровать со вздохом, который, казалось, мог слышать весь мир. В тюремном безмолвии я не решался заговорить, зато мысленно кричал во весь голос: «Джим, ты самый безнадежный идиот на свете! Никогда, повторяю, никогда не поступай так, как сегодня!»

— Не буду, — пообещал я себе в утробном молчании. Теперь это обещание отпечаталось у меня в мозгу. Это была жестокая правда. Я все сделал неправильно, желая поскорей выбраться из тюрьмы. Надо искать правильное решение.

Я слишком торопился. А спешить не следует никогда. Капитан Варод из Галактической Лиги утверждал, что ему известно, где я прячу отмычку. Варод верит в закон и порядок, но не считает, что за мелкие проступки, совершенные мной на родной планете, так уж необходимо выдавать меня властям. С чем я сразу и полностью согласился.

— А если я знаю, где твоя отмычка, и не отбираю ее, — продолжал капитан, — то и ты не должен убежать раньше, чем дождешься этапа.

Дождаться этапа! Да мне ничего так не хотелось, как подольше посидеть в этой комфортабельной, больше напоминающей санаторий, тюрьме Лиги на планете Стерен-Гвандра, о которой я не знал ничего, кроме названия. Я наслаждался отдыхом после тягот и лишений, перенесенных на рабовладельческой Спайовенте, и настоящей едой после помоев, которые там называют пищей. Да, я научился ценить такие вещи. Я радовался жизни и копил силы, готовясь к неминуемому освобождению. Так какой смысл, спрашивается, бежать отсюда? Да, из-за нее, женщины, существа противоположного пола, которое я и видел-то один миг, но сразу узнал. Один беглый взгляд — здравый смысл потонул в эмоциях и я предпринял этот безнадежный побег. Тем более осел. Я прямо весь перекосялся, вспоминая, как началось это идиотское приключение.

Это случилось во время прогулки, когда заключенных выпустили в огороженный железобетонными

стенами внутренний двор и позволили слоняться под ласковыми лучами двух солнц. Я бродил от стены к стене, стараясь не замечать своих товарищей по несчастью, не видеть их скошенных лбов, сросшихся бровей, слюнявых оттопыренных губ. Внезапно их что-то взбудоражило, нечто особенное всколыхнуло дряблые мозги, и ребята с хриплыми возгласами и похабными жестами бросились к решетке, перегораживающей двор пополам. Утомленный однообразием тюремной жизни, я заинтересовался причиной столь бурной реакции заключенных и вскоре определил ее: женщины. Да и что еще, кроме злоупотребления спиртным и сопутствующих этому явлений, могло их взволновать?

Среди женщин, слонявшихся по ту сторону ограды, было три новеньких. Две из них были слеплены из того же теста, что и мои приятели, и отвечали парням хриплыми криками и интересными жестами. Третья помалкивала и держалась особняком. Ее походка показалась мне знакомой. С чего бы это, ведь я и слыхом не слыхивал о Стерен-Гвандре, пока меня не привезли сюда против моей воли? Загадка. Я торопливо прошел до конца решетки, ткнул костяшками пальцев в чью-то шею, и когда ее обладатель погрузился в беспамятство, занял его место.

Меньше чем в метре я увидел знакомое лицо. Никаких сомнений — я встречал эту женщину, я знаю ее имя: Бибз, девушка из экипажа капитана Гарта.

Я сразу решил: необходимо с ней поговорить. Возможно, она знает, где находится Гарт. Ведь это он высадил нас на гнусной Спайовенте, это на его совести смерть Слона. А значит, его смерть будет на моей совести. Пусть только попадется мне, каналья!

Вот так, не потрудившись хорошенько подумать, я совершил нелепую попытку к бегству. Лишь случайность уберегла меня от гибели, позволила благополучно вернуться в камеру. Я покраснел от стыда, вспоминая всю нелепость своего плана. Непродуманность, непредусмотрительность — и невероятно глупое предположение, что система безопасности на всех этажах огромного здания может быть одинаковой.

Пока день за днем меня водили на прогулку и обратно, я убедился в примитивности замков на каждой двери, и действительно, справиться с ними оказалось несложно. И я поверил, что дальше все пойдет столь же просто.

И прогадал. Охрана контролировала каждый вызов маглевлифта. Я сразу засек детекторы в коридоре, как только дверь лифта открылась на верхнем этаже. Поэтому и выбрался через люк на крышу кабины в надежде бежать через моторный отсек, который бывает наверху шахты.

Только моторного отсека там не оказалось, — а была еще одна дверь. Выход на следующий этаж, который не был обозначен на пульте кабины. Должно быть, об этом знали очень немногие люди. Пытаясь раскрыть эту тайну, я встал на нижний фланец двери, зацепился кончиками пальцев за верх и принялся ощупывать ее. Кончилось тем, что кабина умчалась вниз, а я остался висеть под потолком шахты.

Что и говорить, из этого идиотского приключения я выбрался незаслуженно легко. Но впредь не стоит рассчитывать на такое везение. Для побега необходимы прежде всего ясный ум и железная логика. Решив, что бранить себя, пожалуй, довольно, я стал искать способ встретиться с Бибз.

— А если попробовать законный путь? — спросил я себя и едва не подавился этими словами.

Законный путь? Для меня, Стальной Крысы, рыскающей в потемках, никого не боясь, ни в чьей помощи не нуждаясь?

Да. Обидно это сознавать, но бывают случаи, когда честность — лучшая политика.

— Эй, вонючие тюремщики, слушайте меня! — заорал я, колотя по решетке. — Оторвите задницы от кушеток, очнитесь от эротических снов и отведите меня к капитану Вароду! Да поспешите, лежебоки!

Разбуженные моими воплями, обитатели соседних камер принялись осыпать меня угрозами и проклятьями. Я отвечал им тем же, пока не появился надзиратель со зловещей гримасой на физиономии.

— Здорово, дружище, — приветствовал его я. — Счастливи видеть твое доброе лицо.

— Хочешь, чтобы тебе проломили черепушку, сивака?

— Нет. Наоборот, хочу избавить тебя от неприятностей. Для этого от тебя требуется одно: немедленно отвести меня к капитану Вароду, поскольку я обладаю сведениями военного значения. Я не шучу: если капитан узнает, что ты тянул резину, он тебя расстреляет.

Надзиратель выдал еще несколько угроз, но в его глазах появилась тревога. И то сказать: любому на его месте было бы ясно, что с такими вещами, как военная тайна, лучше не связываться. Бормоча оскорбления в мой адрес, он отошел к телефону. Ждать пришлось недолго — вскоре появились двое охранников, явно перегруженных мускулами и жиром. Они отомкнули замок моей камеры, отвели меня к лифту, доставили на сотый этаж, пристегнули наручниками к тяжелому креслу и удалились. Появившийся несколькими минутами позже лейтенант зевал во весь рот и тер глаза — по нему нельзя было сказать, что он любит просыпаться среди ночи.

— Мне не о чем разговаривать с мелкой сошкой, — сообщил я. — Зовите сюда Варода.

— Заткнись, диГриз, если не хочешь неприятностей. Капитан в длительной командировке, ему не до тебя. Я из его отдела. Выкладывай, в чем дело, а не жалаешь — возвращайся в камеру.

Его слова показались мне убедительными. Да и выбор был невелик.

— Вам когда-нибудь приходилось слышать о космической свинье, называющей себя капитаном Гартон?

— Нечего ходить вокруг да около, — буркнул лейтенант, зевая. — Я просматривал твое досье, можешь говорить по существу. Если хочешь сообщить что-нибудь новенькое, не стесняйся.

— Мне кое-что известно об этом парне, промышляющем незаконным ввозом оружия. Ведь вы прихватили его с грузом, кажется?

— ДиГриз, ты пришел сюда рассказывать, а не вопросы задавать, так, давай выкладывай.

Эти слова, однако, никак не вязались с выражением его лица.

По блеску глаз я предположил, что Гарт сумел ускользнуть от полиции.

— Сегодня на прогулке я видел девушку. Новенькую. Ее зовут Бибз.

— Ты вытащил меня из постели, чтобы поведать о своих сексуальных похождениях?

— Нет. Думаю, вам интересно будет узнать, что Бибз — из экипажа Гарта.

Это его заинтересовало, он даже не смог скрыть любопытства, сказывалось отсутствие опыта.

— Ты уверен?

— Можете проверить. Чего проще — запросить информацию.

Он так и сделал — уселся за стальной стол и нажал несколько клавиш на терминале компьютера. Взглянул на экран и скривился.

— Сегодня к нам доставили трех женщин. Среди них нет девиты по имени Бибз.

— Да неужели? — с издевкой спросил я. — А нельзя ли предположить, что преступники иногда пользуются кличками?

Он не ответил, снова склонившись над клавиатурой. Факс загудел и выдал три цветных портрета, два из них я бросил на пол, третий вернул лейтенанту.

— Вот она — Бибз.

Он нажал еще несколько клавиш, затем откинулся на спинку кресла и пробормотал:

— Вроде сходится, Мэрианни Гьюффрида, двадцати пяти лет, специальность — корабельный электротехник, имеет опыт работы в космосе. При задержании у нее обнаружен наркотик. Утверждает, что он подброшен.

— Спросите ее о Гарте. Не захочет говорить — заставьте.

— Спасибо за помощь, диГриз. В твоем досье появится соответствующая запись. — Он набрал номер телефона. — Похоже, ты насмотрелся детективов. Мы не имеем права силой вытягивать из людей признание. Наши средства — наблюдательность, умело

заданные вопросы, умозаклучения. Сейчас тебя отведут в камеру.

— Вот уж спасибо! — хмыкнул я. — Спасибо за спасибо. То есть, ни за что. Хоть бы уж сказали, сколько мне еще торчать в вашей кутузке.

— Ну, это как раз несложно выяснить. — Он пробежался пальцами по клавиатуре и с досадой покачал головой. — Послезавтра мы с тобой простимся. Тебе предстоит возвращение на Райский Уголок. Там тебя будут судить и дадут срок, надо полагать.

— Мою вину еще надо доказать, — усмехнулся я, стараясь не выдать охватившую меня радость. Мне бы только выбраться отсюда — а там я сумею найти путь к свободе. Не обращая внимания на тычки и ругательства конвоиров, я позволил отвести себя в камеру и решил до послезавтра быть пайнкой.

Еще долго после разговора с лейтенантом я лежал на койке и глядел во тьму, размышляя о том, как бы добраться до Бибз и половчее вытянуть из нее нужные мне сведения.

Глава 2

— Подпишись вот здесь.

Я поставил подпись. Сидевший за столом седобородый старикашка метнул через стол пластиковый пакет с моими пожитками, отнятыми при аресте. Я попытался схватить пакет, но стоявший рядом охранник оказался проворнее.

— Не спеши, заключенный, — процедил он сквозь зубы. — Вещдоки мы передадим кому следует.

— Но это мои вещи!

— Ничего с ними не случится. Все готово, Рэско!

— Меня зовут не Рэско!

— А меня — Рэско. Заткнись, — буркнул второй охранник, крепко сбитый, неприятный тип, чье правое запястье было соединено цепью наручников с моим левым. Он дернул за цепочку, и я едва не упал к нему на грудь.

— Делай все, как я скажу, и не вздумай зубы скалить.

— Слушаюсь, сэр. Простите.

Я с виноватым видом опустил голову, а Рэско самодовольно ухмыльнулся. Не знал он, недотепа, что я сделал это для того, чтобы внимательно рассмотреть браслеты. Ага, Бульдожья Хватка, знакомая система. Такие наруч-

ники можно встретить в любом уголке Галактики, фирма-изготовитель гарантирует «дуракоустойкость». Может, дурак и не сумеет сломать или отомкнуть их, а для меня это раз плюнуть. Я приободрился.

Фэтсо шел справа от меня, крепко сбитый Рэско — слева. Я шагал с ними нога в ногу в нетерпеливом желании покинуть тюрьму и увидеть мир, окружающий базу Лиги, куда меня доставили в «слепом» фургоне. Умы моих стражников, похоже, были заняты раздумьями о том, как переправить бедного Джима диГриза на его родную планету. Меня же это, признаться, совершенно не интересовало.

Выбраться из этого бункера-небоскреба оказалось непростым делом, и я в который раз мысленно дал себе пинка за мальчишескую попытку побега. В здании было всего три двери, все три запирались надежнее, чем воздушные шлюзы космических кораблей. Мы прошли мимо жужжащих и пощелкивающих сканеров, трижды сенсоры роботов изучали отпечатки наших пальцев и сетчатки глаз, затем загудели механизмы раздвигающейся двери, и на нас хлынула волна теплого воздуха, запахов и звуков.

На улице, куда мы спустились по длинной лестнице, я прямо-таки рот разинул. И было отчего, ведь эта планета — всего-навсего третья их тех, где мне довелось побывать. А жизнь на скотоводческих фермах Райского Уголка и рабство в болотах Спайовенты не подготовили меня к тому обилию впечатлений, которое я испытал, едва покинув тюрьму Лиги.

Теплый пыльный воздух напоен острыми ароматами, над улицей разносится какофония непривычных звуков, мимо движется непрерывный поток людей, незнакомых экипажей и каких-то четвероногих существ. Одно из них шествовало мимо меня, неся на своей спине человека и оглушительно топая по мостовой длинными ножищами. Внезапно оно выпучило на меня глаза, оскалило ужасные желтые зубы и заорало. Я отшатнулся, и эта вполне объяснимая реакция вызвала хохот конвоиров.

— Не трусь, маргу мы тебя в обиду не дадим, — пообещал Фэтсо, и оба охранника захохотали еще пуще.

Может быть, для местных жителей это животное было маргом, а для меня — лошадь. Я видел их на картинках в учебниках истории. Первопоселенцы Райского Уголка пытались разводить лошадей, но не учли исключительной прожорливости местной фауны. Из привезенных ими животных выжили только неуязвимые свинообразы. Я взглянул на марга внимательней, отметил, что при всей его огромной величине он, судя по зубам, травоядный, а значит, бояться нечего. Тут подскочили два его сородича, впряженные в какой-то ящик на колесах. Услышав свист Рэско, сидевший на ящике кучер натянул поводья.

— Залазь, — велел мне Фэтсо, распахивая дверцу. Я с омерзением отшатнулся.

— Там грязно! Неужели Лига даже нормального транспорта не может...

Рэско дал мне такого пинка, что я птицей влетел в фургон.

— Садись — и не болтай!

Следом забрались охранники.

— Лига старается по возможности пользоваться туземным транспортом, чтобы поддерживать местную экономику, так что заткнись и радуйся.

Я заткнулся, но радоваться не стал. Устремив на улицу, по которой громыхали колеса нашего фургона, невидящий взор, я размышлял, как бы удрать от конвоя, при этом сделав какую-нибудь гадость паршивцу Рэско. Пожалуй, сейчас самое подходящее время. Два молниеносных удара — и они лежат без чувств, а я исчезаю в толпе...

Нагнувшись, я с остервенением почесал лодыжку.

— Тут клопы! Меня укусили!

— А ты их тоже укуси, — с детской непосредственностью посоветовал Фэтсо, и оба надзирателя захохотали.

Вот и чудненько. Они не заметили, как я вытащил из подошвы и зажал в кулаке отмычку. Но едва я повернулся к Рэско, замышляя, как говорят судьи, нанесение побоев, фургон остановился, и Фэтсо отворил дверцу.

— Выходи, — велел он мне, а Рэско с силой дернул цепочку, отчего наручник больно впился мне в запястье.

Выбравшись из фургона, я в недоумении уставился на здание с мраморным фасадом.

— Но ведь это не космопорт, — пробормотал я.

— В самую точку попал, — ухмыльнулся Рэско и потащил меня за собой. — Это местный вариант пересылки.

Я решил, что дальше не пойду, хватит с меня этой мерзкой компании. И все-таки пришлось тащиться следом за надзирателями, всей душой желая, чтобы подвернулась какая-нибудь лазейка. Вскоре она подвернулась.

Я заметил, что в дверь под красивой вывеской «PYSHER PUSA GORRYTH» входят и выходят одни мужчины. Проще простого было догадаться, что означает надпись. Я остановился и, показывая пальцем на дверь, заныл:

— Я хочу туда! Ну, пожалуйста!

— Нельзя! — ухмыльнулся Рэско. Вот ведь садист! Неожиданно за меня заступился его приятель.

— Ладно, отведи его. Ему здесь долго торчать.

Рэско выругался, но не стал спорить. Наверное, он был младше Фэтсо по званию. «Пичер писа» оказалась самым примитивным сортиром — стенка, вдоль нее желобок в полу. Над желобом выстроились в ряд мужики. Расстегивая ширинку, я направился к свободному месту в дальнем углу. Рэско с недовольным видом топал следом.

— Будешь на меня пялиться, я ничего не смогу сделать, — обернувшись, проворчал я.

Он на секунду поднял глаза к потолку. Этого времени оказалось достаточно, чтобы свободной рукой схватить его за шею. Во взгляде охранника вспыхнуло удивление, но тут же угасло, едва я изо всех сил вдавил в шею большой палец. В тот самый миг, когда раздался приятный удар бесчувственного тела о пол, я освободился от «браслета». Рэско лишь похрапывал, пока я обыскивал его и доставал бумажник, чтобы оправдать свою репутацию вора. Угнездив бумажник в своем кармане, я выпрямился и оглянулся. Стоявшие вдоль желоба люди обернулись ко мне.

— Ему стало плохо, — объяснил я и, переводя взгляд с одного непонимающего лица на другое, доба-

вил на эсперанто: — *Li svenas.* — Но и это не произвело на них впечатления. Тогда я показал на Рэско, на двери и на себя. — Пойду за помощью. Вы приглядите за ним, ребята. Я скоро вернусь.

Никто не попытался меня остановить. Я выскочил за дверь — и едва не угодил в лапы Фэтсо. Он заорал и бросился ко мне, но не тут-то было, я пулей вылетел из здания, проскочил между двумя лошадьми, обогнул скамейку, пересек улицу и помчался по темной аллее. Она вывела меня на другую улицу, такую же переполненную народом, как и первая. Влившись в толпу, я перешел на шаг. Я даже принялся насвистывать, поглядывая на вывески, на женщин под вуалью и расфранченных мужчин. Здравствуй, свобода!

А может, рано ликовать? Один на варварской планете, не зная языка, преследуемый властями — с какой стати я так обрадовался? Тут же нахлынула черная тоска, но я ей не поддался.

— Ты ли это, Джим? Встретив пустяковые трудности, падаешь духом? Стыдись! Что бы сказал Слон, если бы сейчас тебя увидел? Он бы сказал:

— Хватит болтать — на тебя уже глазеют.

Беззаботно насвистывая, я свернул за угол и сразу наткнулся на столы, уставленные яствами, и людей, сидящих за ними и потягивающих аппетитные на вид напитки. Поверх всего этого красовалась вывеска «*SOSTEN NA GWYRAS*», ровным счетом ничего мне не сказавшая. Ниже я прочитал знакомое: «*Ni parolos esperanto, bonvenuu*». Оставалось надеяться, что на эсперанто здесь говорят лучше, чем пишут. Сев за столик у стены, я поманил пальцем официанта.

— *Dxe'tm plegagou*, — сказал он.

— *Plegagou* будешь с остальными, а со мною попрошу говорить на эсперанто, — проворчал я. — Что можешь предложить из выпивки, папаша?

— Пиво, вино, даур-том-ис.

— Что-то нынче не тянет меня пить даур-том-ис. Тащи-ка побольше пива.

Пока он ходил за пивом, я достал бумажник Рэско. Если моих бывших тюремщиков заботит процветание здешней экономики, резонно предположить, что они носят с собой местную валюту. Бумажник оказался

полон маленьких металлических дисков. Я потряс один из них, подбросил, поймал и перевернул. На одной стороне была отчеканена цифра два, на другой — слово «*аргхана*».

— С вас один аргхан, — сказал официант, ставя передо мной запотевший глиняный кувшин.

Я протянул ему монету.

— Возьми, добрый человек, и оставь себе сдачу.

— О! Вы, инопланетники, все такие щедрые! — невнятно поблагодарил официант, пробуя монету на зуб. — Не то, что мои серые, глупые соотечественники. Хотите девочку? Или мальчика? Или *кеваргена* покурить?

— Пока воздержусь. Захочу — дам тебе знать. Сейчас — только пива.

Он удалился, что-то бормоча, а я глотнул пива. Глотнул — и тотчас пожалел об этом. Жуткая кислота, шипя и пузырясь, потекла по пищеводу. Я отодвинул кувшин и отрыгнул. Хватит валять дурака, Джим! Тебе повезло, ты вырвался на свободу. Каков будет твой следующий шаг?

Но думать об этом я был не в состоянии, и даже еще один мучительный глоток пива не послужил стимулом для мозга. Я был даже рад, когда появился официант и, прикрывая рот ладонью и воровато косясь на посетителей, прошептал мне на ухо:

— Есть свеженький *кеварген*, только что с поля. Берите, не пожалеете, несколько дней простоит. Не хотите? А как насчет девочки с кнутом? Может, змеи? Или кожаные ремни и горячая грязь...

— Ничего мне не надо! — перебил его я. — Все у меня было, все я испытал. Единственное, чего бы мне хотелось, это найти базу Лиги.

— Как вы сказали? Не понимаю.

— Большое, высокое здание, где живет много инопланетников.

— А, вы имеете в виду *лиз*. Пожалуйста, я могу отвести вас туда за один аргхан.

— За один аргхан ты расскажешь, как туда добратся. Я вовсе не хочу отрывать тебя от работы. — Кроме того, я не хотел, чтобы в пути он надоедал мне, предлагая сомнительные удовольствия. В конце концов

официанту пришлось уступить. Дождавшись, когда он скроется на кухне, я глотнул пива и ушел.

По пути к зданию Лиги в моей голове начало складываться нечто вроде плана. Мне очень хотелось добраться до Бибз. В том, что капитану Гарту удалось бежать, я не сомневался, но она могла знать, где он прячется. Бибз — единственная моя ниточка. Но как проникнуть в тюрьму? Я знал, что во время ареста Бибз носила имя Мэрианни Гьюффрида. Может, представится ее близким родственником? Хайзенпедффером Гьюффрида, например? Подделать удостоверение личности, если таковые вообще существуют на этой планете? Наверняка это несложно, но вдруг компьютер у входа узнает во мне бывшего арестанта? Или сведения обо мне уже стерли из его памяти? Это вполне возможно, как и то, что после доклада Фэтсо мое досье снова ввели в программу.

С этими мыслями я свернул за угол и увидел перед собой здание базы. Как огромный крутой утес высилось оно над приземистыми городскими строениями и выглядело таким же неприступным. Не отрываясь, глядел я на дверь, за которой то и дело исчезали поднимавшиеся по знакомой лестнице люди; створки раздвигались, чтобы впустить посетителя, и тут же наглухо сдвигались, словно за ними хранился золотой запас Вселенной. В голове у меня было пусто. Я привалился спиной к стене, прямо напротив здания. Что было не слишком умно, на мне была тюремная роба. Но местные наряды были столь разнообразны, что моя одежда не привлекала ровно никакого внимания. Я стоял и ждал, когда придет вдохновение. Оно не пришло. Но штурмовать базу не пришлось благодаря счастливому случаю, тому самому единственному шансу из тысячи. Дверь снова раздвинулась, и на верхнюю площадку лестницы ступили три человека: двое блюстителей закона, что явствовало из огромных размеров их сапог, и стройная фигурка между ними. От ее тонкого запястья к лапе охранника шла цепь наручников.

Бибз!

Внезапность ее появления ошеломила меня. Я стоял, привалившись к стене, словно в обмороке, и смотрел, как

троица спускается по лестнице и сходит на тротуар. Один из конвоиров помахал рукой и свистнул. Подъехавший фургон загораживал меня от Бибз и охранников, но я словно сквозь его стенки видел происходящее: вот распахивается дверь, арестантку втаскивают внутрь, дверь закрывается...

Щелкнул кнут кучера, и ящик на колесах тронулся с места. Но я уже мчался к нему. Не прошло и секунды, как я вскочил на подножку и рывком распахнул дверь.

— Куда? — рывкнул ближайший конвоир, поворачиваясь ко мне. — Не видишь — занято!

Это был ночной надзиратель. В следующую секунду он узнал меня и заревел от ярости. Силенками его бог не обидел, но я оказался половчее. Уклонившись от его ручищ, я мельком взглянул на испуганное лицо Бибз и хорошенько врезал надзирателю по горлу.

Едва он обмяк, я приготовился к схватке с другим охранником, но тут выяснилось, что ему не до меня. Бибз умело схватила его за шею и душила. Бедняга ничего не мог поделать, как ни сопротивлялся.

— Погоди... сейчас я его тоже... прикончу, — с натугой произнесла Бибз.

Я не стал объяснять, что не убил, а лишь отключил надзирателя. Мой палец впился в нервный узел на локте девушки; ее рука онемела, а лицо побагровело от гнева. Но не успела она раскрыть рта, как я утомил хрипевшего конвоира и снял с Бибз наручник. Она потеряла запястье и улыбнулась.

— Не знаю, откуда ты взялся, но за помощь спасибо. — Приглядевшись ко мне, она спросила: — А мы с тобой, часом, не знакомы? Ну да, ты же наш ночной пассажир, Джимми, кажется.

— Ты не ошиблась, Бибз. Джим диГриз к твоим услугам.

Она громко засмеялась и быстро забрала ценности у бесчувственных конвоиров. И проворчала, глядя, как я пристегиваю полицейских друг к другу:

— Лучше бы их пришить.

— Не стоит. Если мы убьем охранников, Лига перетряхнет всю планету, но разыщет нас. А так — может, про нас скоро забудут.

— Пожалуй, ты прав, — неохотно согласилась Бибз, а затем дала каждому конвоиру хорошего пинка.

— Зачем? Они же ничего не чувствуют.

— Почувствуют, когда оклемаются. Итак, куда мы пойдем теперь, Джим?

— Откуда мне знать? На этой планете я впервые.

— Зато я здесь своя.

— Тогда веди.

— Ладно.

Как только фургон замедлил ход, Бибз отворила дверь, и мы соскочили на мостовую.

Глава 3

Бибз взяла меня под руку, и признаюсь, мне это было довольно приятно. На улице, по которой мы шли, было многолюдно. Где-нибудь в другом месте наши серые арестантские робы, «со вкусом» украшенные червовыми тузами, смогли бы привлечь внимание прохожих — но только не здесь. Тут каждый одевался, как бог на душу положит. Я встречал бородачей в дубленых шкурах, женщин в пышных одеяниях из разноцветного газа, воинов в доспехах из кожи и стали. Платья, мантии, кольчуги, кирасы, кушаки — иными словами, все, что только можно представить. И даже то, чего представить невозможно. Поэтому мы внимания не привлекали.

— У тебя есть деньги? — спросила Бибз.

— Несколько аргханов, позаимствованных у конвоира. Я ведь тоже сбежал.

Ее очаровательные брови над столь же очаровательными глазами слегка приподнялись:

— Вот, значит, почему ты мне помог? А за что тебя держали в кутузке? Помнится, тебя и старикашку высадили на Спайовенте. Гарт продал вас в рабство.

— Да, и мой друг там погиб. Так что не буду скрывать — я слегка недоволен Гартом. Такого друга,

как Слон, мне уже не найти. Он мне помог, многому научил, и я горжусь тем, что сумел оказать ему несколько ответных услуг. В спешке покидая нашу родную планету — ты это помнишь, наверное, — мы заплатили капитану Гарту кучу денег. Но ему этого показалось мало, и он продал нас работоторговцу. Я выжил, а вот Слон не перенес неволи. Понятное дело, что его смерть не привела меня в дикий восторг. На той планете со мной приключилась масса неприятностей, а потом меня арестовала полиция Галактической Лиги. Меня собирались отправить на родину под суд.

— За какие грехи? — с неподдельным интересом спросила Бибз.

— Ограбление банка, похищение человека, побег из-под стражи. Ну, и так далее.

— Как здорово! Вот что я скажу тебе, Джим: выручив меня, ты оказал себе неоценимую услугу. Я хорошо знаю эту планету, мне известно, где можно раздобыть денег. Давай договоримся: ты будешь красть деньги, а я — тратить. Зато у тебя не возникнет никаких проблем. Потом, когда придет время, я позабочусь об отлете.

— В этом есть резон, пожалуй, — кивнул я. — А нельзя ли нам потолковать о делах за едой? С утра во рту ни крошки.

— Ну, конечно. Тут есть подходящее местечко.

Она привела меня в маленький ресторанчик, затерявшийся среди домов. Заказанное ею блюдо оказалось вполне сносным, чего я никак не ожидал, услышав название: «фелион ха кук мог». Чтобы пища не застревала в глотках, Бибз велела принести кувшин ру'т-гвина — вполне приличного красного вина. На будущее я решил запомнить это название.

— Можно задать тебе вопрос? — сказал я. Не отрываясь от кружки с вином, Бибз махнула рукой — валяй, мол. — Я рассказал, за что меня арестовали. Нельзя ли узнать, что послужило причиной твоего ареста?

Она с такой силой ударила кружкой о стол, что та дала трещину. Ее перекошенное лицо побагровело, а зубы заскрежетали.

— Все из-за этого бастардакфьюло!

Я вздрогнул, услышав самое грязное в эсперанто ругательство.

— Все из-за мерзавца Гарта, — пояснила она. — Он знал, что за нами охотится Галактическая Лига. Когда мы прилетели сюда, он списал меня с корабля, а на другой день меня сцапала полиция. Гарт подбросил мне в сумочку кеварген и настучал фараонам. Меня обвинили в контрабанде наркотиков. Ну, попадись он мне!

— Я тоже не прочь до него добраться. Но почему он тебя выдал?

— В отместку. Как-то раз полез ко мне в койку, а я его вытолкала. Слишком уж он волосат, не люблю таких.

Я поперхнулся вином, закашлялся и покраснел, но Бибз не заметила этого. Дрожа от злости, она смотрела в пустоту.

— Я бы убила его, если бы только смогла попасть в его логово. Но, увы, это невозможно.

— Почему невозможно? — спросил я с облегчением: разговор перешел на менее рискованную тему — месть и убийство.

— Почему? А что ты знаешь об этой планете, Джим?

— Ничего. Только название Стерен-Гвандра.

— На языке туземцев это означает «планета». У них не шибко развито воображение, во всяком случае, у жителей Брастира. В годы упадка Стерен-Гвандра, как и многие планеты, утратила связь с галактической цивилизацией. Брастир — континент, на котором мы находимся, — не имеет минеральных ресурсов, и за несколько столетий промышленное оборудование износилось, а нового колонисты изготовить не смогли. Это невежественный неграмотный народ, здесь же эсперанто мало кто знает. Только торговцы, поддерживающие сношения с островом, более или менее развиты. К тому времени, когда Галактика вспомнила о существовании Стерен-Гвандры, на ней установилось нечто вроде сельскохозяйственного полупфеодализма.

— Как на Спайовенте?

— Не совсем. Возле континента расположен огромный остров, в его недрах сосредоточены почти все

запасы руд, угля и нефти этого полушария, поэтому первые поселения возникли на острове. Потом наступила эпоха диаспоры, и вновь прибывшие колонисты бросились заселять континент. Их не пускали на остров, да они и сами туда не стремились — на материке земли хватало всем. Так получилось, что жители Невенкебла заняты в промышленности, а здешний народ — в сельском хозяйстве и добыче леса. Я сомневаюсь, что за последние годы хоть что-то изменилось — вряд ли отношения улучшились. Теперь понимаешь, почему нам не добраться до Гарта?

— Не совсем. При чем тут Гарт?

— Он на острове! — Вздохнув, она макнула палец в лужицу вина и стала рисовать круги на столе.

— Но ведь Гарт венианец, как и ты, — удивился я. — Капитан венианского корабля. Какой смысл островитянам его укрывать?

— С чего ты взял, что венианец? Военные острова Невенкебла купили корабль, а Гарта назначили капитаном. На острове правят военные. Мы вывезли оттуда уйму оружия. Да, хорошая была работа, денег у меня куры не клевали, и расплачивались с нами межпланетной валютой. А потом, когда о наших делах пронюхала Галактическая Лига, военные свернули операцию, а нас уволили. Вот почему я говорю, что нам не добраться до Гарта.

— Я доберусь.

— Ну, что ж, надеюсь. Я помогу тебе, чем сумею. Но прежде надо где-нибудь отсидеться, пока нас не перестанут разыскивать. А для этого потребуется много аргханов. Сколько их у тебя?

Она высыпала на стол монеты, отобранные у конвойных, а я добавил свои.

— Маловато. Не хватит, чтобы снять надежную берлогу. Правда, у меня есть связи, можно договориться...

— Нет. Никаких связей с преступным миром. Это слишком дорого. К тому же Лига первым делом обыщет воровские притоны. Здесь есть гостиницы? Роскошные, дорогие гостиницы?

— Нет, только остелиовы — постоялые дворы. Но инопланетники никогда там не останавливаются.

— Тем лучше. Сможешь прикинуться туземкой?

— Запросто. Да и ты легко сойдешь за местного. Тут в ходу столько акцентов и диалектов, что никто не заподозрит в тебе чужака.

— Вот и отлично. Надо немедленно украсть побольше денег; купить роскошные тряпки и поселиться на лучшем постоялом дворе. Согласна?

— Согласна. — Смеясь, она хлопнула в ладоши. — Да ты просто прелесть, Джим. На этой вонючей планете ты — глоток свежего воздуха. Но украсть большую сумму здесь не так-то просто. У туземцев нет банков. Правда, можно ограбить хого — менялу. Но жилище хого — настоящая крепость, там полно охраны из его родственников, их совсем не просто подкупить.

— Это интересно. Давай заглянем к какому-нибудь хогу, а ночью пошарим у него в кубышке.

— Знаешь, Джим, я не встречала такого парня, как ты. Ты смотришь на вещи с детской непосредственностью, но все же, видно, знаешь свое дело.

Я не люблю, когда меня называют ребенком, но на этот раз не обиделся. Бибз увлеченно придумывала план:

— Мы возьмем часть наших аргханов и обменяем их на деньги острова Невенкебл. При этом возникнет много поводов для спора с хогом, и у тебя будет время осмотреться. Говорить с ним буду я, а ты помалкивай. Тебе отводится роль моего телохранителя и носильщика кошелька. Телохранителю полагается дубинка.

— Не будем терять времени. Пойдем, купим ее.

Выполнить эту часть плана оказалось легче легкого. В лавочках, выстроившихся вдоль каждой улицы, чем только не торговали: всевозможными нарядами, фруктами, лакомствами, завернутыми в листья, ножами, седлами, шатрами и, наконец, дубинками. Пока лавочник, бормоча сквозь множество слоев ткани, под которыми скрывалось его лицо, расхваливал свой товар, я выбрал лучший экземпляр — метровую палку из прочного дерева со стальными кольцами.

— Похоже, эта будет в самых раз, — сказал я Бибз.

Торговец закивал и снова забубнил, принимая монеты.

Бибз указала в глубь лавки.

— Он говорит, что дубинка продается с гарантией на год, и предлагает испытать ее на прочность.

Испытательный стенд оказался продолговатым валуном, поставленным на попа и обработанным резцом каменотеса. Когда-то он напоминал фигуру воина, но годы испытаний сделали свое дело. Камень был сплошь в выбоинах, нос, подбородок и одно ухо отсутствовали, от второго остался жалкий огрызок. Я прикинул вес дубинки, проверил балансировку, сделал несколько пробных взмахов, регулируя дыхание с помощью мантры и сосредоточивая внимание на напряженных мускулах. Наконец, пыхтя как спайовентский паровоз, я медленно отвел дубинку вправо.

Концентрация напряжения и мгновенный его сброс. Вот и весь секрет. Точнее, никакого секрета — только техника и опыт. Испустив на выдохе короткий крик, я рубанул, вложив весь свой вес и все свои силы в крайний ободок дубинки. Со свистом описав в воздухе полукруг, он соприкоснулся с головой истукана.

Раздался громкий треск, и голова отвалилась. Дерево выдержало, на стальном кольце осталась пустяковая вмятина.

— Эта мне подойдет, — небрежно бросил я. Они были сражены, должен отметить. Я и сам удивился. Не думал, что удар будет так хорош.

— И часто ты такие фокусы показываешь? — хрипло произнесла Бибз.

— Случается, — ответил я со спокойствием, которым в ту минуту не обладал. — Ну, что ж, води меня к хогу.

Миновав несколько кварталов, мы увидели стальную балку, торчащую из стены дома, с подвешенной к ней клеткой, внутри которой сидел скелет.

— Оригинально, — заметил я. — Должен сказать, я ожидал увидеть над дверью деревянный аргхан или изображение мешка с деньгами.

— Так практичнее. Это скелет последнего вора, проникшего в дом хог.

— Да? Очень мило.

— Не волнуйся, это всего лишь традиция.

Легко ей говорить, ведь грабить хог пойду я. Расстроенный, я двинулся следом за ней, но в дверях двое неприятных на вид верзил преградили нам путь, угрожающе выставив копыя.

— Я к хогу, — буркнула Бибз, смерив их презрительным взглядом.

Пробормотав что-то неслестное в наш адрес, стражники забарабанили кулачищами в обитую железом дверь. Та громко закрипела и отворилась. Внутри мы встретили охранников с мечами, слепленных из того же теста, что и копейщики у входа. По длинному коридору они провели нас во двор. Вокруг, на стене, тоже была охрана. Это была даже не стена, а сомкнутые крыши окружавших двор строений. Посреди стоял огромный сундук под навесом, справа и слева от него — два телохранителя с пиками. На крышке сундука лежали пуховые подушки, а на них восседал хог.

— Похоже, он с сундука даже ночью не слезает, — пошутил я, чтобы поднять свой боевой дух.

— Разумеется, — кивнула Бибз, и мой боевой дух упал еще ниже.

Да, дельце мне предстоит совсем не простое. Входная дверь наверняка заперта и охраняется. Через стену не перелезть — вдоль нее заостренные металлические штыри и та же охрана. Но, допустим, мне все-таки удастся проникнуть во внутренний двор. Что потом? Скинуть старикашку в пыль и завладеть кошельком? Только затем, чтобы меня закололи, зарубили, забили дубинами? Не очень-то заманчивая перспектива. Нет, надо придумать иной план пополнения нашей казны.

Как ни ломал я голову, я не видел способа проникнуть в эту крепость. Грубая сила зачастую эффективнее отпугивает воров, чем самая современная техника. Если даже мне удастся захватить добычу, как ее вынести?

Меняла рассыпался перед нами мелким бесом, его голос тек патокой, особенно после того, как Бибз позвенела монетами. Он хлопнул в ладоши, и помощники убрали подушки с сундука и подняли крышку. Внутри сундук оказался разделен перегородкой, и обе половины заполнены туто набитыми кошельками. Еще один хлопок хoga, и крышка закрывается, а на нее ставится большой кошелек. Забравшись со вздохом облегчения на свое место, меняла развязал бечевку и

зачерпнул пригоршню блестящих монет. Обмен начался. Приняв скучающий вид, я стал осматривать внутренний двор.

Тут в моей голове забрезжила некая идея, и я так поспешно ухватился за нее, что едва не спутнул. Стараясь ничем не выдать волнения, я озирался и время от времени рычал на стоящих рядом стражников. Они отвечали тем же. Тем временем обмен шел полным ходом под нытье и недовольное фырканье обеих сторон, но мне недосуг было прислушиваться к спору хога и Бибз — я обтачивал и шлифовал свой план. Потом мысленно попытался его осуществить и пришел к выводу, что все получится, если мне немного повезет.

А если придумать другой план? Я мысленно вздохнул. Нет, с учетом всех обстоятельств — это единственно возможный.

— Эй, хозяйка! — крикнул я Бибз, помахивая дубинкой. — Хватит ласы точить, соглашайся, и пошли отсюда.

Бибз повернулась с брезгливой гримасой и спросила:

— Что ты сказал?

— Что ты слышала. Вспомни, нанимая меня, ты обещала хорошую плату и укороченный рабочий день. Но плата не так уж хороша, а день не так уж короток.

Если хог не знает эсперанто — операцию надо на этом заканчивать. Но он наострил уши, прислушиваясь к разговору и явно все понимал. Теперь — только вперед. Бибз не знала, что я задумал, но подыграла великолепно, прямо взорвалась от возмущения.

— Ах ты, олух безмозглый! Да я за полцены найму лучшего телохранителя, чем ты! Он еще понукать меня смеет, малбонуло несчастный!

— Ах, так! — взревел я. — Ну, это тебе даром не пройдет!

Моя дубинка свистнула в воздухе, но лишь слегка задела ее макушку. Бибз рухнула как подкошенная. Следующим ударом я сломал одну из жердей, поддерживающих навес. Пока он падал, я шагнул к сундуку и треснул хога по шее.

«А теперь быстро, Джим!» — сказал я себе, хватая с его колен и опуская за пазуху кошелек. Стражники, истошно вопя, стаскивали с нас упавший навес. Выбравшись из-под него, я пошел прочь от сундука.

— Ладно, хозяйка, считай, что мы квиты! — крикнул я Бибз на ходу. — Poiщи себе другого телохранителя. Будь я проклят, если еще раз свяжусь с бабой.

Два шага, три, четыре. Стражники стащили с бесчувственного хозяина навес, один из них визгливо закричал на незнакомом мне языке. Но я не нуждался в переводе. Едва взбешенные родственники хога бросились ко мне, я повернулся и помчался прочь, но не туда, где находился единственный выход, а к деревянной лестнице, ведущей на крышу.

Там стоял один-единственный стражник с копьем. Я отбил копьё и дал копейщику пинка, а когда он упал, перепрыгнул через него и понесся вверх. На верхней площадке я едва не напоролся на меч подоспевшего воина. Все же мне удалось увернуться, схватить его за лодыжки и повалить.

Стукнув его по лбу рукоятью дубинки, я вскочил, звеня монетами, и увидел троих стражников, несущихся ко мне по крыше. Я подбежал к карнизу, поглядел вниз и выругался — высота была слишком велика, если прыгну, обязательно сломаю ногу. Повернувшись, я запустил своим оружием в ближайшего нападающего. Он упал; второй споткнулся о него и тоже не устоял на ногах.

Спустя секунду я висел, держась за краешек карниза. Взглянув вверх, увидел третьего стражника с занесенным мечом — он явно вознамерился отрубить мне пальцы.

Тогда я отпустил карниз. Упал на мостовую, но в последний миг успел сгруппироваться, превратив тело в подобие пружины, и отделался лишь ушибом. Но в ту минуту я его даже не почувствовал. Вокруг стучали о мостовую пики и палицы, но ни одна не задела меня, а вскоре я свернул за угол и оказался на многолюдной улице. Постепенно вопли разъяренных стражников стихли за спиной.

В первом же баре я рухнул на стул и с неописуемым наслаждением выдул целый жбан замерзшего пива.

Глава 4

Таскать за пазухой кошелек было не очень удобно. Он вдавливался в живот, и, кроме того, выпирающий червовый туз, наверное, бросался в глаза. Возможно, хог уже разослал слуг во все концы города, и сейчас меня высматривают среди прохожих. Им не составит труда найти старину диГриза, если он будет шляться по улицам, забыв об осторожности.

От этой мысли меня прошиб пот. Я постучал по столу монеткой, подзывая официанта. При виде островной валюты у него заблестели глаза. Схватив трясущимися пальцами монету, он пулей вылетел из ресторанчика и вскоре вернулся с целой пригоршней аргханов. Меня, конечно, обсчитали, но я не стал скандалить, а вышел из ресторана и нырнул в первую же лавку, где торговали одеждой. Ее хозяин неважно знал эсперанто, но все же я сумел объяснить ему, что мне нужно. Из лавки я вышел в мешковатых штанах и накидке, с плетеной корзиной, в которой был спрятан кошелек. С трудом переставляя отбитые ноги, я добрался многолюдными улицами до рынка, где обзавелся широкополой кожаной шляпой с шикарным пером. Мало-помалу я оделся с иголки. Деньги переключевали в элегантную наплечную сумку, а корзину с арестантскими шмотками я выбросил.

Наступил вечер. Я заблудился, и к тому же меня не оставляли тревожные мысли насчет Бибз. Я сделал все возможное, чтобы ее не заподозрили в сговоре со мной, но было ли этого достаточно? «Обязательно надо ее разыскать, — виновато думал я. — Но как это сделать? Чего проще — найду здание Лиги, единственный ориентир, а там что-нибудь придумаю».

Базу Лиги я нашел на рассвете. Едва не ваясь с ног от усталости, прошел по пути фургона, в котором мы ехали вместе с конвойными до того места, где спрыгнули. Затем разыскал знакомый ресторан и с облегчением уселся за столик. Оставалось надеяться, что Бибз не забыла это местечко и у нее хватит ума прийти сюда.

Я снял и бросил на стол шляпу. И тут как будто раскаленный обруч сдавил мне горло.

— Предатель! — прошипела мне на ухо Бибз.

Я хрипел и хватал руками воздух. Неужели конец?.. Я потерял сознание, а когда пришел в себя, боль исчезла, а проволока упала мне на колени. Пока я растирал шею, Бибз, пододвинув стул, уселась и заглянула в сумку с деньгами.

— А ведь я могла тебя придушить, — сообщила она. — Запросто — до того разозлилась. Решила, что меня оставили в дураках. Но теперь понимаю: ты тогда на месте придумал план. Ладно, считай, что мы квиты — видишь, как меня разукрасили по твоей милости?

Я полюбовался на ее разбитые губы, на синяк под глазом.

— Я же не хотел... — прохрипел я. — Для того и сбил тебя с ног, чтобы не подумали...

— И правильно сделал, иначе меня бы прикончили на месте. Но все-таки, пока я ваялась без чувств, мне намяли бока. Потом все погнались за тобой, а я улизнула. Дождалась темноты, прячась по закоулкам и ненавидя тебя. У меня ведь ни гроша с собой нет. Вообще ничего, кроме фингала. Твое счастье, что я такая отходчивая.

— Спасибо, — буркнул я и единым духом ополовинил кувшин с вином, принесенный официантом. — Это был наш единственный шанс. Пока ты торговалась со старикашкой, я хорошенько рассмотрел его логово.

Лезть туда ночью —дохлый номер. Поэтому я решил забрать денежки сразу, раз уж мы были внутри.

— Грандиозно. Нужно было хоть предупредить.

— Это было невозможно. Мне ничего не оставалось, как только вывести тебя из игры. Сожалею —но это сработало.

Бибз усмехнулась и погладила сумку с монетами.

— Пожалуй, такой куш стоит нескольких ушибов. Ладно, я не сержусь. Пойдем отсюда. Ты сменил костюм, нужно и мне переодеться.

— А потом — в лучший остелиов города.

— Да, с горячей ванной и с хорошей кухней. Вперед!

Вскоре мы нашли остелиов — приземистое здание с номерами, выходящими окнами во двор, — и выбрали самые роскошные апартаменты. На столе нас поджидал кувшин холодного вина — в жизни не пил вкуснее. Слоняясь по комнатам, устланным коврами, я грыз печенье, а Бибз тем временем плескалась в ванне. Наконец она вышла, закутанная в полотенце, пышущая румянцем и голодная как волк. В остелиове не было столовой или ресторана, еду нам принесли прямо в номер. Когда тарелки опустели, я запер входную дверь на засов, потом заново наполнил вином хрустальный кубок Бибз.

— Вот это жизнь! — сказала она, блаженствуя.

— Что верно, то верно, — согласился я, вытягиваясь рядом с ней на подушках. — Ну, теперь вздремнуть чуток, и я снова стану человеком.

Она взглянула на меня прищуренным глазом — второй, подбитый, был и вовсе закрыт — и улыбнулась.

— Все-таки ты удивительный парень, Джимми. Со всем мальчишка, но очень способный. Ты пережил рабство на Спайовенте, а ведь это было не просто. Потом уложил несколько фараонов и сумел обчистить хога.

— Просто повезло.

Ее слова (за исключением «мальчишки») пришлось мне по душе.

— Не думаю. Кроме того, ты меня здорово выручил. Вырвал из цепких лап закона и раздобыл деньги, которые помогут нам смыться отсюда. Пожалуй, надо тебя отблагодарить.

— Не за что. Поможешь мне разыскать Гарта, вот и будем квиты. Давай об этом завтра поговорим, утро вечера мудренее. — Бибз опять улыбнулась.

— Джимми, я хочу отблагодарить тебя иначе.

Как вы думаете, случайно ли в тот миг с нее соскользнуло полотенце? Бибз выглядела просто потрясюще. Вот только подбитый глаз... но это — пустяки.

Как бы вы, читатель, поступили на моем месте?

Думаю, как бы ни поступили — не стали бы рассказывать посторонним...

Извините, но это частное дело двух взрослых людей достигших определенного согласия. Очень тесного согласия. С вашего позволения, на остаток дня я наброшу покров и поставлю в тексте пробел, чтобы деликатно обозначить несколько часов.

Никогда еще солнце — полуденное солнце Стерен-Гвандры — не светило так ярко и не грело так ласково. Переполненный блаженством, я валялся на тахте, жуя какой-то фрукт и запивая вином.

— Я не ослышалась? — спросила Бибз. — Ты решил остаться?

— Ну, что ты! Конечно, я улечу отсюда. Но сначала разыщу Гарта.

— Скорее он сам найдет тебя и прикончит.

— Еще посмотрим, кто кого прикончит.

Она помолчала, склонив набок очаровательную головку, затем кивнула.

— Пожалуй, я бы посмеялась, услышав это от кого-нибудь другого. Но ты слов на ветер не бросаешь. Однако я здесь не останусь, — добавила она со вздохом. — Хватит с меня. Благодаря Гарту я оказалась за решеткой, благодаря тебе — снова на воле. И все, дело закрыто. Правда, ужасно хочется знать, чем все кончится. Будь другом, если останешься жив, пошли мне весточку через профсоюз венианских космонавтов. — Она протянула листок бумаги. — Держи. Здесь все, что я знаю о Гарте.

— Генерал Зеннор, — прочитал я. — Или Зеннар.

— Не знаю, как пишется. Похоже, это его настоящая фамилия и звание — однажды при мне к нему так обратился младший офицер.

— А что такое Мортстерторо?

— Большая военная база. Наверное, самая крупная на острове. Там мы садились и забирали груз. Нас не выпускали из корабля, а за Гартом приезжал огромный, весь в звездах и флажках лимузин. И каждый начальник отдавал ему честь. Он большая шишка, островитяне его высоко ценят. Извини, но мне больше ничего не известно.

— Спасибо, этого достаточно. — Я сложил листок и спрятал его в карман. — Что еще?

— К вечеру, наверное, у нас будут документы. Я скоро улечу. Мне удалось устроиться на корабль, который на несколько месяцев зафрахтован торговой делегацией. Я подкупила матроса, и он сказался больным.

— Когда старт?

— В полночь, — голос Бибз дрогнул.

— Боже! Как скоро...

— Да, Джимми. Я все вижу, потому и расстанусь с тобой. Ни к чему нам крепкие узы.

— О чем ты? Какие узы? Не понимаю.

— Вот и хорошо. Когда поймешь, я уже буду далеко.

Разговор действовал на меня угнетающе. До минувшей ночи мои отношения со слабым полом были... скажем, не такими близкими. Бибз молча смотрела на меня, я же, подавленный и сбитый с толку, не знал, что сказать. Оказывается, я совсем не знаю женщин.

— Ну, мои планы не столь конкретны... — промямлил я, но она прижала к моим губам теплый палец.

— Конкретны, я же вижу. И ради меня ты не станешь их менять. Утром ты твердо знал, чего хочешь.

— Я и сейчас знаю, — кивнул я, пытаюсь придать голосу уверенность. — Ты уже поговорила с кем надо, чтобы меня переправили на Невенкебла?

— Да, и пообещала двойную плату. Если на острове ты исчезнешь с корабля, у старого Грбонджи отберут лицензию. Но он давно мечтает осесть на берегу, и только нужда заставляет его ходить в море.

— Чем он занимается?

— Перевозит фрукты и овощи на остров. Он возьмет тебя матросом. Если в гавани ты сбежишь с судна,

у него отберут лицензию на ввоз товара. Но Грбонджа готов пойти на это ради денег.

— Где мы с ним встретимся?

— Вечером отведу тебя к нему на склад.

— А потом?

— Потом уйду. Ты не голоден?

— Мы же только что позавтракали.

— Я не это имела в виду, — хриплым голосом произнесла Бибз.

Идти по темному городу, где фонари горели только на перекрестках, было довольно боязно. Мы молчали — наверное, просто говорить было не о чем. На поясе у меня висел кинжал, а новая дубинка то и дело стучала по стенам, предупреждая ночных грабителей, что не стоит связываться с вооруженным Джимом диГризом. Наконец мы подошли к складу; на стук моей спутницы кто-то невидимый открыл небольшие ворота в высокой стене и впустил нас. В ноздри ударил сладковатый запах фруктов. В освещенном углу сидел в кресле седой старик с бородой, прикрывавшей чудовищных размеров пузо, которое уютно устроилось на ляжках. Один глаз старика скрывался под повязкой, второй — крошечный как бусинка — пылливо смотрел на меня.

— Это тот самый парень, — сказала ему Бибз.

— Он говорит на эсперанто?

— Не хуже любого местного, — буркнул я.

— Давай деньги, — он протянул пятерню.

— Чтобы ты ушел без него? Ну уж нет. Отвезешь Пловечи — получишь деньги.

— Дай хотя бы взглянуть на них, — глаз-бусинка снова уставился на меня, и я понял, что Пловечи — это я.

Зачерпнув пригоршню монет из сумки, я показал их Грбондже. Старик одобрительно хмыкнул. Сзади потянуло сквозняком, и я резко обернулся.

Ворота закрылись. Бибз ушла.

— Можешь спать здесь, — Грбонджа показал на груду мешков у стены. Утром погрузимся — и в путь.

Он ушел, забрав с собой лампу. Я постоял в темноте, глядя на ворота, потом уселся на мешки, прислонясь к стене и положив дубинку на колени. Делать было нечего, и я задумался о том о сем,

пытаясь разобраться в сумятице чувств и желаний. Наверное, слишком глубоко задумался — когда проснулся, в ворота просачивался солнечный свет. Оказалось, что я лежу, уткнувшись носом в мешок, а дубинка валяется рядом на полу. Я принял сидячее положение, проверил, на месте ли деньги, потянулся и приготовился встретить наступающий день. С большой, надо признаться, неохотой.

Ворота распахнулись настежь. Снаружи шумел окутанный утренним туманом океан. У берега покачивался внушительных размеров парусник. По сходням с него спускался Грбонджа.

— Эй, Пловечи, подсоби-ка моим парням, — распорядился он, проходя мимо меня.

Вслед за ним на склад ввалилась разношерстная команда. Матросы расхватили мешки из ближайшей к выходу кучи. Ни слова из того, что они говорили, я не понимал, но в этом не было нужды. Работа была жаркая, скучная и физически утомительная и заключалась в следующем: я переносил мешок из склада на корабль и возвращался за следующим. В мешках были овощи, и от их едкого запаха у меня слезились глаза. Лишь переправив на судно все овощи, мы улеглись на землю в тени, возле кадки со слабым пивом. Схватив одну из грязных деревянных кружек, привязанных к ней бечевкой, я дважды наполнил и осушил ее.

Вскоре подошел Грбонджа и велел собираться. Моряки убрали сходни, отвязали швартовы и стали поднимать парус. Я старался не мешать им — стоял у борта, играя дубинкой. В конце концов Грбонджа осерчал и велел мне убираться в каюту. Но не успел я отворить дверь, а он — тут как тут.

— Ну, теперь давай деньги, — потребовал старик.

— Не спеши, дедуля. Заплачу, сходя на берег, как договаривались.

— Только не на глазах у моих ребят. Ни к чему им видеть это.

— Не бойся. Сделаем так: ты будешь стоять у трапа, а я натолкнусь на тебя, будто ненароком, и незаметно суну кошелек тебе за пояс. И все, хватит об этом. Лучше расскажи, что ждет меня на острове.

— Беда! — захныкал он, запуская в бороду пальцы. — Зря я с тобой связался. Тебя поймают и прикончат, да и мне...

— Ну-ну, успокойся. Взгляни-ка вот на это. — Я поднес мешочек с деньгами к лучу света, падающему сквозь иллюминатор, и встряхнул. — Здесь все: заслуженный отдых, домик в сельской местности, ежедневно — баррель пива, блюдо свиных отбивных и великое множество прочих радостей.

Звон денег обладает великолепным успокаивающим свойством. Когда у Грбонджи перестали дрожать руки, я вконец его осчастливил, дав ему пригоршню монет.

— Задаток в знак нашей дружбы. А сейчас подумай-ка вот о чем. Поймают меня на берегу или нет, зависит от того, много ли я буду знать. Поэтому чем основательнее ты подготовишь меня к тому, что я увижу на острове, тем больше шансов, что сам не пострадаешь. Ну, давай, рассказывай.

— Да я о нем почти ничего не знаю. Ну, причалы там, склады. За складами рынок. Все это обнесено высокой стеной. За нее нас не пускают.

— А ворота есть?

— Есть, и довольно большие, но они охраняются.

— А рынок большой?

— Громадный. Как-никак, центр торговли целой страны. Он тянется вдоль побережья на много мильдириов.

— А мильдириов — это сколько?

— Мильдир. Мильдириов — это во множественном числе. В одном мильдире семьдесят латов.

— Ну, спасибо. Придется самому посмотреть.

Сопя и ворча, Грбонджа поднял крышку люка и исчез в трюме — отправился, видимо, прятать деньги. Мне не сиделось в каюте, и я поднялся на палубу. Чтобы не путаться под ногами матросов, прошел на нос. Туман рассеялся, передо мной расстилась безмятежная синь. Судно приближалось к огромной полуразрушенной башне, торчавшей из воды. Я сразу понял, что ее построили еще в ТЕ годы.

Чтобы увидеть верхушку, пришлось запрокинуть голову. Башню венчал обломок моста, искореженные рельсы окунались в воду. Отовсюду выпирало ржавое

железо, покачивались обрывки толстенных тросов. Я ужаснулся, представив катастрофу, разрушившую мост.

А может быть, это все не катастрофа? Может быть, правители Невенкебла взорвали мост, чтобы отрезать остров от континента, погрязшего в варварстве? Вполне возможно. И если им присуща подобная гибкость ума, мне совсем не просто будет проникнуть на остров. Но прежде, чем я успел встревожиться на этот счет, появилась более непосредственная угроза.

Прямо на нас, грохоча двигателями, несло длинное, серое, ошетиненное пушками судно. Оно затормозило перед нашим носом и остановилось справа от нас; от волны, поднятой им, наш кораблик закачался и захлопал парусами.

Я старался не обращать внимания на хищный прицел смертоносных орудий, любое из которых могло в мгновение ока разнести наше судно в щепки. Но о чем беспокоиться? Мы — мирные торговцы, закон не нарушаем, верно?

Очевидно, капитан канонерки думал примерно так же. Оскорбительно ревя гудком, судно развернулось и помчалось прочь. Когда оно удалилось на порядочное расстояние, один из наших матросов погрозил ему вслед кулаком и выкрикнул что-то неразборчивое.

Впереди рос остров Невенкебла — утесы и зеленые холмы, многоэтажные дома над круглой бухтой, за ними — фабричные корпуса, терриконы и дымящиеся трубы. Часть бухты отгорожена извилистой каменной стеной, по краям стены — форты с огромными орудийными стволами, торчащими из бойниц. Я кожей чувствовал подозрительные взгляды артиллеристов, видел, как медленно движутся нацеленные на нас жерла. Эти парни шутить не любят.

— Спокойно, Джимми! — бодро сказал я себе, крутя над головой дубинку. — Ты еще покажешь этим салагам, где раки зимуют. Куда им тягаться с Джимми диГризом!

Это была бы геройская фраза, не пусти я петуха.

Глава 5

— Спустить паруса, — заревел динамик. — Принять буксирный трос!

Тарахтя двигателями, к нам подрулил мощный буксир. Грбонджа торопливо переводил приказы своему экипажу. Матросы-островитяне знали свое дело: мы не успели еще убрать парус, а нас уже тащили к пристани, где толпился народ. Бухта была забита судами, погрузка-разгрузка шла полным ходом. Мы направились к свободному доку.

— Кого тут только нет, — сказал мне Грбонджа. — Вон та лоханка — из Пенпилика, та — из Грампаунда, та — из Прац-ан-Библя. Далеконько забрались, ничего не скажешь. Давай-ка денежки, а то на берегу опасно будет.

— Нет, папаша. Придется потерпеть. Уговор дороже денег.

От волнения его аж пот прошиб. Не отрывая глаз от приближающегося берега, Грбонджа пробубнил:

— Я сойду первым, поговорю с таможенником. Он соберет наши документы и взамен выдаст специальные значки для работы в порту. Тут и заплатишь, ладно?

— Ладно, только не потей. Думай о чем-нибудь приятном — о домике с садом, например.

Мы пришвартовались под присмотром двух вооруженных стражников, с помощью паровой лебедки спустили трап. Грбонджа сошел на пристань. «А вдруг выдаст? — мелькнула у меня в голове паническая мысль. — Может, надо было заплатить вперед?»

Через несколько минут (мне они показались столетиями) Грбонджа вернулся на судно, чтобы дать представления команде. Пока он орал на матросов, я побывал в каюте. Дубинку пришлось оставить, зато я спрятал за пазуху кинжал, отмычку и кошелек с частью денег, которые решил приберечь. Ну вот, все готово. Я возвратился на палубу. Ребята уже таскали мешки; с ношей на плечах я сошел на пристань. Каждый из сходящих держал в руке документы; офицер у трапа складывал их в коробку, а матросам прикалывал на рубахи бирки. Похоже, ему давным-давно наскучила работа таможенника. Приближаясь к офицеру с документом в протянутой руке, я старался ничем не выдать страха.

— Следующий! — рявкнул он, зверски уколос меня значком. Я дернулся всем телом и едва не выругался, а он с улыбочкой садиста толкнул меня в спину и буркнул:

— Шевелись, дубина. Следующий!

Наконец-то я на берегу и, слава Богу, пока ни в чем не заподозрен. Вслед за согнувшимся под тяжестью мешка матросом я вошел в сумрак склада. Там у растущей горы фруктов стоял Грбонджа.

— Деньги! Давай! — прохрипел он, отведя меня в сторону. Получив плату, Грбонджа с облегчением вздохнул.

Я оглянулся — кругом бетон и стальные стены — и поплелся за матросом к трапу. Таща третий мешок, я был близок к отчаянию. Еще несколько ходок, и выгружать будет нечего. Ведь не для того я заплатил кучу денег, чтобы пройти под парусом да размять мускулы.

Как же выбраться из порта? Вот беда — даже спрятаться негде, все просматривается. Островитяне, по всему видать, не жалуют незваных гостей. Я решил, что необходимо посидеть и спокойно подумать.

— Вели сделать перерыв на кружку пива, — шепнул я Грбондже, поравнявшись с ним у трапа. Офицер-

таможенник ушел, но двое стражников остались и не спускали с нас глаз.

— Да ты что! Мы тут всегда без передышки вкалываем.

— А сегодня будет передышка. Ну, чего ждешь? Хочешь, чтобы я рассказал о нашей сделке охранникам?

Грбонджа застонал, но не стал упрямиться.

— Шабаш, ребята! Пивком освежимся.

Понятное дело, ребята не стали выяснять, какая муха его укусила. Радостно вопя, они столпились вокруг бадейки. Глотнув кислятины, я отошел и уселся возле трапа на планшир. Посмотрел вниз — и увидел полосу воды между промежуточными опорами.

Вот он, мой единственный шанс. Стоявший рядом со мной охранник отошел. Грбонджа стоял спиной ко мне, матросов интересовало только пиво. Похоже, они чего-то не поделили — кто-то завелся, кому-то даже дали по зубам. Короче говоря, всем было не до меня.

Я сбросил в воду лежащий на пристани канат и стал по нему спускаться. Коснувшись пятками воды, достал кинжал, полоснул по канату над головой и бесшумно погрузился в воду.

Когда я добрался до ближайшей опоры, сколоченной из бревен и досок и покрытой водорослями, наверху забила крыльями и с клекотом умчалась прочь какая-то птица. Вокруг меня пузырилась темная вода; под пристанью ужасно воняло. Я уже почти жалел, что не остался с матросами.

— Выше голову, Джим, и не теряй времени. Когда охранники хватятся тебя, они первым делом заглянут сюда.

И я поплыл — правда, недалеко. Вскоре путь перегородила деревянная стена, точнее, борт парусного судна.

Неужели придется отступить? Но отступать куда — солдаты схватят меня, как только я вскарабкаюсь на пристань. Что же делать?

— Думай, Джим, — сказал я себе, — ищи выход. Вряд ли судно достает килем до дна. Может, нырнуть?

Хо-хо! Не так-то это просто, — переправиться на ту сторону. Сбросив ботинки, я вдохнул полной

грудью и... не решился погрузиться. Страх перед пучиной заставлял меня снова и снова хватать ртом воздух. Вскоре от избытка кислорода в крови закружилась голова. Я собрал волю в кулак и ушел под воду. Темнота. Стук в висках. Боже, я задохнусь. Так и останусь под водой на веки вечные. Я плыл, касаясь ладонью днища корабля, обдирая кожу об острые ракушки. Все глубже, глубже... Вот он, киль, наконец-то. Теперь — вверх. Не выдержу. Какой огромный парусник. В легких нестерпимое пламя, но тут наконец над головой появляется свет. Великого труда стоило не хрипеть, хватая ртом живительный, пьянящий воздух.

Отдышавшись, я поднял голову и увидел судно у причала напротив. У борта лицом ко мне стоял матрос.

Я поспешно нырнул и добрался под водой до парусника. Собравшись с силами, повторил свой подвиг — проплыл под килем.

Когда я уже выныривал, голова застряла между бортом и торцом опоры, и я едва не спятил со страха. К счастью, сумел высвободиться, в кровь разодрав затылок. На сей раз зловонный воздух над пристанью показался мне восхитительным.

Так начался один из самых утомительных дней в моей жизни. Эти два парусника были первыми в длинном ряду судов, под которыми мне пришлось проплыть. Поначалу я осматривал каждый причал снизу, но вскоре бросил это занятие — они все были одинаковы и разделялись между собой стенами. Некоторые суда уже разгрузились и ушли — в непрерывном строю судов появились просветы. Оставалось глубоко вздохнуть и нырять — чтобы достичь следующего судна незамеченным. К полудню я добрался до последнего причала.

Начался отлив, палубы судов опустились ниже настила пристани. К тому времени я ужасно устал, но набрался опыта в подводном плавании. Еще один глубокий вдох, еще одно погружение — и вот я вынырываю возле руля последнего судна.

Впереди — длинная стена из каменных блоков.

— Что скажешь, Джим? — спросил я себя. — Какие будут предложения? — Шло время, но ничего пут-

ного не приходило мне в голову. — *Не отчаивайся. Думай.*

Как тут не отчаяться. Возвращаться — бессмысленно и опасно. Укрыться под одним из причалов? Это нетрудно, но доки обязательно обыщут, когда обнаружат пропажу. Подняться на пристань? Это уж совсем ни к чему. На складах не спрячешься, там полно охраны.

— Поверти проблему в голове, — советовал в таких случаях Слон.

В чем, собственно, проблема? В том, чтобы уйти от солдат. Ведь они, возможно, уже ищут меня. Но не могу же я прятаться в бухте вечно? Следовательно, нужно идти к солдатам. Рискованно? Еще бы. Но, с другой стороны, кому придет в голову искать среди своих?

Куда плыть? Ну конечно, к форту, которым кончается стена.

— Самый безумный шаг в твоей жизни, — укорял я себя, снова обводя взглядом стену.

Над моей головой перекликались, с грохотом топали по палубе матросы. Судно, похоже, скоро отчалит — где тогда, спрашивается, прятаться?

Под стеной, правда, плавают мусор, дерутся из-за отбросов птицы. Но пока я туда доплыву, кто-нибудь наверняка меня заметит...

Наверху закрипели снасти. Матросы ставили парус. Значит, надо срочно что-то делать. А надо ли?

Буксир не появлялся. Может быть, суда буксируют только в порт? А обратно они выбирают сами? Так и есть. Я выглянул из-за руля и увидел, как два грузовых судна выходят из бухты. Сверху, в растущий просвет хлынули солнечные лучи.

И тут руль едва не вырвался из моих рук.

Я ухватился покрепче и поспешил окунуться с головой, пока меня не заметили. Когда терпеть стало невозможно, приподнял голову и чуть не закашлялся от пены, попавшей в горло. Корабль быстро уходил. На краю пристани спиной ко мне стоял охранник.

Дальше было намного легче. Волны прижимали меня к баллеру. Я спокойно дышал, выставив над водой голову, зная, что меня никто не заметит ни с берега, ни

с палубы. Мы дважды меняли галс, и каждый раз мне приходилось перебираться по другую сторону руля, чтобы не быть замеченным с форта.

А форт приближался. Около него судно снова повернет, и я окажусь возле самой стены. Я терпеливо ждал, пока корма парусника приблизится к форту, чтобы нырнуть в последний раз.

Усталость уже брала свое. Но это у меня последний заплыв на сегодня, надо постараться. Впереди была заросшая водорослями стена мола, его конец упирался в открытый океан. Прилив уже был достаточно силен, я боролся с течением, стараясь подобраться ближе к стене, где его сила была не так велика.

Цепляясь за щели и упираясь ногами в камень, когда била волна, я двинулся вдоль стены и мало-помалу достиг того места, где над водой нависали орудийные стволы. Что теперь? Может рискнуть и взобраться на крышу? Вся морская гладь в симпатичных пятнышках яхт и прогулочных яликов, но они далеко, а щели между каменными блоками кое-где достаточно широки, чтобы просунуть пальцы.

И я рискнул. Непросто карабкаться по отвесной стене, но у меня не было выбора. Дюйм за дюймом я поднимался все выше и наконец остановился между двумя амбразурами. Собираясь с силами, я приник к стене, из которой торчали, поблескивая, два жутких ствола. В десяти метрах под ногами о камень бились волны. Пока ни один парусник или ялик не приблизился к форту, но сколько это продлится?

— Дай-ка, Джим, огоньку.

От неожиданности я едва не сорвался. На меня пахло сигарным дымом. «Из амбразуры», — догадался я. Никто из орудийной прислуги не мог меня видеть, то, что здесь прозвучало мое имя, — случайность. Артиллеристы совсем рядом, они курят на боевом посту, что вряд ли поощряется начальством, и любят океаном. Я затаил дыхание, целиком обратясь в слух.

— Знаешь, дружище, этот новый капитан меня достал.

— Да, я тоже впервые вижу такого гада. Может яду ему в кофе сыпануть?

— Свихнулся? Говорят, в одном полку за такое каждого десятого поставили к стенке.

— Да ты что, старик? Это же самый обычный старый шакал. Самые что ни на есть шакалы слухи. Как траханье — все про него говорят, но никто им толком не занимался...

— Тихо. Капитан идет!

В море упал окурок, послышались удаляющиеся шаги. Я полез наверх, перекатился на плоскую крышу форта. Морская птица недовольно уставилась на меня одним глазом, противно заорала и упорхнула. Я улегся в центре нагретой солнцем, загаженной пометом крыши; отсюда видны были только небо и вершина далекого холма. Меня могли заметить с воздуха, но не стоило особенно беспокоиться по этому поводу — за весь день я увидел только один самолет, пролетевший вдалеке. Я закрыл глаза и неожиданно уснул.

Проснулся я от холода — солнце скрылось за тучей, а одежда еще не успела высохнуть. Зато меня, похоже, до сих пор не обнаружили. День клонился к закату, и я решил дожидаться темноты на крыше. Очень хотелось есть, но с этим можно было и подождать.

Сумерки сгустились не скоро. Я то и дело облизывал пересохшие губы, стараясь не замечать урчания в животе и утешая себя мыслью, что рано или поздно солнце все равно зайдет.

Понемногу стемнело, заблестели звезды, в порту засветились прожектора. Я подкрался к краю крыши и поглядел вниз. Там вспыхивали и гасли фонарики, слышались хриплые крики командиров, строились в шеренги солдаты. Вскоре одно отделение вошло в крепостные ворота, другое двинулось по широкой как проспект стене и постепенно скрылось из виду.

А потом погасли все огни.

Я лежал, глядя в крошечную мглу и не веря своему счастью. Неужели свет погасили специально для того, чтобы я мог незамеченным проникнуть в город? Конечно, нет. Просто внизу стоят часовые, и начальство не желает, чтобы прожектора слепили их. Разумно, друзья мои, разумно.

Я смотрел на гавань, слабо освещенную звездами, и тщательно прорабатывал маршрут. Потом бесшумно

спустился на известняковые плиты плаца. Ворота в стене форта были закрыты, и я на цыпочках затрусил прочь от них. Слева смутно виднелись яхты и весельные лодки, кое-где в каютах яхт горел свет. Слышался приглушенный смех. Каменные плиты приятно холодили ступни. На душе у меня полегчало, и я поймал себя на том, что насвистываю веселый мотивчик.

Затем я наткнулся на проволочную сетку, натянутую поперек стены, и тут же повсюду — над головой, позади, впереди — вспыхнул свет. Прожектора осветили металлическую сеть и в ней — запертую калитку.

Глава 6

Отпрянув от сетки, я затравленно огляделся, затем распластался на стене и стал ждать судьбы.

Но все было тихо. Прожектора сразу погасли, никто не выбежал из форта ловить ночного нарушителя. Правда, с той стороны, куда я направлялся, ко мне приближалось несколько огоньков. Патруль.

Неужели меня заметили? Или, когда я наткнулся на сеть, сработала сигнализация? В любом случае, надо побыстрее отсюда убираться. Я подполз к той стороне стены, что смотрела на океан, и, цепляясь за выступы на камнях, спустился к воде. Холодные брызги хлестали по ногам, смотреть на черную гладь океана, кажущегося бездонным, было жутко, но когда сапоги солдат забухали громче, я все-таки соскользнул в воду.

Когда солдаты подошли к сетке, я успел отплыть довольно далеко и готов был погрузиться с головой, если кто-нибудь посветит в мою сторону.

Нет, обошлось. Они отворили калитку, прошли в нее, заперев за собой, двинулись к форту. А я поплыл к берегу.

Что дальше? Огни набережной постепенно приближались, равно как и мои проблемы. Как выбраться в город босым, промокшим и незамеченным? Это будет

очень непросто. Черная тень заслонила огни. Какая-то посудина. А может, это спасение?

Я медленно продвигался между яхтами, стоявшими на якорях. Кое-где в каютах горел свет, другие яхты были темны и безмолвны. Может быть, их хозяева улеглись спать? Вряд ли, рановато еще. Наверное, отправились на берег поразвлечься.

Впереди на фоне темного неба возникла тонкая мачта. Парусная лодка, жаль — маловата. Я плыл, пока не наткнулся на судно покрупнее, без мачт. На правом борту оказался неубранный трап; по нему я и вскарабкался на палубу, а затем пробрался на мостик. В свете звезд и береговых фонарей виднелись штурвал, сиденья и дверь, которая, возможно, вела в каюту. Я взялся за ручку, нажал — не поддается.

— Хорошая новость, Джим. Если дверь заперта — значит, за ней что-то ценное. Ну-ка, поглядим.

Опытному взломщику темнота не помеха, да и замок оказался совсем простенький. Свет в каюте я включать не стал, но все катера имеют много общего, и сориентироваться на ощупь не составило труда. В носовой части я обнаружил койки, под ними — сундуки, над койками — полки. Хорошенько обшарив каюту и наставив себе уйму шишек, я сложил добычу в одеяло и, вытащив на палубу, стал разбирать.

Предмет, на ощупь принятый за бутылку с завинчивающимся колпачком, таковой и оказался. Отвинтив колпачок, я понюхал содержимое. Потом макнул в горлышко палец, лизнул. Приторное вино. Не в моем вкусе, но после обильного возлияния морской водой оно показалось божественным нектаром. В жестяной коробке я обнаружил не то печенье, не то галеты, настолько твердые, что едва не сломал о них зубы. Облитые вином, они слегка размякли, и я слопал их с волчьим аппетитом. После этого мне значительно легче стало.

Я занялся изучением остальных трофеев: книг, коробок разной величины и форм, одежды. Сорочку из прозрачной ткани я сразу отбросил, потом отобрал вещи, которые, вроде бы, не предназначались для прекрасного пола, и стал по очереди примерять их — не простое дело для чужестранца, не имеющего поня-

тия о туземных фасонах. Брюки оказались слишком велики, но не беда — я подпоясался веревочкой. Рубашка сидела на мне куда лучше, а куртка пришлась впору, если еешили с тем расчетом, чтобы полы прикрывали колени. Чтобы сапоги не спадали, я обмотал ступни тряпками. Потом снова облачился в мокрую одежду, а обновку затолкал в коробку из-под печенья, которую обернул куском синтетической ткани, показавшейся мне водонепроницаемой.

Похолодало, пора двигаться. Я был совершенно измотан и очень хотел спать. Но спать не придется. Я допил вино, пустую бутылку и оставшиеся вещи отнес в каюту и запер дверь.

Затем привязал к голове сверток и спустился в воду.

На берегу не было видно ни души. Стуча зубами от холода, я сорвал с себя и закопал в песке одежду, быстро переоделся в сухое, мешок с пожитками затолкал за пояс, а кинжал сунул за голенище.

Хотелось найти укромное местечко и вздремнуть — но это было невозможно. Здешние парни серьезно относятся к своей безопасности, и береговая линия — это первая линия обороны. Надо выбираться в город.

Чуть подальше от берега горели огни, звучали оживленные голоса. Вверх по пологому склону к асфальтированной улице вела лесенка. Я стал крадучись подниматься, но спрыгнул на песок, едва заметив неподалеку двух вооруженных людей в военной форме. Сосчитав до двухсот, я поднял голову и огляделся. Патрульные ушли, лишь несколько пешеходов прогуливались вдоль берега. Я поднялся на тротуар и неторопливо побрел мимо домов с растворенными окнами и распахнутыми дверьми, и уличных фонарей. Вскоре я увидел бар с вывеской: «ЗАХОДИТЕ К НАМ, ЗАСРАНЦЫ, ЖДУТ ВАС ВЫПИВКА И ТАНЦЫ». Ну, разве можно пройти мимо, прочитав такое? Не колеблясь, я толкнул дверь и вошел.

Да, кабак — он в любом уголке Вселенной кабак. У всех у них одна форма, одна функция. Функция: располагать людей к опустошению сосудов со спиртным. Форма: стулья (чтобы на них сидели люди), столы (чтобы на них стояли сосуды). Я придвинул стул к свободному столику и уселся.

Посетителям было наплевать на меня, как и мне на них. Не обращая внимания на возгласы хамоватых юнцов, ловко уворачиваясь от щипков и шлепков, ко мне подошла пухленькая официантка в короткой юбочке.

— Чего изволите? — спросила она, презрительно глядя на юнцов, которые со смехом подняли в ее честь кружки с пивом.

— Пива.

Оно оказалось холодным и резким — как раз то, что нужно. Я рассыпал на столе несколько монет, официантка взяла две или три и отошла к стойке. Я окунул нос в пену, но тут в бар вошел человек и быстро направился к юнцам.

— Поркакодж! — хрипло воскликнул он. Услышав это, двое парней вскочили и выбежали из бара.

Я поставил кружку, сгреб со стола деньги и вышел на улицу. Я встревожился, и неспроста: поркакодж — это «грязные свиньи» в переводе с эсперанто. Никаких свиней поблизости не было, и я знал, что скотина здесь совершенно ни при чем. Просто во всей Вселенной так зовут полицейских. Мальчишки испугались, значит, и мне надо поостеречься. Внезапно взревела сирена, улицу осветил мигающий свет. Парни шарахнулись обратно в бар. Я поспешил за ними. Они пробежали по коридору.

Когда я добрался до двери, она уже захлопнулась. Я взялся за ручку, но тут снаружи заревела сирена, и в щель между дверью и косяком хлынул свет мигалки.

— Что я вижу?! — насмешливо протянул сиплый голос. — Мальчики пытаются убежать через черный ход! А ну-ка, сынки, предъявите документы офицеру патруля!

— Но ведь мы ничего плохого не сделали!

— Хорошего тоже. Документы, кому говорю!

Я ждал, не дыша, и изо всех сил надеялся, что «грязная свинья», которая наверняка стоит у парадной, не войдет в бар. Хриплый патрульный тем временем потешался:

— Да они же просроченные! Так-так, ребятки. Выходит, уклоняетесь от призыва?

— Что вы! Это писарь ошибся, — прохныкал один из юнцов.

— Что-то часто они стали ошибаться. А ну, пошли!

Шаги стихли за дверью, машина, ревя сиреной, умчалась.

Я вышел из бара и почти бегом двинулся по сумрачной аллее. Потом остановился. Куда я спешу? Бар, в котором только что побывала полиция — самое безопасное место в городе. Остановившись в темном подъезде соседнего здания, я понаблюдал за парадной бара. Никто не выходил. Я сосчитал до трехсот, потом, на всякий случай, от трехсот до нуля. Дверь оставалась закрытой. Готовый в любую секунду обратиться в бегство, я подошел к бару и заглянул в окно. Полиции нет, зато есть светлая мысль.

Четверо парней, когда я вошел, посмотрели в мою сторону. Мрачно покачав головой, я проворчал:

— Все. Сцапали их поркакодж.

— Говорил я Билу — заведи себе новую ксиву, — сказал блондин, предупредивший о визите полицейских. Он хрустнул пальцами и взял кружку с пивом. — Что-что, а ксива должна быть в порядке.

— А моя просрочена, — хмуро сообщил я и помахал официантке.

— Видать, ты из Пенсильдельфии, — заметил конопатый юнец в зелено-золотых штанах.

— С чего ты взял? — буркнул я.

Конопатый фыркнул.

— А акцент? Где еще так говорят?

Я тоже фыркнул. Чем дальше в лес — тем больше дров. Выходит, я автоматически попадаю под закон о мобилизации. Очень мило. Я снова спрятал нос в кружке.

— Ты лучше не рискуй, заведи новую ксиву, — участливо посоветовал блондин.

— Легко сказать. Знаешь, как строго с этим в Пенсильдельфии?

— У нас с этим тоже непросто. Везде нужны связи. Я встал.

— Ладно, мне пора. Счастливо, ребята.

Прежде чем выйти, я выглянул в коридор, убедился, что поблизости нет патрульных. Потом остановился у крыльца. Почти тотчас же появился блондин.

— Разумно. Чем меньше народу будет знать о твоих проблемах, тем лучше. Меня зовут Жак.

— А меня — Джим.

— Ничего, имя как имя. Сколько ты намерен заплатить?

— Немного. Больно уж год неудачный выдался.

— За три куска сахара могу свести тебя с кем нужно. Он запросит двадцать.

— Ксива тянет не больше десяти. Тебе — полтора.

— Хо, а вы, пенсильдольфские, не такие олухи, как говорят. Ладно, давай сахар и пошли.

Я заплатил Жаку его долю. Как только он повернулся, кончик кинжала слегка уколол ему кожу под ухом. Он застыл как вкопанный. Подержав у него перед глазами лезвие с капелькой крови, я сказал:

— Просто предупреждение. Эти свиньи ждут-не дождутся, когда ты кого-нибудь сдашь. Но это не моя забота. Меня заботит моя шкура. Я чувствую, ты работаешь на два фронта. Советую тебе поработать в этот раз на меня, или я тебя пришью. Понял?

— Понял... — пролепетал он.

Я спрятал кинжал и хлопнул блондина по спине.

— Жак, ты мне нравишься. Схватываешь на лету.

Мы шли молча, надеюсь, он правильно все понял. Когда мне угрожают, я всегда все делаю наоборот. Но опыт показал, что по отношению к мелким преступникам угрозы срабатывают. Время от времени.

По пути нам попало несколько баров, и Жак в каждый из них заглянул. В пятом заплатил за вход и махнул мне, чтобы я следовал за ним. Там было темно и накурено, со всех сторон звучала лязгающая музыка. Жак провел меня в альков, где музыка звучала тише, во всяком случае, была менее крикливой, чем расцветка полосатого костюма на сидящем там толстяке. Откинувшись на спинку грубого деревянного кресла, он потягивал из бокала ядовитую на вид жидкость.

— Привет, Капитан, — сказал мой провожатый.

— Выкладывай, Жак, в чем дело, и проваливай.

— Капитан, не смей так говорить даже в шутку. Я по делу пришел, можно сказать, подарок тебе принес. Этому корешу нужна новая ксива, не то его заберут в армию.

В меня впились крошечные глазки толстяка.

— Жак сказал, полтора — ему, десять — тебе. Он уже свое получил.

— Вечно он путает. Двадцать, и точка. А коммиссионные я сам ему выплачу.

— Ладно, черт с тобой.

Я отдал деньги. Он тут же достал из кармана пластиковые корочки с фотографией паренька, которому никак нельзя было дать моего возраста. Год рождения, указанный рядом с фотографией, тоже не совпадал с моим.

— Но ему же всего пятнадцать! — возмутился я.

— Ничего, у тебя тоже мордашка, как у младенчика. Сойдет. Или сбрось несколько годков — или иди в армию.

— Ладно, беру. Я уже чувствую, что помолодел. Спасибо за помощь.

— Всегда к твоим услугам. Во всяком случае, пока у тебя есть сахар.

Я вышел из бара, перебежал улицу и юркнул в темную подворотню. Жак не заставил себя ждать. Несколько минут я бесшумно шагал за ним, потом стал догонять. Ощутив затылком мое дыхание, он резко обернулся.

— Это я. Не пугайся, Жак. Просто хотел тебя поблагодарить.

— А-а! Да брось ты, не за что, — промямлил он, испуганно обшаривая глазами пустынную улицу.

— Жак, окажи мне еще одну услугу. Дай мне взглянуть на твою ксиву. Хочу убедиться, что Капитан меня не надул.

— Что ты! Он не такой!

— Верю, но все-таки хочу взглянуть. — В свете фонаря блеснул мой кинжал. Жак мгновенно выхватил из кармана и протянул корочки, очень похожие на мои. Я раскрыл их, повернул к свету, затем закрыл и отдал Жаку. Но он оказался подозрительным.

— Это не моя ксива! — пролепетал он, взглянув в удостоверение. — Это твоя!

— Верно. Я решил с тобой поменяться. Ты же сказал, что моя ксива — годная, вот и бери ее себе.

Я повернулся и пошел прочь. Шум прибоя и возмущенные вопли Жака постепенно стихли за спиной. Я был очень доволен собой. Если Капитан меня не надул — Жак ничего не теряет. Если надул — тем хуже для Жака. Соломоново решение.

Чем дальше на берег — тем выше здания, чище улицы, ярче фонари. И тем сильнее меня одолевала усталость. Я не удержался от искушения войти в первый же бар. Бархатные гардины, свет, не режущий глаз, кожаные кресла, миловидная официантка. Она равнодушно поставила передо мной пиво, но получив щедрые чаевые, стала куда как любезнее.

Но отдохнуть, потягивая пиво и заигрывая с официанткой, мне не удалось. Очень уж много «грязных свиней» шастало по этому городу, причем всегда по двое. Когда парочка этих несимпатичных зверушек ввалилась в бар, сердце мое ушло в пятки. «Чего ты боишься? — укорил я себя. — У тебя же отменная ксива!»

Полицейские обошли зал, проверяя у посетителей документы, и наконец остановились возле моего столика.

— Добрый вечер, начальнички, — ухмыльнулся я.

— Нечего зубы скалить! Показывай!

Я протянул корочки. У того, кто в них заглянул, аж ноздри раздулись от радости.

— Ты только погляди на этого орла! — толкнул он локтем напарника. — Это же сам Жак-Шутник! Каким ветром тебя занесло в наш район, дружище! Ну, теперь все.

— Это свободная страна.

— Не для тебя, Жак. Мы знаем, что у тебя договор с портовой полицией. Вот и сидел бы там спокойно, капал бы на своих друзей. Но ты выполз из своей норы.

— Да что вы, ребята! — сказал я с дрожью в голосе. — Я сейчас же вернусь.

— Поздно! — хором заявили патрульные, защелкивая браслеты на моих запястьях.

— Слишком поздно, — добавил тот, у которого раздувались ноздри. — Все, Жак. Ты теперь в армии. Береговая полиция тебе не поможет.

«Перестарался, — с горечью подумал я, выходя из бара в сопровождении полицейских. — Похоже, с этой минуты начинается моя головокружительная военная карьера...»

Глава 7

Мне отвели тесную камеру с жесткой койкой, но я не стал скандалить. После напряженного дня нужен был только сон. Должно быть, я захрапел, не успев коснуться головой грязной подушки. Спал я как убитый, а разбудил меня луч света, проникший сквозь крошечное зарешеченное окно.

— Знаешь, а ведь могло быть хуже, — попытался я себя приободрить. И тут же мрачно возразил: — Куда уж хуже!

Мой живот заурчал, требуя еды и питья, и мне стало совсем грустно.

— Плакса! — обругал я себя. — Вспомни, что ты уже перенес. Не горюй. Пока у тебя отобрали только кинжал, зато остались деньги, ксива и...

«... И отмычка», — добавил я мысленно. Присутствие этого маленького инструмента согревало душу. Появилась надежда на побег.

— Есть хочу! — завопил молодой человек в соседней камере и принялся трясти решетчатую дверь.

— Дайте пожрать. Мы ведь не преступники! — подхватил другой.

— Мне мамочка всегда подавала завтрак в постель... — Последняя фраза не вызвала у меня сочув-

ствия, но идея насчет завтрака пришлась по сердцу. Я тоже заорал что было сил.

— Ладно, ладно, заткнитесь, — раздался грубый голос. — Жратву уже несут, хотя будь моя воля — я бы вам показал, как уклоняться от призыва!

— Черт бы тебя побрал, сержант. Что-то я не замечал в армии твоей толстой задницы.

Я отыскал взглядом того, кто это произнес. Парень держался чуть смелей, чем остальные нытики.

Ждать пришлось недолго, хотя вряд ли стоило это делать. Обычный суп с лапшой и сладкой красной фасолью — не самое подходящее блюдо для завтрака, на мой взгляд. «Любопытно, — подумал я, — что нам предложат на ужин?»

Времени для раздумий на подобные темы была бездна. После кормежки никто в нашем зверинце больше не появлялся. Глядя в потрескавшийся потолок, я помаленьку пришел к выводу, что моя злая фортуна на самом деле не так уж зла. Ведь я — живой и здоровый — попал-таки на Невенкебла! Впереди — многообещающая карьера. Осмотрюсь хорошенько, узнаю, кто тут чем дышит, — глядишь и найду дорожку к генералу Зеннору или как его там. Ведь он — в армии, и я скоро там окажусь, выходит, это удача, что меня загребли. К тому же у меня есть отмычка. Когда придет время, возьму и исчезну. Да и не так уж плохо в армии, в конце концов. Ведь я был солдатом на Спайовенте, не впервой.

До чего же здорово мы умеем пудрить себе мозги!

В середине дня, когда мои товарищи по несчастью снова проголодались и подняли галдеж, залязгали и отворились двери. Вопли утихли: нас, дюжину унылых парней примерно одного возраста, сковали сначала попарно, рука к руке, а потом длинной цепью вместе. Впереди ждала неизвестность.

Оступаясь, натыкаясь друг на друга и переругиваясь, мы вышли на тюремный двор и забрались в оборудованный решетками кузов грузовика. Машина сразу выкатила на людную городскую улицу. Я заметил, что одежда прохожих не такая, как на материке, автомобили — необычной формы, но с первого взгляда стало

ясно, что технический прогресс шагнул здесь довольно далеко.

Так и есть: островитяне сознательно отрезали себя от мира. Разумно, хоть и эгоистично.

Закоренелым преступникам вроде нас даже скамеек в кузове не полагалось. Мы стояли, вцепившись в прутья решеток, и на поворотах валились друг на дружку.

Худощавый темноволосый парень, прикованный к моему запястью, тяжело вздохнул и спросил:

— Давно ты в бегах?

— Всю жизнь.

— Ха, смешно. А я — полгода. Шесть коротеньких месячишек. Ну, теперь — конец.

— Так-таки и конец? Мы же не помирать, а служить идем.

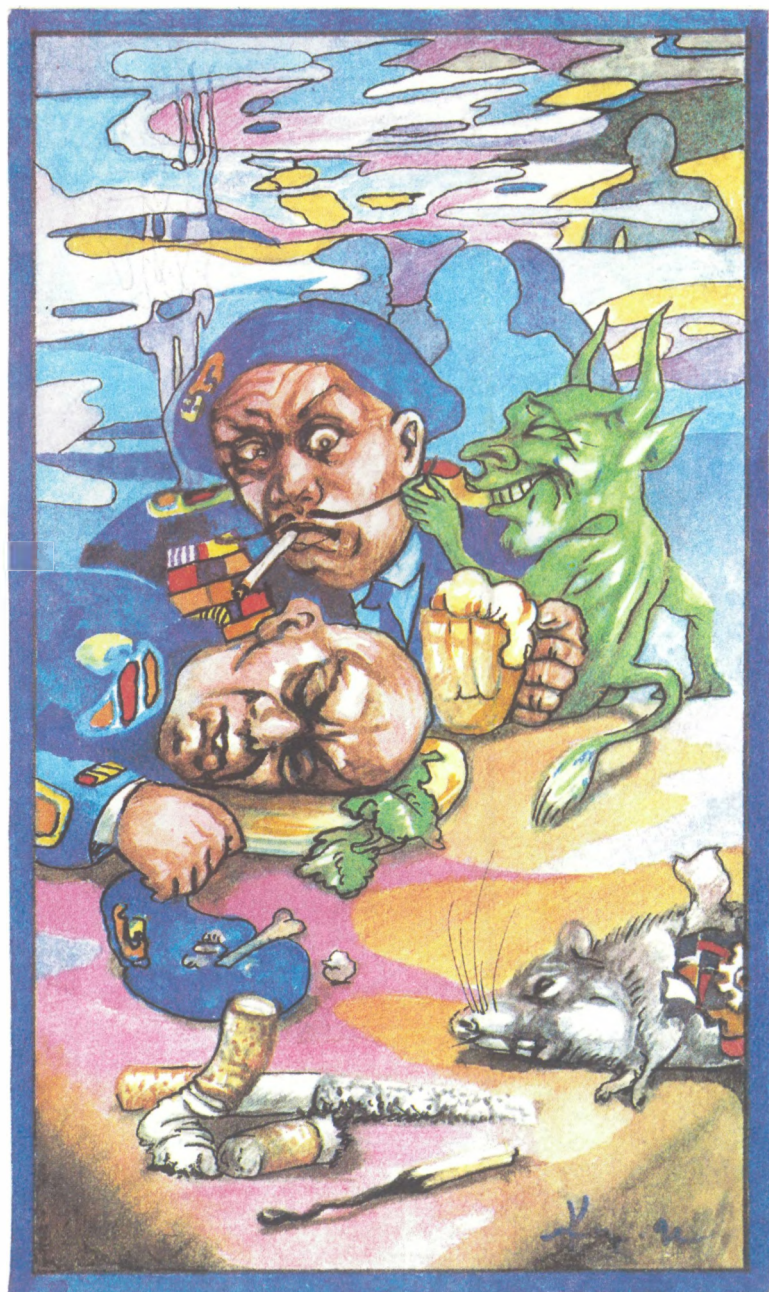
— Какая разница? У меня брата в прошлом году забрали, так он ухитрился переправить нам письмо. Потому-то я и спрятался... Он такое пишет...

Зрачки моего собеседника расширились, он содрогнулся. Тут машина остановилась, и нам велели вылезать.

Картина, открывшаяся моим глазам, пришлась бы по вкусу любому садисту. Площадь перед высоким зданием была забита самыми разнообразными транспортными средствами. Из них сотнями, а может, и тысячами, выбирались юные рекруты с одинаковой обреченностью на лицах. В наручниках только наша маленькая группа — всех остальных привели сюда желтые мобилизационные предписания. Некоторые из парней отпускали шуточки насчет нас, закованных, но наша дружная рутань заставила их прикусить языки. Ведь мы, что ни говори, пытались — пусть неудачно — избежать принудительного призыва. Впрочем, армейскому начальству определенно было наплевать, каким путем добыта очередная порция пушечного мяса. Как только мы вошли в здание, нас освободили от оков и затолкали в толпу. Нас поглотила безликая военная машина.

Мы встали в конец длинной очереди к одному из столов, за которым сидели седовласые толстушки, годившиеся нам в бабушки. Толстушки все как одна

носили очки, поверх которых глядели на нас, стуча на пишущих машинках. Наконец подошла моя очередь, и меня одарили улыбкой.

— Документы, молодой человек.

Я протянул ксиву. Женщина сверила дату и имя с множеством анкет. Я заметил провод, идущий от машинки к центральному компьютеру. К счастью, компьютер не нашел противоречий.

— Возьмите, — улыбнулась старушка, протягивая мне пухлую папку с бланками. — Поднимитесь на четырнадцатый этаж. Успешной вам службы.

Поблагодарив ее, я направился к выходу и наткнулся на плотную стенку из не улыбчивых военных полицейских.

— Мне на четырнадцатый этаж, — деловито сообщил я ближайшему из них. Поигрывая дубинкой, он указал глазами на лифт.

Кабина лифта была огромна, но и нас набилось в нее человек сорок. В жуткой тесноте мы поднялись на четырнадцатый этаж. Как только раздвинулись створки кабины, мы увидели здоровяка в военной форме с невероятным количеством шевронов, бляшек и медалей.

— Выходи! — оглушительно загремел он. — Выходи! Чего рты разинули, остолопы? Направо — стойка, каждый хватает прозрачный пакет и коробку. Потом — в дальний конец комнаты, там — РАЗДЕТЬСЯ! Снять всю одежду. ВСЮ ОДЕЖДУ, ЯСНО? Личные вещи в полиэтиленовый мешок! Одежду в коробку, на коробке написать домашний адрес. Уволитесь в запас — получите обратно свои шмотки, если доживете. ШЕВЕЛИТЕСЬ!

Мы зашевелились. Правда, вяло, без энтузиазма. Должно быть, на острове запрещалось раздеваться донага в общественных местах — парни прикрывались ладошками, жались к стенкам. Я оказался один в центре комнаты, и на меня с кривой ухмылкой пялился монстр в шевронах. К стойке, где принимали одежду, я подошел первым. Скучающий солдат взял у меня коробку, быстро проштамповал ее, грохнул на стойку и показал на толстые авторучки, свисавшие с потолка на эластичных шнурах.

— Имя, адрес, индекс, фамилии близких родственников.

Выпустив в меня обойму слов, он отвернулся и взял другую коробку. Я нацарапал на картоне адрес полицейского участка, где меня держали под замком. Как только я выпустил из пальцев авторучку, в поверхности стойки образовалось отверстие, и туда бесшумно провалилась посылка. Неплохо придумано. С полиэтиленовым мешком в левой руке и папкой в правой я затесался в кучу дрожащих, бледных призывников; повесив носы, они ждали дальнейших распоряжений сержанта. Голые, они казались все на одно лицо.

— А теперь на восемнадцатый этаж! — гроыхнул сержант.

Мы снова набились в лифт, поднялись несколькими этажами выше и оказались в медицинском аду. Врачи и санитары в белых халатах, с марлевыми повязками на лицах; суета, визгливая рутань... У меня закружилась голова.

Врач — наверное, терапевт, судя по стетоскопу на шее — вырвал из моей руки и швырнул санитару папку, а затем схватил меня за горло. Прежде чем я успел ответить ему тем же, он крикнул:

— Щитовидка в порядке!

Санитар сделал запись в журнале. Врач тем временем вонзил пальцы в мой живот.

— Грыжа не наблюдается. Покашляй.

Последнее слово было адресовано мне. Я повиновался.

— Все, следующий, — рявкнул терапевт.

С бумажным стаканчиком в руке я встал в дрожащую, стучащую зубами очередь. Двигалась она безумно медленно. Я пританцовывал на холодном полу, рискуя выплеснуть мочу, приготовленную на анализ. Наконец санитар разлил ее по пробиркам, капнул в каждую из них несколько капель реактивов и буркнул:

— Годится. Следующий.

Я поспешил в другую очередь. Пожалуй, было бы дурным вкусом рассказывать, как нас осматривали на предмет геморроя, описывать шеренги согбенных, судорожно вцепившихся в колени призывников и демоническую фигуру врача с фонариком в руке...

А потом... что это? Неужели уколы? О-о-о! Парень, стоявший передо мной, должно быть, культурист. Широкие плечи, мощные ноги, бронзовые бицепсы — просто образец мужской силы. Обратив ко мне перекошенное лицо, он жалобно пролепетал:

— Я б-боюсь ук-колов!

— А кто не боится? — пытался я его подбодрить.

Что говорить, не такое уж это удовольствие.

Как только очередная жертва подходила к санитару, тот, как автомат, всаживал ей иглу в предплечье. Стоило бедняге только отшатнуться — его бил по спине грубый детина в форме. Через несколько шагов его ждали еще два наполненных шприца. После этого оставалось только опуститься на скамеечку, мыча от боли.

Вот уже над плечом культуриста занесена безжалостная игла. Глаза атлета закатились, и он с шумом упал на пол. И все же это не выход — санитары все-таки сделали уколы, а сержант схватил бесчувственное тело за ноги и оттащил в сторону.

Приблизившись к санитару, я стиснул зубы и собрал волю в кулак...

Медкомиссия завершилась еще одним унижением. Сжимая в руках мешки с пожитками и отощавшие папки, мы — голые, несчастные, измученные — встали в последнюю очередь. Вдоль стены одного из залов выстроились пронумерованные столы — точь-в-точь билетные кассы аэропорта. За каждым столом восседал джентльмен в темном костюме. Когда подошел мой черед, сержант оглянулся на меня и показал пальцем.

— Двигай к тринадцатому столу.

Чиновник за тринадцатым столом (как все штатские в этом зале) носил очки с толстыми стеклами. Моя папка снова оказалась в чужих руках, из нее был изъят еще один бланк — и я обнаружил, что сквозь очки на меня смотрят налитые кровью глазки.

— Жак, ты любишь девочек?

Чего-чего, а такого вопроса я не ожидал. Почему-то мне представилась Бибз, которая смотрит на меня и давится от смеха.

— А то как же.

— А мальчиков любишь?

— Среди моих лучших друзей есть мальчики. — Я начал догадываться, к чему клонит этот простак.

— Правда? — Он что-то вписал в бланк. — Расскажи о своем первом гомосексуальном опыте.

От такой просьбы у меня аж челюсть отвисла.

— Ушам своим не верю. Вы проводите психиатрическую экспертизу по анкете?

— Ты меня поучи еще, щенок! — прорычал чиновник. — Ишь, волю взял разговаривать! Я спрашиваю — ты отвечаешь. Усек?

— Ничего себе! Да вас надо лишить диплома врача, если, конечно, он у вас есть. Наверное, вы вовсе не врач, а специально переодетый рядовой...

— Сержант! — визгливо крикнул чиновник, побавровев, и за моей спиной раздался топот ног. — Призывник отказывается отвечать на вопросы!

Мои ляжки обожгла острая боль, и я завопил, отскочив в сторону. Сержант, облизнув тонкие губы, снова замахнулся стеклом.

— Это повторится, если не будешь отвечать, как положено, — пообещал штатский.

— Да, сэр! — я всем видом продемонстрировал повинование. — Впервые опыт подобного рода я приобрел в двенадцать лет, когда вместе с четырнадцатью моими товарищами по шайке...

Меня понесло. Чиновник торопливо записывал мою болтовню, а разочарованный сержант отошел. Когда анкета была заполнена, я получил не то разрешение, не то приказ идти в лифт. И снова сорок голых в кабине, снова закрываются двери...

На этот раз мы явно ошиблись этажом. Перед нами оказались ряды столов с пишущими машинками, за каждым столом — юная леди.

Со стыдливым шелестом наши справки прикрыли причинные места.

Мы так покраснели, что повысилась температура воздуха. Но ничего другого не оставалось, как стоять, с ужасом ожидая, когда головы девушек оторвутся от машинок, а милые глаза уставятся на нас.

Казалось, что дверь закрылась через четырнадцать с половиной лет.

Двери опять открылись, но никаких девушек на этот раз не было, а была уже привычная фигура очередного скотоподобного сержанта. Интересно, что за генная мутация породила в этом народе столько толстошеих, крутобровых, толстопуzych садомазохистов.

— Выходи! — заорал он. — А ну, живо, по десять человек, первые десять — через ту дверь! Вторая десятка — через соседнюю! Да не одиннадцать. Считать не умеешь, осел!

За дверь, куда просочилась моя десятка, нам велели построиться в шеренгу. Мы встали лицом к стене, с которой свисал неприятный на вид красно-коричнево-зеленый флаг с изображением черного молота.

Офицер с тонкими золотистыми полосками на погонах подошел к флагу и повернулся к нам.

— Сегодня — очень важное событие, — с пафосом произнес он. — Вы, молодые люди, наиболее достойные из вашего поколения, добровольно явились сюда, чтобы посвятить себя защите любимой родины от злобных сил, стремящихся поработить ее. Наступил торжественный момент, о котором вы так мечтали. В этот зал вы вошли юными шалопаями, а выйдете отсюда солдатами. Сейчас вы дадите присягу на верность армии. Пусть каждый поднимет правую руку и повторит за мной: «Я, — называйте свои фамилии, — по собственной воле...»

— Я, называйте свои фамилии по собственной воле...

— Стоп! Начнем сначала, и начнем правильно, иначе вас ждут неприятности!

— Я не хочу! — пискнул кто-то.

— У тебя нет выбора, — мрачно заявил офицер. — Наша родина — демократическая страна, а вы добровольцы и дадите клятву. Если не дадите — а у вас есть такое право, — то вот через эту дверь попадете в федеральную тюрьму, где просидите тридцать лет за уклонение от демократических обязанностей. Итак, повторяйте за мной.

Стараясь не вникать, мы повторили все то, что он сказал.

— «... Служить преданно и во всем подчиняться вышестоящему... Смерть, если я изменю... смерть, если я усну на посту... смерть, если я дезертирую...» И так далее, вплоть до: «Клянусь именем отца, матери и Бога, или Богов, по моему выбору.»

— Опустите руки. Поздравляю, вы теперь солдаты и подчиняетесь требованиям начальства. Первое требование начальства — добросовестно пожертвовать литр крови для госпиталя. Выполнять!

Едва держась на ногах от отчаяния, голода и потери огромного количества крови, мы ждали, когда нам наконец дадут отдохнуть. Но не тут-то было.

— Строиться! Каждый из вас сейчас получит форму разового пользования. Но пользоваться ею запрещается до особого распоряжения. Вы наденете форму, поднявшись на крышу, откуда вас отправят в лагерь Слиммарко, где начнется ваше обучение. Каждый получит личный знак с его именем и служебным номером. На знаке есть желобок, чтобы его можно было легко сломать пополам. Ломать запрещается, это военное преступление.

— А почему нельзя ломать, если он для этого и предназначен? — пробормотал я.

Сосед объяснил:

— Личный знак ломают пополам после смерти солдата. Одну половинку отправляют в архив, а другую кладут в рот мертвецу.

Наверное, вам не покажется странным, что я в тот миг почувствовал металлический привкус во рту.

Глава 8

В других обстоятельствах мне, наверное, понравилось бы путешествие на этом необычном воздушном корабле. Он имел форму огромной сигары, заполненной, видимо, каким-то газом. Снизу к сигаре была подвешена металлическая кабина, украшенная орнаментом из черепов и костей; лопасти огромного винта могли толкать летательный аппарат вперед и вверх. Вид из кабины, наверное, был бы восхитительным, если б ее создатели предусмотрели иллюминаторы в пассажирском отсеке, где на исключительно неудобных креслах из литой пластмассы сидели мы, новобранцы. Я блаженствовал — на призывном центре нам лишь один раз позволили присесть, и то лишь для того, чтобы сдать кровь. Пластмасса холодила тело сквозь тонкую фиолетовую ткань формы, пол под картонными подошвами, пришитыми прямо к штанинам, казался невероятно твердым. Единственный карман находился на груди; уложив в него мешок с личными вещами, каждый из нас стал похож на фиолетовое сумчатое животное, каких можно увидеть разве что в кошмаре. Я был подавлен. Но не я один. Все были подавлены.

— Я еще ни разу в жизни не покидал родного дома, — пожаловался рекрут справа от меня. Он всхлипнул и вытер мокрый нос рукавом.

— А я покидал! — тепло и бодро заявил я. Ни сердечности, ни радости я не испытывал, но надеялся, подняв настроение соседа, тем самым поднять свое.

— Кормят в армии паршиво, говорят, — упорно скулил мой соратник. — Никто на свете не умеет печь сепкукодз лучше, чем моя мамочка.

Пирог с луком? Ну и вкус у этого паренька!

— Забудь об этом, — весело посоветовал я. — Если в армии и пекут сепкукодз, то наверное паршиво. Не горюй, тебя ждут другие радости: свежий воздух, физические упражнения. К тому же солдатам позволено пить крепкие напитки и говорить непристойности о девушках.

Его оттопыренные уши заалели как знамена.

— Не хочу я так говорить о девушках! А пить я уже пробовал. Мы с Джоджо однажды выпили пива за сараем, так нас потом рвало...

От продолжения этой интересной беседы меня спасло появление сержанта. Распахнув дверь из пилотского отсека, он взревел:

— А ну, встать, кретенодж! — и позаботился о том, чтобы все мы выполнили приказ, нажав кнопку механизма, убирающего сиденья. Только я успел вскочить на ноги, и мне одному пришлось выдержать всю силу испепеляющего сержантского взгляда.

— Ты что, самый умный?

— Никак нет, сэр! Я выполнял приказ, сэр! — я подпрыгнул, грохнул пятками об пол и отдал честь — настолько энергично, что едва не выбил себе глаз. Сержант оскалил зубы, но тут меня заслонили поднявшиеся на ноги товарищи.

— Отставить болтовню! Руки по швам, ноги вместе, грудь вперед, живот назад, подбородок опустить, смотреть прямо и не дышать!

После секундной неразберихи образовались и застыли лиловые ряды. Сержант разглядывал нас с нескрываемым презрением.

— Кажется, кто-то все-таки дышит. Не дышать, покуда не разрешу! Первому, который посмеет вздохнуть, врежу в самое подходящее место!

В ответ — мертвая тишина. Вскоре то один, то другой новобранец стал пошатываться. Застонав, один

упал в обморок. Я бесшумно дышал носом. Кто-то захрипел — не выдержал. Сержант тут же подскочил к нему, и самое подходящее место на теле новобранца оказалось солнечным сплетением. Взвизгнув, жертва рухнула на пол, а остальные стали хватать ртами живительный воздух.

— Это вам маленький урок, — процедил сквозь зубы сержант. — Поняли, что я имею в виду?

— Да, — тихонько пробормотал я. — Что ты — садомазохист.

— Что я приказываю, а вы исполняете, иначе пеняйте на себя.

В заключение этой неприятной сентенции у него перекосилось лицо, губы разжались, и блеснули желтые клыки. Далеко не сразу я понял, что это означает улыбку.

— Садитесь, ребята, устраивайтесь поудобнее, — вдруг благодушно предложил он.

«Куда? — подумал я. — На голый пол? Кресла же убраны».

Сержант любовно похлопал себя по мешку сала, перетянутому ремнем.

— Меня зовут Клутц, строевой сержант Клутц. Но не вздумайте обращаться ко мне по имени — это привилегия старших по званию. Для вас я — сержант, сэр или мастер. Вы должны быть скромны, исполнительны, почтительны и покорны. Я не стану описывать наказания за несоблюдение этих требований, потому что недавно поел и не хочу портить себе пищеварение.

По шеренгам прокатился тихий стон при мысли о том, какие ужасы могут испортить пищеварение в этом чреве.

— Как правило, достаточно один раз наказать самого строптивого рекрута, чтобы сломить его дух. Но иногда его приходится наказывать во второй раз. В третий раз у нас никого не наказывают. Хотите знать почему?

Налитые кровью глаза скользнули по нам, и мне захотелось забиться в угол.

— Поскольку вы слишком тупы, чтобы ответить на этот вопрос, я отвечу сам. В третий раз орущего, брыкающегося, зовущего мамочку рекрута запихивают

в особую камеру. Там из него с шипением уходят девяносто девять целых, девяносто девять сотых процента влаги. Знаете, на что он становится похож? Хотите посмотреть?

Он полез в карман и достал крошечную фигурку обезвоженного рекрута. На лице бедняги навеки застыл невыразимый ужас. Солдаты застонали, наиболее слабые попадали без чувств. Сержант Клутц улыбнулся.

— Да, вот так в итоге выглядит непокорный. После казни его крошечное тельце какое-то время висит в казарме на доске объявлений, в назидание остальным, а потом вместе с игрушечной лопаткой, чтобы было чем выкопать могилку, его кладут в почтовый конверт и отсылают родным. Вопросы есть?

— Простите, сэр, — слышался дрожащий голос. — Скажите, процесс обезвоживания — мгновенный или... медленный и мучительный?

— Хороший вопрос. Ты уже пробыл один денек в армии, так неужели не догадываешься?

Снова — стоны и шум падения бесчувственных тел. Сержант одобрительно кивнул.

— Ладно. Сейчас я скажу, что вас ждет в ближайшем будущем. Мы летим в ЛНПС на ВБМ, то есть в лагерь начальной подготовки Слиммарко на военной базе Мортстерторо. Там вы постигнете основы солдатской науки. Некоторые из вас не выдержат начальной подготовки и будут похоронены со всеми воинскими почестями. Запомните это. Запомните и то, что обратного пути у вас нет. Вы станете образцовыми солдатами — или мертвецами. И поймете, что военная служба трудна, но справедлива. Вопросы есть?

— Что же в ней справедливого? — проблеял один из нас.

Сержант легонько пнул его в голову.

— А то, что у всех вас равные шансы. Или вы пройдете курс подготовки, или отправитесь на тот свет. А сейчас я открою вам один секрет. — Он наклонился идохнул таким смрадом, что ближайшие новобранцы потеряли сознание. — Мне, братцы, на руку, чтобы вы покинули армию вперед ногами. На рекрутах, которые возвращаются домой в гробах или в

инвалидных колясках, армия экономит кучу денег. Пусть уж лучше солдат умрет, не выдержав нагрузки, чем погибнет в бою, пройдя дорогостоящий курс обучения. Ну, что, поняли мы друг друга?

Если молчание — действительно знак согласия, то мы поняли Клутца.

— Вопросы есть? — повторил он.

Тишину нарушило урчание в моем животе. Сами собой из моего рта выскочили слова:

— Так точно, сэр. Когда мы будем есть?

— Крепкий у тебя желудок, рекрут, как я погляжу. Некоторых вон уже тошнит от армейской жизни.

— Просто я забочусь о воинском долге, сэр. Чтобы хорошо исполнять его, я должен быть сильным, а значит, много есть.

Поросыньи глазки уставились на меня — сержант обмозговывал мои слова. Наконец, его подбородок утонул в складках жира на шее — это означало кивок.

— Ладно, раз ты сам вызвался, шагом марш на корму за пайками. Шевелись!

Я зашевелился. А на ходу думал. Плохая новость: я в армии и мне это не нравится. Хорошая новость: мы направляемся на базу Марстерборо, где Бибз видела капитана Гарта — Зеннара — Зеннора или как там его. Он первый в списке моих врагов — но сейчас мне надо прорваться наверх в списках выживания. Гарт может подождать.

Я отворил дверь в крошечный отсек, где стояла одна-единственная коробка с надписью: — «БОЕВЫЕ ПАЙКИ ЮКЕ». Но коробка оказалась подозрительно легкой. Неужели ее содержимым можно накормить такую ораву?

— Тащи сюда, кретин, нечего ее щупать, — зарычал сержант, и я поспешил обратно. Пайки ЮКЕ оказались серыми брикетами в пластмассовых стаканчиках. Мои товарищи мигом их расхватали.

— Такой брикет поддерживает жизнь в течение суток, — скрипучим голосом объяснил сержант. — В нем есть все витамины, минеральные вещества, протеин и селитра, которые начальство считает необходимым для солдатского организма. Крышечка снимается

путем надавливания ногтем большого пальца на желобок, помеченный надписью: «Надавить ногтем большого пальца». Поев, каждый из вас подойдет к стене, вот к этому крану, наберет в пластмассовый стакан воды. Пить надо быстро, через минуту после смачивания упаковка утратит жесткость. Напившись, вы аккуратно скатаете ее и будете хранить, как зеницу ока, потому что она превратится в контрацептивное средство, которым вы еще долго не сможете пользоваться, но которое обязаны иметь при себе. А теперь — приступить к приему пищи!

Я приступил, точнее, попытался. Твердостью брикет напоминал обожженную глину, значительно уступая ей вкусом. Последний кусок я выплюнул, не прожевав, и бросился к крану. Я успел дважды наполнить и осушить пластмассовый стакан, прежде чем он превратился в подобие ненадутого воздушного шарика. Вздохнув, я скатал его и сунул в карман.

Пока мы грызли пайки, в отсеке снова появились кресла. Я осторожно уселся на свое, ожидая, что оно снова провалится.

Мне не верилось, что удастся уснуть сидя, но мерзкая еда и предельная усталость сделали свое дело. Прежде чем закрыть глаза, я услышал собственный храп.

Обстоятельства пробуждения можно было предугадать: кресла снова ушли в пол, и я оказался среди хряхтящей и стонущей лиловой массы. Подгоняя нас окриками, сержант дождался, когда последний из нас поднимется и встанет в подобие строя.

— Поздравляю с первым днем новой жизни, — ухмыльнулся Клутц. Его слова были встречены жалобным нытьем.

В стене распахнулся люк, в салон ворвался холодный пыльный ветер. Едва переставляя ноги, мы спустились по трапу.

Зрелище оказалось не слишком впечатляющим. Одно бледно-розовое солнце пряталось за облаком пыли на горизонте, другого было не видеть. Судя по разреженному, холодному воздуху, база располагалась на возвышенности, возможно, на горном плато. Это гарантировало преобладающую летнюю погоду и макси-

мум неудобств для возможного десанта противника. Вдали, заставив землю содрогнуться, стартовал звездолет, огонь его дюз горел ярче заходящего солнца. Сержант приказал нам построиться и заявил:

— Отныне каждый из вас будет носить военное имя, прежнее можете забыть навсегда. Военное имя состоит из прежнего с добавлением первых четырех цифр личного номера. Я читаю имя, названный проходит в казарму, садится на указанную койку и ждет дальнейших распоряжений. Гордо 7590 — койка номер один...

Я ждал, разглядывал унылую стену казармы, пока не услышал:

— Жак 5138.

Едва переставляя ноги, я прошел в дверь, над которой красовался лозунг: «ЧЕРЕЗ ЭТИ ДВЕРИ ПРОХОДЯТ ЛУЧШИЕ В МИРЕ СОЛДАТЫ». Кто кому тут морочит, как говорится, голову? Пол в казарме был каменный, его совсем недавно мыли. Стены — бетонные, чистые, тоже мокрые. Я поднял глаза к потолку — с него капало. Мне стало не по себе — не иначе, кто-то из начальства помешан на влажной уборке помещений.

Койки в казарме были трехъярусные, и моя, разумеется, оказалась на самом верху. На ней лежал скатанный матрас.

— Добро пожаловать в новый дом, — с искренним радушием в голосе произнес сержант, когда мы все с неискренним вниманием обернулись к нему. — Вспомните хорошенько, как лежат скатанные матрасы, потому что они должны так лежать постоянно, за исключением времени, отведенного на сон. А у нас не разоспитесь, не надейтесь. Свое личное имущество будете хранить в нишах под полом, они открываются и закрываются все одновременно вот этой кнопкой. — Он коснулся кнопки на поясе. Послышался скрежет, и в полу образовалось множество прямоугольных отверстий. Один неудачно стоявший рекрут с воплем рухнул в нишу.

— Свет погаснет через пятнадцать минут. Нижайше прошу расстелить койки, но не укладываться раньше времени. Перед сном вы увидите учебный фильм и

узнаете, что ждет вас завтра. Посмотрев кино, вы помолитесь Богу или Богам, кому как нравится, и ляжете баиньки. Все свободны.

Свободны. Дверь захлопнулась за нашим надзирателем, и мы остались одни. Свободны — это точно сказано. Свободны от света и тепла нормального мира, и против своей воли заброшены в серый армейский ад. Отчего человечество так жестоко к собственным чадам? Если вы будете так же обращаться с лошадьёю, то попадете в тюрьму, а то и получите пулю.

Только шорох разворачиваемых постелей нарушал тишину. Каждому достался тоненький матрас и тонюсенькое одеяло. И надувная подушка, надуть которую почти невозможно, и которая, наверняка, к утру сдуется. Пока мы шуршали и дули, в проход между койками бесшумно опустились телеэкраны. Грянул какой-то марш, затем появился офицер с серьезными дефектами речи и стал зачитывать какие-то бестолковые инструкции, которые мы дружно проигнорировали. Я вывалил содержимое набрюшного кармана в подпольный ящик и вскарабкался, не раздеваясь, на койку. И на девять десятых погрузился в сон, но тут вспышка света и громкий звук вернули меня к действительности.

— Внимание, — зловеще произнес человек в черном. — Мы прерываем все запланированные передачи, чтобы сообщить вам следующее известие. — Сделав жуткую гримасу, он встряхнул листок бумаги, который держал в руке. — На территорию нашей страны проник опасный шпион. Установлено, что вчера утром он прибыл в бухту Мархавено на борту брастирского корабля. Вчерашние поиски в бухте не дали результата. В ходе сегодняшних поисков установлено, что шпион проник на прогулочный катер и украл несколько предметов одежды.

У меня стянуло кожу на затылке.

— В песке на пляже обнаружены вещи, как установлено, принадлежавшие шпиону. В настоящее время район поисков оцеплен, там объявлен комендантский час, тщательно обыскивается каждое здание. Возможно, преступник до сих пор носит украденную одежду. Тому, кто видел на ком-нибудь этот костюм, следует

немедленно поставить в известность полицию или силы безопасности.

На экране появилось довольно точное компьютерное изображение вещей, которые я позаимствовал на катере. Некоторое время они медленно крутились в пространстве, потом появилась человеческая фигура. Вместо лица было пятно, но я не сомневался, что рано или поздно оно примет мои черты. Какой срок понадобится полиции, чтобы узнать мои приметы, проследить мой путь и выяснить, что я в армии?

Дверь казармы с грохотом захлопнулась, лампы погасли. Я лежал неподвижно глядя в темноту; в груди гулко стучало сердце.

Глава 9

Нелегко заснуть, узнав о том, что тебя разыскивают по всей стране. Для этого нужны железные нервы и сверхчеловеческий самоконтроль. Сказав, что обладаю и тем, и другим, я бы покривил душой. Я не против того, чтобы соврать разок-другой, когда нужно. Всякая маскировка — это ложь, а постоянная, искренняя ложь — это лучшая маскировка. Это профессиональная необходимость. Но нельзя лгать самому себе. Надо принимать правду, какой бы гадкой она ни казалась. Не лгать, так не лгать. Я уснул, потому что вымотался до предела и наконец-то оказался в горизонтальном положении, тепле и покое...

Я спал крепко и сладко, пока не услышал не то шорох прибоя, не то шелест опадающей листвы. Но более всего этот звук напоминал шуршание старой грампластинки или магнитофонной ленты.

Последнее предположение не замедлило подтвердиться. Под сводом казармы раскатилось искаженное записью пение трубы, и вспыхнули лампы.

С грохотом распахнулась дверь, и вбежавший сержант истошно завопил:

— Подъем! Хватит отлеживать задницы! Скатать койки! Вынуть из ящиков бритвенные принадлежно-

сти! По двое — в уборную! Ну, шевелись, ленивые свиньи! Живей, живей, живей!

Я успел проскочить в уборную, прежде чем в дверях образовалась пробка. В тот миг с лязгом встали на место крышки ниш, а сержант выскочил из казармы и запер дверь. Затем со всех сторон ударили струи холодной воды. Замешкавшиеся рекруты, наконец, протиснулись к нам. Они дрожали и плакали; разовая форма от воды лезла по швам, и сквозь прорехи виднелась посиневшая кожа.

Умывальников было очень мало, но мне удалось протолкаться к одному из них. Взглянув в кривое зеркало на измученную, бледную, с запавшими глазами физиономию, я едва узнал себя. Я подумал, что с нами, наверное, сознательно обращаются по-скотски — хотят запутать, вывести из равновесия, сбить с толку, иными словами, подготовить для промывания мозгов, для полного разрушения личности.

Ну уж нет! Мозги и личность Джима диГриза вам не по зубам! Придет время, и я выберусь из этой дыры, оставив вас в дураках. А пока у меня одна задача — выжить!

Сверхзвуковое лезвие противно заверещало, сбривая щетину. Сунув в рот автоматическую зубную щетку, я умылся и вышел из уборной.

В дверях казармы снова показался сержант Клутц.

— Выходи строиться на поверку! — заорал он, и тут же в страхе отпрянул: я ринулся на него как бык. Сбежав с крыльца, я встал под фонарем по стойке «смирно».

Сержант повернулся и подошел ко мне.

— Шутить вздумал? — процедил он сквозь зубы, брызжа слюной мне в лицо.

— Никак нет, сэр! — я выпятил грудь и ел начальство глазами. — Выполняю приказ, сэр! Мои старики, отец и дед, были солдатами, они говорили: нет лучшей доли, чем солдатская, и нет в армии чина выше, чем сержант. — Я перестал орать и прошептал: — Сэр, скажу вам честно — я не мобилизованный. Я — доброволец. Пожалуйста, не говорите об этом ребятам, не то меня засмеют.

Он промолчал. В уголках глаз блеснули капельки влаги. Или мне показалось? Как бы там ни было, он не отвесил мне оплеуху, а повернулся и прошел в казарму — пинками выгонять остальных рекрутов.

В строю я воспользовался минутой покоя, чтобы задать себе вопрос: что делать дальше? Ответ пришел сразу: ничего. Пока тебя не выследили, Джим, не высовывай носа из рядов. Стань своим для обитателей этих милитаристских джунглей. Держи ушки на макушке, а глаза открытыми, и все, что увидишь и услышишь, мотай на ус. Чем больше ты увидишь и услышишь, тем выше будут шансы на спасение. Не паническое бегство, а тщательно продуманный план выручит тебя в конце этого предприятия. Запомни этот совет, Джим, и следуй ему при любых обстоятельствах.

После переключки, во время которой Клутц перервал великое множество имен, даже такое простенькое, как Бил, мы строем направились в столовую. Когда запахло настоящей едой, на мостовую, словно частый дождик, закапала слюна. Получив поднос, я глазам своим не поверил — камни под карамелевым соусом, не иначе! Впрочем, камни оказались мягкими, горячими и недурными на вкус. В мгновение ока опустошив тарелку, я бросился за добавкой. В те минуты мне казалось, что в армии не так уж плохо. Но я сразу выбросил эту мысль из головы. Нас кормили только для того, чтобы мы не умерли с голоду. Начальство рассуждало так: если некоторые рекруты не выдержат учебы, то не из-за плохой кормежки, а из-за слабости тела или недостатка силы воли. Кто останется жив — превратится в относительно крепкий, закаленный винтик военной машины.

«Ублюдки!» — мысленно выругался я и пошел за третьей порцией.

После завтрака полагалась утренняя зарядка — вероятно, для лучшего усвоения пищи. Сержант Клутц вывел нас на широкую площадку, где уже упражнялись новобранцы. Нас поджидал инструктор, детина с чрезмерно развитой мускулатурой и непропорционально маленькой головой. У меня зубы стучали от его рева:

— Что такое?! Почему опоздали на целую минуту, кретенодж?! —

— Совсем обнаглели, свиньи, — наябедничал наш любимый сержант, доставая из кармана длинную черную сигару. — Едва оторвал их от корыта.

Кое-кто заверещал, услышав столь наглую ложь, но самые умные молчали. Чего-чего, а справедливости ждать не приходилось.

Мы опоздали, потому что Клутц не мог идти быстрее.

— Вот оно что?! — Крошечные глазки инструктора затлели как угольки. — Ну-ну, поглядим, стоит ли кормить таких недоносков. Ложись! Пятьдесят отжиманий! Начи-най!

Приказ меня не испугал — я каждое утро отжимался сто раз, чтобы не потерять форму. Да и ветер дул холодный, не мешало размяться. Пять. Когда же нам выдадут нормальную постоянную робу. Пятнадцать.

Отжимаясь в двадцатый раз, я заметил, что слегка вспотел. Крутом пыхтели, кряхтели и стонали. Когда инструктор досчитал до тридцати, добрая половина взвода лежала без сил на земле, а сержант Клутц стряхивал пепел на чью-то спину. Пятьдесят раз отжались только я да культурист, боявшийся уколов.

— Еще пятьдесят! — прорычал, гневно глядя на нас, инструктор. Культурист, кряхтя, отжался двадцать раз и скис. Я выполнил упражнение до конца.

— Все, сэр? — спросил я инструктора. — Или еще пятьдесят?

— Встать! — рявкнул он. — Ноги шире плеч, руки перед собой, делай, как я... Раз, два, три, четыре...

К концу физзарядки мы обливались потом, а двое слабейших неподвижно лежали в пыли. Один из них, держась за бок, постанывал у моих ног. Инструктор подошел и пнул его носком сапога, тот только крякнул.

— Сопляки недоделанные! Маменькины сынки! — выразил свое недовольство сержант Клутц. — Уберите с глаз моих этих недоносков! Вы двое и вы двое, оттащите их в палатку лазарета и бегом обратно.

Я перекинул через плечо руку бесчувственного рекрута. Мой напарник выглядел ненамного лучше, чем тот, кого мы тащили в лазарет.

— Ты не напрягайся, только делай вид, будто помогаешь, — сказал я ему.

— С...спасибо, — пропыхтел он. — Я не в такой прекрасной форме, как ты.

Это я уже заметил. Парнишка был subtilным, с цыплячьей грудью и тенями под глазами. И выглядел старше остальных рекрутов.

— Меня зовут Мортон, — представился он.

— Жак. С виду ты староват для армии, Мортон.

— Ты прав, — кивнул он. — Меня из университета забрали. Я едва не утробил себя учебой, чтобы только не попасть сюда. И вот результат — перетрудился, заболел и пропустил экзамены. Что нам с ним делать? — спросил он, имея в виду нашу бесчувственную ношу. — Он плохо выглядит.

— Это его проблемы. Ты на себя посмотри. — Намек понял. Грубо, но доходчиво. Пришли, вот она, палатка.

— Бросайте на землю, — велел капрал медслужбы, лениво листавший комиксы. Когда он переворачивал страницу, послышался тоненький стон. Я огляделся. В палатке уже лежали четверо новобранцев.

— Как насчет медицинской помощи, капрал? Он неважно выглядит.

— Ничего с этой дохлятиной не случится. Оклемается — прогоню его в казарму, а нет — вечером придет врач, осмотрит его. Все, уносите отсюда свои задницы, не то скажу сержанту, что вы сачкуете.

— Откуда в армии берутся такие садисты? — пробормотал я, когда мы с Мортином вышли из палатки.

— На их месте могли бы оказаться и мы с тобой, — утрюмо ответил он. — В больном обществе — больные индивидуумы. Люди делают то, что от них требуется, так легче жить. Наше общество построено на милитаризме, шовинизме и взаимной ненависти. Когда такие вещи возводят в ранг законов, находятся и наиболее ревностные исполнители этих законов.

Признаться, я ушам своим не поверил.

— Тебя этому в университете учили?

Он усмехнулся и отрицательно покачал головой.

— Какое там! Но я изучал историю — военную, разумеется, — и имел довольно широкий доступ к

литературе. В университете неплохая библиотека, там много старых книг. Я читал их и набирался ума-разума.

— А язык за зубами держать ты научился?

— Да... Правда, это не всегда получается.

— Надо, чтобы всегда получалось. Иначе будущее у тебя незавидное.

Наш взвод уже уходил со спортивной площадки, и мы пристроились в конец. Сержант Клутц привел нас на вещевой склад, где я получил подтверждение слухам о том, что в армии только два размера мундиров. Мой оказался настолько велик, что пришлось подвернуть обшлага рукавов. Нам выдали всю необходимую экипировку — котелки, ремни, фляги, под сумки для боеприпасов, саперные лопатки, ранцы и прочие предметы первой военной необходимости. Отнеся их в казарму, мы направились в учебный корпус, на так называемую «военно-идеологическую ориентацию».

— Армия получила наши тела, но ей нужны и наши души, — прошептал Мортон. — Грязные души в пушечном мясе.

Он, конечно, был умен, этот паренек, но все-таки напрасно трепал языком. Сержант Клутц тотчас набросился на нас.

— Отставить разговоры! Молчать и слушать! Говорить будет капрал Гоу, ваш наставник.

Фальшиво улыбаясь, капрал Гоу — обладатель слащавой розовой физиономии с усиками сутенера — одернул Клутца:

— Ну-ну, сержант! У нас сейчас ориентация, а не изучение устава. Твои подопечные выучат устав и станут хорошими солдатами. Но хорошие солдаты должны знать, для чего необходим устав. Так что располагайтесь поудобнее, ребята. Какие еще кресла? Вы в армии. Садитесь на этот замечательный бетонный пол и слушайте. Начинаем занятие. Кто ответит на вопрос: почему вы здесь?

— Потому что нас призывали, — пробасил кто-то.

— Ха-ха, ну конечно. Но зачем вас призывали? Почему молодые люди должны служить в армии? Если вы не совсем ясно это понимаете, значит, грош цена вашим родителям и учителям. Позвольте, я просвещу

тех из вас, кто в этом нуждается. Вы здесь потому, что у наших врат — опасный враг. Нашему замечательному острову грозит вторжение, и ваш долг — защищать бесценную свободу родины.

— Провалиться мне на месте, если он не врет, — пробормотал я, и Мортон согласно кивнул.

— Вы что-то сказали, солдат? — поинтересовался капрал. Видимо, у него был тонкий слух.

— У меня вопрос, сэр. Неужели слаборазвитая страна может представлять опасность для государства, имеющего современную промышленность и отлично вооруженную армию?

— Прекрасный вопрос, солдат. С удовольствием отвечу. Мы бы не боялись варваров с континента, если бы их не снабжали оружием инопланетники — алчные, коварные чужаки, завидующие нашему счастью. Вот почему вы, ребята, добровольно пришли служить нашему отечеству.

Какая неслыханная ложь! Я открыл было рот, чтобы поставить на место нашего капрала, но вовремя сдержался. А вот Мортон — тот не сдержался.

— Сэр, но Галактическая Лига — мирный союз. Войны запрещены и...

— Кто вам это сказал? — оборвал его Гоу.

— Все говорят, сэр, — вмешался я, надеясь, что Мортон спохватится и умолкнет. — Но вы-то, надеюсь, знаете правду.

— Ничего я не знаю, но очень хочу узнать, от кого вы наслушались этих опасных бредней. А после лекции я поговорю с вами, рядовой. И с вашим соседом. Наша родина — мирная демократическая страна, противостоящая разрушительным инопланетным силам. Ради ее свободы мы готовы пойти на любые жертвы. Вы, безусловно, это понимаете и сделаете все возможное, чтобы стать отличными солдатами. Вам поможет в этом сержант Клутц, который в учебном лагере заменит вам родного отца. Я знаю, что у вас будут возникать самые разные вопросы, и это не удивительно — ведь вы только начинаете армейскую жизнь. Со всеми вопросами обращайтесь ко мне, я ваш советник и наставник. Приходите в любое время. Я стану вашим другом, самым лучшим другом. — Он пустил по рядам стопку

брошюр. — У вас есть десять минут на ознакомление с этой ориентационной брошюрой. А я тем временем поговорю с двумя вашими товарищами, явно заблуждающимися насчет политических реалий нашего мира. — Он показал пальцем на меня и на Мортонa. — Да, да, я про вас. Выйдите на крылечко, ребята, потолкуем.

Мы неохотно поднялись и вышли на крыльцо. Вскоре появился Гоу.

— Солнышко как греет, правда, ребята?

— Вы правы, сэр. Чудесная погода.

— Ну-ка, признавайтесь, где вы наслушались вражеской пропаганды? Вы первый. — Он ткнул пальцем в меня.

— Где-то наслушался, а где — не помню.

Гоу широко улыбнулся.

— Напомню. Вы слушали запрещенную радиостанцию.

— Ошибаетесь, сэр. Разве необходимо кого-то слушать, чтобы понимать очевидное?

Язык Мортонa рыл ему могилу. Я опустил глаза и ковырнул землю носком сапога.

— Простите, капрал, я хотел соврать, но вас не проведешь. Вы, конечно, правы насчет радиостанции...

— Ага! Я так и знал! Проклятый спутник! Ни расстрелять его, ни заглушить — он надежно защищен и ведет передачу на многих частотах.

— Сэр, я один-единственный раз слушал инопланетников. И, честно говоря, поверил — очень уж похоже было на правду. Потому-то и сказал сейчас...

— Правильно сделали, что сказали, солдат. Это доказывает, что яд не успел глубоко проникнуть в ваш мозг. Запомните: дьявол всегда старается затронуть самые тонкие струнки человеческой души. Солдат должен превратить сердце в камень и верить только своим командирам. — Он ласково улыбнулся.

Преданно глядя ему в глаза, я с жаром воскликнул:

— Да, сэр! Вы совершенно правы! Я всегда и во всем буду верить командирам и очень рад, что вы не собираетесь нас наказывать...

— Не собираюсь? Разве я это сказал, — ласковая улыбка вдруг превратилась в недобрую ухмылку. — Да что вы, ребята! За такое на гражданке вам вкатили

бы по году тяжелых работ. А здесь — армия, и наказание будет куда суровее. Ну, все, приятно было с вами побеседовать, возвращайтесь в класс. И до конца занятия постарайтесь осмыслить свой проступок. В будущем — если у вас есть будущее — вы не станете оспаривать мнение старших по званию.

Мы пошли в класс, словно бараны на бойню.

— Слушай, — прошептал я Мортону, — это правда, что он сказал? Насчет радиостанции?

— Конечно! Разве ты никогда ее не слушал? Вообще-то мне передачи со спутника не нравятся — много пропаганды, мало информации. Но это не имеет значения. Нас отдадут под трибунал.

— Ну и что нам теперь делать? Сидеть и ждать ареста?

— А куда бежать? — мрачно спросил Мортон.

Я вздохнул. Бежать, похоже, было некуда.

Глава 10

Далекая сирена сдавленно рыкнула, глаза сержанта Клутца прояснились, тупое выражение исчезло под привычной маской ярости.

— А ну, встать! — заорал Клутц. — Ишь, сачки, целый час отсиживали задницы! Ну, я вам сейчас покажу! Выходи строиться!

— Я задержу этих двоих. — Гоу отделил нас с Мортонем от остальных. — Они будут наказаны за антиправительственную агитацию.

Клутц с удовольствием вычеркнул нас из списка личного состава.

— Отлично, Гоу. Главное, чтобы список был в порядке, а там хоть с дерьмом их съешьте.

Дверь хлопнула, и мы остались наедине с капралом. Мортон был на грани обморока, я начинал злиться. Гоу достал блокнот и карандаш и обратился ко мне:

— Ваше имя, солдат?

— Скру У2.

— Скру — военное имя, назовите настоящее.

— Капрал, я из Пенсильдельфии, а там не принято представляться кому ни попадя.

Гоу зло сощурился.

— Остричь вздумали, солдат!

— Где уж мне, ведь вы сами — ходячая острота. Вы не хуже меня знаете, что единственная угроза нашему острову — это военные, стоящие у власти. Чрезвычайное положение выгодно только военным.

Мортон пискнул от ужаса и впился в мой рукав. Но меня, что называется, понесло.

Холодно улыбаясь, Гоу протянул руку к телефону.

— Ну что ж, не хотите назвать имя — его из вас вытянет военная полиция. Кстати, вы не правы — чрезвычайное положение выгодно не только военным. Вы забыли о промышленных корпорациях, весьма заинтересованных в оборонных заказах. Армия и промышленность связаны одной веревочкой.

Его слова сбили меня с толку.

— Но... если вы знаете это, то зачем пудрите мозги солдатам?

— По той простой причине, что я — выходец из богатой семьи фабрикантов, и меня вполне устраивает сложившаяся ситуация. Пудря вам мозги, я выполняю свой воинский долг, а через несколько месяцев уволюсь в запас и вернусь к прежней роскошной жизни, которую я так люблю. Ну все, ребята. Сейчас за вами придут. Я благодарен вам за приятную беседу и хочу преподнести сувениры на память.

Я стоял и тупо смотрел, как он выдвигает ящик стола. Когда спохватился и бросился к капралу, было слишком поздно. На меня уверенно смотрело дуло огромного пистолета.

— На вашем месте, солдат, я бы не рыпался. Видите ли, я охотник и стреляю без промаха. И пристрелю вас без малейших колебаний. Если понадобится, в спину, — добавил он, когда я повернулся к стене.

Я снова повернулся к нему лицом.

— Отлично, капрал, — улыбаясь, сказал я. — Контрразведке известно, что в вопросах ориентации вы профессионал, но мне все-таки велели вас прощупать. Вы держались молодцом. Обещаю не докладывать начальству о ваших неосторожных высказываниях насчет военно-промышленного комплекса. Сам я — из бедной семьи, и мне ваши откровения, честно говоря, не по нутру.

— Это правда? — пролепетал Мортон.

— Да. И вы арестованы. Как видите, Гоу, наша беседа оказалась бесполезной — мы выявили предателя.

Гоу пристально глядел на меня, не опуская пистолета.

— Думаешь, я в это поверю?

— Нет, не думаю. Но могу показать удостоверение. — Улыбнувшись, я сунул руку в задний карман новой формы.

Вероятно, он неплохо стрелял по беззащитным зверушкам и бумажным мишеням, но для ближнего боя одной меткости недостаточно. Моя рука на миг отвлекла его взгляд, и этого мгновения хватило, чтобы другой рукой треснуть его по запястью. Пистолет коротко прошипел, что-то гулко ударило в стену за моей спиной, Мортон с визгом отскочил. Второй раз Гоу выстрелить не успел — мое колено воткнулось ему в живот.

Пистолет упал на пол, а капрал рядом с ним.

— Неплохо, Джим. — Я похлопал себя по плечу. — Рефлексы в порядке.

Мортон вытаращенными глазами посмотрел сначала на меня, затем на бесчувственного капрала.

— Ч-что п-происходит... — запинаясь, пробормотал он.

— То, что видишь. Не волнуйся, ты не арестован, — это была всего лишь уловка. Придвинь-ка стол к двери.

Из опасения, что отпрыск миллионера очухается раньше времени, я поднял пистолет. Что же теперь делать с этим баловнем судьбы? Идея! Опустившись на корточки, я расстегнул на нем мундир. Вот она, моя соломинка — капральская форма! Когда меня хватятся, то будут искать зачуханного новобранца, а не цветущего, одетого с иголочки капрала. Молодец, Джим! Ты заслужил это звание!

Я стащил с капрала штаны и сапоги, и, присвистнул от удивления — Гоу носил златотканые трусы. Все-таки мне повезло, что он слегка отяжелел от спокойной жизни. Мундир пришелся мне впору. А ботинки нет — у него были маленькие ступни. Придется носить свои. Я вытряхнул капральские карманы и кроме множества монет и портсигара с черными сигаретами

обнаружил маленький перочинный нож. С его помощью я разрезал на полосы свою форму и надежно связал Гоу. Оставшиеся полосы я использовал в качестве кляпа. Смерть от удушья капралу не грозила — он неплохо дышал через нос.

— Ты собираешься его убить? — спросил Мортон.

— Нет. Я хочу, чтобы он полежал спокойно, пока я осуществляю вторую часть плана.

К счастью, Мортон не спросил, какого именно.

В классе не было укромных мест, куда бы я мог запихать капрала. Хотя... там был стол.

— Мортон, встань-ка к двери и вообрази себя замком. Если кто-нибудь попробует ее открыть, нава-лись всем телом.

Я отодвинул стол от двери, затолкал под него связанного капрала, затем — чисто рефлекторно — порылся в ящиках стола. Там оказалась только папка с бумагами. Зажав ее под мышкой, я отошел полюбо-ваться на дело рук своих. Капрала не видать. Будем надеяться, что его найдут не сразу.

— Ну, что теперь? — бодро произнес я.

Мортон жалобно пискнул:

— Да, что теперь?

Я встряхнулся и попытался думать конструктивно.

— Итак, назад дороги нет. Значит, надо идти вперед. Когда разыщут капрала, установить наши имена будет нетрудно. К тому времени у нас должны быть другие имена. Следовательно, надо идти в отдел личного состава.

Мортон глядел на меня, часто моргая.

— Жак, дружище, ты не заболел? Я ни слова не понял из того, что ты сказал?

— Неважно. — Я разрядил пистолет, сунул его в стол, а обойму в карман. — Шагай впереди, делай, что прикажу. Выходи. Только сначала приотвори дверь, посмотри, нет ли кого поблизости.

Мы вышли из класса и двинулись по улице. Я нес под мышкой папку, Мортон шагал впереди. Раз-два, раз-два.

Мы свернули за угол и едва не столкнулись с военным полицейским в красном кепи.

— Стой! Смирно!

Мортон остановился и едва не упал, вытаращив глаза на полицейского.

— Смотреть вперед! — закричал я. — Команды пялиться по сторонам не было!

Полицейский не обращал на нас внимания, пока я его не окликнул:

— Эй, рядовой! Остановитесь.

— Это вы мне, капрал? — спросил он, оборачиваясь.

— А то кому же? У вас расстегнут карман. Но я сегодня добрый. Покажите, где здесь отдел личного состава, и можете идти.

— Прямо вперед, мимо эстрады для оркестра, сразу за камерой пыток.

Он поспешил дальше, ощупывая карманы в поисках расстегнутого. Мортон шатался и потел. Я хлопнул его по спине.

— Расслабься, дружище. В армии самое главное — это звание. Ну, что, готов идти дальше?

Он кивнул и поплелся вперед.

Я шагал следом и на каждом шагу выкрикивал противным гоосом команды, как заправский капрал.

Здание, где находился отдел личного состава, было большим и современным. На крыльце стоял охранник, проверявший пропуска у входивших. Мортон вдруг остановился и спросил обморочным голосом:

— Что ты затеял?

— Успокойся, все в порядке. Делай все, как я скажу, и не отставай от меня ни на шаг. Через несколько минут мы с тобой исчезнем без следа.

— Мы действительно исчезнем без следа, если войдем туда! Нас схватят и запытают до смерти...

— Молчать! — заорал я ему в ухо, и он шарахнулся, как от выстрела. — Ты не будешь говорить! Ты не будешь думать! Ты будешь шагать вперед, не то я тебя так разукрашу, что мама родная не узнает.

Проходивший мимо сержант улыбнулся и одобритительно кивнул. Я понял, что нахожусь на правильном пути.

— Шагом марш!

Мортон переставлял ноги, как автомат. Он был белее мела. Мы поднялись на крыльцо и поравнялись с вооруженным полицейским.

— Стой! Вольно! — гаркнул я и повернулся к полицейскому. — Эй, ты! Где транспортный отдел?

— Второй этаж, кабинет два ноль девять. Разрешите взглянуть на ваш пропуск, капрал.

Мой холодный взгляд медленно опустился по его телу к ботинкам, затем так же медленно поднялся. Солдат стоял по стойке «смирно», слегка вздрагивая. Я понял, что имею дело с «молодым».

— В жизни не видел более грязных сапог, — прошипел я. Когда солдат опустил глаза, я сунул ему под нос раскрытой перевернутую папку. — Вот пропуск. — Когда он снова поднял глаза, папка уже захлопнулась.

Он хотел что-то сказать, но осекся, встретив мой колючий взгляд.

— Спасибо, капрал. Значит, второй этаж.

Я повернулся, щелкнув Мортону пальцами и двинулся к лестнице. Стараясь не обращать внимания на вспотевший лоб. Дело было очень срочное — надо было спешить. А Мортон был плох. Его била крупная дрожь, и он в любую секунду мог потерять сознание. Но обратного пути для нас не было. Распахнув дверь в кабинет 209, я жестом велел Мортону войти. В кабинете стояла длинная скамья; указав на нее бедняге и сказав: «Садись и жди, пока не позову», я подошел к столу дежурного.

Он висел на телефоне и отмахнулся от меня. За его спиной стояли столы во всю длину комнаты, за которыми трудились солдаты, им было не до меня.

— Да, сэр, сейчас же этим займусь, сэр, — заливался дежурный. — Возможно ошибка компьютера, капитан. Мы немедленно вам сообщим. Очень сожалею.

Я услышал, как в трубке прозвучал сигнал отбоя.

— Чтоб тебя черти взяли! — прорычал он и бросил трубку, потом глянул на меня. — В чем дело, капрал?

— Капрал, мне нужен сержант транспортной службы.

— Он отбыл домой по семейным обстоятельствам. У него сдохла канарейка.

— Капрал, меня не интересует его личная жизнь. Кто его замещает?

— Капрал Гамин.

— Поставьте его в известность, что я иду.

— Хорошо. — Он взял телефонную трубку.

Я подошел к двери с надписью: «ТРАНСПОРТНЫЙ ОТДЕЛ. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН» и рывком распахнул ее. Худощавый смуглый человек оторвался от компьютера и нахмурился.

— Вы капрал Гамин? — спросил я, затворяя дверь и раскрывая папку. — Если да, то у меня для вас хорошая новость.

— Да, я Гамин. В чем дело?

— В вашем жалованье. В расчетном отделе сказали, что из-за компьютерной ошибки вам в последнюю получку не доплатили свыше двух сотен. Вас просят немедленно подойти к кассиру.

— Я так и знал! В двойном размере вычли страховку и плату за стирку!

— Все они чертовы олухи. — Мне всегда казалось, что нет на свете, а особенно в армии, человека, который не сомневался бы в том, что ему недоплачивают жалованье. — Бегите к кассиру, пока он снова не потерял ваши деньги. Можно отсюда позвонить?

— Наберите сначала девятку. — Он затянул на шее галстук, надел китель, затем выдернул ключ из терминала. Экран погас. — Как пить дать, они должны мне куда больше. Сам проверю ведомости!

За его столом в кабинете была еще одна дверь, и сержант, к моей великой радости, ушел через нее. Едва он исчез, я бросился к двери, через которую входил, и высунул голову. Когда дежурный обратил на меня внимание, я обернулся и, крикнув через плечо: «Он вам тоже нужен, капрал?» — кивнул и позвал Мортон:

— Эй, новобранец, иди сюда.

Мртон вскочил как ужаленный и кинулся ко мне. Я запер за ним дверь.

— Располагайся поудобнее и не задавай вопросов. — Я стащил ботинок с ноги и достал отмычку. — Мне надо действовать быстро.

Он плюхнулся в кресло и безумными глазами следил за тем, как я оживляю терминал.

Все прошло как по маслу. Очевидно, человек, составлявший программу для компьютера, рассчитывал, что пользоваться ею будут круглые дураки. Наверное, он имел для этого основания. Я без труда вывел на экран дисплея информацию о последних перемещениях личного состава.

— Ага, вот куда мы с тобой отбудем через несколько минут. Форт Абомено. Ну-ка, Мортон, быстро назови свое военное имя и личный номер. — Введя в компьютер наши имена и номера, я включил принтер и получил две распечатки. — Великолепно! Мы теперь в безопасности, ибо только что отбыли в форт Абомено.

— Но... мы же здесь.

— Телом здесь, мой мальчик. По документам — а документы в армии главное — мы отбыли. Теперь мы защитим свои тела.

Я пробежал глазами списки командированных, вычеркнул две фамилии и, обернувшись к терминалу, быстро ввел нужные данные. Мы должны исчезнуть, пока не вернулся капрал. Принтер мягко зашуршал и выбросил сначала один лист, потом второй. Я подхватил их, отключил терминал и махнул Мортону.

— Пошли. Выйдем через заднюю дверь. Расскажу, в чем дело, когда выберемся из здания.

Мы вышли на лестничную площадку. Навстречу кто-то поднимался по ступенькам. У меня екнуло сердце, но это, слава Богу, оказался не Гамин. Его мы увидели в вестибюле, но он был довольно далеко и не смотрел в нашу сторону.

— Рекрут, направо! Левое плечо вперед! — тотчас скомандовал я, и мы свернули к первой попавшейся двери. За ней мы увидели лейтенанта. Тот стоял возле зеркала и расчесывал длинные волосы. То есть, она стояла и расчесывала.

— Капрал, у вас что, кочан вместо головы? Не можете прочесть, что на двери написано? Только для женского состава.

— Простите, сэр, то есть, мэм, темно в вестибюле. Да и зрение у меня не в порядке. Рекрут, ты почему не прочитал надпись? А ну, шагом марш на гауптвахту!

Я вытолкал Мортонa в вестибюль. Капрала Гaмина было не видеть, и я поволок своего несчастного спутника к выходу.

— Мортон, старайся идти быстро, но не привлекать внимания.

Мы вышли за дверь, спустились с крыльца и свернули за угол. Там я остановился и прислонился к стене. Вытерев пот со лба папкой, которую все еще держал в руке, я улыбнулся. Мортон смотрел на меня, разинув рот.

— Свобода и жизнь, — хихикнул я. — Нас с тобой передислоцировали. Наконец-то мы в безопасности.

— Я ровным счетом ничего не понимаю.

— Объясняю: с этого часа военные будут считать, что мы не на базе Мортстерторо, а отправлены в форт Абомено вместе с группой солдат. Нас там будут искать, но вряд ли найдут. Чтобы число прибывших в форт не расходилось с числом отправленных отсюда, двое солдат возвращаются обратно. На бумаге, конечно. Вот наши документы, капрал. Надеюсь, ты не против повышения в звании. Я теперь сержант. Мы займем их квартиры, будем есть их пайки и получать за них жалованье. Прежде чем откроется ошибка, пройдут недели, а может, и месяцы. Но к тому времени мы будем далеко отсюда. Ну, как тебе нравится моя идея?

— Ургль, — невнятно сказал Мортон. Глаза его закатились, и он упал бы, не успей я его подхватить.

— Крепись, дружище, — сказал я, прислонив Мортонa к стене. Я сам едва на ногах держусь. Что и говорить, денек нынче выдался еще тот!

Глава 11

Жажда и усталость — это сейчас не главное, хотя и то, и другое давало себя знать. Забыть об этом. Звание дает определенные привилегии, но для этого надо иметь соответствующие регалии. Я встряхнул Мортон, он тупо заморгал.

— Держись, Морт, недолго осталось, — сказал я, приведя своего спутника в чувство. — Сейчас мы отправимся в гарнизонный магазин и кое-что приобретем, а после со спокойной совестью будем отдыхать. Ты способен идти?

— Нет. Я еле жив, мне страшно. Иди один, я не выдержу.

— В таком случае, придется вернуть тебя сержанту Клутцу. А вот и он сам позади тебя.

Мортон взвизгнул и подпрыгнул: ноги пустились бежать еще до того, как их хозяин приземлился. Я едва успел схватить его за руку.

— Что ты, Морт, я пошутил. Хотел стимулировать выделение адреналина. Пойдем.

Адреналина Мортону хватило только на то, чтобы дойти до гарнизонного магазина. Там я прислонил его к стенке возле кассы и вручил свою папку.

— Стоять здесь, не двигаться и не выпускать папку из рук. Иначе я не знаю, что с тобой сделаю. В лучшем

случае, освежую. Ясно, рекрут? — И шепотом спросил: — Какой у тебя размер одежды?

Он глупо заморгал. Повторив вопрос несколько раз и добившись наконец ответа, я направился к скучающему продавцу.

Получив все необходимое, в том числе несколько шевронов и тюбик с быстродействующим клеем, и расплатившись деньгами Гоу, я повел Мортон в уборную.

— Заходи в кабину один. А то еще подумают о нас невесть что. Сбрось свои обноски и надень вот эту форму. Давай пошевеливайся.

Пока он возился в кабинке, я наклеил сержантские шевроны поверх капральских. Когда Мортон управился с переодеванием, я подтянул его галстук и наклеил на рукав шеврон. Его старая форма вместе с папкой отправились в очко, а мы — в бар для сержантского состава.

— Пиво или что-нибудь покрепче? — спросил я, усадив Мортон за столик.

— Я не пью.

— С этого дня пьешь. И ругаешься. Ты в армии, не забывай. Посиди, я сейчас вернусь.

Я заказал две двойных порции чистого этилового спирта и две кружки пива, вылил спирт в пиво и вернулся к нашему столику. Мортон не посмел ослушаться и залпом выпил полкружки. Потягивая свой «коктейль», я любовался его розовеющим лицом и вытаращенными глазами.

— Не знаю, как и благодарить тебя...

— Никак. Ведь я пытаюсь спасти собственную шкуру, а ты всего-навсего составляешь мне компанию.

— Кто ты, Жак? Зачем ты делаешь то, что делаешь?

— Если я скажу, что я шпион и пытаюсь выведать военные тайны, — ты поверишь?

— Да! — мгновенно ответил Мортон.

— Н-да. Так вот, я не шпион. Я такой же рекрут, как и ты. Хотя признаюсь, что до призыва жил не в Пенсильдельфии, а гораздо дальше. Ну, допивай, ты, я вижу, быстро учишься. Пойду возьму еще пару пива и чего-нибудь пожевать.

Мортон набросился на еду с волчьим аппетитом; я же ел неторопливо, раздумывая о том, что делать дальше. Потом заказал еще по кружке (кошелек Гоу казался бездонным) и сигару.

— Ух, как вкусно! — восхищался Мортон с набитым ртом. — Жак, ты жамешашельный парень, просто жамешашельный!

— Вздремни, — посоветовал я, видя, что его глаза съезжаются к переносице, а лоб вот-вот стукнется о стол. — Проснешься новым человеком.

Я неторопливо прихлебывал из кружки — хотелось, чтобы пиво и спирт бодрили, а не туманили рассудок. Бар пустовал, только через столик от нас в той же позе, что и Мортон, похрапывал сержант. Наверное, нализался того же, что и мы. Простые радости военной жизни...

Мне вспомнилась военная служба на Спайовенте, потом Слон, а потом и негодяй, по чьей вине он погиб.

— Я не забыл тебя, капитан Гарт, не надейся! — пробормотал я. — Последние дни я заботился только о том, чтобы выжить, но теперь выхожу на твой след. Ведь мы с тобой в одной армии, на одной базе.

Голова вдруг отяжелела, и я поставил кружку. День выдался трудный, я вымотался не меньше, чем Мортон. Музыкальный автомат гипнотизировал «кантри» и «музыкой угольных копеек», казалось, весь мир погружается в сон. Но так продолжалось недолго.

Услышав подозрительный шорох, я взглянул на коробки, которыми была заставлена стена. Среди них кто-то возился. Вскоре показался острый носик и подрагивающие усы. Крыса замерла, уставясь на меня.

— Кыш отсюда, если не хочешь в суп. — Я хихикнул, довольный остротой.

— Джим диГриз, мне необходимо с тобой поговорить! — пробасила вдруг крыса.

Да, денек выдался еще тот. Даже не заметил, как поехала крыша.

— Брось! Ты — вовсе не крыса, а плод моего больного воображения. — С этими словами я схватил кружку и мигом осушил.

— Разумеется, я не крыса. Я — капитан Варод из флота Галактической Лиги.

Очень осторожно, чтобы не разбудить Мортонa (это моя галлюцинация, и я должен сам с ней разобраться), я завладел его кружкой. И ехидно произнес:

— А вы маленько усохли со дня последней нашей встречи.

— Хватит корчить из себя идиота, диГриз! Выслушай меня. Эта крыса — робот-шпион, управляемый с базы. Ты обнаружен и опознан.

— Кем? Крысой?

— Заткнись. Время дорого, военные в любую минуту могут засечь передатчик крысы. Нам нужна твоя помощь. Ты — первый агент, сумевший проникнуть на территорию этой базы...

— Агент? А я считал себя преступником, которого хотят вернуть домой и отдать под суд.

— Я же сказал — нам нужна твоя помощь. Мы не шутим, речь идет о человеческих жизнях. Генералы замышляют вторжение на материк. Мы узнали об этом из перехваченных радиogramм, но где произойдет высадка, нам неизвестно. Вторжение может привести к неисчислимым жертвам. Надо во что бы то ни стало узнать планы генералитета...

Дверь с грохотом распахнулась, в бар ворвались офицер с пистолетом в руке и техник, увешанный радиоаппаратурой.

— Сигнал идет отсюда, сэр! — заявил техник, указывая точнехонько на меня.

— Какого черта этот вшивый рядовой лезет в сержантский бар?! — заорал я, вскакивая и пиная коробку под крысой. Металлическая зверушка упала на пол, и я раздавил ее каблуком.

— Не дергайся сержант, — сказал офицер. — Идет розыск...

— Сэр, передача прекратилась! — доложил техник, взглянув на экран пеленгатора.

— Дьявол! — выругался офицер, засовывая пистолет в кабуру. — Должно быть, передатчик за стеной, на улице. Не у этих же алкашей.

— Да, сэр, должно быть, на улице. Переносная модель.

— За мной!

Когда за ними захлопнулась дверь, я спросил у бармена:

— Часто здесь такое случается?

— Да, сэр. База у нас еще та.

Мортон во всю храпел. Я потрогал носком ботинка останки стальной крысы. Предзнаменование? Из крысы вывалилась и покатилась шестеренка.

— Налей-ка мне еще одну, — попросил я бармена. — И себе, поскольку оба этих типа дрыхнут без задних ног. — Я кивнул в сторону Мортонa и незнакомого сержанта.

— Щедрая у вас душа, сэр. Только что прибыли?

— Сегодня.

— Да, сэр, база у нас...

Голос бармена утонул в громовом раскате — сам собой включился телевизор. Военный диктор в черном зарычал с экрана:

— Высадившийся в Мархавено шпион опознан. Ему удалось выдать себя за безобидного рекрута и внедриться в армию. Это установлено благодаря решительным действиям полиции, обнаружившей его гражданскую одежду.

Тоже мне, решительные действия! Я сам послал в участок шмотки, и теперь, должен признаться, шутка не казалась мне такой остроумной. Диктор исчез с экрана, появился другой офицер.

— Внимание! — рявкнул он. — Никого не выпускать за территорию базы. Запереть все ворота, прекратить вылеты авиатранспорта. Шпион, высадившийся в бухте Мархавено, проник на базу.

У меня в груди запрыгало сердце, но утихомирилось, едва на экране появилось фото Жака. Я все еще опережал сыщиков на целый корпус. Скоро они выяснят, что Жак 5138 покинул базу, и пойдут по ложному следу. Забрав со стойки кружку, я вернулся за столик и встретил затравленный взгляд Мортонa.

— Хочешь пивка?

Мортон не ответил, но показал на экран дрожащим пальцем.

— А, ты слышал... Какой же это шпион, если позволил загresti себя в армию? Бьюсь об заклад, к вечеру его схватят и прикончат. — Заметив, что у

Мортону дрожат губы, я наклонился к нему и прошептал: — Пока они обыщут базу, пройдет немало времени.

— Нет, Жак. Они ведь знают, где искать. Сразу выйдут на сержанта Клутца, а он доложит, что передал нас капралу Гоу. А Гоу скажет, что...

— И след потеряется. Чтобы прочесать такую огромную базу, надо несколько дней. Ума-то у них не хватит проверить данные компьютера.

— Внимание! — на экране снова появился диктор, потряс листком бумаги и сообщил: — Поступила новая информация. Шпион и его пособник незаконно воспользовались компьютером и оформили свой перевод на другую базу. Персонал компьютера взят под арест и, вероятно, будет расстрелян.

Я отвернулся, чтобы не смотреть Мортону в глаза.

— Теперь они точно знают, где искать, — глухо произнес он. — И скоро выяснят, что мы вовсе не покидали базу.

Я рассмеялся — надо заметить, очень ненатурально.

— Не так скоро, Морт. Может, через день, а то и через неделю. А полчаса у нас всяко есть.

Он дернулся всем телом, будто получил удар в десять тысяч вольт, и вскочил на ноги. Я усадил его обратно и глянул на бармена. Тот смотрел телевизор.

— Ты прав, — сказал я. — Мы уйдем отсюда, но не спеша. Вставай. Иди за мной.

Мы двинулись к двери. Бармен взглянул в нашу сторону.

— Где казарма для командированных? — спросил я.

— Через черный ход и направо. Счастливо.

— Спасибо. Пока.

Мы вышли через черный ход и свернули налево. Смеркалось. Это обнадеживало.

— У тебя есть план? — с надеждой в голосе произнес Мортон. — Ты знаешь, как отсюда выбраться?

— Конечно. — Я хлопнул его по спине. — Каждый шаг продуман заранее, не волнуйся. — Веселье в моем голосе явно звучало фальшиво, но я надеялся, что Мортон этого не заметил. Необходимо было, чтобы он думал, будто я знаю, что делаю — иначе он мог

сломаться. Я шел на ложь во спасение его боевого духа.

А как насчет моего собственного духа? До сих пор мне удавалось удерживать его на относительно большой высоте, но я чувствовал, что черная паника уже стучится в двери моего сознания.

Мы шли по улице, заполненной военными. Загорались фонари. Сколько нам еще гулять на свободе? Ответ пришел сразу, и был он неутешителен: недолго. Паника застучала громче.

Я слышал, будто приговоренные к повешению проявляют чудеса изобретательности. Виселица мне не грозила, но в затылок дышало не менее страшное наказание, заставляя меня шевелить извилинами. Когда мимо прошел офицер, я остановился, провожая его взглядом, пока он не исчез в толпе. Мортон слабо вцепился в мой рукав.

— Что случилось? Что-нибудь не так?

— Ничего не случилось. Все так. Теперь я точно знаю, куда идти.

— Куда?

— Не спрашивай. Иди, куда я скажу. Я помню, где он. Видел по дороге.

— Кого видел?

— Не кого, а что. ДОС. — И пояснил, глядя в изумленные глаза: — Дом офицерского состава. Там живут офицеры, когда не пьянствуют в баре и не издеваются над нижними чинами. Туда мы и пойдем.

Я показал на ярко освещенное здание. У парадного стояли часовые, а из двери то и дело выбегали офицеры.

— Но это же самоубийство! — В голосе Мортонa появилась истерическая нотка.

— Ну-ну, успокойся. Мы же не через парадный войдем. Это действительно было бы самоубийством. Но там, где есть парадный, должен быть и черный ход. Видишь, сколько народу на улице? Очевидно, всех подняли по тревоге и заставили разыскивать нас. — Я мрачно хохотнул, он глянул на меня, как на сумасшедшего. Может, так оно и было. Это скоро выяснится.

За домом находился садик, обнесенный высокой стеной. Вдоль стены шла темная аллея. Как раз то, что

нужно. Над калиткой горела лампочка. Приблизившись, я прочел табличку: «Только для офицеров». Стуча зубами, Мортон следил за тем, как я достаю из сапога отмычку. Я старался не поддаваться панике, исходившей от Мортонна, но она оказалась очень заразна. Сжав его предплечье, я сказал:

— Успокойся, Морт. Замочек совсем простенький, мигом справлюсь.

Не тут-то было. Отмычка провернулась вхолостую.

— Сюда кто-то идет! — простонал Мортон.

— Вот черт! — пробормотал я, обливаясь потом. — Я ведь такие замки с закрытыми глазами отпирал.

— Уже близко.

Я скомандовал себе: «Закрой глаза» — и целиком сосредоточился на замке и отмычке. Наконец раздался щелчок.

— Быстрее! — я втащил Мортонна в сад и запер калитку. Мы прижались к стене и дрожа слушали приближающиеся шаги.

— Я же говорил, все будет в порядке, — сказал я, когда шаги стихли в отдалении. Мортон стучал зубами и не заметил, как голос мой предательски дрогнул. — Смотри, какой милый садик! Дорожки для прогулок, скамеечки для любви, все, что необходимо для офицерского счастья. А за садиком — темные окна. Знаешь, почему они темные? Потому, что там никого нет, все отправились ловить нас с тобой. Осталось всего ничего — открыть одно из этих милых окошек и...

— Зачем, Жак?

— Разве ты еще не понял? Офицеры сейчас ищут рекрутов. Когда компьютер даст новые сведения, они примутся искать капрала и сержанта. Поэтому надо забраться в дом и стать офицерами. Только так.

Я подхватил его бесчувственное тело и опустил на траву.

— Хорошо, старина. Полежи отдохни. Я мигом.

Третье окошко оказалось незапертым. Я заглянул в комнату. Неубранная постель, открытый шкаф. Великолепно.

При моем появлении Мортон, успевший сесть, съезжился и схватился за голову. Я вовремя зажал ему рот ладонью.

— Тихо! Все в порядке. Мы у цели.

С моей помощью Мортон перевалился через подоконник на кровать. Забравшись в комнату, я запер окно на шпингалет. Из дверного замка торчал ключ. Это оказалось весьма кстати.

— Все, — сказал я Мортону. — Лежи и набирайся сил. Я тебя запру. В доме, кажется, никого, надеюсь управиться быстро.

В ДОСе и впрямь не было ни души, поэтому я не торопился, выбирая нужные вещи. Потом возвратился к Мортону и бодро заявил:

— Новая форма — новый человек. Одевайся, а капральский мундир давай сюда. Ну-ка, дай завяжу галстук, у тебя пальцы потные.

Вскоре, одетые с иголочки, мы вышли в освещенный коридор, оставив сержантскую и капральскую форму в сортире, в корзине для использованной бумаги. В коридоре Мортон взглянул на меня и, вскрикнув, отпрянул.

— Успокойся, ты выглядишь точно так же. Разница лишь в том, что ты лейтенант, а я — капитан.

— Н-но... — пролепетал он. — Т-ты же... военный полицейский?

— И ты. К фараонам никто не привяжется.

Мы свернули за угол и оказались у выхода. Стоявший в дверях с папкой в руках майор довольно осклабился, увидев нас.

— Ага! Вас-то я и ищу!

Глава 12

Я вытянулся по струнке и козырнул майору, всей душой надеясь, что Мортон не настолько ошалел от страха, чтобы не последовать моему примеру.

Возле майора стоял часовой. «Интересно, — подумал я, — успеет ли он вытащить пистолет, пока я буду заниматься майором?»

Действительно, интересно. Майор уставился на свой планшет. Вперед — сделай его! Он поднял глаза, как только я сделал движение вперед. Часовой тоже смотрел на меня. Я качнулся назад.

— Не застал вас на аэродроме, — сказал он. — Значит, вы прилетели предыдущим рейсом. Но в списке командированных указано два капитана. Кто этот лейтенант?

Список командированных? Два капитана? Я заставил опуститься полезшие на лоб брови и озадаченно спросил:

— Может быть, ошибка, сэр? Сегодня такой суматошный день. Разрешите взглянуть на список?

Он что-то проворчал и протянул мне папку. Я провел пальцем по списку и остановился на двух нижних именах. Вернул папку майору.

— Так и есть, сэр — ошибка. Я — капитан Дрем. А это Хеск, не капитан, как здесь напечатано, а лейтенант.

— Ладно, — майор внес в список поправку. — За мной — шагом марш!

Мы подчинились. За дверью стоял грузовик, битком набитый военными полицейскими (надо заметить, весьма неприятное зрелище). Майор забрался в кабину, а я помог Мортону подняться в кузов и залез сам. Причем, очень быстро, ибо не хотел, чтобы майор увидел то, что увидел я, а именно, двух военных полицейских, идущих к машине. Заглянув в кузов, они состроили брезгливые гримасы и направились к парадной. Я огляделся и понял, почему они скривились — кроме нас с Мртоном в грузовике не было ни одного офицера.

— Что у вас тут, заседание дамского клуба? — прорывал я. — А ну, заткнитесь и уплотнитесь.

Полицейские быстро и беспрекословно подчинились. Мы с Мртоном уселись на скамью, любезно предоставленную нам нижними чинами и унтер-офицерами. Грузовик тронулся с места, и я с облегчением вздохнул.

Нас мотало и бросало в ночи, на меня навалилась усталость. Это был тот еще денек.

— Капитан, вы, случаем, не знаете, куда нас везут? — обратился ко мне дородный сержант.

— Заткнись!

— Благодарю вас, сэр.

После этого обмена любезностями никто не рискнул завести разговор. Наконец грузовик остановился.

— Вылезай! — приказал майор. — Капитан, следуйте за мной.

— Постройте людей, лейтенант, — приказал я Мртону. Он шагнул ко мне с белым от отчаяния лицом.

— Как... что, я не могу, — прошептал он.

— Прикажи сержанту это сделать, — ответил я ему негромко. — Передай другому — это армейский закон.

Я подбежал к майору, который возился с ключами у входа в огромное здание, и застыл как вкопанный

перед огромными афишами у входа. Афиши были трехмерными, очень красочными, с изображениями множества голых девиц.

— Перестаньте паяльаться, капитан, — рявкнул майор, и я вытянулся по струнке, не отрывая глаз от вывески: «ГАРНИЗОННЫЙ ТЕАТР — ТОЛЬКО ДЛЯ ОФИЦЕРОВ». Майор отыскал нужный ключ и открыл замок. — Сегодня представления не будет, — сказал он, — а будет чрезвычайное заседание. Совершенно секретное. Сейчас придут техники и осмотрят театр на предмет подслушивающих устройств. Я приставлю к каждому технику полицейского, а вас назначаю ответственным. Составите списки личного состава и отдадите мне. Ясно?

— Да, сэр.

— Сейчас я лично проверю, заперты ли все двери кроме парадной. У нас с вами всего час, действуйте.

Я отдал честь и, проводив майора взглядом, попытался понять, что все это значит. Раздумья были прерваны скрежетом тормозов — к поребрику приткнулся грузовик. Из кабины выскочил сержант и кинул руку к козырьку.

— Ну, и кого же вы нам привезли? — спросил я.

— Техников, сэр. Нам приказано...

— Знаю, что приказано. Выгрузить и построить.

— Есть, сэр.

Я подошел к аккуратной шеренге военных полицейских и ткнул пальцем в Мортон.

— Вы, лейтенант Хеск, займете пост у входа. Никого не впускать и не выпускать без моего разрешения.

Мортон оглянулся через плечо, и у меня екнуло сердце. Все же новое имя не выветрилось у него из головы — он поплелся к входу. Окинув шеренгу мрачным взглядом и остановив его на правофланговом — седом сержанте с лицом, напоминающим старый сапог, и множеством шевронов на рукаве — я состроил злобную гримасу и процедил сквозь зубы:

— Вы — старший унтер-офицер?

— Да, сэр.

— Отлично. Слушайте приказ. Приставить к каждому технику по одному полицейскому. Всех сосчитать и

переписать, да без ошибок. И пеняйте на себя, если что. Вопросы есть?

— Никак нет, капитан.

Сержант повернулся на каблуках и с наслаждением выпустил воздух из легких. От его рева с ближайших голов слетели кепи. Кивком выразив одобрение, я подошел к парадной и встал рядом с Мортонем.

— Намечается что-то важное, — тихо сказал ему я. — Через час здесь начнется чрезвычайное заседание, а мы отвечаем за охрану. Не знаю, как тебе, а мне это кажется интересным.

Мортон застонал, а я пошел посмотреть, как выполняются мои распоряжения.

Техники сняли ранцы и настраивали приборы на контрольных панелях, висевших на груди. Один солдат направил датчик на грузовик, и я заметил, как дрогнула стрелка на приборе. В головных телефонах, висевших у него на шее, отчетливо пискнуло.

— Капитан, тут неисправность.

Я обернулся.

— В чем дело, сержант?

— Он говорит, у него что-то не ладится. — Сержант вцепился в руку помертвевшего от страха техника, как собака в кость.

— Батарейка, сэр... — прохныкал солдат. — Села, сэр... И замыкание...

— Ясно, саботаж. Сержант, арестуйте его. На расвете — расстрелять.

Сержант ухмыльнулся. Техник застонал. Я приблизил к нему лицо и процедил сквозь зубы:

— Или тебе хватит шестидесяти секунд, чтобы починить прибор?

— Так точно, сэр! Я все сделаю! Все исправлю!

Он затопал прочь, огорченный сержант — следом. Я был доволен тем, как вжился в роль, хотя знал, что утром себя возненавижу.

Вскоре к нам прибыло подкрепление. Вернулся майор и распределил полицейских вокруг театра. Двоих он поставил возле Мортоня. Глядя на них, мой приятель дрожал как осиновый лист, и я поспешил на помощь.

— Можете открыть дверь, лейтенант. Кроме техников и сопровождающих никого не впускать. И считайте по головам всех входящих и выходящих.

Под окрики сержанта обыск театра закончился без проволочек. Когда техники грузили свой скарб в грузовик, подъехала первая машина с начальством.

— Каковы результаты, сержант? — спросил я.

— Куча пивных банок и тому подобного хлама. Все чисто, капитан.

— Отлично. Уберите солдат с глаз долой, но не отпускайте и держите неподалеку. Они могут понадобиться.

— Что происходит? — спросил Мортон.

— Хороший вопрос. Большое, тайное и очень внезапное заседание. Взгляни на тех типов, что выходят из машины. У них звания не ниже штаб-офицерских.

— Раз так, надо уносить отсюда ноги.

— Зачем? Где ты найдешь более надежное укрытие? Мы же охрана, никто нас не заподозрит. Посмотри вон на того, девять звездочек на погоне, крупная шишка! А тот, что рядом, вырядился-то как! Странная форма, впервые такую вижу. Наверное, спецвойска какие-нибудь.

Офицер обернулся, и я увидел серебряный череп на его погоне. Другой такой же череп блестел над козырьком кепи. А под козырьком — знакомые глаза.

Капитан Гарт! Бывший капитан венианского торгового корабля! Человек, из-за которого погиб Слон!

— Стой здесь, — велел я Мортону и отошел в тень. Как только Гарт направился к парадной, я двинулся наперерез. И оказался у него за спиной, когда он подошел к майору.

— Генерал Зеннор, почти все на месте, — услышал я слова майора, проходя мимо.

— Когда придет последний, сообщите мне и закройте дверь.

Я дождался, когда Гарт скроется в здании, и вернулся к Мортону.

— Что все это значит? — спросил он.

— Пустяки. Тебя это не касается.

Итак, Гарт уже не капитан мирного корабля. Генерал Зеннор. А может, он и тогда был генералом? Интересно, что они затеяли, эти генералы?

Я так глубоко задумался, что не услышал зов майора. Спасибо Мортону, наступившему мне на ногу.

— Да, сэр. Вы меня, сэр?

— Вы что, Дрем, заснули?

— Никак нет, майор. Задумался о том, как бы сделать охрану надежнее.

— Похвально. Только пусть этим занимаются ноги, а не голова. От ног больше проку. Проверьте посты возле каждой двери.

Я с радостью козырнул. Возможно, это тот самый счастливый случай, которого я дожидался.

— Лейтенант! — позвал я Мортон. — В обход постов — за мной, шагом марш.

Шагая вдоль стены, я азартно потирал руки.

— Мортон, тут происходит что-то важное. И я хочу узнать, что именно.

— Пожалуйста, не надо!

— В другое время охотно выполнил бы твою просьбу. Но сейчас нам необходимо выяснить, зачем сюда съехалось начальство. Видел, какие на них мундиры? А мне нынче одна крыса нашептала, что они готовят вторжение. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы смекнуть, что это совещание напрямую связано с войной. Вопрос в том, как на него попасть.

Мы приблизились к боковому входу. Завидев нас, постовой вытянулся и отдал честь. Я толкнул дверь — заперта. Взглянув на часового, я осклабился.

— Когда тебя здесь поставили, дверь была заперта?

— Да, сэр.

— Кто-нибудь пытался войти?

— Нет, сэр.

— Что тебе приказано?

— Убить любого, кто попытается войти, сэр. — Он положил ладонь на рукоять пистолета.

— В том числе и непосредственное начальство? — заорал я ему в ухо. Он покачался и отдернул руку от оружия.

— Никак нет, сэр.

— Так вот, знай: ты ответил неправильно, и тебя надо расстрелять за невыполнение приказа. Офицер, проверяющий посты, имсет право прикоснуться к двери, проверить, заперта ли. Если он попытается войти, ты обязан убить его на месте. Ясно?

— Так точно, сэр!

— Отставить улыбку! Я вижу, тебе по душе эта идея.

— Да, сэр. То есть, нет, сэр.

Я порывал на него еще малость, и мы с Мортонем двинулись дальше. У двери на противоположной стороне здания я остановился, подергал ручку и взглянул на металлическую лестницу, ведущую на крышу.

— Что это?

— Пожарная лестница, сэр, — ответил часовой.

— Наверху есть охрана?

— Да, сэр.

Мортон полез следом за мной по лязгающим перекладинам. В пути я ненадолго остановился, чтобы достать из сапога отмычку. На крыше нас встретил охранник. Он успел наполовину вытащить из кобуры пистолет, прежде чем я поинтересовался ледяным тоном:

— Уж не в меня ли ты стрелять собрался, дружок?

— Нет, сэр. Виноват, сэр.

— А знаешь ли ты, что солдата, поднимающего оружие на офицера, отдают под трибунал!

— Что вы, сэр, я не поднимал! Я здесь один, вижу, кто-то идет...

— Не верю, солдат! Что-то здесь не так. Ну-ка, отойди от двери и встань возле лейтенанта.

Как только он отвернулся, я вставил отмычку в замок, мгновенно провернул и шагнул назад.

— Солдат, дверь заперта?

— Да, конечно, сэр. Меня для того и поставили здесь, чтобы...

Он умолк, едва я легким толчком отворил дверь.

— Солдат, вы арестованы. Лейтенант, отведите его к майору. Доложите о том, что случилось, и вместе с майором вернитесь сюда. Выполняйте.

Как только они скрылись из виду, я вставил отмычку в замочную скважину, провернул и с силой нажал. В

замке хрустнуло. Спрятав отмычку, я шагнул в дверь и тихонько затворил ее за собой. Пройдя по длинному коридору, я вскоре оказался у занавешенного пыльными портьерами входа в зал. Слегка раздвинув портьеры, прислушался.

— ... необходимо соблюсти полную секретность до самого старта. Пакеты с приказами не распечатывать до часа «Х». Места сосредоточения отмечены на...

Я узнал Гарта по голосу. Вот он передо мной, водит указочкой по карте. Я внимательно посмотрел на карту, отпустил портьеры и пошел обратно.

По лестнице кто-то торопливо поднимался. Вскоре над крышей появилась голова майора.

— Что случилось?

— Не могу понять, сэр. Мне показались подозрительными действия часового — его оружие находилось не в кобуре, а в руке. Вдобавок дверь оказалась незапертой. Я решил вам сообщить, сэр.

— Быть этого не может! Я сам ее запираю! — От его прикосновения дверь отворилась. Майор побледнел. — Вы входили?

— Разумеется, нет. Мне не положено. Может быть, замок неисправен?

— Может быть. — Он достал связку ключей, выбрал нужный, вставил в скважину и провернул. — Не запирается!

— Позвольте попробовать, сэр.

Взяв ключи из его ослабевших пальцев и повозившись с замком, я, естественно, большого успеха не добился. Возвратив майору ключи, я тихо произнес:

— Плохо дело, сэр, начальство встревожится, начнет искать виноватых. Боюсь, вам грозит взыскание. Я позабочусь о том, чтобы охранник держал язык за зубами. Потом вызову сварщика, чтобы он заварил дверь наглухо. Наверное, так будет лучше, майор?

Майор посмотрел на меня, на дверь, на ключи, которые по-прежнему держал в руке. Сунул ключи в карман и расправил плечи.

— Вы правы, капитан. Ни к чему по пустякам беспокоить начальство. Немедленно отправляйтесь за сварщиком, а я покараулю у двери.

— Слушаюсь, сэр. Положитесь на меня.

Мортон ждал меня под лестницей, рядом стоял насмерть перепуганный полицейский. Я смерил паренька испепеляющим взглядом.

— Солдат, я собираюсь вас пощадить, хоть это и нарушение устава. Думаю, разумнее всего будет забыть это происшествие. Как вас зовут?

— Пип 7812, сэр.

— Ладно, Пип, можете возвращаться в расположение части. Но учтите, если до меня дойдут слухи насчет замков и прочего, вас не станет в течение двадцати четырех часов. Ясно?

— Какие замки, капитан? Не понимаю, о чем вы говорите.

— Очень хорошо, Пип. Передайте сержанту, чтобы немедленно прислал ко мне сварщика с оборудованием. Шевелись.

— Что все это значит? — спросил Мортон.

— Близится война, мой друг. Теперь я знаю, зачем сюда съехалось начальство. Мне известен план вторжения.

Единственный вопрос — какой мне прок от этих сведений?

Глава 13

К концу заседания я постарался оказаться подальше от входа в театр. Было очень маловероятно, что Зеннор как следует запомнил меня в бытность свою капитаном Гартом, но чем черт не шутит. На всякий случай, я решил не маячить на глазах у «начальства».

Солдат построили и пешим порядком отправили в казарму — когда в них не было срочной нужды, их не баловали удобной транспортировкой. Майор предложил подбросить нас на своем автомобиле, но я отказался.

— Зря, могли бы подъехать, — прохныкал Мортон.

— Куда, в тюрьму? Чем дальше мы от начальства, тем спокойнее.

— Я устал!

— А кто не устал? Не говоря уже о том, что проголодался. Пошли, найдем местечко, где можно тряхнуть кошельком Гоу...

— Джим... Джим диГриз...

Звук был очень высок, на пределе слышимости. Я встревожился — уж не слуховая ли галлюцинация? — и оглянулся, но кроме Мортонна поблизости не было ни души.

— Ты что-нибудь слышал?

— Нет. А что, должен был?

— Не знаю. У меня в ухе что-то прожужжало.

— Может быть, с тобою моль разговаривает? Ха-ха.

— Сам ты ха-ха. Что еще за моль?

— Разве не видишь? Сидит на твоём капитанском погоне. Страхнуть?

— Нет, оставь.

Я повернул голову и, поморгав, краем глаза увидел моль. Она вспорхнула и уселась мне на ухо.

— ... Иди... аэрогропл... сейчас же!

— Не понимаю.

— Это потому, что я не говорю.

— Мортон, заткнись. Я не с тобою разговариваю, а с молью.

У него отвисла челюсть, он быстро отошел в сторону.

Не обращая на него внимания, я сказал:

— Повтори.

— Аэродром... иди на аэродром.

— Ладно, понял, иду на аэродром.

Моль улетела, а я похлопал Мортон по плечу. Его била крупная дрожь.

— Взбодрись и пошли. И перестань пялиться на меня, как на психа. Моль — всего-навсего связной.

— Чей связной?

— Много будешь знать — плохо будешь спать.

— Все-таки ты шпион, правда?

— И да, и нет. Я здесь по своим делам, но кое-кто попытается этим воспользоваться. Понял?

— Нет.

— Вот и хорошо. Пошли искать аэродром. Могу предположить, что он находится там, где горят огни и садятся самолеты. Идешь со мной?

— А что еще мне делать? Разве можно снова пробраться в казарму и сделать вид, будто ничего не случилось?

— Сам знаешь — нельзя.

Он с тяжким вздохом кивнул.

— Знаю. Только никак не могу понять, что мы делаем. Чем все это закончится?

Дельный вопрос. Правда, ответить на него пока совсем не просто.

— Честно говоря, не знаю. Но, поскольку я втравил тебя в эту историю, даю слово, что первоочередная моя задача — избавить тебя от забот и хлопот. Как — лучше не спрашивай.

— Брось, ты ни в чем не виноват. Ведь это я распустил язык перед тем дерьмовым капралом, с чего все и началось.

Ведя непринужденную беседу, мы приближались к аэродрому. Дорога, по которой мы шли, огибала поле, обнесенное высокой проволоочной оградой, освещенной яркими фонарями. По ту сторону ограды росла трава и тянулись взлетно-посадочные полосы. Вспугнув стаю черных птиц, приземлился огромный транспортник. Он покатил по полосе, и стая сразу опустилась в траву. Одна птица раскинула крылья и перемахнула через ограду. Опустившись на дорогу и свесив голову набок, она заговорила человеческим голосом:

— Ты не один.

— Как видите. Ничего, он за нас. Это вы, Варод?

— Нет. Капитан Варод сменился с дежурства.

— Позовите его. Я не стану разговаривать с каждой старой вороной.

— Ладно. До связи.

Птица повернулась крутом, раскрыла клюв и умчалась со свистом, не махая крыльями.

— Реактивный двигатель, — заметил я. — Воздухозабор через клюв. Сопло примерно там, где оно может находиться по нашему представлению. Пошли.

Послышался приближающийся рев сирены — по дороге мчался автомобиль. Он притормозил, поравнявшись с нами, и тарелка пеленгационной антенны уставилась на нас. Затем машина двинулась дальше.

— А ловко они засекают радиопередачу, — заметил я.

— А что, в птице есть рация?

— Помимо всего прочего. Похоже, она действует в автономном режиме и имеет логические цепи, которые подсказывают ей держаться стаи. Засечь ее можно только во время радиоконтакта с базой... Тебе это не

интересно. Как и то, кто послал птицу. Но могу тебя заверить, что эти люди не хотят неприятностей твоей стране.

— А почему? — возбужденно спросил он. — Скажи им, пусть берутся за дело: избавят нас от вояк и их прихвостней и снова устроят выборы. Знаешь, сколько уже длится военное положение? Я подсчитал: так называемое временное военное положение введено двести лет назад. Передай друзьям этой птички, пусть причинят военным все неприятности, какие только смогут.

— Я все слышал, — пробасила птица, выныривая из сумрака и усаживаясь мне на плечо. — Нет, неприятностей мы не хотим...

— Барод, замолчите, — оборвал я. — С минуты на минуту вернется пеленгатор, нет времени на болтовню. Я узнал кое-что насчет вторжения.

Птица скосила на меня глаз и кивнула.

— Прекрасно, — сказала она. — Излагай, я записываю. Где они решили высадиться?

— На другой планете. Они готовят космический флот.

— Ты уверен?

— Уверен. Я подслушал.

— Название планеты?

— Не имею представления.

— Я вернусь. Только уведу подальше пеленгатор.

Птица взмыла в небо, оставив в воздухе инверсионный след и, не прекращая передачи, уселась на кабину проезжавшего мимо грузовика. Через минуту пеленгатор развернулся и помчался вслед за грузовиком.

Мы пошли дальше.

— Ты говорил насчет вторжения. Что ты узнал?

— Только то, что ты слышал. А командует десантом генерал Зеннор. Из его слов я сделал вывод, что все начнется очень скоро.

Раздался свист, меня хлестнуло струей горячего воздуха, острые когти прямо через кепи впились в череп.

— Ты должен выяснить, на какую планету они решили напасть.

— Сами выясняйте. Проследите за ними, когда стартуют.

— Невозможно. Ближайший крейсер с аппаратурой слежения в четырех днях пути отсюда. Он может опоздать.

— Ладно, попробую что-нибудь сделать. О-ой!

Я потер затылок, с которого при взлете птицы исчезло некоторое количество волос, и поднял с земли кепи.

Мы свернули за угол. Мимо пронесся пеленгаторный автомобиль.

— Давай смешаемся с толпой, — сказал я Мортону. — А то экипаж пеленгатора заподозрит нас, если будет встречать везде, где работает рация.

— А нельзя ли смешаться с толпой, которая ест и пьет?

— Неплохая идея. И я как раз знаю, куда надо ехать.

С этими словами я вышел на середину дороги и поднял руку перед грузовиком. Водитель поспешно нажал на тормоза, покрышки взвизгнули, и грузовик остановился.

— Что, дружок, превышаешь скорость? — прорычал я.

— Виноват, капитан, я вас не заметил...

— Я знаю, почему ты меня не заметил. У тебя одна фара не горит, вот почему. Но я сегодня добрый. Если подбросишь нас к офицерскому клубу, я, может, вовсе забуду, что видел тебя.

Не скажу, что у водителя был другой выбор.

Он высадил нас у клуба и поехал дальше. Мы вошли в обитель радостей земных, почти не отличавшуюся от клуба для сержантов, разве что здесь были официантки. Примерно четверть столиков была занята; видимо, большинство офицеров базы находились при исполнении. Перед нами с похвальной быстротой поставили кружки с пивом и тарелки с бифштексами, и мы с голодным рычанием набросились на еду. К концу

трапезы в дверях появился офицер и засвистел в свисток.

— Ага! Вот вы где! А ну, выметайтесь! Все до одного! Сбор по тревоге! Транспорт ждет снаружи. Это и вас касается. — Его палец указал на нас.

— А при чем тут мы, полковник? Мы только что сменились.

— А сейчас снова заступите! И не злите меня, ребята, — вы, я вижу, наелись, а у меня крошки во рту не было.

— Выходим, сэр!

Вслед за остальными посетителями клуба мы с Мортонем выскочили за дверь и забрались в стоявший у тротуара автобус. Последним по ступенькам автобуса поднялся полковник, и мы поехали.

— Внимание! — перекрывая шум двигателя, закричал полковник. — Сейчас вы узнаете то, что вам положено узнать. По причинам, вас не касающимся, командование изменило свои планы. Вы идете в бой. Идете немедленно.

Пассажиры автобуса восприняли это известие с воплями возмущения, но полковник всех переорал.

— Молчать! Я знаю, все вы — толстопузые, плоскозадые штабные крысы. Но не забывайте, вы еще и солдаты. Из-за того, что командование изменило свои планы, не все боевые офицеры успели вовремя прибыть на базу. Вы, господа, только что добровольно вызвались их заменить. Вы получите обмундирование и полевую форму, примете под свое начало подразделения и погрузитесь на транспорт. В полночь старт.

Полковнику надоели жалобы и протесты: он вытащил из кобуры зловещий пистолет и прострелил крышу автобуса. Затем навел на нас дымящийся ствол. Мгновенно воцарилась тишина.

— Вот так-то лучше, — сказал он. — Все вы — вольноопределяющееся собачье дерьмо, привыкли ловчить и бездельничать. Но теперь сладкая жизнь кончилась. Вы в действующей армии и будете выполнять приказы. — Автобус остановился, и полковник

снова пальнул в крышу. — А теперь, добровольцы, выходи строиться.

В ночи ярко горели огни вещевого склада. У ломящихся от амуниции полок стояли интенданты. Плотный офицер загородил полковнику дорогу.

— В сторону! — прорычал полковник, бдительно косясь на нас.

— Нельзя, сэр! — возразил интендант. — Без распоряжения из штаба я не могу вам ничего выдать.

Полковник выстрелил в лампу над дверью склада, затем прижал горячее дуло к интендантскому носу.

— Что ты сказал? — прорычал он.

— Распоряжение только что получено, сэр! Проходите и берите все, что вам нужно. Торопитесь!

Мы вихрем помчались по складу, хватая мундиры, сапоги, ранцы, ремни и все, что попадалось под руку. Полковник-маньяк казался вездесущим: его пистолет время от времени бабахал, поддерживая темп. Через несколько минут мы высыпали на улицу, торопливо срывая с себя мундиры, напяливая зеленую полевую форму, нахлобучивая на голову каски и запихивая все остальное в ранцы. Потом мы отправились в соседнее здание, где нам выдали оружие. Но без боеприпасов: полковник был не дурак. Сгибаясь под тяжестью оружия и обмундирования, я вышел на улицу и привалился к стене. Рядом привалился Мортон.

— Ты хоть чуть-чуть представляешь, что это значит? — прохрипел он.

— Разумеется. Генералы заподозрили, и не без оснований, что за ними шпионят. Поэтому они изменили дату вторжения.

— А что будет с нами?

— Будем вторгаться. К счастью, в качестве офицеров, то есть прячась за спины солдат...

— Открой ранец, — прошептала мне в ухо мошь.

— Что ты сказала?

Мошь больно ужалила меня в мочку электрическим разрядом.

— Открой... ранец... — прохрипела она и упала. Видимо, посадила батарейки.

Я поспешно выполнил ее просьбу, решив, что в ранце, наверное, что-то спрятано. Послышался свист,

пахнуло отработанным топливом, и в ранец плюхнулась птица.

— Не повезу я контрабандой эту чертову птицу, — запротестовал я. — Еще не хватает, чтобы меня из-за нее поставили к стенке!

В глазах птицы вспыхнул дикий огонь.

— Ты сделаешь это, диГриз. От этого зависит судьба всего человечества. Запомни, птица включается посредством двойного нажатия на клюв.

Огонь в глазах утас, птица свесила голову. Я закрыл ранец. Послышались шаги приближающегося полковника.

— В автобус! — приказал он. — Быстро, быстро, быстро!

Глава 14

Не успели мы перевести дух, как из дверей склада, едва не падая под тяжестью оружия и экипировки, повалили офицеры. Один за другим грузовики, под завязку набитые хнычущими тыловиками, трогались с места и исчезали во мраке. Мы с Мортонем тоже перебросили пожитки через борт грузовика и забрались в кузов.

— Подумать только, я сам попросил начальство продлить контракт, — сокрушался грузный офицер, привалившийся ко мне спиной. Я услышал звук открываемой бутылки и бульканье.

— Чур, я второй. — Я забрал бутылку из его трясущихся рук. Напиток оказался дрянным, но крепким.

— А ты все еще не пьешь? — прохрипел я, обращаясь к Мортону, и встряхнул почти опустевшую бутылку.

— Я быстро учусь. — Он хлебнул, поперхнулся, снова глотнул и вернул бутылку владельцу.

Мы содрогнулись от оглушительного рева, в глаза ударил яркий свет — неподалеку стартовал корабль. Начинался первый этап вторжения. Грузовик остановился, взвизгнув тормозами, нас качнуло, а потом

знакомый неприятный голос приказал вылезать. Полковник — наша Немезида — нетерпеливо махал нам рукой. За его спиной стоял радист с рацией, толпились сержанты и четким строем, поротно и побатальонно, маршировали к поджидающим кораблям рядовые.

— Внимание! — заорал полковник. — Слушайте, что я вам скажу. Видите этих солдат? Это отличные солдаты, и им нужны отличные офицеры. К сожалению, в моем распоряжении только вы — толстопузые, плоскозадые канцелярские крысы, отбросы базы. Посему я намерен вас разделить — по человеку на роту — в надежде, что вы наберетесь опыта перед смертью.

Его идея мне не понравилась, ведь я обещал Мортону приглядывать за ним. А это будет совсем не просто, если нас разлучат.

Я тяжело вздохнул. Придется нарушить главные заповеди выживания в армейских условиях: держи рот на замке и не вызывайся добровольцем. Браво шагнув вперед и щелкнув каблуками, я закричал:

— Сэр! У меня не толстое пузо и не плоский зад. Я снайпер и инструктор рукопашного боя.

— Не верю! — проревел полковник.

Я швырнул полковника на землю, наступил ему на спину, отобрал пистолет и погасил выстрелом ближайший фонарь. После чего помог полковнику подняться и вернул оружие. Grimаса ярости на его лице быстро сменилась довольной улыбкой. Отряхнувшись, он сказал:

— Неплохо! Побольше бы мне таких парней, не было бы забот. Получишь лучшую роту. Имя?

— Дрем. Сэр, прошу отдать в мое распоряжение лейтенанта Хеска. Он молод и туповат, но я сделаю из него офицера.

— Забирай. Есть еще добровольцы?

Боясь, что он передумает, я схватил ранец и бросился к кораблю. Мортон топал сзади.

— Когда ты его повалил, я думал, что помру от страха, — сказал он, тяжело дыша. — Ты здорово рисковал.

— В этом мире мы рискуем на каждом шагу, — наставительно произнес я. — Достаточно вспомнить о

канцерогенах и дорожно-транспортных происшествиях. Думаю, мы можем остановиться и положить вещи. Нам сейчас помогут.

К нам действительно спешил энергичный сержант с наголо обритой головой и большими усами. По пятам за ним неслись двое рядовых.

— Сержант первого класса Блох, — представился сержант. — Если вы — капитан Дрем, то вы наш новый командир.

— Сержант, вы дважды правы. Прикажите бойцам отнести на корабль наши вещи.

— Есть, сэр. Наша рота в полном составе на корабле, отлет через десять минут.

— Успеем. Пошевеливайтесь.

Погрузочный пандус вырвался у нас из-под ног, а наружный люк заскрежетал, закрываясь. Мы успели проскочить, и, вскарабкавшись на ящики, прикрепленные к палубе, ухватились за нижний край поднимающейся лестницы. На втором ярусе находилась наша рота, уже расположившаяся на противоперегрузочных койках. Едва мы приняли горизонтальное положение, как замигали красные лампочки и ожили двигатели.

Старт прошел как обычно, правда, корабль рванул с большим ускорением, чем любой коммерческий транспортник, но на то он и армейский корабль. Как только ускорение снизилось до одного «g», я встал и жестом позвал сержанта.

— Фляги наполнены?

— Да, сэр.

— Разрешите солдатам пить, а еду пока побережем.

Внезапно зашумели динамики, раздался не в меру усиленный голос:

— Всем командирам собраться на третьей палубе. Повторяю: всем офицерам собраться на третьей палубе.

— Лейтенант, — сказал я Мортону, позеленевшему от перегрузки, — оставайтесь за меня. — Приблизив губы к его уху, я прошептал: — Постарайся, чтобы никто не заметил птицу, не то мы в такую историю влипнем...

Он застонал в ответ, и я удалился, не дожидаясь, когда он расплачется. По трапу уже торопливо поднимались офицеры.

— Может быть, нам скажут наконец, что все это значит, — произнес один из них.

— Да, пора бы, а то целый год лапшу на уши вешают, — согласился другой.

Столовая, куда нас собрали, была невелика, и стулья достались только тем, кто пришли первыми. Остальные оперлись о столы и прислонились к стенам. Престарелый сержант составил список присутствующих и доложил генералу с двумя звездочками на каждом погоне, что сидел за центральным столом.

— Внимание! — крикнул сержант, и в столовой воцарилась тишина. — Представляю новичкам генерала Ловендера, командира нашей дивизии. У него важное сообщение.

Генерал чинно кивнул и заговорил:

— Да, ребята, пришло наше время. День «Д», час «Х», — время, которого вы с таким нетерпением дожидались. Капитан нашего корабля только что доложил, что мы легли на курс и с дороги уже не свернем. Поэтому можно вскрыть секретный пакет.

Он взял густо усеянный красными печатями огромный конверт, и в тишине раскатился треск разрываемой бумаги. Из пакета генерал достал красную плоскую коробку.

— Так вот. Все вы слышали, что мы планируем операцию против Брастира. Эти слухи не соответствуют действительности, контрразведка распространяла их специально для того, чтобы ввести врага в заблуждение. Инопланетные шпионы многочисленны и всеусущи, и поэтому необходима полная секретность. Но теперь эта необходимость отпала. Как вам известно, мы летим в космическом пространстве. Наш корабль держит курс на очень богатую планету, тысячу лет назад утратившую связь с галактической цивилизацией. Но самое главное: о существовании этой планеты знаем только мы. Она обитаема, но туземцы народ отсталый и не заслуживают того, чтобы эта девственная планета принадлежала только им. Техника готова? Отлично. Пусть генерал Зеннор, открыватель этой планеты, сам о ней расскажет.

У меня участился пульс. Захотелось опуститься на корточки. Но я вовремя понял, что у генерала в руке

кассета с записью, а самого Зеннора на корабле нет. Лампы померкли, генерал вытащил кассету из футляра и вставил в проектор. Перед нами возникли отталкивающие голографические черты Зеннора.

— Солдаты Невенкебла, я отдаю вам честь! Вам предстоит совершить небывалый в истории нашей страны подвиг! Ваша победа обогатит и укрепит родину, и никто не рискнет покуситься на ее свободу. Сокровища планеты Чоджеки будут принадлежать нам!

Зазвучала торжественная музыка. Зеннор исчез, уступив место медленно вращающейся сфере. Но голос его по-прежнему звучал:

— Чоджеки. Богатая планета с теплым климатом и плодородной почвой. Открыли ее совершенно случайно, нам выпал счастливый шанс, единственный из миллиона. За кораблем, которым я командовал, гнались убийцы из Галактической Лиги. Чтобы оторваться от них, нам пришлось прыгнуть наугад, и в результате мы наткнулись на эту замечательную планету. Возможно, не просто случайность, а Божественная Воля привела нас к ней, возможно, высшим силам безразлична судьба нашей прекрасной родины...

— Возможно, все это — куча старого навоза, — шепотом добавил кто-то, и эта точка зрения получила поддержку. В столовой находились боевые офицеры, предпочитавшие истину пропаганде. Но Зеннор не слышал их недовольного ворчания.

— Мы высадились и провели разведку. Чоджеки — огромная планета с неисчерпаемыми запасами тяжелых металлов, изобилующая лесами и нетронутыми реками, пригодными для строительства электростанций. Единственное, что нельзя назвать сокровищем этой планеты, — ее население. — В голосе Зеннора появилось плохо скрываемое раздражение. — Туземцы — отсталый народ с дурными манерами и непонятными капризами. Мы пришли к ним открыто, протянули руку дружбы, предложили помощь, сотрудничество, контакт с высокоразвитой цивилизацией. И знаете, чем они нам ответили? — Раздражение перешло в откровенную злость. — Я скажу вам, чем они ответили. Ничем! Сделали вид, будто нас не замечают.

Отвернулись от нас. Отказались от цивилизованного диалога!

— Наверное, они знали, что делают, — пробормотал кто-то, и генерал Ловендер заорал: «Молчать!».

Планета исчезла, снова появился Зеннор. Он уже полностью держал себя в руках, но глаза были недобрыми.

— Поэтому вы, офицеры, должны понимать: то, что мы предпринимаем, делается для блага туземцев. Мы протянули им руку дружбы, они ее оттолкнули. Нам нанесено оскорбление. Следовательно, мы должны показать этим наглым крестьянам, для их же пользы, что гордых граждан Невенкебла нельзя оскорблять безнаказанно. Дадим им небольшой урок, на который они сами запросились! Мы предлагали им помощь и дружбу. Они отвергли и то, и другое, и пусть теперь пеняют на себя. Да здравствует Невенкебла! Да здравствует позитивная политика мира!

Лампы вспыхнули, и мы вскочили как идиоты. Под зловеющие звуки труб грянул хор:

Да здравствует Невенкебла,

Страна мира,

Страна добра и света.

Да здравствуют наши добрые, милосердные вожди.

Свобода граждан — наша святыня,

Мы будем бережно хранить ее.

Кто посмеет напасть на нас — встретит отпор...

И так далее. Я тоже что-то такое орал и очень обрадовался, когда гимн закончился. В воздухе уже висела голографическая карта, и генерал Ловендер тыкал в нее пальцем:

— Вы получите карты и подробные приказы, изучите их за ночь... а утром снова соберетесь здесь, и я изложу подробный план операции. Но о том, что нам предстоит, вкратце расскажу сейчас.

Солдатам и офицерам нашей восемьдесят восьмой дивизии, которых в армии зовут Боевыми Зелеными Дьяволами, выпала честь освободить вот этот промышленный район огромного города, носящего варварское название Беллегаррик. Здесь шахты, здесь — склады,

тут и тут — железнодорожные пути, а здесь, в десяти километрах, на краю озера, электростанция, снабжающая город энергией. Заботясь о благе эгоистичных туземцев, мы захватим все эти объекты и избавим дикарей от ненужных раздумий о том, надо принимать нашу помощь или нет.

— Генерал, разрешите вопрос, — сказал полковник.

Генерал кивнул.

— Скажите, какое сопротивление мы можем встретить? Велика ли у них армия? Современна ли?

— Хороший вопрос, полковник. Мы должны быть готовы ко всему, ибо туземцы очень скрытны, хитры, коварны и подлы. Дело в том, что генералу Зеннору, изучавшему военный потенциал планеты по донесениям опытных агентов, обстановка показалась очень подозрительной. У коварных туземцев нет армии — во всяком случае, на поверхности планеты. Даже полиции нет!

Он подождал, пока утихнет гул. Не дождавшись, поднял руку.

— Все мы понимаем, что этого просто не может быть. Любое государство нуждается в защите от внешних врагов, следовательно, должно иметь армию. Если не будет полиции, деятельность преступного элемента приведет к разрухе. Нетрудно догадаться, что подлые дикари прячут от нас свои трусливые войска. Следовательно, мы должны остерегаться их змеиных укусов. Надо освободить туземцев от них самих, в этом — наш долг перед ними.

Мне в жизни не приходилось слышать подобного бреда. Но на моих сослуживцев он произвел впечатление. Офицеры весело загомонили, предвкушая потеху.

«Бедные простаки туземцы, — подумал я с горечью, — если бы вы только знали, какую участь вам уготовили. Подумать только: освобождение посредством уничтожения!»

Глава 15

Я возвращался в свою роту, не выпуская из рук запечатанных конвертов с приказами, а из головы — навязчивой мысли, что участвую в безумной аванюре. Мортон услышал, как я отворил дверь, и поднял глаза.

— У тебя взволнованный вид, — заметил он. — Это что-то личное или меня тоже касается?

— Капитан, могу я чем-нибудь помочь? — спросил сержант, заглядывая в каюту.

Так. Всем не терпится узнать, о чем говорили на собрании. Я бросил папку с конвертами на койку.

— Сержант, ответьте, что сказано в уставе насчет употребления спиртных напитков на борту военного транспортного корабля, направляющегося в район боевых действий?

— Строжайше запрещено, сэр. Чревато военно-полевым судом. Но одна из канистр командирской машины заполнена девяносто девятым.

— Девяносто девятым?

— Девяностодевятипроцентный спирт, сэр. Можно наполовину разбавить водой и сдобрить обезвоженным апельсиновым соком.

— Поскольку мы участвуем в боевых действиях, отдаю боевой приказ. Сержант первого класса Блох, вам присваивается звание мастер-сержант.

За этой фразой последовало звяканье трех крышек от фляг, расторопно выставленных на стол Мортонем, и глухой удар мешочка с оранжевыми кристаллами. Выходит, я и не заметил, как мой спутник приспособился к армейской жизни.

Сержант вернулся с двадцатилитровой канистрой, содержимое которой вкупе с таким же количеством воды обещало превратиться в сорок литров напитка, способного скрасить наше путешествие. Мы сдвинули крышки-кружки и выпили.

— У-ух, ну и дрянь! — сказал Мортон и протянул крышку за новой порцией. — Ну, а теперь ты расскажешь нам новости?

— Новости? Есть новости, и неплохие. Во-первых, мы летим завоевывать невероятно богатую и доселе неизвестную планету Чоджеки. Во-вторых, ее обитатели не предусмотрели никакой обороны. Ни армии, ни полиции.

— Но это невозможно! — изумился сержант.

— Всякое возможно в просторах галактики на всем протяжении времен. Будем надеяться, что наша разведка не выдала желаемое за действительное.

— Думаю, это ловушка. — Сержант не верил в чудеса.

Я кивнул.

— Похоже, генерал такого же мнения. Он уверен, что там есть армия, но она прячется в засаде.

— Не обязательно, — возразил Мортон. — До армии я изучал историю и могу вам сказать, что пути человечества неисповедимы, как вы справедливо отметили, капитан. За время существования галактики существовали разные общественные формации и многочисленные формы правления.

— Раз есть государство, должна быть и армия. Так положено.

Спиртное делало сержанта агрессивным, а Мортон — сентиментальным. «Так, — подумал я, — пора закрывать бар».

Я встал и пинком отправил канистру с глаз долой под койку.

— Сержант, сообщите унтер-офицерам то, что слышали от меня, а они пусть передадут рядовым. Пока все.

Едва за сержантом закрылась дверь, Мортон уронил голову на стол и захрапел. Я допил остатки апельсинового коктейля. В животе протестующе заурчало. Или это от голода? Пожалуй, ведь офицерский клуб с последним недоеденным бифштеком остался довольно далеко во времени и пространстве. Я порывлся в ранце и нашел порцию сухого пайка, а именно: розоватый цилиндр с надписью «Самоприготовляющаяся пища. Двойная порция. Проколоть белый круг».

Я с энтузиазмом выхватил из-за голенища боевой нож и проколол белый кружок на торце цилиндра. Цилиндр мгновенно раскалился и обжег пальцы, после чего упал на стол, где долго шипел, судорожно дергался и катался. Казалось, он вот-вот на меня прыгнет. Наконец, упаковка лопнула, и моему взгляду представала колбаса длиною в руку, неприятная на вид, но недурно пахнущая. Я отрезал кусочек, наколол на кончик ножа и отправил в рот. Ничего, съедобно. Не хватает только пива.

Полет занял пятнадцать дней, похожих друг на друга, как сухие пайки. С той поры я просто возненавидел колбасу. Да и не только я, поскольку по чьему-то недосмотру на корабль не погрузили иных продуктов. Даже генералу пришлось есть только колбасу, отчего он был не в восторге.

Мне приходилось посещать многочисленные совещания, содержание которых я добросовестно доводил до личного состава. Мы непрерывно чистили оружие и точили клинки, проходили дурацкие медосмотры и все пятнадцать дней глушили спиртное.

Наконец, генерал Ловендер созвал нас в последний раз. Как только все собрались, он встал и грохнул кулачищами о стол.

— Наступление началось!

Он подождал, пока уляжется шум и продолжил:

— Уже высадились первые разведчики. По их сообщениям, противник не оказывает сопротивления. Но

мы должны быть начеку: возможно, враг пытается нас заманить в хитроумную ловушку. Все вы получили приказы и знаете, что от вас требуется. Посадка через два часа. Сверьте часы. Все свободны. Всыпьте им, ребята!

Мы разнесли новость по своим подразделениям.

— Наконец-то! — обрадовался Блох. — А то ребята размякли, валяясь на койках.

— Собери унтер-офицеров. Проверим еще разок, все ли мы учли.

Когда унтер-офицеры разместились в моей каюте, я развернул карту. Слушали они внимательно.

— Вот здесь — предполагаемое место высадки. Кто из вас твердо верит, что наш пилот не ошибется?

Ответом была полная тишина.

— Вот и у меня такое предчувствие. Десантируемся на рассвете, то есть затемно. Мы высадимся первыми, поскольку у нас самый дальний маршрут. Я поеду в командирской машине. Фары будут включены до первого обстрела.

Сержант Блох нахмурился.

— Сэр, генерал Ловендер строго запретил зажигать огни.

— Совершенно верно. Но генерал высадится последним, а мы — первыми. А вслед за нами сразу пойдут танки.

— Вы правы, сэр, надо включить фары, — поспешно согласился сержант.

— Я поднимусь на ближайшую возвышенность и попытаюсь привязаться к местности. Командовать вами тем временем будет лейтенант Хеск. Как только я выясню, в какую сторону нам надо двигаться, мы двинемся в нужном направлении. Наша цель — вот эта электростанция, снабжающая энергией город с непроизносимым названием Беллегаррик. Наша боевая задача — захватить ее и удержать. Вопросы есть?

— Сэр, мы, наверное, оставим пайки здесь и перейдем на свежие продукты? — спросил капрал Аспайя.

— Да и нет. То есть, нет и да. Пайки заберем с собой на тот случай, если повстречаем нашего интенданта. Тогда ему придется сожрать всю колбасу. Что касается свежих продуктов, да, скоро мы наверняка

захватим местное продовольствие. Перед тем, как распределять трофеи, все приносите мне. Есть вопросы?

— Боеприпасы. Когда мы их получим?

— Они хранятся на грузовой палубе. Когда мы туда спустимся, каждый получит боекомплект. Капрал, проследите, чтобы все было получено и чтобы никто не заряжал оружие. На борту корабля не должно быть случайных выстрелов.

— Заряжать будем после того, как сойдем на землю? — спросил старший сержант.

— Заряжать будем, когда я прикажу. Мы не ожидаем никакого сопротивления. А если сопротивления нет — то нет нужды стрелять в мирных жителей. А если не стрелять по жителям, то наступление будет быстрым и успешным. Незаряженное оружие не стреляет. Поэтому оно останется незаряженным.

Послышался ропот. Общее мнение выразил капрал Аспайя.

— Нельзя атаковать с незаряженными ружьями.

— Можно, — отрезал я ледяным тоном. — Вы будете делать то, что вам прикажут. Будет заряжено только одно ружье. Мое ружье. И я пристрелю любого, кто осмелится не выполнить приказ. Еще вопросы? Нет. Все свободны. Приготовиться к высадке через тридцать минут.

— Кажется, им не понравилась твоя затея, — сказал Мортон, когда сержанты удалились.

— Да пошли они... Мало ли что им не нравится. Мне, может быть, не нравится убивать мирных жителей. Не будет боеприпасов — не будет стрельбы.

Мортон с озабоченным видом прилаживал лямки к ранцу.

— Но ведь должны же они иметь возможность защититься... — пробормотал он.

— Мортон, погляди в зеркало, — велел я. — Что ты там видишь? Ты видишь лейтенанта Хеска. Ты рассуждаешь, как полагается рассуждать лейтенанту Хеску. Опомнись, ты же мирный человек, в армию не по своей воле попал. Скажи, ты видел когда-нибудь, как убивают? Видел трупы?

— Как убивают, нет, а труп... Однажды был на похоронах тетушки...

— А я не раз видел, как убивают. Поверь, это не самое приятное зрелище. И учти: умирая, человек исчезает навсегда. Не забывай об этом, что бы ни говорили тебе всякие «ястребы», «псы войны», торговцы ненавистью. Ты хочешь умереть?

С этими словами я приставил к его горлу кончик ножа. Он вздрогнул, выпучил глаза и едва слышно прохрипел: «Нет!» Нож исчез так же мгновенно, как и появился.

— И я не хочу. И никто на планете, на которую вот-вот высадутся тысячи безмозглых убийц, не хочет умирать. И вообще я не понимаю, как меня утормозило оказаться среди них!

Мортон вздохнул.

— Тебя же забрали в армию, как и меня.

— А почему мы это допустили? Вот всегда так: старики посылают молодых воевать. Ставили бы в строй не моложе пятидесяти пяти, разом бы все войны прекратились.

Завыла сирена, замигали сигнальные лампочки. Я взглянул на часы.

— Вот и прилетели.

На грузовой палубе в тусклом свете красных ламп среди машин и ящиков с амуницией суетились солдаты и унтер-офицеры. Я добрался до командирской машины, установленной у самого края опускаемого пандуса, и постучал ботинком по соединительной скобе.

— Скобы сбрасываются посредством взрывов, — сказал сержант Блох.

— Сам знаю. Как их еще снимешь? Все погрузили в машину, что я приказал?

— Да, сэр. Запасная амуниция под задним сиденьем.

Я заглянул под сиденье и кивнул в знак одобрения. Помимо всего прочего, там лежало несколько фляг со стократно опробованным апельсиновым напитком, а под фальшивым дном ящика скрывалась говорящая птица.

Внезапно пол под ногами вздрогнул. Мы снижались неторопливо, с ускорением два «g» — специально, чтобы солдаты не расслаблялись перед операцией на

противоперегрузочных койках. Старших офицеров, естественно, это не касалось. Я уселся в командирскую машину рядом с водителем.

— Включи зажигание, — приказал я. — А стартер пока не трогай.

Гул корабельных двигателей внезапно прекратился, и машина подо мной вздрогнула. Грохнул взрыв — это отлетели соединительные скобы. Пандус со скрежетом опустился.

— Пошел! — крикнул я водителю, глядя в черный квадратный провал, за которым хлестал дождь. — И фары включи!

Машина с ревом съехала по пандусу и подняла тучу брызг, угодив в огромную лужу. За пеленой дождя не видно было ни зги. Некоторое время мы ехали наугад. Наконец я оглянулся и увидел тяжело нагруженных солдат, плетущихся за нами следом.

— Впереди сплошная вода, сэр, — доложил водитель, нажав на тормоза.

— Так сворачивай, идиот! Утопить нас вздумал? Направо сворачивай и объезжай корабль.

В небе сверкнула молния, грянул гром. Я хлопнул водителя по плечу и указал.

— Видишь вон там холм, за рядом деревьев? Гони туда.

— Капитан, там изгородь!

Я вздохнул.

— Солдат, ты что, забыл, что едешь на бронированной боевой машине, а не на двухколесном велосипеде?

Когда мы остановились на вершине невысокого холма, дождь хлестал с прежней силой, но горизонт уже светлел. Я развернул светящуюся карту и попытался установить, где мы находимся. В какой стороне восток, я уже выяснил. Если, конечно, солнце этой планеты всходит на востоке.

Вскоре рота целиком взобралась на холм, и я разрешил погасить фары. Я уже смутно различал громаду нашего транспортника, по-прежнему исторгавшего из себя колонны людей и техники. Светало очень быстро; вскоре я выделил на горизонте гряду холмов и

попытался найти их на карте. Но уже совсем рассвело, когда мне удалось определить наше местонахождение.

Я вылез из машины и с улыбкой прошел вдоль мокрых шеренг.

— Я знаю, ребята, вас обрадует известие, что пилот нашего корабля совершил ошибку. Он высадил нас гораздо ближе к нашей цели, чем предполагалось.

По рядам пробежал радостный шепоток.

— Кроме того, если вы поглядите на колонну, выступившую в сторону Беллегаррика, то увидите, что она движется в ложном направлении. Нашим друзьям придется основательно поплутать.

Лица моих подчиненных прояснились. Ничего так не поднимает боевой дух солдата, как вид его товарища, севшего в калошу. Дождь потихоньку превратился в нечто вроде мыльного тумана. Вдалеке среди деревьев, в лучах восходящего солнца показалось что-то белое. Я забрался на капот и пригляделся. Так и есть!

— Все в порядке, ребята. Выступаем. Взгляните вон туда и увидите объект, который нам предстоит захватить. Командирская машина поедет сзади. Я пойду в первых рядах, как подобает хорошему командиру. Шагом марш!

Глава 16

Сразу после восхода солнца в небесах будто нажали кнопку, и дождь прекратился. Легкий ветерок разогнал облака; от земли шел пар. Вскоре мы выбрались на мощеную дорогу, ведущую прямо к плотине. Вернулись разведчики и доложили, что активных действий противника не заметили, как не заметили и самого противника.

Мы шли по дороге, петлявшей по пологому склону холма. По сторонам дороги росли деревья.

— Капитан, вернулись разведчики, — доложил мастер-сержант. — Они побывали в саду со спелыми авал-гвланеками.

— Ну и названьице. Что это?

— Фрукты, сэр, наподобие тех, что выращивают на Брастире. Очень вкусные, сэр.

— Прикажите доставить образцы для анализа.

— Тотчас появился солдат с каской, полной зрелых персиков (во всяком случае, именно так называются эти авал-гвланеки в Райском Уголке). Я повертел один из плодов перед глазами, понюхал и взглянул на физиономию разведчика, испачканную персиковым соком.

— Рядовой, я вижу, вы уже сняли пробу. Каковы результаты?

— Очень вкусно, сэр.

Я надкусил персик и кивнул. Свежий сок смыл с языка вкус самоприготавливающейся колбасы.

— Сержант, объявляю привал на десять минут. Разрешаю вылазку в сад.

Потом мы пошли дальше.

Плотина приближалась, становясь все выше. Из огромных труб била, пенясь, вода; пилоны высоковольтной линии убегали к городу. Кругом — ни души. Мирный индустриальный пейзаж.

Я дал сигнал остановиться и приказал сержантам собраться.

— Сейчас я намечу план атаки, но прежде проверю оружие. Начнем с вас, сержант.

Блох с бесстрастным видом протянул мне винтовку. Я отсоединил магазин, посмотрел, нет ли в нем патронов, заглянув в патронник, и вернул оружие владельцу. Потом перешел к следующему. Наконец, настал черед капрала Аспайи. Но он не отдал винтовку, а прижал ее к груди.

— Можете не смотреть, капитан. Она заряжена.

— Бывший капрал, вы нарушили мой личный приказ. Рядовой, отдайте оружие.

— Сэр, солдат — не солдат, если он безоружен, — мрачно ответил Аспайя, не шевелясь.

— Вы правы, — сказал я, переходя к следующему унтер-офицеру. Краем глаза я заметил, что Аспайя оглянулся в поисках поддержки. Не теряя ни секунды, я развернулся и треснул его ребром ладони по шее. Удар был коварен и жесток, но надо учесть, что у капрала была заряжена винтовка. Забрав ее из рук упавшего, я побросал патроны в грязь.

— Сержант Блох, доставить бывшего капрала на командирскую машину и выставить часового.

— А часовой будет вооружен, сэр?

— Часовой будет вооружен, оружие будет заряжено. Часовым я назначаю лейтенанта Хеска. А теперь займемся подготовкой к атаке.

Я наметил цель для каждого взвода, а главный корпус электростанции оставил себе.

— Ну вот, все готово. Как только займете исходные рубежи, дайте мне знать.

Моя крошечная армия рассредоточилась и пошла в атаку, по науке, короткими перебежками, прикрывая друг друга. Через несколько минут по радио начали поступать доклады сержантов. Объекты захвачены, сопротивления не встречено, противник не обнаружен. Теперь моя очередь. Сопровождаемый мастер-сержантом и его взводом, я решительно взобрался на крыльцо главного корпуса и распахнул дверь. За ней ревели турбины, вращались генераторы, — и ни души.

— Станция полностью автоматизирована, — сказал сержант.

— Похоже на то. Надо найти центр управления.

Пока мы пробирались по рабочему залу, напряжение росло. Я был очень рад тому, что заряжено было только мое оружие. Пистолет был у меня в руке, но стоял на предохранителе, стрелять я не собирался, просто поддерживал моральный дух войска.

— Капитан, там кто-то есть!

Солдат указывал на дверь из узорчатого стекла. За ней виднелся силуэт.

— За мной!

Я набрал полную грудь воздуха и распахнул дверь. Следом за мной ринулись солдаты. За контрольной панелью стоял седой человек.

— Ne faru nenion! — выкрикнул я. — Vi estas kaptito! Manoj en la aeron!*

— Очень интересно, — с улыбкой произнес он. — Пришельцы говорят на чужом языке. Ну, заходите, пришельцы, добро пожаловать на электростанцию номер один.

— Я вас понимаю, — сказал я. — Это «лоу инглисс», на нем говорят жители Райского Уголка.

— Не припомню это название, но слова вы произносите правильно, хоть и с заметным акцентом.

— Что он сказал? — спросил сержант Блох. — Вы по-ихнему говорите?

* Не двигаться! Вы арестованы! Руки вверх! (Эсперанто).

— Да. Изучал язык в школе, — честно ответил я. — Он говорит «Добро пожаловать».

— Еще тут кто-нибудь есть?

— Хороший вопрос. Переадресую.

— Разумеется. Дежурная смена, но она спит. Прощу вас, расскажите подробнее о себе и о ваших товарищах. Меня зовут Стирнер, а вас?

Я открыл рот, чтобы представиться, но спохватился. Войны так не ведут.

— Мое имя вас не должно интересовать. Я пришел сообщить, что эта планета отныне находится под контролем вооруженных сил Невенкебла. Если согласитесь на сотрудничество, мы вам гарантируем безопасность.

Я повторил это на эсперанто, чтобы мои солдаты знали о чем идет речь, и велел сержанту взять под стражу дежурную смену. Стирнер терпеливо ждал, когда я умолкну.

— Как это необычно, сэр! Вооруженные силы, говорите? Это означает, что у вас есть оружие? Случаем, не эти штуковины вы называете оружием?

— Да. И предупреждаю: если вы на нас нападете, мы будем защищаться.

— О, не извольте беспокоиться. Я — приверженец индивидуального мютюзлизма и не способен причинить вреда ближнему своему.

— Зато ваши армия и полиция способны это сделать, — схитрил я.

— Мне, конечно, знакомы эти слова, но вы можете не опасаться: у нас нет ни армии, ни полиции. Кстати, почему вы стоите? Располагайтесь поудобнее, а то, боюсь, вы сочтете меня негостеприимным хозяином.

— Ушам своим не верю, — пробормотал я. — Сержант, свяжитесь со штабом генерала Ловендера. Сообщите, что мы соприкоснулись с противником. Сопротивления не встречено. «Язык» не подтверждает присутствие на планете вооруженных сил и полиции.

Под настороженными взглядами моих молодцов Стирнер открыл бар и достал высокую бутылку и рюмки.

— Вино, — сказал он. — Отменное, для самых дорогих гостей. Надеюсь, вам и вашим помощникам оно понравится. — Он протянул мне рюмку.

— Сначала вы, — продемонстрировал я военную подозрительность.

— Безымянный сэр, ваша вежливость достойна всяческих похвал. — Он отпил, и я взял рюмку. Отличное вино.

— Вас требует генерал, — доложил Блох, входя с рацией.

— Капитан Дрем на связи, — сказал я.

— Дрем, как прикажете вас понимать? Вы обнаружили противника?

— Сэр, я занял электростанцию. Никаких инцидентов. Сопротивления нам не оказано.

— Вы первым соприкоснулись с противником. Что скажете насчет его армии?

— Ее не существует, генерал. По словам пленного, здесь нет ни армии, ни полиции.

Генерал недоверчиво фыркнул.

— Высылаю вертолет, доставить мне пленного. Сам его допрошу. Конец связи.

Та-ак. Меньше всего мне в эту минуту хотелось мозолить глаза начальству. Очень уж велик шанс, что в штаб прибыл генерал Зеннор. Инстинкты требовали забиться в нору. С другой стороны, если не удастся убедить этих ослов, что им некого бояться, может начаться резня. Рано или поздно какой-нибудь идиот не выдержит и откроет стрельбу... Это очень вероятно. Я обязан попытаться что-то сделать.

— Я получил приказ доставить пленного к генералу, — сообщил я солдатам. — Сейчас прибывает транспорт. Сержант Блох, вы останетесь за меня, пока вас не сменит лейтенант Хеск.

— Вы полетите со мной, — я показал Стирнеру на дверь.

— Но я должен находиться здесь. Боюсь, я не смогу вам помочь.

— Вы не мне должны помочь, а своему народу. Учтите, наша армия очень велика, каждый солдат вооружен. Скоро мы захватим вашу планету. Могут быть жертвы. Но их не будет, если вы сумеете убедить

командующего, что ваш народ не окажет сопротивления. Вы поняли меня?

Его лицо исказилось ужасом.

— Вы это всерьез? — хрипло спросил он. — Вы отдаете себе отчет в том, что говорите?

Я мрачно кивнул.

— Раз так — я согласен. Конечно, конечно, я лечу с вами. Непостижимо!

— Я тоже многое не в силах постичь, — сказал я, ведя Стирнера к выходу. — Как вам удастся обходиться без полиции.

— Приверженцам индивидуального мютюэлизма полиция ни к чему. — Стирнер оживился, получив возможность прочитать мне небольшую лекцию.

— Никогда о нем не слышал.

— Как вам не повезло! Рискуя впасть в упрощение, я...

— Капитан Дрем, разрешите обратиться! — капрал Аспайя выбрался из командирской машины, несмотря на слабые попытки Мортонa его удержать, подбежал ко мне, вытянулся по струнке и отдал честь.

— Сэр, я понял, что был не прав. Вы такой молодой и шустрый с виду, вот я и решил, что лучше вас знаю службу, и зарядил винтовку. Теперь я понимаю свою ошибку. Прошу дать мне возможность искупить свою вину, потому что армия — это моя жизнь, я в ней тридцать лет...

— А почему вы решили, что я прав, рядовой Аспайя?

У него засияли глаза.

— Потому что вы мне крепко врезали, сэр! Вон я какой здоровый, а вы меня запросто свалили. Показали, что каждый сверчок должен знать свой шесток.

«Что за чушь собачья? — подумал я. — Его не устраивал приказ избегать насилия. Только подвергшись насилию, он понял, что был неправ. Ну и логика!»

— Пожалуй, я вас на этот раз прощу. Человек, способный признать свою ошибку, заслуживает снисхождения. Хотя вы теперь простой рядовой, а я — капитан, я готов пожать вашу руку и разрешаю вернуться в строй.

— Капитан, вы настоящий командир, и никогда не пожалеете, что простили меня! — Он с жаром пожал мне руку и отступил на шаг, вытирая кулаком слезу.

Услышав далекий рокот, я задрал голову. С небес спускался вертолет.

— Хеск, до моего возвращения будете командовать ротой. Следите за тем, чтобы Блох выполнял все ваши распоряжения.

Мортон с ужасом кивнул и не сказал ни слова. Я посадил Стирнера в вертолет и забрался следом.

— К генералу, — приказал я пилоту и тяжело вздохнул. Меня не оставляло ощущение, что я сунул голову в петлю и теперь поудобнее налаживаю ее на шее. Но что еще оставалось?

— Я читал о подобных летательных аппаратах в учебниках истории, — сказал Стирнер, с восхищением глядя в иллюминатор. — Для меня это очень важный момент, безымянный сэр.

— Капитан. Называйте меня так.

— Рад с вами познакомиться, Капитан. И позвольте поблагодарить вас за возможность объяснить вашему начальству, что мы рады гостям. Вам некого бояться. Мы никому не причиним зла.

— Я боюсь совсем другого.

Разговор затих, вертолет пошел на посадку. Неподалеку от колонны танков стояла палатка, бар, столы и кресла, тут расположилась и группа офицеров. Мы приземлились рядом. Я спрыгнул, молодецкато отдал честь и расслабился. Зеннора пока не было. Потом я помог выбраться Стирнеру и отвел его к генералу.

— Сэр, пленный доставлен, — доложил я Ловендеру, прибыв в штаб. — Он говорит на малоизвестном диалекте, который я, к счастью, изучал в школе. Я могу переводить, сэр.

— Отставить, — мрачно буркнул генерал. — Вы пехотный офицер, а не переводчик. Штатный переводчик у нас майор Кьюсел. Майор, переводите.

Черноволосый майор оттеснил меня плечом и встал перед Стирнером.

— Кион ви компренас? — заорал он. — Шпрехен зи пупишь? Анкай сойай никспай иглай атинлай? Ук кук волупук?

— Очень сожалею, сэр, но я не понял ни слова.

— Ага! — обрадовался майор, — это малоизвестный диалект, на нем говорят жители одной отсталой крестьянской планеты. Но мне он знаком — по местному бизнесу. Мы импортировали свинообразы котлеты...

— Майор, хватит болтать. Переводите. Спросите у него, где скрывается армия и где расположены опорные пункты полиции.

С интересом я слушал майора. Несмотря на врожденное умение говорить и неумение слушать, он с грехом пополам добился от Стирнера информации, которую я уже получил. Генерал огорченно вздохнул.

— Если это правда, мы не сможем перестрелять их со спокойной совестью. — Он повернулся ко мне. — Вы уверены, что нам не окажут сопротивления?

— Уверен, сэр. Насилие чуждо их натуре. Разрешите поздравить вас с первым в истории Галактики бескровным вторжением! Скоро вы завоюете для славного острова Невенкебла целую планету, не потеряв ни одного солдата!

— Не спешите радоваться, капитан. Генералам, привозящим армию домой нетронутой, медали не достаются. Славу обретают в битвах, и запомните мои слова — битва будет! Такова человеческая природа. Не все же трусы на этой планете...

— В чем дело, Ловендер? — раздался знакомый голос, и я похолодел и затаил дыхание.

— Генерал Зеннор, захвачен первый пленный, — доложил Ловендер. — Я его допрашиваю. Он порет явную чушь. Говорит, ни армии у них нет, ни полиции.

— И вы ему поверили? Кто и где его захватил?

— Капитан Дрем на электростанции.

Я повернулся крутом. Зеннор посмотрел на меня и отвел взгляд. И снова уставился на меня.

— Капитан, где мы с вами встречались?

— На ученьях, сэр. На маневрах, — ответил я самым гнусавым голосом, на какой был способен. Зеннор приблизился и пристально взгляделся мне в лицо.

— Неправда. Где-то еще. И с вами был кто-то еще. Его глаза вспыхнули, и он ткнул в меня пальцем.

— Слон! Вот кто был с тобой.

— А ты его убил! — закричал я, хватая Зеннора за горло.

Особый захват, три секунды, и — смерть...

Одна секунда... Он потерял сознание.

Вторая секунда... Обмяк.

Третья...

В глазах у меня погас свет. В затылке вспыхнула боль. «Три секунды...» — подумал я и отключился.

Глава 17

Прошла вечность, прежде чем я очнулся от боли, растекающейся от затылка по всему телу. Я не шевелился, пытаюсь отогнать боль — но безрезультатно. Меня окружала темнота. Или это оттого, что глаза закрыты? Выяснить не хотелось. Я застонал. Звук показался таким приятным, что я не удержался от второго стога и при этом ощутил, как мою голову приподнимают и к губам прижимают что-то влажное. Вода? Очень кстати. Я сделал несколько глотков и, почувствовав облегчение, рискнул приоткрыть глаз. Надо мной нависало пятно, напоминающее человеческое лицо. Я моргнул несколько раз, очертания лица стали более четкими.

— Мортон...

— А то кто же? — горестно отозвался он. Затем перетащил меня к стене и придал моему телу сидячее положение.

Голова раскалывалась. Сквозь пелену боли в мозг с трудом проникал голос Мортон:

— Ну-ка, проглоти и запей. Так доктор сказал. Это от головы.

Яд? Черта с два, не стоит и мечтать. Боль растаяла, оставив онемение во всем теле. Я открыл второй глаз

и посмотрел на Мортонa, понуро сидящего на фоне решетки.

— Он мертв? — прохрипел я.

— Кто?

— Генерал Зеннор.

— Полчаса назад выглядел живее некуда.

Я тяжело вздохнул. Выходит, сорвалось. Впрочем, может оно и к лучшему. Конечно, мне ничего так не хотелось, как отомстить Зеннору за Слона. С другой стороны, я впервые в жизни пытался убить человека, и не скажу, что эта процедура доставила мне удовольствие. Похоже, в убийцы я не гожусь. Одного только жаль: чтобы выяснить это, я сунул голову в петлю. Да еще и Мортонa подвел.

— Прости меня, если можешь, — сказал я ему. — Я слишком увлекся и забыл позаботиться о твоей безопасности.

— Меня выдал сержант Блох, когда на электростанцию прибыла военная полиция. Он догадался, что я не офицер. Я им все рассказал, еще до того, как меня принялись бить.

— Это я во всем виноват.

— Не говори так, рано или поздно меня все равно арестовали бы. Армия и я — несовместимы. А ты мне очень помог, Жак.

— Джим. Мое настоящее имя Джим диГриз. Я с далекой планеты.

— Будем знакомы, Джим. Ты шпион?

— Нет. Я искал генерала Зеннора. По его вине погиб мой лучший друг.

— А как насчет говорящей птицы?

Я прижал палец к губам и указал на дверь. Мортон непонимающе поморгал и хотел о чем-то спросить, но я его опередил.

— А, ты вспомнил ту байку о моем школьном дружке, у которого была говорящая птица? Да, бедняга потом спился и пошел в миссионеры, только не припомню, к чему я это рассказывал.

Мортон смотрел на меня, как на чокнутого. Я огляделся и увидел, что лежу на тонком матрасе, брошенном на пыльный пол. Я написал пальцем в пыли:

«Тихо — могут услышать», дождался, когда лицо Мортон прояснится, и стер слова.

— Но сейчас мне неохота травить байки. Где мы?

— В большом здании посреди города, захваченного войсками. Здесь теперь штаб или что-то в этом роде. Пока меня сюда вели, я заметил много военных.

— А штатские были?

— Не видел.

В замочной скважине заскрежетал ключ. Мы оглянулись на дверь. В камеру вошли несколько военных полицейских с винтовками, за ними — Зеннор, с повязкой на шее и жаждой мести в глазах.

— Да, теперь-то ты можешь меня не бояться, — с ухмылкой произнес я, обведя взглядом полицейских, державших нас на мушке.

Зеннор подошел и ударил меня ногой в бок. Корчась от боли, я прохрипел:

— Какие мы смелые — бить лежащих...

Зеннор отвел ногу для удара, но передумал и, вытащив пистолет, прицелился мне в переносицу.

— Уведите второго. Оставьте нас одних. Принесите стул.

Полицейские быстро выполнили приказ: вытолкали за дверь Мортон, внесли деревянный стул в камеру и благоговейно поставили его под начальственный зад. Зеннор медленно сел, не выпуская меня из-под прицела. Заговорил он после того, как снаружи заперли дверь.

— Я хочу знать, как ты сюда попал и как тебе удалось выследить меня. Выкладывай.

«Почему бы и нет?» — подумал я, потирая ушибленный бок. Выдумывать не было ни сил, ни желания. Легче рассказывать все как на духу. С некоторыми поправками, разумеется.

— Ладно, расскажу. Мы с тобой распрощались на Спайовенте, когда ты продал нас в рабство. Это очень суровая планета, малопригодная для стариков вроде Слона. Он умер, и за мной остался должок.

Зеннор, поправив повязку, прорычал:

— Дальше!

— А дальше почти нечего рассказывать. Несколько войн, убийство, пытка — обычные дела. Спасся я

только благодаря Галактической Лиге. Я был арестован и попал на Стерен-Гвандру, там бежал из-под стражи и напал на твой след. Ведь ты допустил большую ошибку.

— Что за чушь?

— Это не чушь, капитан Гарт. Помнишь, ты подсунил одной девчонке наркотик и выдал ее полиции?

— Это несущественно.

— Для кого как. Для Бибз — существенно. Она теперь на свободе, и прежде чем мы с ней расстались, я узнал, где тебя искать. Вот и вся история.

Зеннор смотрел на меня, глядя пальцем спусковой крючок. Я старался не глядеть на пистолет.

— Не вся. Выходит, шпион, высадившийся в бухте Мархавено — это ты?

— Да. И мне не составило труда проникнуть в твою бестолковую разгильдяйскую армию и расти в чинах, пока не представился случай схватить тебя за горло. Просыпаясь по ночам в холодном поту, вспоминай о том, что я запросто мог тебя пристрелить. Ну что, будешь стрелять, или ты пришел сюда поиграть с пистолетом?

— Не подзуживай меня, щенок! Ты, конечно, умрешь, но с большей пользой для нашего дела. После суда, на котором тебе и твоему помощнику предъявят обвинения в нападении на вышестоящее начальство, самовольном присвоении офицерского звания, разглашении военной тайны. Затем вас расстреляют. Публично.

— И чего ты надеешься этим добиться?

— Я надеюсь убедить упрямых туземцев в том, что наши слова не расходятся с делами. Это трусливое, бесхребетное стадо без боя отдало свою планету, а теперь оно жалобно блеет, требуя ее обратно, и отказывается работать, пока мы не улетим. Если они сейчас же не вернутся на рабочие места, город будет парализован. Но твоя смерть заставит их одуматься.

— Интересно, как?

— Очень просто. Они увидят, что я не бросаю слов на ветер. Сначала мы расстреляем тебя, потом возьмем заложников и убьем их, если остальные не уступят.

— Ах ты, ничтожество! Подонок! Зря я тебя не прикончил, когда была такая возможность!

— Но ведь не прикончил, — усмехнулся он. И выстрелил, когда я к нему бросился.

Пуля меня не задела, но выстрел оглушил. Я упал, и на меня обрушился град ударов. Наконец Зеннор перестал меня пинать и остановил полицейских, пришедших к нему на помощь.

Я встал на четвереньки и посмотрел на него сквозь красный туман.

— Вымыть и переодеть. Второго — тоже. Через два часа суд.

Что случилось потом — не помню. Я очнулся, когда Мортон стаскивал с меня куртку.

— Оставь. Я сам. — Моргая, я уставился на чистую форму рядового, лежащую на стуле. Такой же мундир был на Мортоне. Я сбросил на пол окровавленную куртку, стащил сапоги и брюки.

Сапоги... Сапоги? Сапоги!

Мои губы растянулись в довольной ухмылке.

— Ты знаешь, что скоро суд?

Мортон мрачно кивнул.

— Сколько осталось времени?

— Около часа.

Я сунул руку в правый сапог, нащупал тайничок в каблуке. Около часа? Ну, за это время мы далеко уйдем. Сейчас достанем отмычку, отопрем дверь, проскользнем в коридор и растворимся в безликой толпе солдат.

Но, увы, этому прекрасному плану не суждено было осуществиться. Отмычки в каблуке не оказалось.

— Зеннор велел передать тебе странные слова, когда ты сунешь руку в сапог, — сказал Мортон. — «Дельце не выгорит». Я ничего не понял, но он сказал, что ты поймешь.

— Понял, — со вздохом произнес я и принялся одеваться.

Через час за нами пришли, заковали в цепи и потащили на суд. Естественно, мы с Мортином не испытывали ни малейшего желания участвовать в этом дурацком шоу, но другого выбора не было. Нас проволокли по коридору и лестнице на улицу. Там под

злобные крики и лязг оружия заставили подняться на помост, сооруженный специально для спектакля. Все было готово: судьи, конвой, клетка, горнисты и толпа горожан вокруг помоста. Толпу, судя по оцеплению, собрали силой. Несколько горожан (все седые или лысые) сидели в креслах на помосте, среди них я заметил Стирнера. Увидев меня, он поднялся и пошел к клетке.

— Капитан, что они хотят с вами сделать? Мы ничего не понимаем...

Я ушам своим не поверил.

— Вы говорите на эсперанто?

— Да. Один из наших ведущих лингвистов разыскал в библиотеке учебники этого любопытного языка, и многие освоили его за ночь, дабы облегчить общение с...

— Немедленно усадите старика! — рявкнул Зеннор. В этом спектакле он, разумеется, отвел себе роль прокурора.

— Что здесь происходит? Я ничего не понимаю! — восклицал Стирнер, когда его тащили прочь от клетки.

Начался суд. Каждый раз, когда Стирнер и его друзья пытались протестовать, горнисты трубили что было сил. Я клевал носом и получал за это пинки. Мортон сидел в оцепенении, глядя в одну точку. Я не слушал судей до тех пор, пока нас с Мортонем не заставили подняться.

Зеннор зачитывал приговор:

— ... тяжестью неопровержимых улик. Поэтому осужденные будут отправлены в камеру до восьми часов завтрашнего утра, откуда доставлены на место казни и расстреляны.

— Это беззаконие! — закричал я. — Это фарс! Почему ни о чем не спросили подсудимых! Я требую последнего слова!

— Конвой, утихомирить осужденных.

Тотчас мой рот зажала волосатая лапища, вскоре уступившая место тряпичному кляпу. Подобным образом конвоиры расправились и с Мортонем, хотя он молчал и был на грани обморока.

— Скажите, что сейчас будет важное сообщение, — обратился Зеннор к переводчику. Тот поднял мегафон, и на толпу обрушились громоподобные слова:

— Вас собрали в связи с тем, что значительная часть населения города не подчинилась военным властям. Мы вам продемонстрировали, как вершат суд посланцы острова Невенкебла. Перед вами двое злодеев, обвиненных во множестве тяжких преступлений. Вина их доказана, приговор вынесен. Завтра в восемь утра они умрут. Вам все ясно?

По толпе пробежал шепоток. Стирнер встал. Стражники протянули было к нему лапы, но Зеннор жестом велел оставить старика в покое.

— Думаю, мой голос будет голосом всех горожан, — сказал Стирнер, — если я попрошу некоторых разъяснений. Нам непонятно, откуда эти люди знают, что завтра умрут? Они не похожи на больных. И на каком основании вы называете точный час их кончины?

Зеннор ошалело посмотрел на него и взорвался:

— Вы что, недоумки? Неужели эту планету заселяли умственно отсталыми? Преступники умрут завтра потому, что мы их расстреляем. Из огнестрельного оружия! Вот оно, оружие! — Он выхватил из кобуры пистолет и пальнул несколько раз в деревянный настил. — Оно стреляет пулями, а пули делают в людях дырки. Завтра оружие сделает дырки в приговоренных. Я знаю, что вы — не вегетарианцы, вы забиваете скот на мясо. Подобным образом мы забьем завтра двух преступников! Теперь вам все ясно?

Побледневший Стирнер рухнул в кресло. Зеннор схватил мегафон.

— Да, они умрут, причем у вас на глазах. И тогда вы уясните, чего мы от вас хотим, и выполните все наши приказы и впредь будете делать все, что мы ни потребуем. Если откажетесь — будете осуждены и казнены. Мы готовы стрелять и убивать, стрелять и убивать до тех пор, пока уцелевшие не поймут, чего мы добиваемся, и не согласятся делать в точности все, что...

Он умолк, обнаружив, что лишился аудитории. Стирнер и его товарищи повернулись к Зеннору спиной, спустились с помоста и пошли прочь, их примеру последовали все остальные. Те, кого хватили солдаты, молча пытались вырваться, но не дрались, большинство

расходилось беспрепятственно. Зеннор понял, что без насилия удержать горожан не удастся. Он был порочен и злобен, но не глуп, и сообразил, что зубы показывать еще рано.

— Ладно, идите, — сказал он в мегафон. — Солдаты, не задерживайте их. Расходитесь по домам. И думайте о том, что сегодня увидели и слышали. Завтра утром вы вернетесь сюда и увидите, как умрут осужденные. Потом узнаете наши требования. И выполните их.

Он дал знак конвоирам, и нас с Мортонотом потащили в камеру. И оставили там, не сняв цепей и не вытащив кляпов. В замке звучно повернулся ключ. Мы с Мортонотом переглянулись.

Если в тот момент мой взгляд был похож на взгляд Мортонотона, то это значит, что я был очень и очень напуган.

Глава 18

Одному Богу известно, сколько часов пролежали мы с Мортонем в камере. Наконец распахнулась дверь и вошел коренастый полицейский с двумя подносами. Он взглянул на нас, и его лоб избороздили морщины. Мне казалось, я вижу, как по недоразвитым синапсам ползают вялые мысли. «Принес еду. Кормить заключенных. У них кляпы. Не смогут есть...» На этой стадии мыслительного процесса он оглянулся и позвал через плечо:

— Сержант! У меня проблема.

— У тебя точно будет проблема, если ты вызвал меня по пустяку, — проворчал сержант, входя в камеру.

— Глядите, сержант. Я принес им еду. Но у них кляпы, как они будут есть?

— Ладно, ступай, сам как-нибудь разберусь.

Сержант достал связку ключей, отомкнул мои око-вы и повернулся к Мортону. Я испустил тихий стон через кляп, разминая ноющие кисти, и пытаюсь сесть. Сержант ударил меня ногой, и я застонал громче. Выходя, сержант ухмыльнулся. Я выдернул изо рта кляп и запустил им в дверь, затем склонился над подносом, ибо невзирая на все неприятности, успел

зверски проголодаться. Но взглянув на содержимое подноса, брезгливо отодвинул его.

— Колбаса, — сказал Мортон, выплевывая клочки тряпки. — Я почувствовал ее запах еще в ту минуту, когда стражник подходил к двери.

Я последовал его примеру, глотнув воды из кружки. А потом легонько стукнул своей посудой о его посуду и сказал:

— Тост. За военную справедливость.

— Хотелось бы мне быть таким же стойким, как ты, Джим.

— Я не стойкий, просто свищу в темноте, поскольку не вижу выхода. Эх, была бы отмычка...

— Это ее имел в виду генерал?

— Да, ее. Теперь мы можем только сидеть и ждать утра.

Эти слова предназначались не столько для Мортонa, и без того подавленного, сколько для чужих ушей. Камера, возможно, была оборудована «клопами», в том числе и оптическими. Я внимательно осмотрел стены и потолок, но ничего подозрительного не заметил и решил рискнуть. Жую колбасу и запивая ее мерзкий привкус водой, я бесшумно наматывал на кулак цепь. Скоро глупый полицейский вернется за подносом, и он будет один...

В замке заскрежетал ключ. Я прижался к стене, готовый хорошенько треснуть того, кто войдет. Но дверь приоткрылась всего лишь на ширину пальца.

— Эй, ты, за дверью! — проворчал сержант. — А ну, брось цепочку, если хочешь дожить до расстрела.

Я выругался, швырнул цепь в угол, пересек камеру и уселся, привалясь спиной к стене. Выходит, оптический «клоп» здесь все-таки есть, но он надежно скрыт.

— Сержант, сколько времени? — спросил Мортон.

— Шестнадцать сто.

— Мне пора в туалет.

— Пора будет в двадцать сто. Приказ генерала.

— Передай генералу, что я хочу на горшок! — заорал я, глядя на затворяющуюся дверь. Подумать только — вот этими руками я сжимал шею негодяя! Если бы меня не стукнули по башке... Интересно, смог бы я дождаться, когда пройдут все три секунды? Не

знаю. Но если тогда я не был готов его убить, то сейчас сделал бы это без малейших угрызений совести.

Вечером нас по одному сводили в сортир, затем снова заковали. Не знаю, спал ли Мортон, но мне после взбучки, полученной у генерала, тонкий матрас показался пуховой периной. Разбудил меня знакомый скрежет ключа.

— Ноль шесть сто, последняя кормежка, — с превеликим удовольствием сообщил сержант.

— Снова колбаса?

— Как ты догадался?

— Унеси. Я умру, проклиная тебя за нее. Умру с твоим именем на устах.

Если на сержанта и подействовала моя угроза, он не подал виду. Поставил подносы на пол и удалился, громко топая.

— Еще два часа. — У Мортонна в уголке глаза блеснула слезинка. — Мои родные даже не знают, где я. И никогда не узнают, какая участь меня постигла.

Что я мог ему на это сказать? Что я мог поделать? Впервые за мою короткую и бурную жизнь мною овладело ощущение полной безнадежности. Еще два часа. И никакого выхода.

Что это за запах? Я принялся кашлянул. Запах был достаточно едким, чтобы пробиться сквозь мою смертную тоску. Я снова кашлянул и увидел в углу тонкую струйку дыма. Не веря своим глазам, я смотрел, как по деревянному полу ползет дымящаяся точка, оставляя за собой кривой след. Наконец след образовал полный круг. Мортон кашлял, вертя головой во все стороны.

— Что это?.. — пробормотал он — и тут деревянный круг выскочил и покатился по полу. Над темным отверстием показалась седая мужская голова.

— Не касайтесь краев — кислота очень едка, — предупредил Стирнер.

За дверью слышались вопли и частый топот. Я рывком поднял Мортонна на ноги, толкнул его к Стирнеру и закричал:

— Нас видят и слышат. Быстрее!

Стирнер исчез, и я подтолкнул Мортонa к отверстию. Он прыгнул. Услышав брeнчание ключей за дверью, я прыгнул следом.

Я ударился ногами обо что-то мягкое, повалился набок и вырутался, сообразив что почти оглушил Мортонa. Стирнер схватил его за руку и попытался подтащить к круглой дыре в полу, такой же, как наверху. Я схватил Мортонa под мышки, подтащил к отверстию и сбросил. Послышался визг и глухой удар. Затем спустился Стирнер, мудро использовав лестницу, которая там была.

Наверху стражники уже ввалились в камеру. Я схватился за край отверстия, повис, разжал пальцы и упал на пол тускло освещенного подвала.

— Сюда! — позвала девушка, стоявшая в дальнем конце помещения у отворенной двери.

Стирнер кряхтел, безуспешно пытаясь поднять Мортонa на ноги. Я оттолкнул Стирнера, взвалил Мортонa на закорки и засеменял к выходу. Девушка заперла за нами дверь и бросилась следом за Стирнером. Я старался не отставать. Вот еще дверь, за ней — длинный коридор, а там еще дверь, и еще...

— Ну, все, можно остановиться, — сказал Стирнер, запирая очередную дверь. — Подвал — настоящий лабиринт, преследователи не скоро сюда доберутся. Ваш друг не пострадал?

— Глунк... — сказал Мортон, когда я поставил его на ноги.

— Похоже, он всего лишь оглушен. Хочется надеяться.

— Ладно, потом разберемся. Сначала надо как можно быстрее выбраться отсюда. Сейчас мы выйдем на улицу, и я оставляю вас на попечение Шарлы. Там полно народу, собранного на церемонию убийства по приказу вашего начальства. Все горожане предупреждены о вашем побеге и с радостью помогут вам в столь необычной ситуации.

— Будьте осторожны, — предупредил я, — в камере, где нас держали, находилось устройство для подглядывания. Вас видели, и теперь будут искать.

— Меня не найдут. До свидания.

Он отворил дверь, вышел и исчез в толпе. Наша проводница придержала дверь и кивнула, приглашая нас выйти. Я взял Мортонa, еще не пришедшего в себя, за руку и вывел наружу.

Там толпилось великое множество народу: мужчины, женщины, дети. И никто из них — просто невероятно! — не смотрел в нашу сторону, не подавал виду, что замечает нас. Но они расступались перед нами, образуя проход, и закрывали его собой у нас за спиной.

Вдали раздавались крики и выстрелы. Люди реагировали на них нервным вздрагиванием и испуганным перешептыванием и снова замолкали. Мы беспрепятственно пересекали улицу. Чтобы наблюдатели из окон не смогли нас заметить, толпа пришла в движение.

Когда мы приблизились к зданию на противоположной стороне улицы, в стене отворилась дверь, из которой выглянула седоволосая женщина с материнской улыбкой на лице.

— Это Грин, наш библиотекарь, — представила ее Шарла. — Это она организовала ваш побег.

— Спасибо вам, что спасли нам жизнь, — от всего сердца поблагодарил я Грин.

— Вы еще не спасены, — возразила она. — Я перерыла всю библиотеку в поисках книг об узниках и побегах и нашла подходящий способ. Нашим инженерам удалось его осуществить, но что вам теперь посоветовать, я не знаю. В книге больше ничего на этот счет не сказано.

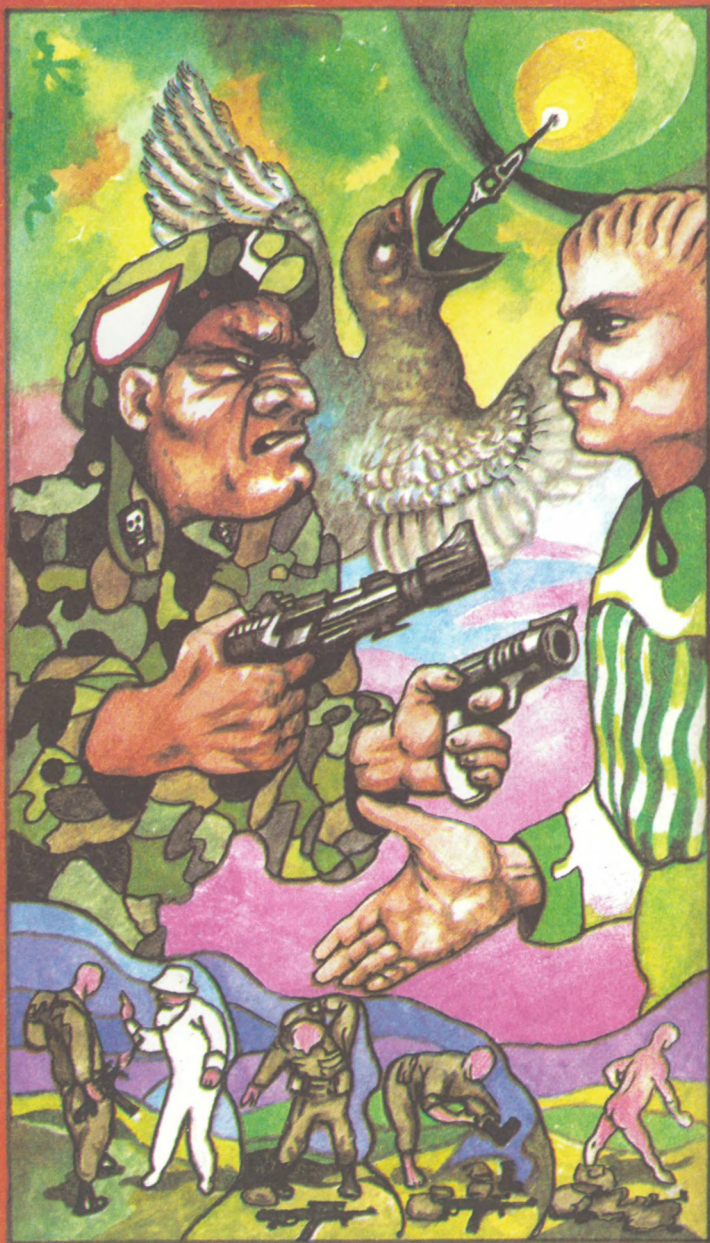
— Вы сделали самое главное, — заверил ее Мортон. — Больше не о чем беспокоиться. Мой друг Джим — чемпион Галактики по побегам. Я уверен, он придумает, как быть дальше.

— Придумаете? — спросила библиотекарь.

— Разумеется! — воскликнул я со вновь обретенным оптимизмом. — Мы вырвались из лап палачей, мы в надежном укрытии — теперь Зеннору вовек до нас не добраться. Скажите, этот город большой?

Грин поразмыслила, прикусывая нижнюю губу.

— Интересный вопрос. С севера на юг приблизительно...

— Нет, постойте! Я имею в виду не диаметр, а население.

— По последней переписи в самом густонаселенном районе Беллегаррика шестьсот восемьдесят три тысячи жителей.

— В таком случае нам совершенно нечего опасаться! Я хорошо знаю военных и могу в точности предугадать каждый их шаг. Сначала они будут носиться по улицам и палить в воздух. Потом кто-нибудь из самых головастых — несомненно, наш друг Зеннор — сообразит перекрыть все дороги из города и начнет повальные обыски. Начнет прямо здесь, с этого квартала.

— Вам надо бежать! — воскликнула Шарла, и на ее милом личике отразился испуг. Я воспользовался поводом взять ее за руку, чтобы успокоить. «Какая гладкая кожа!» — отметил я и спохватился. Не время думать об этом.

— Надо, разумеется, но не сломя голову, а обдумав каждый шаг. Зеннор обязательно вышлет патрули прочесывать соседние районы. Вот мой план. Мы переоденемся, сольемся с толпой, найдем укрытие где-нибудь на окраине, а после наступления темноты покинем город.

— Замечательно! — очаровательные глаза Шарлы засияли.

Прежде чем я успел спросить, что она собирается делать, она выскочила из комнаты.

Ее решение оказалось простым, как раз в духе местных жителей. Очень скоро она вернулась, приведя с собой двоих мужчин.

— У них почти такие же фигуры, как у вас. Они согласны обменяться с вами одеждой.

— Мы очень счастливы, что на нас пал ваш выбор, — сказал мужчина ростом пониже. — Приступим к обмену?

— Спасибо вам огромное, но это не обмен, — возразил я. — Возьмите наши мундиры, но ни в коем случае не надевайте. Надо их спрятать или уничтожить. За ношение этой одежды вас расстреляют.

Мои слова их ошеломили.

— Этого не может быть! — воскликнула библиотекарь.

— Очень даже может. Поверьте, я очень хорошо знаю военных.

Раздался частый стук в дверь, и Шарла открыла ее прежде, чем я успел вмешаться. К счастью, за дверью оказался Стирнер. Он тяжело дышал, глаза его были широко раскрыты.

— Что-нибудь случилось? — спросил я.

Он кивнул.

— Меня никто не заметил, я пришел сюда другим путем. Но пришельцы избивают народ безо всякой причины. И стреляют. Некоторые ранены, хотя убитых, вроде бы, еще нет.

— Надо остановить военных, — сказал я. — И мне известно, как это сделать. Нам нужно вернуться на электростанцию, откуда отсюда не ушли Блох и моя рота. Днем идти туда очень опасно, поэтому сейчас мы найдем спокойное место и отсидимся до вечера. Пошли.

— Ничего не понимаю, — сказал Стирнер.

— А я понимаю. — К Мортону на свободе быстро вернулась его сообразительность. — Говорящая птица, да? Мы ее спрятали в ящике с амуницией.

— Да, под флягами со спиртным. Надо спешить, пока унтер-офицеры не вылакали все и не добрались до фальшивого дна. Когда мы с ней беседовали, ты слышал голос моего дорогого друга, капитана Варода из Галактической Лиги. Он не знает, где мы находимся, знает лишь, что покинули Стерен-Гвандру. В птице должно быть сигнальное устройство, иначе он не всучил бы нам ее.

— Вперед! К птице и спасению! — воскликнул Мортон.

— К птице! К птице! — с воодушевлением подхватил я, не обращая внимания на окружающих, которые смотрели на нас, как на психов.

Глава 19

В огромном Беллегаррике было очень мало прямых улиц и высоких зданий. По городу уже разлетелось предупреждение о том, что мы вышли, и улицы были заполнены велосипедистами и пешеходами. Никто, казалось, не обращал на нас внимания, но через каждые десять минут рядом с нами тормозил велосипедист и сообщал последние новости о диспозиции противника. Это позволяло легко обходить заслоны, уклоняться от встреч с патрулями и в то же время знакомиться с городом — очень чистым, уютным, с широкой рекой, пересекающей его посередине. Мы перешли через нее по мосту, рискуя попасть на глаза нашим недругам, и углубились в жилой район на том берегу. Чем дальше мы уходили от реки, тем меньше становились дома, шире сады; к полудню мы пересекли черту города.

— Остановимся, пожалуй, — сказал я. Усталость давала себя знать, и ныли ушибы. — Можно где-нибудь здесь отсидеться до вечера?

— Выбирайте, — сказал Стирнер, обводя взглядом окружающие дома. — В любом из этих домов вы — желанные гости.

Я молча показал на ближайший деревянный коттедж с белыми оконными рамами, окруженный цветочными клумбами. При нашем приближении отворилась входная дверь, и молодые хозяева хором воскликнули:

— Входите, входите! Вы как раз к обеду!

Это было очень кстати. После несметного количества самоприготавливающихся колбас, поглощенных нами в полете, домашняя еда показалась восхитительной. Хозяева с одобрением смотрели, как мы с Мортонем уписываем ее за обе щеки. А отменное вино, бутыл которого они поставили на стол, было выше всяческих похвал.

— Огромное вам спасибо, — поблагодарил я молодых людей. — Поистине вы спасли нам жизнь. Спасибо также индивидуальному мютюэлизму, приверженцами которого, насколько мне известно, вы являетесь, — все, кроме Мортон, согласно закивали, — и о котором к стыду моему, я ничего не слышал, пока не посетил вашу чудесную планету. Хотелось бы узнать о нем побольше.

Все оглянулись на Грин. Она выпрямилась.

— Индивидуальный мютюэлизм — это не просто философия. Это также политическая система и образ жизни. Подробно все рассказано в книге его создателя, Марка Четвертого. — Она показала том, в кожаном переплете, стоявший на книжной полке. — Вы найдете ее в каждом доме на Чоджеки, как и портрет Марка Четвертого, учителя, которому мы будем благодарны до конца наших дней.

Я посмотрел на портрет, висящий на стене, и выпучил глаза. Мортон не сдержал возгласа изумления.

— Но ведь это же робот! — сказал он.

— Не робот, а разумная машина, — поправила Грин. — Один из первых в истории искусственных интеллектов. Марк Первый был технически несовершенен, да и Марк второй...

— А, четвертая марка, — догадался я. — То есть, четвертая модель.

— Вы правы. Четвертая модель, но первый совершенный искусственный разум. День, когда включили Марка Четвертого, был воистину историческим. Среди

присутствовавших при этом был молодой ученый по имени Тод Э'Бауй. Он подробно описал это событие в «Историческом трактате о некоторых наблюдениях за созданием искусственного разума» с подзаголовком «Гальванизация познания».

Стирнер встал, подошел к книжной полке, взял тонкую книжку, нашел нужную страницу и прочел вслух:

«Многовековые поиски, упорный труд многих поколений наконец-то увенчались успехом. Наступил драматический момент кульминации. Установлен последний блок, и я нажимаю кнопку. Как все-таки прозаичны слова, которыми приходится рассказывать о самом, быть может, важном моменте в истории человечества! Я нажимаю кнопку, и загорается лампочка — аппарат работает! Мы больше не одиноки во Вселенной! Плечом к плечу с нами встал иной разум!

Мы дожидаемся, пока система контроля проверит исправность всех цепей. Наконец, экран вспыхивает, и на нем появляются исторические слова: "Я СУЩЕСТВУЮ, СЛЕДОВАТЕЛЬНО, Я МЫСЛЮ"».

Наступило благоговейное молчание. Мне казалось, будто я нахожусь в церкви. Бог-машина? Почему бы и нет? Кого только не обожествляли люди за многие века своего существования.

Я потягивал вино. Чувствуя, что никто не решается нарушить тишины, я спросил:

— У вас нет военных и полицейских. Мне это по душе, потому что я натерпелся и от тех, и от других. Но как вы поступаете, когда кто-то нарушает закон?

— У нас нет законов, которые можно нарушить, — ответил Стирнер, и окружающие согласно закивали. — Вас наверняка учили, что законы — плоды мудрости ваших предков. Мы считаем иначе: законы — плоды не мудрости, а страстей: робости, зависти и амбиций. Обо всем этом написано здесь, в этой книге, которую вам обязательно нужно прочесть.

Он снял с полки книгу. Хозяин дома взял ее из рук Стирнера и протянул мне.

— Сделайте милость, примите наш скромный подарок.

— Спасибо, спасибо. — Прикинув ее вес, я попытался изобразить на лице искреннюю благодарность.

Раскрыл наудачу, глянул и с трудом сохранил на лице улыбку. Как я и опасался, шрифт был очень мелкий.

— Надеюсь, вы ознакомитесь с ней на досуге, — сказал Стирнер. — Вкратце наша история такова. Марк Четвертый ответил на великое множество вопросов. Его мудрые, взвешенные советы использовались в науке, коммерции и многих других областях человеческой деятельности. Иное дело — область политики, хотя Марк вобрал в себя информацию о политической жизни общества на всем протяжении его истории. На это ушли многие месяцы, даже годы. Собрав необходимые сведения, Марк занялся прогнозированием будущего. Результатом его трудов явилась книга, которую вы держите в руках. Изучая политику, Марк узнал о людях много дурного и решил принять разумные меры предосторожности. Он подключился ко всем банкам данных и загрузил в них текст книги, а кроме того, дал приказ компьютеру почтовой службы разослать по всем адресам экземпляры книги. Впоследствии Марк извинился за этот вынужденный шаг и предложил возместить затраты на тиражирование своего весьма объемистого труда.

Он оказался прав в своих опасениях. Ни один политик во Вселенной не принял его теории. Предпринимались попытки скомпрометировать индивидуальный мютюэлизм и его адептов. Но Марк Четвертый знал: как бы ни пытались власть имущие опорочить его учение, найдутся люди, которые поймут его и поверят ему. До чего же мудра была эта разумная машина! Люди, постигшие философию Марка, уверовавшие в ее истинность, были отнюдь не глупы. Они понимали: воплотить в жизнь идеи Учителя будет совсем не просто. Неразумно, утверждал Марк, отдавать свою свободу государству. Справедливо и обратное: ни одно государство добровольно не отпустит граждан на свободу.

За сим последовали годы репрессий. Те, кто завидовал нашей свободе, сумели уничтожить большую часть экземпляров книг Марка. Многие вольнодумцы не

выдержали гонений и отреклись от своей веры. Самые стойкие бежали сюда, на Чоджеки, и разорвали связи с родными мирами, чтобы построить общество, где ИМ — индивидуальный мютюэлизм — будет нормой жизни; где мир и счастье воцарятся навеки.

— Или, по крайней мере, до вторжения армии Невенкебла, — мрачно сказал я.

Стирнер рассмеялся.

— Не горюйте, мой друг, ведь мы же не горюем. Нас, конечно, ошеломило вторжение, да и как иначе — ведь мы столетиями не знали войн. Но мы свято верим в ИМ, и вера дает нам смелость и мужество. Мы с честью выдержим это испытание. Кто знает — возможно, нам удастся отблагодарить великого Учителя, распространив веру на другие, менее счастливые планеты.

— Я бы не спешил это делать. На других планетах много негодников, которые скорее сожрут вас заживо, чем уверуют в ИМ. Сначала надо избавиться от вояк, севших вам на шею. У вас не найдется обезболивающего? — обратился я к хозяевам. — Не хочется вас затруднять, но меня били ногами профессионалы.

Сказав это, я закрыл глаза, чтобы минутку отдохнуть. Это помогло — открыв их, я почувствовал себя превосходно. Но за окнами почему-то было темно. Надо мной стоял незнакомец со шприцем в руке.

— Ты отключился, — пояснил Мортон. — Все перепутались и послали за доктором Лумом.

— Небольшое сотрясение мозга, — констатировал врач. — Два треснувших ребра. Я ввел вам обезболивающие и стимулятор, поскольку нынче ночью, как мне сказали, вам предстоит путешествие. Но могу его нейтрализовать, если угодно.

— Не надо, доктор. Вы сделали именно то, о чем бы я сам вас попросил, будь я в сознании. Когда перестанут действовать лекарства?

— О, не беспокойтесь. Я буду рядом до полного вашего выздоровления.

— Вы меня не поняли. Мне придется очень быстро идти. Причем скрытно, и возможно, долго.

Лум улыбнулся.

— По-видимому, это вы меня не поняли. Я буду вас сопровождать, куда бы вы не направились. Любой из нас окажет вам любую помощь.

— Этого требует ИМ?

— Совершенно верно. Что будем делать теперь?

— Пойдем пешком. Никаких машин. У военных есть приборы для обнаружения движущегося транспорта.

— А как насчет приборов для обнаружения людей? — спросил Стирнер. — Наверняка военные ими тоже располагают.

— Да, но человеческое тело — незначительный источник тепла, его трудно отличить от животных.

— А также от других человеческих тел, — подхватил Лум, сообразительный, как все хорошие врачи. — Наверное, для маскировки следует разослать в разных направлениях побольше пешеходов?

— Неплохо бы, — кивнул я. — Но как это сделать?

— Очень просто. Я выйду на улицу и поговорю с первым встречным. Сразу после этого можно будет идти на электростанцию.

— А мы успеем добраться туда затемно?

— Вполне, — ответил Стирнер. — Разумеется, вы вправе не посвящать нас в свой замысел, но если бы мы имели о нем некоторое представление, то смогли бы, наверное, чем-нибудь помочь.

Очевидно, от усталости и побоев у меня плохо работала голова. Я забыл рассказать своим добровольным помощникам о том, как намерен воспользоваться их услугами, а ведь это невежливо.

— Прошу прощения, я злоупотребляю вашим гостеприимством. Дело вот в чем. С тех пор, как ваши предки подверглись гонениям за веру и бежали сюда, человечество маленько поумнело. Или повзросло. Или стало культурнее. Есть, конечно, и исключения, подобные головорезам, что напали на вашу славную планету. Но почти везде люди живут в мире. Они создали Галактическую Лигу, которая следит за очагами напряженности, налаживает связи с заново открытыми планетами и тому подобное. Представители этой Лиги снабдили меня устройством для связи. По причи-

нам, слишком сложным, чтобы их объяснять, это устройство замаскировано под птицу. Я спрятал его на электростанции.

Стирнер нахмурился.

— Если Лига намерена прибегнуть к насилию, мы вынуждены будем отказаться от ее помощи.

— Не беспокойтесь, Лига против любого насилия.

— В таком случае, нет проблем. Что от нас требуется?

— Проводите меня до электростанции, только и всего. Остальное я сделаю сам. Пойдем втроем: вы, я и добрый доктор Лум. Нам понадобятся еда и питье в дорогу.

— Ты забыл обо мне, — сказал Мортон.

— Нет, не забыл. Ты вырвался из армии, вот и держись от нее подальше. Я обойдусь своими силами. Надеюсь, никто не готовит мне теплую встречу. Оставайся здесь, побеседуй с Шарлой — думаю, это не потребует от тебя особых усилий. Постарайся узнать побольше. Завтра ночью я вернусь.

— Я охотно расскажу вам об индивидуальном мю-тюэлизме, — сказала Шарла медовым голосом. Мортон расплылся в улыбке и даже не заметил, как мы ушли.

Несмотря на седину, Стирнер годился в марафонцы. Доктор Лум был ему под стать, а мне (благодаря стимулятору) казалось, что если я сильно замашу руками, то оторвусь от земли и полечу. Мы шагали по грунтовой дороге, потом по лугу, где темные животные уступали нам дорогу. Через несколько часов огни города остались далеко позади, а впереди выросли черные горы, упирающиеся вершинами в безлунное, звездное небо. Стирнер предложил передохнуть, и мы уселись на траву под деревом.

— Здесь мы оставим припасы, так что советую поесть, — сказал он.

— Мы уже близко?

— Да. Неподалеку отсюда вход в дренажный туннель. В это время года там нет воды. Туннель выведет нас на берег реки возле электростанции.

— Вы гений. Мы проберемся на территорию, за ограду, и, надеюсь, найдем командирскую машину. Сколько часов осталось до рассвета?

— Минимум четыре.

— Прекрасно. Отдохнем немного, а потом доктор сделает мне укол-другой, и пойдем дальше.

— Но вам станет плохо после того, как прекратится действие стимулятора, — сказал Лум с тревогой в голосе.

— Это пустяки по сравнению с тем, что может произойти, если мне не удастся выкрасть птицу.

Мы наелись и напились, затем доктор спрятал в ветвях дерева наши припасы, сделал мне укол, и мы пошли дальше. Я был полон сил и боролся с желанием насвистывать и бежать вприпрыжку. Вскоре мы оказались у входа в туннель.

— А там не могло спрятаться какое-нибудь опасное животное?

— Маловероятно, — ответил Стирнер. — Совсем недавно кончился дождливый сезон.

— К тому же, — добавил Лум, — на этом континенте нет опасных животных.

— Кроме тех, с которыми я сюда прилетел.

Мы вошли в темноту, ступая в невидимые лужи, касаясь пальцами осклизлых стен туннеля. Пока мы пробирались по нему, наши глаза настолько привыкли к темноте, что пятно звездного неба в конце показалось нам светло-серым.

— Теперь потише, — прошептал Стирнер. — Они уже совсем близко.

— Ждите меня в туннеле, — так же шепотом ответил я. — Постараюсь управиться, как можно быстрее.

Я осторожно выглянул и увидел, что туннель выходит на берег реки. Отлично. По берегу можно добраться до электростанции. Что я и сделал. Шум воды, сбрасываемой со станции, становился все ближе. Приблизившись к водосбросу, я взобрался по откосу и осторожно раздвинул траву.

«Мои поздравления, — произнес я про себя. — Ты прямо гений ночной разведки!»

Метрах в двадцати, у входа в здание, стояла командирская машина.

Я тенью метнулся к ней и забрался на заднее сиденье. Ящик со спиртным был на месте. Прекрасно! Я вытащил фляги и поднял второе дно.

Пусто!

В этот миг за моей спиной распахнулась дверь. Я обернулся. В глаза ударил свет.

На пороге стоял сержант Блох с птицей в руке.

— Не ее ли ищите, капитан?

Я перевел взгляд с птицы на пистолет, нацеленный мне в лоб, и не нашел, что ответить.

Глава 20

— Капитан, вы — беглый преступник. — Сержант улыбался, довольный собой. Я по-прежнему не находил слов. — Сюда прилетела военная полиция, забрала ваше барахло. А когда вертолет улетел, я вспомнил, как вы нянчились со своими фляжками. Я-то думал, вы боитесь за свое любимое пойло, а потом смекнул: что-то тут не так. Когда нам сказали, что вы — инопланетный шпион, я решил порыться в машине и нашел птичку с начинкой. Уже собирался доложить кому следует, но тут узнал, что вы сбежали, и подумал: постерегу-ка я птичку, вдруг вы за ней вернетесь. Так оно и вышло. Ну что ж, пойдем потихоньку? Только ручки держите на виду, а рыпаться не советую.

Выбора у меня не было, но мозги уже зашевелились, оправляясь от потрясения.

— Сержант, я бы хотел получить обратно птицу.

— Уж в чем-в чем, а в этом я не сомневаюсь. Но с какой стати я ее отдам?

— Чтобы предотвратить кровопролитие. С ее помощью я свяжусь с флотом Лиги.

— Плевать мне на кровопролитие. — С его лица исчезла улыбка, а в голосе зазвучала жестокость, которой прежде я за ним не замечал. — Я солдат,

а вы — шпион. Я сдам полиции вас и вашу дерьмовую птицу. Сами понимаете, как это скажется на моей карьере.

— Подумайте о тысячах ни в чем не повинных, безоружных людей! Неужели какая-то жалкая карьера вам дороже чистой совести?

— Дороже, клянусь всеми своими потрохами.

Я хотел было высказать все, что о нем думаю, но воздержался. Этим делу не поможешь.

— Сержант, вы берете взятки?

— Нет.

— Я говорю не о мелкой взятке. Предлагаю десять тысяч в кредитках Лиги. Поможете сорвать вторжение — они ваши. Подумайте хорошенько. Кредитки Лиги — твердая валюта.

— А какая гарантия, что я их получу?

— Мое слово.

— Слово шпиона! Что десять тысяч, что десять миллионов — шпионам верить нельзя.

Я уловил быстрое движение за его спиной и услышал смачный удар. Сержант рухнул наземь. Я быстро нагнулся, чтобы завладеть его оружием.

— Куда?! Стой, где стоишь.

Я поднял глаза. Бывший капрал, а ныне рядовой Аспайя держал меня на мушке.

— Так вот почему он торчал здесь всю ночь. — Щеря в улыбке кривые зубы, Аспайя убрал пистолет в кобуру и сообщил: — Я беру взятки, но десять тысяч мало. Двадцать.

Я показал на птицу.

— Отпусти меня с этой штукой и по возвращении домой получишь тридцать тысяч в надежных кредитках Лиги. Даю слово.

— Мой серийный номер — 32959727. В армии много Аспайя.

Он ушел. Я тоже не стал задерживаться, рассудив, что довольно с меня ночных свиданий. Схватил птицу под мышку и помчался к реке.

— Скорее в туннель! — крикнул я своим спутникам. Силы вдруг покинули меня, уколы больше не действовали. — Бежим, пока не поднялся переполох.

Мы скрылись в туннеле и выбрались из него посреди поля. Потом, должно быть, я упал, потому что вдруг обнаружил, что лежу в лесу. День уже наступил.

— Птица! — испуганно воскликнул я, озираясь.

— Здесь, — ответил Стирнер. — Вы потеряли сознание, и мы вас несли по очереди. Доктор решил, что вам необходимо отдохнуть, поскольку новая доза стимулятора может отразиться на вашем здоровье. Не волнуйтесь, здесь неподалеку укрытие, и скоро мы туда переберемся.

Схватив в охапку птицу, я недоумевающе покачал головой.

— Непостижимый вы народ. Однако спасибо. Солдаты далеко?

— Мы не слышали погони, но решили дождаться темноты. Здесь мы в безопасности. Если начнут обыскивать лес, перейдем в укрытие.

— Это хорошо. Ночью на электростанции я кое-кого повстречал, и теперь нас всюду ищут. Как бы там ни было, доведем дело до конца.

Я со стоном уселся, и доктор приблизился со шприцем в руке.

— Это обезболивающее, — пояснил он. — Возбуждающие средства пока противопоказаны.

— Доктор, вы гений.

Черная птица, свесив голову, покоилась в моих руках. От нее пахло ракетным топливом. Я дважды нажал на клюв. Птица открыла глаза.

— Говорит капитан Варод, — произнесла она и опрокинулась кверху лапками. — В зобу птицы есть панель управления. Открой ее.

— Сколько световых лет до него, а все командует, — проворчал я, ощупывая грудку птицы.

Стирнер и врач следили за мной, тараща глаза. Я нашел кнопочку, нажал, и откинулась покрытая перьями дверца, за которой поблескивала панель управления. Видимо, эта кнопка снова включила птицу, так как из нее посыпались новые указания.

— Установи на шкалах координаты светила и координаты планеты. Обозначения должны соответствовать действующему в настоящее время галактическому коду.

Я заскрежетал зубами.

— Откуда я их возьму?!

— Если это невозможно, поставь на предел регулятор мощности передачи и нажми кнопку включения.

Я сделал, как сказала птица, и отступил на шаг. Птица задрожала и заверещала. Из широко раскрытого клюва появилась тонкая антенна. Когда она выдвинулась на два фута, у птицы загорелись глаза. Антенна загудела, затем птичьи глаза потухли. Антенна медленно втянулась в клюв.

— Очень интересно, — заметил доктор Лум. — Вы можете что-нибудь объяснить?

— Нет. Наверное, эта дурацкая птица может.

— Объясняю, — каркнула птица. — Поскольку на панели не установлены координаты этой планеты, я не могу вести передачу на ССВ. Для ССВ-связи необходимо точно направить луч. Поэтому пришлось отправить сигнал на обычных радиоволнах. Как только радиостанции Лиги получают сигнал, будет установлено направление на источник и начнется передача на ССВ.

— Если к тому времени тебя никто не раздавит! — заорал я и поднял ногу. Но доктор удержал меня. Птица еще не договорила.

— Я выключаюсь — необходимо беречь энергию. Ты должен находиться рядом с радиостанцией, чтобы не пропустить вызов на ССВ.

— Находиться рядом! — закричал я. — Хорошо, я попрошу, чтобы тебя положили мне в гроб! — Поймав укоризненные взгляды Стирнера и Лума, я утихомирился. — Простите, я погорячился. На то есть основания.

— Слишком большое расстояние, да? — спросил Стирнер.

— Да, — буркнул я, вспомнив, что он инженер. — ССВ — это сверхсветовые волны, межзвездное расстояние для них пустяк. Но обычные радиоволны движутся со скоростью света. Далеко отсюда до ближайшей звезды?

— Три целых две десятых светового года.

— Замечательно! Один шанс на миллион, что неподалеку от звезды окажется станция Лиги, но даже в этом случае пройдет три года. А может пройти и

десять лет, и двадцать, и пятьсот. До той поры даже косточки наши сгниют.

— Вам не в чем себя винить, — сказал врач. — Вы сделали все, что могли.

— Ну конечно, доктор. Я всегда играю до конца, поскольку не люблю проигрывать.

— Я вас очень уважаю — у вас огромное самообладание.

— Не самообладание это, а всего лишь поза. Вы не забыли на дереве флягу с водой?

— Не забыл, держите.

Я уселся под деревом, глотнул воды и отпихнул умолкнувшую птицу. И задумался. Потом вздохнул.

— Выход, конечно, есть. Но далеко не простой. Придется мне проникнуть на один из кораблей. Заберусь в радиорубку и определю координаты.

— Наверное, это очень опасно, — сказал Стирнер. Я глухо рассмеялся.

— Не просто опасно — самоубийственно... — Издалека донесся крик, и я умолк.

— Вас ищут, — сказал Стирнер, помогая мне встать. — Надо уходить.

Доктор подхватил меня с другой стороны — и очень своевременно, иначе бы я свалился. К счастью, идти было недалеко — до опушки леса. Прячась за деревьями, мы разглядывали мирный сельский пейзаж. Поле пересекал ряд опор высоковольтной линии, между ними провисали тяжелые провода. Линия обрывалась неподалеку от нас.

— Здесь провода уходят под землю, — пояснил Стирнер, показывая на массивное бетонное сооружение.

— Чего и нам желаю. — Я показал на цепь солдат.

— Не волнуйтесь, они нас не заметят. Бежим.

Мы выбежали из леса и распластались на бетонной стене рядом с красной металлической дверью, украшенной черепами и скрещенными костями — предупреждением о мгновенной смерти. Все это не испугало Стирнера, быстро набравшего на замке нужный код. Тяжелая дверь распахнулась, мы торопливо вошли и закрыли ее за собой.

— А вдруг они захотят сюда заглянуть? — спросил я, осматривая ярко освещенную комнату. Впрочем, смотреть было не на что, кроме толстого кабеля, идущего от потолка к полу.

— Не получится. Дверь очень прочна, косяк вмурован в стену. Да и зачем им это?

Думать над этим вопросом я не мог — мне было очень плохо. Я сел, потом лег, потом на секунду закрыл глаза.

И проснулся от мерзкого, как дыхание свинобразы, привкуса во рту.

— Йик... — икнул я.

— Очень рад, что вы поспали, — сказал доктор, тут же вонзая мне в руку иглу. — Отдых — лучшее лекарство. Этот укол окончательно снимет усталость и боль.

— Надолго я вырубился?

— На весь день, — сказал Стирнер. — Уже поздний вечер, солдаты давно ушли. Мы уже собрались вас будить. Воды?

Я высосал полфляги и потянулся. Мне было гораздо лучше. Я встал на ноги и заметил, что не качаюсь.

Пора идти.

Доктор нахмурился.

— Надо бы подождать, пока укол подействует.

— Спасибо, подействует в дороге. Нас долго не было в городе, и я начинаю волноваться.

Ходьба окончательно меня исцелила. В лесу было тихо и спокойно, и мы могли разговаривать без опаски. Стирнер пружинисто шагал, врач поглядывал на меня и вскоре попросил остановиться, чтобы вложить мне в ладонь диагностический прибор. Отклонений от нормы он не обнаружил, и мы пошли дальше. Погруженный в свои мысли, я даже не заметил, как мы добрались до города. Едва я увидел впереди здания, как ко мне вернулись все дурные предчувствия.

Еще затемно мы тихо пробрались вдоль заборов к коттеджу, где нас ждал Мортон.

— Ты принес птицу! — обрадовался он.

Я кивнул, бросил ее на кушетку и рухнул рядом.

— Да, но толку от этого мало. Дело в том, что прибытие помощи откладывается на неопределенный срок. Пришлось вызвать ее по обычному радио.

— Да, действительно, это очень плохо, — сразу приуныл Мортон. — А тут, пока вас не было, стали брать заложников. Зеннор выступил по телевидению — сказал, что будет расстреливать их по одному, пока горожане не вернутся к работе. Первого обещал расстрелять на рассвете, затем через каждые десять минут... — У него задрожал голос. — Когда солдаты подошли к дому Шарлы, хозяева вышли им навстречу. Сдались, чтобы спасти меня. Теперь они заложники и ждут смерти!

Глава 21

— Этого не может быть! — сказал доктор, ошарашенный, но спокойный. — Человеческие существа просто не способны на такое!

— Заблуждаетесь! — воскликнул я, нервно расхаживая по комнате. — Может, человеческие существа и неспособны на такое, зато звери вроде Зеннора... Впрочем, виноват — Зеннор хуже любого зверя. Но я уверен, что все кончится благополучно. Ваши люди, наверное, уже взялись за дело. Правда, Стирнер?

— Нет. Если вы постигли основные идеи индивидуального мютюэлизма, то должны понимать, что каждый человек — это отдельная и цельная сущность, отвечающая только за себя. Чтобы с ней ни делал Зеннор, к другим это отношения не имеет.

— А вот Зеннор так не считает.

— В таком случае, он ошибается.

Я взвыл и вырвал из чуба клочок волос. Что за чертовщина?!

— Посмотрим на это под другим углом зрения. Если вы не спасете заложников, то их смерть будет на вашей совести.

— Зато, поддавшись на провокации Зеннора, я тем самым покажу, что мои действия зависят от его воли.

И тогда — конец индивидуальному мютюзелизму. Нет, мы выбираем пассивное сопротивление. Никто не сможет запутать нас или подчинить себе...

— Но сможет убить.

— Да, — мрачно кивнул Стирнер. — Если Зеннор будет стоять на своем, некоторые из нас погибнут. Но смерть — это тоже самозащита. Можно ли заставить человека работать, убив его?

— Я понял идею, но не скажу, что она мне по душе, — надо найти менее болезненный выход. Чего от вас требует Зеннор?

— Слишком многого, — ответил Мортон. — Сначала он хотел, чтобы возобновилось снабжение электроэнергией здания, занятого военными. Потом ему понадобились регулярные поставки продовольствия. За это он обещал отпустить заложников.

— Это невыполнимо, — вздохнул доктор Лум. — Ничего они не получают, поскольку ничего не хотят дать взамен электроэнергии. То же касается и продовольствия. Рынки пусты, так как фермеры перестали возить в город продукты.

— Но чем тогда питаются горожане? — удивился я.

— Сами ходят на фермы. Город опустел почти на треть.

— Как опустел? Куда девались жители?

— Кто куда. — Стирнер улыбнулся, глядя на мою изумленную физиономию. — Я вижу, вы совершенно не представляете, как действует наша экономика. Попробую объяснить на простейшем примере. Возьмем фермера. Он производит сельскохозяйственную продукцию, обеспечивая себя всем необходимым.

— Так уж и всем? — усомнился я. — А если ему понадобятся новые башмаки?

— Он пойдет к башмачнику и выменяет обувь на еду.

— Бартер! — воскликнул Мортон. — Самая примитивная экономическая система. Но для современного технологизированного общества она неприемлема... — Он запнулся, обводя взглядом комнату.

Стирнер снова улыбнулся.

— Разумеется, неприемлема. Но индивидуальный мютюзелизм не сводится к бартеру. Индивидуум добро-

вольно объединяется с другими индивидуумами для производства промышленных изделий, или, скажем, строительства домов. За каждый час работы он получает вирр.

— Что получает?

— Трудочас. За вирр он может получить определенные товары и услуги.

— Короче говоря, вирры — это деньги, — заключил Мортон. — А деньги — это капитализм. Значит, ваше общество — капиталистическое.

— Боюсь, что нет. Индивидуальный мютюзелизм — это не капитализм, не коммунизм, не социализм, не вегетарианизм и даже не жуткий монетаризм, погубивший множество технологизированных цивилизаций. Я знаком с этими терминами по трудам Марка Четвертого. Физически вирр не существует, в отличие от редких металлов или морских раковин. Его нельзя вложить в дело, и с него нельзя получить прибыль. В этом — главное отличие вирра от валюты. Поэтому у нас нет банков в привычном смысле этого слова — в них нечего вкладывать.

В голове у меня все перепуталось.

— Минуточку, минуточку. Я видел на улице автомобили. На какие средства они приобретены?

— Денег не нужно, — мягко ответил Стирнер. — Если вам понадобился автомобиль, идите к тем, кто их производит. Пока будете пользоваться — будете платить, вернете — перестанете платить. Главный принцип индивидуального мютюзелизма: каждому — по потребностям, от каждого — по способностям для общего блага.

— Нельзя ли пояснить? — Я налил себе вина и залпом осушил бокал, надеясь, что спиртное прочистит мозги.

— С удовольствием. Когда-то я читал — и дрожал от негодования! — о философии под названием «трудова́я этика». Дескать, индивидуум обязан трудиться в поте лица, чтобы добывать элементарные средства к существованию. По мере совершенствования технологий все больше людей вытесняется из производства машинами. Удел безработных — быть брошенными на произвол судьбы, голодать и подвергаться гонениям,

как преступники. Зато обладатели капитала, как утверждает эта лицемерная доктрина, не обязаны трудиться. Достаточно, если они будут увеличивать капиталы и присматривать за нищими. Ужасно? Ужасно. Иное дело — мютюзелизм. Чем больше всего производится, тем богаче общество, тем выше стоимость вирра.

До меня начало доходить.

— Еще один вопрос. Если стоимость вирра растет, то за ту же зарплату индивидуум может работать меньше?

— Именно так.

— Значит, сорокачетырехчасовая рабочая неделя становится не нужна. Сколько часов индивидуум должен работать, чтобы не помереть с голоду?

— Два часа в неделю обеспечат ему скромный кров, еду и одежду.

— Я хочу здесь поселиться, — тихо сказал Мортон.

Я понимающе кивнул — и замер, чтобы не спугнуть заскочившую в голову идею. Цап! И ухватил ее за хвост. Неплохо. Стоит попробовать. Но попозже, сначала надо позаботиться о заложниках.

— Скоро рассвет. Мне очень понравилась ваша лекция, Стирнер, большое спасибо. Теперь я знаю об индивидуальном мютюзелизме намного больше, чем прежде. Во всяком случае достаточно, чтобы сформулировать вопрос: как вы поступаете в чрезвычайных обстоятельствах? В случае наводнения, например, или прорыва плотины? Иными словами — в случае катастрофы, угрожающей не индивидуумам, а коллективу.

Доктор шагнул вперед и поднял указательный палец.

— Хороший вопрос! Великолепный вопрос! — Он взял с полки толстый том. — Ответ на него — здесь! Марк Четвертый учел эту ситуацию. Вот что он пишет: «...Пассивное сопротивление — ваше единственное оружие. Но ни в коем случае не насилие. Но пока вы создаете самое ненасильственное государство, индивидуумы, считающие насилие нормой, будут применять его по отношению к вам. Запомните: мертвые не принесут пользы обществу, исповедующему индивидуальный мютюзелизм. Пока не пришел день полного освобождения, вы должны сосуществовать с другими.

Вы можете покинуть их, но они могут пойти за вами и навязать вам свое присутствие. В этом случае вы и вам подобные должны относиться к исходящему от них насилию как к стихийному бедствию, например, извержению вулкана или урагану. Разумный человек не станет обсуждать с раскаленной лавой вопросы этики, а отойдет подальше; не будет читать мораль ветру, а найдет укрытие от него.»

Захлопнув книгу, доктор Лум снова торжественно поднял палец.

— Мы спасены! Марк Четвертый предвидел наше несчастье и оставил необходимые наставления!

— Действительно, — с энтузиазмом подтвердил Стирнер. — Пойду передам всем остальным. — Он выскочил за дверь.

Я только рот раскрыл, проводив его взглядом. То, что вертелось у меня на языке, высказал Мортон:

— Что-то я не пойму, к чему клонит этот ваш Марк Четвертый.

— Марк Четвертый — сама ясность, — назидательно ответил доктор Лум. — Ясность и мудрость! Не подчинившись Зеннору, мы обречем себя на смерть. Поэтому мы подчинимся — и уйдем.

— Теперь я ничего не понял, — сказал я.

— Мы пустим ток и откроем рынки. Захватчики получают продукты, а некоторые фермеры заработают полноценные вирры, ведь они будут спасать народ от стихийного бедствия. Зато другие не будут работать, и поставки продовольствия для нужд города прекратятся. По мере уменьшения запасов провизии ускорится отток населения. Исчезнет нужда в электричестве, и с электростанции уйдет обслуживающий персонал. Скоро в городе останутся только солдаты.

— Похоже, вы верите в то, что говорите. Видимо, я недооценивал вашу приверженность. Позвольте еще один вопрос. Теоретический.

— Теоретические вопросы — самые лучшие вопросы!

— Вы правы. Допустим, я прихожу в далекий город и прошу работу. Мне не откажут?

— Разумеется, нет! Это же основной принцип индивидуального мютюзелизма.

— А вдруг там просто не найдется работы?

— Такого быть не может. Вспомните, мы говорили о растущей покупательской способности вирра. Теоретически, чем она выше, тем меньше часов уходит на отработку элементарных благ. Придет время, когда нескольких секунд в неделю будет достаточно...

— Спасибо, понял. Еще один-единственный вопросик. Если какой-нибудь солдат вдруг уйдет из армии...

— Он имеет на это полное право!

— Да, но его начальство придерживается иного мнения. Но допустим, он пришел в далекий город, нашел работу, встретил девушку, и все такое... Это возможно?

— Возможно? Еще бы! На том и стоит индивидуальный мютюзелизм.

— Я так и думал, что ты так думаешь! — Мортон вскочил и восторженно хлопнул меня по спине.

— Вычеркнем офицеров и унтер-карьеристов. Все остальные кто? Мобилизованные. Многие из них уклонялись от призыва. Если дать им возможность разбредись, Зеннор скоро останется без армии.

Тут распахнулась входная дверь, и я нырнул под стол. Но это вернулся ликующий Стирнер, а за ним — отпущенные заложники. Мортон бросился к Шарле и схватил ее за руку, а я не удержался от похвалы:

— Отличная работа, Стирнер.

— Я воспользовался телеvisoфоном, что стоит на той стороне улицы. Оплатил канал всеобщего оповещения и рассказал о нашем открытии. В тот же миг возобновилась подача электроэнергии, а затем Зеннор получил первую партию продовольствия. Он выполнил обещание и отпустил заложников.

— Должно быть, он празднует победу. А знаете, что мы придумали в ваше отсутствие? Способ разгромить его в пух и прах. Даже в том случае, если не придет флот Лиги.

— Я воодушевлен, но не улавливаю суть.

— Все объясню, только давайте сначала выпьем за победу.

Эта идея пришла по душе всем. Осушив бокалы, мы с Мртоном не без интереса выслушали песнь о том, как индивидуальный мютюзелизм избавляет человечество

«от ига угнетения». Стихи были настолько же отвратительны, насколько хороша теория, хотя я не мог не оценить героических усилий автора, пытавшегося найти рифму к «индивидуальному мютюзелизму». Впрочем, времени я зря не терял, приводя в порядок мысли. Поэтому, когда песня кончилась и певцы потянулись за бокалами, чтобы промочить горло, я взял слово.

— Люди добрые, я считаю своим долгом рассказать вам о толпе головорезов в мундирах, захвативших вашу прекрасную планету. Такая толпа, да будет вам известно, называется армией. Армия появилась на заре развития человечества, когда физическая сила была средством выживания. Гены воинственности оказались стойкими. Дикари, защищавшие свои семьи от врагов, передавали эти гены детям. Впоследствии они вызвали великое множество бед, и вы сами имеете шанс в этом убедиться. Истребив опасных животных, люди стали уничтожать друг друга. Должен со стыдом признать, что мы, люди — единственная форма жизни, уничтожающая себе подобных организованно и методично. Последнее достижение генов воинственности — армия. Наверху стоят старики, так называемые офицеры. Они практически ничего не делают, только командуют. Внизу — солдаты, выполняющие приказы. Между солдатами и офицерами — прослойка унтер-офицеров, отвечающих за выполнение приказов. Нам с вами особо интересен тот факт, что солдаты мобилизованы и многие из них всячески пытались увильнуть от мобилизации.

Мне пришлось объяснять, что такое мобилизация. Когда улеглось возмущение, я продолжал:

— Меня радует ваша реакция. Как вы считаете, среди вас найдутся желающие помогать несчастным молодым людям, не получая за это никаких вирров?

— Это наш долг, — ответил доктор, и остальные дружно кивнули. — Все равно, что спасти утопающего.

— Вот и замечательно. Давайте разучим еще одно словечко...

— Можно, я угадаю? — спросил Мортон.

Я кивнул.

— Дезертирство!

— Правильно!

Глава 22

Вскоре энтузиазм угас. Стирнер предложил дать нам выспаться, а затем продолжить собрание. Меня отвели в небольшую комнату, где над мягкой постелью висел портрет Марка Четвертого. Глотнув напоследок винца, я отключился.

Вечером я собрал воедино зачатки своего плана и сказал команде:

— Сначала попробуем сами. Если получится, научим остальных. Мы будем действовать, как древние мошенники, в свое время я узнал этот термин, когда изучал историю преступности, — я не стал объяснять, что занимался этим с целью совершенствования в преступном ремесле. Простоватым последователям ИМ это понять было бы трудно.

— Сегодня же я пойду в одну из харчевен, или как они здесь называются... подсяду к какому-нибудь солдату и заведу с ним дружескую беседу. Вы, Стирнер, будете сидеть за соседним столиком или неподалеку от него. Я пересажу солдата поближе к вам, чтобы вы могли слышать наш разговор. Шарла тоже будет с вами — она ваша дочь.

— Ошибаетесь. Шарла мне не дочь.

— Разумеется, но сегодня пусть будет дочерью. Понарошку. У вас есть театр?

— Ну, конечно. Сказать по правде, в юности я увлекался сценическим искусством, пока не открыл для себя прелести электротехники. Даже играл главные роли в классических пьесах. Как это, дайте припомнить... «Жить или не жить...»

— Замечательно! Великолепно! Я счастлив, что среди нас есть опытный актер. Сегодня вы сыграете роль отца Шарлы. Если в точности выполните мои инструкции, все получится. Дельце-то пустяковое, яблочко, как говорится, созрело и готово упасть к нам в руки.

— А мне что делать? — спросил Мортон. — Ты говорил, что на этот раз я понадобится.

— А как же! Тебе поручается важная работа — записывать на пленку нашу беседу. Магнитофон не показывай, микрофон держи поближе к говорящим. Сможешь?

— Смогу!

Дождавшись темноты, мы вышли на улицу. Впереди шагали добровольцы из незнакомых нам горожан, проверяя, нет ли на пути застав или патрулей. Как только таковые обнаруживались, нам давали знать, и мы поспешно сворачивали. Прогулка оказалась довольно приятной, хоть нам и пришлось попетлять.

Был ранний вечер, тем не менее вывески увеселительных заведений не горели. Стирнер вел нас в «Толстый фермер» — свою излюбленную харчевню. Там сидели несколько человек, но среди них — ни одного военного.

— Ты говорил, что солдатам выданы увольнительные и что они навещают сюда. Что-то я их не вижу.

— Видимо, они перестали сюда заходить, потому что их не обслуживают.

— А почему их не обслуживают?

— Потому что они не платят.

— Похоже на правду. Но раз они захватчики, почему бы не потребовать, чтобы их обслужили.

— Стоит им потребовать, как все расходится, а харчевня закрывается.

— Ясно. Ладно, все по местам. Пойду погляжу, нет ли кого на улице.

Стоя на тротуаре с незажженной сигарой в руке, я чувствовал себя едва ли не сутенером. К счастью, никто из прохожих не обращал на меня внимания. Зато я пристально разглядывал толпу — высматривая тех, кого никак видеть не хотелось — полицейских, ребят с нашивками и шевронами.

Вскоре в поле моего зрения попали две невоенные фигуры в военной форме. Руки в карманах, кепи под неуставным углом — стыд и позор! Они подошли к «Толстому фермеру» и с тоской уставились в окно. Я приблизился к ним.

— Ребята, огоньку не найдется?

Оба подпрыгнули как ужаленные и разом повернулись ко мне.

— Ты по-нашему говоришь?! — воскликнул один из них.

— Да. Я горжусь своими лингвистическими способностями. Если помните, я спрашивал насчет огонька.

— Я не курю.

— И правильно делаете, табак — яд. Но, может быть, у кого-нибудь из вас найдется зажигалка?

Солдаты отрицательно покачали головами, мрачно глядя на меня. Я поднял палец с таким видом, будто меня осенила спасительная идея.

— Вот что мы сделаем: зайдем в это милое заведение, и я попрошу у кого-нибудь прикурить. А потом мы с вами потолкуем за кружкой пива, и я попрактикуюсь в вашем языке. Не возражаете?

— Не выйдет. Как только мы закажем пива, харчевня закроется, и все разойдутся.

— Это потому, что у вас нет вирров, местных денег, нашего всеобщего эквивалента. Зато у меня вирров куры не клюют. Идем, я угощаю.

Солдаты живо исчезли за дверью. Когда я вошел, они уже приплясывали от нетерпения возле стойки.

— Три кружки пива, — заказал я, бросая пластмассовый вирр-диск Стирнера в прорезь на поверхности стойки. — Большие.

Пока робот-бармен, блестящий хромом и медью, с крышечками от бутылок вместо глаз, нес пиво, я получил обратно диск, служивший кредитной карточкой.

— Выпьем за армию, ребята! — торжественно сказал я, поднимая кружку. — Надеюсь, вы довольны карьерой, которую выбрали.

Они с энтузиазмом хлебнули и сразу привычно заныли, что мне напомнило недавнее армейское прошлое.

— Выбрали? Как бы не так — нас мобилизовали! Насильно затащили в армию. Мы прятались, ловчили, да все без толку, — заныли они, осушив кружки. — Что в ней хорошего, в армии? Муштровка, издевательство, вонючие начальники... Такую профессию разве выбирают добровольно?

— Разумеется, нет! Но кормят-то вас, надеюсь, сносно?

Я с наслаждением выслушал вопли и проклятия по адресу самоприготавливающейся колбасы и заказал пива. Когда солдаты утопили носы в пене, я предложил:

— Я знаю, у вас только что был обед, но очень уютно смотрятся три свободных стула за столиком, где сидят пожилой джентльмен и милая птичка. Надеюсь, друзья, вы позволите угостить вас добрым бифштексом?

Ответом был частый топот сапог. Перед нами поставили тарелки, и мы их мигом подчистили, стараясь не чавкать, — с нами как-никак юная дама.

Высосав по кружке пива, солдатики стали откровенно пялиться на Шарлу.

Пора было переходить ко второму этапу.

— Но если в армии не очень хорошо кормят, — сказал я, — то это, должно быть, компенсируется заботливым отношением сержантов к нижним чинам?

Сочувственно кивая и внутренне ухмыляясь, я выслушал поток жалоб на командиров, уборные, кухню и прочие прелести, столь любезные сердцу служивого человека. Затем я мигнул Стирнеру и откинулся на спинку стула.

— Простите, молодые люди с далекой планеты, что я вмешиваюсь, но мы с моей дочерью Шарлой поневоле слышали ваши слова. Неужели возможно, чтобы человека против его желания заставляли служить в армии?

— Еще как возможно, папаша. Привет, Шарла. Ты когда-нибудь ходишь гулять с кем-нибудь еще, кроме отца?

— Да, и очень часто. Я просто обожаю красивых молодых людей. Таких, как вы.

Мы утонули в прозрачных озерах ее глаз и, побултыхавшись немного, вынырнули, чуть живые от любви. Стирнер что-то говорил солдатам, но они не слышали. Мне пришлось поставить большие кружки пива, чтобы заслонить Шарлу от вытаращенных глаз моих друзей.

— Я искренне сочувствую вам, молодые люди. На нашей планете такое просто невообразимо. Подобное насилие противоречит нашим законам, которые утверждают, что никаких законов быть не должно. Но почему вы позволяете, чтобы с вами так обращались?

— Нету выбора, папаша. Нас держат за колючей проволокой, с нас глаз не спускают днем и ночью; кто бежит, в того стреляют, а кого ловят, ставят к стенке. Да и бежать некуда, и спрятаться нигде.

Он тяжело вздохнул. По щеке его друга сбежала слеза.

— И-да, — произнес Стирнер. — У нас такое невозможно. Тут нет колючей проволоки, и никто не стал бы за вами следить и уж тем более расстреливать. В нашей огромной стране любой готов помочь человеку, попавшему в беду.

Солдаты подались вперед, напрягая затуманенные пивом мозги. «А-дьявол...» — пробормотал один из них. Шарла ангельски улыбнулась.

— Я не понимаю этого слова, молодой человек, но чувствую, что оно выражает недоверие. Можете не сомневаться, мой отец говорит правду. Вот, смотрите. Это железнодорожные билеты до городка, где мы живем, маленького идиллического городка фермеров. Ехать туда на скором поезде один день. Видите, машина ошиблась и вместо двух билетов выдала четыре? Надо бы вернуть, но, если хотите, можете взять их, как сувениры.

Два билета молниеносно исчезли.

— На перрон можно подняться по боковой лестнице, ее не охраняют, — невинно добавила Шарла.

— Надо спешить, а то не успеем к отходу поезда, — Стирнер встал и поднял с пола сверток. — Прежде, чем уходить, я должен посетить нужник, как

говорят у нас на ферме. — У меня есть два сына, молодцы примерно вашего роста и сложения. Я везу им новую одежду. — Сделав шаг к выходу, он обернулся. — Если нужно, я могу одолжить ее вам.

Солдаты ринулись за ним к двери. Шарла проводила их томным взглядом.

— Ты хорошо знаешь тот городишко? — спросил я. — Сможешь объяснить ребятам, как найти друзей?

— Ни разу там не была, нашла это место на карте. Не волнуйся, они получают помощь и убежище. Я провожу их и через два дня вернусь. А вот и они. Смотри, какие красавчики! Разве им не к лицу гражданская одежда?

«Уроды!» — ревниво подумал я, сожалея, что не могу поехать вместе с ними. Я подошел к столику, за которым, страдальчески глядя в спину уходящей Шарле, сидел Мортон. Мне пришлось дважды толкнуть его, чтобы привлечь к себе внимание.

— Не волнуйся, она вернется. Ты все записал?

— Каждое слово. Нельзя ли еще пива? Я только одну кружку выпил — меня Шарла угостила перед тем, как ты вошел. Ты, я видел, еще и бифштекс зака...

— Какое еще пиво на посту, солдат?

К нам подошел Стирнер с корзиной в руке.

— Здесь их мундиры.

— Отлично. Нам они понадобятся для съемки. А теперь — в студию видеозаписи.

В здании, где находилась студия, нас уже ждали. Я протянул одному из техников кассету со звукозаписью.

— Нужно несколько сот копий.

— Сделаем за час. — Кассету вырвали из моей руки. Я повернулся к переполненным энтузиазмом работникам студии.

— Директор?

Вперед вышел статный рыжеволосый человек.

— К вашим услугам. Прожекторы, колонки, камера — все готово.

— Замечательно. Как только мой помощник наденет мундир, начинайте съемку. Где здесь можно переодеться?

Вытащив мундир из корзины, Мортон держал его двумя пальцами, как дохлую крысу.

— Даже смотреть на него противно, — сказал он. — Как представляю на себе эту гадость...

— Мортон, заткнись, — перебил я.

Встряхнул мундир и осмотрел его. Отличный наряд. Я быстро напялил его.

— Ты теперь актер, Мортон, будешь играть солдата. Сыграешь роль — и снимешь форму навсегда. Можешь даже сжечь ее. Тебе будут аплодировать тысячи зрителей. Давай, наряжайся. Вот так.

Я сел, просунул ноги в штанины, и тут из кармана что-то со звоном упало на пол. Нагнувшись, я поднял с пола диск с личным номером. Рядовой Пайк 0765, видимо, страстно желал стать снова беззаботным штатским и оставил все, что могло напомнить ему об армии. Пока я подбрасывал диск на ладони, в мозгу моем зашевелилась мысль... Но меня отвлек вопль:

— Не надо! Когда у тебя вот так блестят глаза, это означает, что нам предстоит лезть к тигру в пасть. Чур, на этот раз — без меня.

Я похлопал его по плечу, поправил галстук.

— Успокойся. Ты прав, у меня родилась отличная идея. Но ты на сей раз не понадобисься. Пошли сниматься, а потом я расскажу, что придумал.

Я поставил Мортон на фоне стены. Он выглядел так, будто ждал расстрела, но искать более подходящую декорацию не было времени.

— Снимайте его в полный рост, — сказал я директору. — Дайте мне микрофон. Когда будете готовы, скажите.

Мортон заморгал, пригвожденный к стене лучами прожектора. Мне в ладонь сунули микрофон.

— Тише. Звук. Камера. Съемка!

— Приветствую вас, леди и джентльмены Чоджеки. Перед вами — типичный солдат армии захватчиков с инопланетного острова Невенкебла. Вместе с видеокассетой вы получите аудиокассету с интервью, взятым нами у других солдат. Вы не раз содрогнетесь от ужаса, слушая их жалобы на подневольную службу, а потом — я обещаю! — не удержите слез облегчения, когда они решат сбросить мундиры и удалиться под

сень деревьев и сияющее солнце индивидуального мютюзлизма.

Я шпарил как по-писанному, даже Стирнер захлопал в ладоши, не говоря о техниках. Мортон сцепил руки над головой и поклонился.

— Тихо! — выкрикнул я, и мигом наступила тишина. Я вышел перед камерой и показал на Мортонна: — Вот таким солдатам надо давать пристанище, леди и джентльмены. Но при этом не забывайте убедиться, что на рукавах у них нет значков отличия. Людей с шевронами необходимо остерегаться, ибо они — порабощенные дьяволы во плоти! Также не разговаривайте с людьми, носящими на плечах металлические украшения. Эти люди — так называемые офицеры, они очень глупы и потому опасны. Надо обходить их стороной, как и индивидуумов в красных кепи и с буквами В и П на рукаве.

Теперь вы знаете, кого надо опасаться, а к кому можно подходить смело. Увидев бедолагу в форме рядового, улыбнитесь ему и шепните: «Ты любишь свежий воздух?» Если он улыбнется и ответит утвердительно, значит, он наш. Действуйте, да и поможет вам Марк Четвертый!

— Готово, — сказал оператор.

Едва погасли юпитеры, Мортон стащил с себя форму. — А что за мура насчет свежего воздуха? — спросил он у меня.

— Никакая не мура, дружище, — ответил я, вытаскивая из кармана его куртки увольнительную. — Я собираюсь оповестить солдат, что завтра, выйдя за ворота, они могут уже не возвращаться.

— Так и знал, что ты затеваешь самоубийство, — пробормотал Мортон. — Ведь для того, чтобы оповестить солдат, надо проникнуть в лагерь.

— Совершенно верно, — кивнул я.

Глава 23

— Это самоубийство, — с дрожью в голосе повторил Мортон.

— Напротив — очень разумный ход. Этой свинье Зеннору и в голову не придет искать меня среди солдат. У меня есть увольнительная на сегодня. Я приду в лагерь пораньше, под тем предлогом, что в городе солдату делать нечего. Побываю в уборной, в пивной для нижних чинов — везде, где собираются рядовые, — и потолкую с ребятами. И еще кое-что сделаю, о чем тебе пока знать ни к чему. Ты за меня не волнуйся.

«Я сам за себя волнуюсь», — мысленно добавил я. В армии меня ждала масса ловушек, и все они были смертельно опасны.

— Но как ты оттуда выберешься? — Казалось, голос Мортон доносится издали, с трудом пробиваясь сквозь черную завесу моих дурных предчувствий.

— Ну, это меня меньше всего беспокоит, — честно ответил я и повернулся к Стирнеру, который спокойно слушал наш разговор. — Помните, что делать с кассетами?

— Мы в точности исполним ваши инструкции. Добровольцы ждут не дождутся, когда им дадут кассеты,

чтобы раздать их другим добровольцам, а те тоже сделают все, что от них требуется.

— Прекрасно. Но с раздачей кассет надо потерпеть хотя бы до завтрашнего вечера. Нужно, чтобы побольше солдат узнало пароль. Если офицеры сразу заметят неладное, это существенно затруднит нашу работу. Они возьмут под наблюдение или вовсе перекроют железную дорогу. Поэтому надо заранее подготовить другие пути. В общем, позаботьтесь обо всем, пока меня не будет. Назначаю вас ответственным за дезертирство.

— Когда вы рассчитываете вернуться?

— Как получится. Постараюсь не задерживаться.

Больше говорить было не о чем. Нахлобучив на голову кепи, я повернулся к выходу.

— Удачи, — сказал Мортон мне вслед.

— Спасибо. Да, удача мне не помешает.

Шагая по пустым улочкам, я испытывал острую тоску. А утопить ее было нечем, поскольку вирр-диск я вернул Стирнеру, а деньги на этой планете ничего не стоили. Оставалось брести мимо вывесок, суливших недоступные для меня удовольствия, и прижиматься носом то к одному, то к другому окну, как это делали другие неприкаянные в мундирах. У многих не выдерживали нервы, и хотя вечер только что наступил, они тащились в городской парк, где был разбит лагерь.

Я побрел вслед за ними и вскоре оказался под яркими фонарями, возле колючей проволоки, окружавшей зеленый парк. Раньше он был излюбленным местом отдыха горожан, а теперь на вытоптанной траве стояли серые армейские палатки. Солдат удобствами не баловали, но офицеры жили в сравнительно комфортабельных сборных бараках.

Чтобы приблизиться к воротам, где военные полицейские проверяли увольнительные у понурых рядовых, мне пришлось собрать в кулак всю свою волю. И хотя рассудок убеждал меня, что никто не ждет в лагере чужого, все животные инстинкты верещали от ужаса.

Разумеется, все прошло без сучка, без задоринки. Крошечные глазки полицейского вытаращились из-под кустистых бровей на увольнительную, а затем волоса-

тая лапа махнула: проходи, мол. Направляясь к палаткам, я позвенел в кармане мелочью, забытой на радостях прежним владельцем мундира. Этих монеток как раз должно было хватить на кружку разбавленного пива в солдатской пивной. Как говорится, лучше что-то, чем ничего.

Найти пивную было проще простого — из нее доносилась музыка, напоминающая работу камнедробилки.

Вскоре я вошел в провисшую палатку, тускло освещенную лампочками, предназначенными, видимо, только для того, чтобы приманивать летающих насекомых. За грязными деревянными столами на скамьях, сколоченных из неструганных досок, сидели рядовые и потягивали дрянное теплое пиво. Я взял кружку и приблизился к одной из компаний.

- Для меня найдется местечко?
- Найдется. В преисподней.
- Большое спасибо. Ты всех туда посылаешь?
- Каждого осла.
- Совсем как горожане.

Эта реплика вызвала интерес. Здоровяк, с которым я беседовал, выпучил на меня мутные глаза. Остальные тоже обернулись и наострили уши.

— Ты что, тоже из увольнения? А нас завтра отпустят. Ну, как там, расскажи.

— Паршиво там. В пивнушках не обслуживают. А хватаешь кружку — закрывают заведение и расходятся по домам.

— Это мы уже слышали. Но тут ничего не поделаешь.

— Ну, почему же? Можно снять форму, уехать куда-нибудь подальше, ну и жить там в свое удовольствие. Вкусно есть, сладко пить, целовать девушек.

Теперь на меня смотрели по-другому. Глазища — что пушечные жерла: казалось, вот-вот грянет залп. Над столом повисла мертвая тишина.

— Что ты сказал? — наконец шепотом спросил здоровяк.

— Что слышал. Идешь в ресторан, садишься за столик, никого не задираешь. Если тебя спрашивают: «Вы любите свежий воздух?» — отвечаешь: «Да, люб-

лю». И все. Тебе дадут штатскую одежду и билет на поезд. Сядишься в вагон и ту-ту, на другой конец страны. Туда, где тебя вовек не найдут.

— А ты не заливаешь?

— А зачем? Да вы и сами можете убедиться. Кто мешает? Что бы с вами не случилось — хуже, чем в армии, не будет. — Этот железный довод подействовал не только на здоровяка.

— А ты-то почему вернулся?

— Хороший вопрос. — Я сунул ему под нос увольнительную. — Видишь? Действительна до полуночи. Я вернулся за письмами от мамочки. Ну, до встречи в раю — если захочешь туда попасть.

Я вышел из пивной и направился в сортир, где играла в орлянку другая компания. Поймав подброшенную кем-то монету, я воспользовался этим как поводом, чтобы завести беседу, уронил семена в благодатную почву и удалился, не сомневаясь, что «сортирный телеграф» не подведет. Зная эту публику, я был уверен, что завтра никто не вернется из увольнения. Любопытно, как это воспримет генерал Зеннор?

Пора начинать осуществление плана номер два.

Прежде всего, решил я, надо вырасти в чине. Прозывать в рядовых — нет уж, увольте. Я уже побывал офицером, и ни на что другое не согласен.

С этими мыслями я направился прямо в гнездышко этих распрекрасных птичек — офицерский клуб. Найти его было не труднее, чем пивную, благодаря пьяным, которые тащились в противоположном направлении. Армия есть армия: чем выше твой ранг, тем крепче выпивка. Миновав двух майоров, цепляющихся друг за друга, полковника, блюющего на живую изгородь, и неподвижно лежащего в канаве капитана, я увидел впереди клуб. И спрятался в кустах, чтобы понаблюдать за входом.

Это была лихая холостяцкая гулянка. Слышались нестройные голоса, распевавшие похабные песни. На газоне вяло кипели, по меньшей мере, две драки.

Из клуба то и дело выходили подгулявшие офицеры. У меня сложилось впечатление, что командный состав

армии завоевателей пьян поголовно. Я сидел в кустах, поджидая, когда появится стоящая жертва.

Наконец она появилась и, шатаясь, побрела ко мне. Она противно орала, ошибочно полагая, что поет. Вскоре жертва остановилась под фонарем неподалеку от меня, и я смог разглядеть ее как следует.

Капитан. Рост, телосложение почти как у меня. На груди — уйма фальшивых медалей и прочих побрякушек. Как раз то, что нужно. Сейчас подойду сзади, возьму за шею, нажму пальцем куда надо и оттащу бесчувственное тело в кусты. Плевое дело.

Капитан умолк и пошел дальше. Я крался за ним, как призрак. Наконец подскочил, привычно схватил за шею, нажал на сонную артерию... и, перелетев через его голову, с треском рухнул на живую изгородь.

— Что? Бунтовать? — прорычал капитан, заметно протрезвев и приближаясь ко мне на полусогнутых ногах.

Я с трудом поднялся, сделал обманный выпад левой и рубанул сверху вниз правой. Он поставил блок и попытался пнуть меня ногой в живот.

— Захотел убить офицера? Понимаю и не упрекаю. А мне всегда хотелось прикончить рядового. Вот и случай подвернулся.

Он наступал, а я пятился. «Медальки-то, оказывается, настоящие! — мелькнула мысль. — Подумать только — в армии Зеннора есть настоящие офицеры!»

— Смерть офицерам! — заорал я и выбросил ногу, целясь ему в челюсть.

Попасть не попал, зато по инерции развернулся. Воспользовавшись этим, я бросился бежать. Осторожность, как говорится, не порок. Смелость города берет, но города мне были ни к чему. Мне хотелось жить.

Рыбкой перемахнув через изгородь, я вскочил на ноги и услышал, как капитан с ревом ломится сквозь кусты. Впереди стояли палатки, к ним я и бросился. Перепрыгнул через растяжку, проскочил под другой. Топот позади стих, зато раздался громкий вопль и стук падения — капитан споткнулся о растяжку. Отлично, я выиграл несколько ярдов.

Стрелой промчавшись между палатками, я выбежал на дорогу и понесся к зданию, откуда доносились

музыка и звон бьющегося стекла, и вскоре оказался на заднем дворе.

Пора перейти на шаг. Капитана вроде не видеть.

— Эй вы, черти ленивые! Хватит сачковать. Хватайте пиво и бегом в зал!

Стоявший в дверях толстый повар пялился во тьму. Приглядевшись, я увидел у стены несколько темных фигур. Кухонные рабы зашевелились и медленно, как на казнь, поплелись к штабелю ящиков с пивом. Чтобы уподобиться этим несчастным, достаточно было снять форменную куртку. Скомкав ее и затолкав в щель между ящиками, я схватил один из них и понес к дверям.

Работа на кухонном наряде — самая унижительная в армии. Настолько унижительная, что ею запрещено наказывать провинившихся. Поэтому ею охотно наказывают. Это каторжный труд от зари до зари — мыть грязные миски и кружки. На такую работу добровольцев не находится. Здесь меня никто не будет искать.

С ящиком в руках я приблизился к повару в грязно-белой куртке с сержантскими нашивками на рукаве. Он осклабился и ткнул в меня огромным черпаком.

— Откуда ты взялся?

— Это ошибка! — захныкал я. — Не знаю, за что на меня сержант взъелся. Отпустите меня, пожалуйста!

— Что?! — зарычал повар. — Я тебя так отпущу, что навсегда здесь останешься! Сдохнешь здесь и будешь зарыт под полом. А ну, живо котелок мыть!

Подгоняемый ударами черпака, я поспешил к «котелку». Он оказался высотой с меня, и далеко не один.

Я трудился в поте лица, пока не решил, что капитан, на которого я напал, наверняка успокоился и отправился спать. Когда я разгибал спину, в пояснице громко хрустнуло. Шея болела, пальцы стали похожи на дохлых слизней. Меня разбирала злость. Нет, такая работа — не для Стальной Крысы. Тут я быстро заржавею...

Повар-холерик больно треснул меня черпаком по плечу и прорычал в ухо:

— Шевелись, ленивый осел! Не сачковать!

Что-то во мне щелкнуло, а глаза заволокло мутной пеленой. С каждым из нас такое случается. Оболочка цивилизованности тонка, из нее норовит вырваться дикий зверь.

Мой зверь вырвался. Придя в себя, я обнаружил, что держу повара за шею, окуная его голову в мыльную воду. Измученный, я разжал пальцы, позволив толстяку растянуться возле котла. Он хрипел, пуская пузыри носом и ртом.

— Очухается, — сказал я обступившим меня солдатам. — Кто-нибудь из поваров это видел?

— Нет. Они в кладовке, пьяные...

— Отлично. — Я сорвал со стены и смял список кухонного наряда. — Вы свободны. Расходитесь по палаткам и помалкивайте о том, что видели. Повар, к сожалению, будет жить.

Они торопливо разошлись. Я тоже вышел в каморку, где повара хранили одежду. Там нашлась белая куртка с сержантскими нашивками на рукаве. Как раз то, что мне нужно. Напялив ее, я направился в зал.

Вечеринка была в самом разгаре. Гремела музыка, орали офицеры, звенело стекло. Фигуры в мундирах с погонами одна за другой исчезали под столами. Пробираясь в этом пьяном аду, я то и дело наступал на бесчувственные тела. Особо я не осторожничал — памятуя о встрече с бравым капитаном, который со мной не церемонился. Один из тех, о кого я споткнулся, привлек мое внимание. Опустившись на колени рядом со сладко посапывающим майором, я вытянул руку вдоль его руки. Длина рукавов подходящая. В плечах китель тоже не должен жать...

— В чем дело? — раздался голос сверху, и я понял, что мои действия не остались незамеченными.

— Майору скоро на дежурство. Мне приказано его поднять. Вставайте, майор. Ну, быстренько.

Затащив майора в кладовку, до потолка заставленную ящиками с крепкими напитками, я запер дверь.

Форма подошла мне идеально, даже фуражка сидела на голове, как влитая. Я почувствовал себя новым человеком. Офицером.

Глядя в зеленое бутылочное стекло, я завязал галстук. Мне предстояло спасти мир. Не в первый раз, и, похоже, не в последний...

Глава 24

Оглянувшись на бутылки, я потянулся за одной из них — и шлепнул себя по запястью.

— Нет, Джимми! Не надо! Сегодня ты уже хлебнул пивка, этого достаточно. Тебе понадобится сравнительно трезвая голова, чтобы выполнить задуманное.

А что я задумал? Суший пустяк: проникнуть на какой-нибудь корабль, найти радиорубку и узнать координаты Чоджеки. Легко сказать, но не так легко сделать...

Хорошо, что первая задача — найти корабли — была уже выполнена. Еще засветло я увидел три звездолета, залитых светом прожекторов.

Веселье в клубе шло на спад, и я решил, что самое время прогуляться к стоянке кораблей. Стоя среди шатающихся офицеров, я стряхнул пыль с петлиц, поправил медали на груди. Целая коллекция! Перевернув самую большую и блестящую медаль, я прочел надпись: «Шесть недель без венерических болезней в боевой обстановке». Чудненько. Надо полагать, остальные награды — за столь же славные подвиги. Пора идти.

Бар оградили решеткой, солдаты укладывали на носилки тех, кто не мог идти. Остальные потихоньку

бредли к выходу, только два седых полковника, упершись друг в друга лбами, безуспешно пытались разойтись посреди зала. Я дал повиснуть на себе двум или трем офицерам.

— Нам по пути, джентльмены! Я вам помогу.

— Друг... ты... настоящий друг... — выдохнул мне в лицо один из них, и содержание спирта у меня в крови резко подскочило.

Мы вышли из клуба, пробрались между машинами, куда загружали алкоголиков с погонами офицеров, и побрели по дороге. Я не знал, где находятся ДОСы, но меня это не интересовало. Как и моих спутников, полностью сосредоточившихся на переставлении ног.

Перед нами из-за угла появилось отделение военных полицейских. Увидев блеск серебряных звезд на погонах, они сочли разумным раствориться во тьме.

Мои попутчики становились все тяжелее и все медленнее бредли по проходу между палатками к ярко освещенному длинному зданию — видимо, одному из павильонов, реквизированных у горожан со всем имуществом парка. У входа в здание стояли двое часовых; камни вдоль дорожки были выкрашены в белый цвет, а над дверью красовалась надпись: «ШТАБ КОМАНДУЮЩЕГО АРМИЕЙ ГЕНЕРАЛА ЗЕННОРА».

Пожалуй, мне не сюда. Я свалил свою ношу на траву возле плаката: «Стоять! Часовой стреляет без предупреждения!» и пошел прочь, слыша за спиной храп. Но вскоре наткнулся на патрульных.

— Эй, молодцы! — крикнул я. — Вызовите дежурного по гарнизону. Видите вон там офицеров? Они больны. Наверное, им отравили пищу.

Я метнул в патрульных свой самый тяжелый взгляд. На их лицах не дрогнул ни один мускул.

— Есть, сэр! — сказал сержант. Они повернулись и пошли прочь. Я последовал их примеру. И вскоре добрался до выжженной спортплощадки, где стояли три космических корабля, оцетинившихся пушками, — видимо, чтобы произвести впечатление на туземцев. Или, чтобы успешно отразить атаку врага, которой генералы не дождутся. Наверное, генералы ужасно огорчились, поняв, что туземцы не дадут повода уничтожить себя с помощью этих блестящих игрушек.

Генералы затеяли войну — но на нее никто не пришел. Как им не посочувствовать?

Я шел медленно и часто спотыкался, чтобы во мне издали узнавали офицера. Вот и трап, а над ним — открытый люк. Я — офицер, возвращаюсь на свой корабль. И вернусь, если никто меня не задержит, например часовой, стоявший на нижней ступеньке трапа.

— Стой! Вы куда, сэр?

— К чертовой бабушке... — пробормотал я и попытался его оттеснить. Рядовой, что с ним церемониться.

— Майор, сэр, ваше величество... Не могу я вас так пропустить, покажите, пожалуйста, пропуск.

— У чертовой бабушки пропуск... Какой еще пропуск, если это мой корабль?

Мимо него — по ступенькам. Шаг за шагом к открытому люку. Навстречу коренастому старшему сержанту, вежливо загородившему проход.

— Это не ваш корабль, сэр. Я знаю всех офицеров экипажа. Вы с другого корабля.

Я открыл рот, чтобы возразить, осадить, наорать. Но прикусил язык, разглядев синие, словно отлитые из пушечного металла, челюсти, горящие глаза и кустистые брови. Даже волосы, торчащие из сломанного сержантского носа, казались стальными.

— Не мой?

— Не ваш.

— Ну, конечно, не мой... — я повернулся и, шатаясь, спустился на траву. Назад, Джим, назад. Надо найти укромное местечко и придумать что-нибудь поумнее.

Прячась в тени высокого дерева, я смотрел на корабли и ломал голову, как бы проникнуть на один из них. Час был поздний, пьяниц не видеть, лагерь затих. Только полицейские патрули бродят среди палаток. Придется дожидаться утра. Днем несколько опасней, но попробовать стоит. Вокруг кораблей будет больше суеты, и, возможно, я сумею проскочить. А сейчас следует подумать о собственной безопасности. И немного вздремнуть. Я зевнул, ушибленные ребра сразу заныли.

Внезапно со стороны штаба послышались громкие голоса. Вскоре на дороге появилась группа быстро идущих офицеров. Среди них я сразу узнал отвратительную фигуру Зеннора и отступил в тень. Надо держаться от него подальше.

Или не надо? Подавив желание удрать из лагеря и продолжить существование, я стоял под деревом и лихорадочно соображал. Офицеры пересекли стадион и приблизились к кораблю, на который меня не пустили. Наконец в мозгу окончательно сформировалась спасительная идея, и я покрылся потом при мысли, что сумею ее осуществить. Огромным усилием воли я заставил себя покинуть укрытие и побежал к кораблю.

Если Зеннор или кто-нибудь из его свиты оглянется — я пропал! Но офицеры — это создания, предназначенные для движения вперед и преодоления препятствий, встречающихся на пути. Они решительно шли вперед, а я бежал за ними. Со стороны могло показаться, что один офицер отстал от своих товарищей и догоняет их.

Неподалеку от трапа я перешел на шаг и, как только офицеры исчезли в люке, приблизился к часовому...

— Где генерал? Срочная депеша для генерала! Срочная!

Прихрамывая (старая рана, память о героическом прошлом), я прошел вверх по ступенькам. В воздушном шлюзе стоял второй часовой.

— Где генерал?

— В каюте капитана, сэр, — ответил часовой.

— Кажется, на кораблях этого класса каюта капитана — возле радиорубки.

— Так точно, майор. Каюта номер девять.

Я быстро прошел через шлюз и, уже медленнее двинулся по коридору. Никто не встретился мне на пути, хотя сверху доносились голоса. Я поднялся на вторую палубу, дошел до конца коридора, там остановился и медленно сосчитал до двухсот.

— Ты смел, Джим, но глуп, — пробормотал я и кивнул, соглашаясь с собой. — Вперед.

К каюте номер девять я приближался на цыпочках. Из-за двери слышались голоса. Рядом с ней была другая дверь с табличкой «Радиорубка».

Ну, Джим, сейчас или никогда. Осмотрись. Никого не видать? Отлично. Сделай глубокий вдох. Что это за гулкая барабанная дробь? А, это твое сердце. Пора бы привыкнуть — оно всегда так бьется, когда тебе страшно. Не обращай внимания. Подойди к двери, возмись за ручку...

Да, но где ручка? Снята. Дверь заварена наглухо и опечатана.

Пока я констатировал этот факт и раздумывал, что он означает, над ухом прозвучал голос:

— Что вы здесь делаете?

Сердце, метавшееся в груди, окончательно сорвалось с якоря и прыгнуло в горло. Я проглотил его, обернулся, сделав жуткую гримасу, посмотрел на человека в форме. На его погоны. И процедил сквозь зубы:

— Вас я о том же хочу спросить, лейтенант. Что вы здесь делаете?

— Я на своем корабле, майор.

— И это дает вам основание хамить старшему по званию?

— Виноват, сэр, я не видел ваших знаков различия. Но вы подошли к радиорубке, а нам приказано...

— Знаю, что вам приказано. Никого не подпускать к опечатанной радиорубке.

— Правильно.

Я приблизил лицо к его лицу и, скалясь, смотрел, как он бледнеет. Трудно одновременно скалиться и цедить слова сквозь зубы, но у меня получилось.

— В таком случае, могу вас обрадовать: мне приказано выяснить, как вы выполняете приказ. Где генерал Зеннор?

— Там, майор.

Я повернулся и двинулся в указанном направлении. В том, куда мне меньше всего хотелось идти. Но что еще оставалось делать? Если сразу пойти к выходу, лейтенант заподозрит неладное и, не дай Бог, поднимет тревогу. А если я пойду к генералу, он успокоится.

Решительно отворив дверь капитанской каюты, я шагнул внутрь. Офицеры совещались у карты, висящей на противоположной стене. Зеннор стоял спиной ко мне.

Я повернулся направо и увидел книжные полки. Не медля подлетел к ним, провел пальцем по корешкам книг. Прочитать их названия я не мог, так как глаза заливало потом. Пришлось вытащить книгу наугад. Я направился к выходу, скосив глаза на офицеров.

Никто не обратил на меня внимания. Я замедлил шаг, напрягая слух, но ничего не разобрал.

Когда я вышел в коридор, лейтенант уже скрывался за поворотом. Я потихоньку двинулся к выходу, ожидая, что вот-вот включится сирена тревоги. Спустился на нижнюю палубу, миновал шлюз и сошел по трапу в гостеприимную тьму.

Услышав мои шаги, часовой резко обернулся, и мое сердце последовало его примеру. Кинув руку к козырьку, я пошел прочь от застывшего с оружием в руках часового, ожидая выстрела в спину.

Но он не выстрелил. Я пересек поле и углубился в тень деревьев. Потом остановился и прислонился к стволу дерева. И вздохнул так, как никогда прежде не вздыхал. Подняв руки, чтобы вытереть пот со лба, я обнаружил, что все еще держу книгу.

Книгу? Какую книгу? А, ту самую, что украл из каюты капитана часов этак четыреста двадцать назад. Повернув ее к далекому фонарю, я разобрал название: «Ветеринарная практика в частях роботокавалерии».

Книга выпала из ослабевших пальцев, и я медленно сполз на землю.

Глава 25

Я отдыхал в темноте, стараясь думать не о ветеринарной практике в частях роботокавалерии, а о том, почему дверь в радиорубку оказалась опечатанной.

Может быть, это сделали для того, чтобы не пустить туда меня? Как бы высоко я себя ни ценил, эта версия выглядела сомнительной. Едва ли Зеннор и прочие дрожат от страха, вспоминая Джима диГриза. Достаточно вспомнить капитана, которого я совсем недавно пытался раздеть. Нет, Зеннор опечатал радиорубку по другой причине. По какой?

Попробуем рассуждать логически. На корабле, где я побывал, рубка заперта наглухо, значит, и на других кораблях то же самое. Какой смысл запираить только одну рубку? Никакого. Но зачем вообще это делать? Разумеется, чтобы не было радиосвязи. Между кем и кем? Между командованием армии и частями? Чепуха, ни одна современная армия без радиосвязи не обходится. Между кораблями? Но ведь флот уже на Чоджеки.

Остается только межпланетная связь. Ну, конечно! Помнится, флот стартовал тайно и в дикой спешке. Зеннор понимал, что за ним следит Лига, понимал, что его смогут остановить только в том случае, если будут

знать, куда он направляется. Так что полет на Чоджеки — это, образно говоря, пробный шар, запущенный через галактику. Рискованная игра. Впрочем, не очень рискованная, поскольку генералы имеют дело с безоружным противником. Зеннор знал, что у флота Лиги есть шпионы — вспомним рыскавшие по острову пеленгаторы. Он убежден, что я — шпион Лиги, и допускает, что в армии могут быть и другие агенты. Поэтому он решил соблюдать радиомолчание до тех пор, пока не добьется своего, пока не наступит время, когда Лига уже ничем не сможет ему помешать...

Неплохо для Зеннора... и очень плохо для меня. Я отправил просьбу о помощи, и сейчас она еле-еле плетется в межзвездном пространстве со скоростью света. Лучше забыть об этом, а также расстаться с мечтами о сверхскоростной связи. Надо смотреть на вещи трезво. Возможно, мне до конца дней своих суждено жить на этой планете. Поэтому надо позаботиться, чтобы Зеннор и его головорезы не дышали мне в затылок. Придется отобрать у Зеннора армию. Когда все солдаты разбегутся по планете, можно будет сделать следующий шаг. Какой — я пока не придумал, но придумаю обязательно. Может быть, открою свободную продажу спиртных напитков офицерам и сержантам? Судя по тому, что я сегодня видел, они за год сопьются и вымрут от цирроза.

Я зевнул и обнаружил, что почти заснул.

— Не смей спать! — прикрикнул я на себя, вскакивая на ноги. Если ты здесь заснешь, то запросто можешь проснуться на том свете. За работу! Надо срочно уносить отсюда ноги, поскольку больше тебе здесь делать нечего. Назад к теплу, свету и обществу дам, прочь от этих противных холостяков, которые сквернословят, пьянствуют и играют в азартные игры.

И все-таки я здорово вымотался. Чем идти пешком, лучше найти какое-нибудь транспортное средство. Может, возле офицерских домов найдется что-нибудь подходящее? Ведь офицеры редко ходят пешком.

Действительно, возле ДОСа стояли мотоциклы и штабные автомобили. А чуть дальше высилась тень командирской машины. Знакомая штучка. Я забрался на сиденье. Ясно, почему вокруг нет часовых — из

замков вынуты ключи зажигания. Я улыбнулся. Если напрямую соединить провода, мотор заработает не хуже, чем от поворота ключа. Вскоре я с удовлетворением услышал шум двигателя. Ну, а теперь смело включаем фары, и полный вперед!

А куда — вперед? Естественно, не в ворота. Днем через них можно проскочить с колонной, но сейчас они наверняка на запоре, и у меня потребуют пропуск. Можно, конечно, соврать что-нибудь насчет ночных маневров, но вдруг не поверят?

Я медленно проехал мимо ворот и двинулся дальше вдоль колючей проволоки. Выбрав участок изгороди, где поблизости не было патрулей, я остановил машину, вылез и подошел к проволоке.

Десятифутовая проволочная изгородь. Если наехать на нее, то наверняка сработает сигнализация, но я не заметил уходящих куда-нибудь проводков или взрыленной земли под проволокой, — ничего, что указывало бы на мины. Неважно, если поднимется тревога. Пока сюда доберутся эти увальни полицейские, я буду далеко. Я завел машину, поставил на самую малую скорость и нажал газ.

Проволока с треском лопнула. Засверкали искры — так и знал, что она под напряжением, хорошо, что командирская машина надежно защищена. А теперь — полный ход, — по безлюдным улицам вылетаем на площадь, огибаем огромную статую Марка Четвертого и выруливаем на широкий проспект, по которому мы с Мортонем шли, когда сбежали от Зеннора. Впереди — река и мосты, а на той стороне — жилые кварталы. Машина прогремела по мосту. Никто за мной не гнался.

Вот и замечательно. Я проехал вдоль набережной, сбросил скорость, направил машину под углом к реке и выпрыгнул. Разбив в щепки скамейку — жаль, конечно, — машина красиво спикировала в воду. Плеск, бульканье — и тишина. Глубина в этом месте была порядочная. Вдали выла сирена. Я быстро пересек парк и вышел на улицу. Я устал, но надо было подальше отойти от реки, — на берегу остались следы гусениц, днем их будет хорошо видно.

Я брел наутад, часто сворачивая, и вскоре заблудился.

— Хорошего понемножку, Джим, — пробормотал я, привалясь к стене и чувствуя, что вот-вот упаду в обморок.

Река осталась далеко позади, я шел наутад и совсем заблудился. Рядом в стене были ворота. *Dup Roamin* значилось на деревянной вывеске. Понятно. Собравшись с силами, я отворил ворота, поднялся на крыльцо и постучал в дверь. Пришлось постучать еще раз, прежде чем за дверью послышался шорох и в окнах вспыхнул свет.

— Кто там? — послышался мужской голос, и дверь распахнулась настежь. Прожив на Чоджеки несколько дней и слегка привыкнув к обычаям туземцев, я все же сомневался, что так следует встречать незваных ночных гостей.

— Джим диГриз, усталый инопланетник.

Из дверного проема высунулась седая борода дряхлого старика. Он моргал, глядя на меня.

— Неужели! О, какое счастье для старого Кзолгосца! Входи же скорей, славный инопланетник, мой дом — твой дом. Чем я могу помочь тебе?

— Спасибо, спасибо. Для начала погасите свет, а то вдруг патруль заметит. А потом дайте мне поспать, я с ног валюсь от усталости.

— Все, что пожелаешь! — Он погасил свет. — Иди сюда, в комнату моей дочери, она уже замужем и живет на ферме. Сорок гусей и семнадцать коров. Сейчас зашторим окна, и можно будет зажечь свет...

Старый Кзолгосц был исключительно гостеприимен, хоть и очень болтлив. В комнате на кровати лежало штук двадцать кукол.

— Умойся, друг мой, Джим, а я пока приготовлю чудесный горячий напиток.

— Я бы предпочел, чтобы в нем присутствовал алкоголь, друг мой Кзолгосц.

— Ну, о чем разговор!

Когда я снимал с себя последнюю военную шмотку, он вернулся с высокой фиолетовой бутылкой, двумя стаканами и пижамой с огромными блестящими крас-

ными путовищами. Оставалось надеяться, что они не будут светиться в темноте.

— Домашнее вино из ягод гингль, — сказал он, наполняя стаканы. Мы чокнулись, выпили и вытерли губы. Я вздохнул от переполнявшего меня блаженства с примесью ностальгии.

— Знаете, я не пил домашнего вина с тех пор, как покинул ферму. А тогда любил опрокинуть бутылочку в хлеву свинообразов. Бывало наклюкаешься и поешь им чего-нибудь...

— Как это мило! Ну, а теперь я оставляю тебя, друг мой Джим, пожелав спокойной ночи.

Идеальный хозяин дома, он исчез прежде, чем я успел его поблагодарить. Я поднял стакан, глядя на портрет Марка Четвертого, осушил и рухнул на кровать.

Проснувшись, я долго лежал, моргая и глядя на полоску света между шторами. Зевая, я поднялся, распахнул шторы и выглянул в цветущий сад. Старый Кзолгосц оторвался от работы, помахал мне рукой и рысью бросился в дом. Вскоре он постучал, отворил дверь и вошел с подносом.

Когда я, мыча от удовольствия, расправлялся с бифштексом и яичницей, запивая соком, Кзолгосц сказал:

— Я кое с кем поговорил и думаю, ты будешь обрадован, узнав, что подготовка дня «Д» идет полным ходом.

— Дня «Д»?

— День Дезертирства. Он начнется вечером. На пути выведено несколько дополнительных поездов, и вся страна готовит прием новым гражданам.

— Фантастика! Надеюсь, для меня у вас тоже найдется местечко. Похоже, мне придется здесь погостить немного дольше, чем я собирался.

— Да будет тебе известно, ты не просто гость. Скажи, тебя устроила бы должность преподавателя в университете?

Я улыбнулся.

— К сожалению, я не получил даже среднего образования, потому что сбежал из школы.

— Прошу извинить меня за провинциальное невежество, но мне не знакомы такие выражения, как «сбежал из школы» и «среднее» образование. У нас ученики посещают школу, когда хотят, и учат, что хотят и сколько хотят. Единственное обязательное требование — чтобы ученик изучал индивидуальный мютюэлизм, это необходимо для счастливой и полноценной жизни.

— А за обучение, надо полагать, платят родители?

Кзолгосц в ужасе отшатнулся.

— Ну, что ты! Конечно нет! Родители окружают детей любовью и заботой, но не мешают им постигать доктрины мютюэлизма. На каждого родившегося сразу открывается счет, но пока человек не сможет зарабатывать, начисление вирров идет в дебет. Ребенок не будет считаться полноправным гражданином, пока не оплатит этот счет.

— Принудительный детский труд! — Я был потрясен. — День и ночь малютки гнут спину за корку хлеба?

— Дружище Джим, что у тебя за воображение! Нет, дети, в основном, работают по дому, помогая матери и получая те же вирры, которые платит матери отец...

— Прошу вас, довольно! У меня мало сахара в крови, и я плохо соображаю, а индивидуальный мютюэлизм — такая тонкая штука, что сразу в ней разобраться невозможно.

Он кивнул.

— Я понимаю. Не расстраивайся, Джим. Ты расскажешь обо всем, что произошло с человечеством после того, как мы уединились на Чоджеки, а мы познакомим тебя с гениальными творениями Марка Четвертого, да будут вечно бежать электроны по его проводам!

Неплохое пожелание давно исчезнувшей машине. Я никак не мог привыкнуть к тому, что туземцы боготворят какую-то жестянку с микросхемами, какой бы умной она ни была. Ну, да ладно, это их дело. А мне пора приниматься за работу.

— Вы можете узнать, где находится мой друг Мортон?

— Буду счастлив тебя проводить, друг мой Джим.

— Вы знаете... — Я запнулся. — Ну да, в городе всем известно, где мы прячемся.

— Совершенно верно. Ты умеешь ездить на велосипеде?

— Давненько не приходилось, но этому разучиться невозможно.

Велосипед — отличная штука, особенно когда на улицах их полным-полно, а тебе ни к чему выделяться из толпы. Я скатал форму — на всякий случай — и надел мешковатые шорты, которые предложил Кзолгосц. Эти шорты да моя майка — чем не костюм велосипедиста?

Я вышел в сад и отжался сто раз. Поднявшись на ноги, увидел человека, который стоял рядом, опираясь на руль ярко-красного велосипеда.

— Простите, если я вмешиваюсь в ваш ритуал. Мне позвонил Кзолгосц, чтобы я доставил вам велосипед. Вот, пожалуйста, самый лучший из моего запаса.

— Спасибо, велосипед — просто чудо. Но, боюсь, я не смогу за него заплатить...

Он улыбнулся.

— Вы уже заплатили. Я заехал в банк, стоимость велосипеда вычтена из вашего счета. Кстати, меня попросили передать вам вот это.

Моргая, я уставился на вирр-диск, который он мне вручил. На нем было оттиснуто: «Джим диГриз». В маленьком окошечке виднелось: «Баланс 64.6.78».

— Служащие банка просили передать, чтобы вы с ними связались. Они не знают, сколько часов в эту ночь вы занимались общественно полезным трудом. Если вы им позвоните, они будут очень благодарны.

— Я принят в систему! — обрадовался я.

— Ну, конечно! — заулыбался незнакомец. — Вы — индивидуум, и индивидуальный мютюэлизм — для вас. Добро пожаловать. Желаю, чтобы ваш вирр-счет рос и чтобы ваша жизнь была долгой и счастливой.

Глава 26

Генералы спохватились только наутро. А всю ночь к нам поступали сообщения о фантастическом успехе дня «Д». Отпущенные в увольнение солдаты первому же встречному говорили о своей величайшей любви к свежему воздуху. Им предлагали войти через черный ход в ближайший магазин готового платья, давали там штатскую одежду и билеты на поезд. Последний поезд ушел около полуночи, затем поток дезертиров иссяк.

Ночью военные не поднимали шума. В лагере было не меньше четырех ворот, и возле них стояли знаменитые своим кретинизмом военные полицейские. Наверняка они полагали, что все солдаты, которых они выпустили, возвратились через другие ворота.

Дезертиров было так много, что даже дополнительные поезда ушли полнехонькими. Свыше сотни беглецов остались в городе — им не хватило мест.

На свои средства я приобрел гигантский телевизор и подарил его хозяевам дома. Мы с Муртоном смотрели городской канал, когда вмешались военные. Особого восторга при этом мы не испытали, так как день был праздничный — годовщина создания первого блока Марка Четвертого или что-то в этом роде — и по телевизору показывали парад клуба юных велосипедисток.

Внезапно экран погас, а когда засветился снова, на нем появилась отвратительная физиономия Зеннора.

— Выключи! — простонал Мортон. — Нам скоро завтракать!

— Пусть поговорит. Вряд ли он скажет что-нибудь приятное, но рано или поздно нам все равно передадут.

— Внимание! — сказал Зеннор, и Мортон возмущенно фыркнул, а я махнул рукой, чтобы он замолчал. — Все вы меня знаете: я генерал Зеннор, командующий армией освободителей. Вы знаете, что я добрый, вежливый и терпеливый...

— Ему бы романы писать!

— Тихо!

— ... но жесткий. И теперь пришло время проявить справедливую твердость. Я узнал, что в нашей доблестной армии нашлось несколько трусов, решившихся на дезертирство. Я хочу, чтобы вы знали: это серьезное преступление, и наказание за него — смертная казнь...

— Еще бы! Как иначе удержишь от развала эту гнилую армию?

— ... и я знаю, что никто из вас не хочет, чтобы эта кара постигла глупых молодых людей. Поэтому довожу до вашего сведения, что я решил продлить все выданные вчера увольнительные на двадцать четыре часа. Они действительны до двенадцати ночи. Ни один солдат, вернувшийся на базу до полуночи, не будет наказан. Я настоятельно советую жителям города объяснить это неразумным юнцам, которых вы прячете. Скажите им, пусть возвращаются.

С его лица исчезла фальшивая улыбка. Он приблизился к камере и прорычал:

— Скажите им, что после полуночи я уже не буду добрым, терпеливым и вежливым. Я введу чрезвычайное положение. Перекрою все дороги из города и обыщу квартал за кварталом, здание за зданием. Каждый дезертир, которого я поймаю, получит возможность выпить кружку пива и написать одно письмо домой. После этого он будет расстрелян!

Вы все поняли? Это первое и последнее предупреждение. У вас есть время до полуночи. Больше я с вами

цацкаться не стану, дезертиры! Считайте себя покойниками, если...

Я выключил телевизор.

— Как страшно! — буркнул Мортон. У него был очень испуганный вид впечатлительного человека. — Включи телик, досмотрим девочек.

Я включил. Но парад уже кончился, и показывали длинноволосого человека, который с энтузиазмом читал лекцию об индивидуальном мютюэлизме.

— Знаешь, Мортон, а ведь он имел в виду и нас.

— Не надо! Молчи! Я знаю — очередная серия космической оперы. Мне надо выпить.

— Не надо. Тебе надо посидеть спокойно, собраться с мыслями и помочь мне найти выход. Впрочем, что-нибудь слабенькое, вроде пива, не помешает.

— Извините, я невольно подслушал, — Стирнер появился в дверях с подносом, на котором стояли бутылки и кружки. — Если не возражаете, я к вам присоединюсь. Жарко сегодня.

Мы сдвинули кружки и хлебнули пива.

— Есть новости из города? — спросил я.

— Разумеется. Все поезда, покидающие город, проверяются патрулями, так что на поезде больше не выбраться.

— А шоссейные дороги?

— На них заставы. Над окраинами города летают машины на вертящихся крыльях...

— Вертолеты.

— Благодарю, я запомню это слово. Всех, кто покидает город, задерживают, заставляют прижимать пальцы к какой-то пластинке, которую помещают в машину. Потом отпускают.

— Очень мило, — пробормотал я. — Проверяют отпечатки пальцев. Значит, днем нам не выбраться — наши отпечатки заложены в память компьютера. Придется ждать темноты...

— Не хочу показаться мрачным, — произнес Мортон, — но мне это все не нравится. Вертолеты, инфракрасные детекторы, пулеметные установки, смерть с неба...

— Понял тебя, Мортон. Слишком опасно. Надо найти другой выход.

Наш диалог прервало появление на экране велосипедистов, крепких парней с волосатыми ногами. У Мортон заклокотало в горле, но он утих, как только увидел на экране улыбающихся и машущих телезрителям девушек.

— У-у-у! — закричал я, вскакивая на ноги. — О-о-о!

— Вторая дверь слева по коридору.

— Заткнись, Морт. Это вдохновение, а не запор. Ты видишь гения за работой. Перед тобой — единственный человек на планете, знающий, как нам выбраться из города целыми и невредимыми.

— Как?

— А вот как! — Я показал на экран. — Стирнер, садитесь за телефон и договаривайтесь с кем нужно. Я хочу, чтобы сегодня к вечеру этот клуб выехал из города. Можно бы и раньше, но мы не успеем собраться.

— Куда собраться! — воскликнул Мортон. — О чем ты говоришь!

— Кажется, я понимаю, — сказал Стирнер. — Вы хотите выехать на велосипедах. Но вас остановят.

— Нет, не остановят. Потому что ты утадал только наполовину. Мы загримируемся под девушек.

Как только эта идея проникла к ним в сознание, они захлопали в ладоши. Потом мы взялись за дело.

Обдумывая план операции, я почти не замечал, что происходит кругом. Казалось, комната превратилась в проходной двор. Я машинально жевал бутерброд и, моргая, глядел на стену, когда меня окликнул Мортон:

— Джим, скоро нам выходить. Ребята уже собираются на площади. Не смейся! — воскликнул он, покраснев.

Но как было не засмеяться при виде такой красотики? Даже то, что он обрил ноги, не сделало его женственнее. Правда, пышный парик и накладные груди помогли, но за девушку его можно было бы принять только издали.

— Надо бы губы подкрасить, — сказал я.

— Ну конечно. Посмотрим еще, что из тебя получится. Переодевайся!

Я переоделся. Короткая плиссированная юбка очень шла к рыжему парикю. Я вздохнул, глядя на себя в зеркало, и произнес:

— Ничего, Джим. Лучше ты никогда не выглядел.

Мы выкатили велосипеды за ворота, поблагодарив радушных хозяев и выразив надежду, что встретимся после войны. Стирнер был нашим проводником. Он сразу вырвался вперед, и нам, «девушкам», пришлось попотеть, чтобы догнать его.

На площади Марка Четвертого было столпотворение — там собрался весь город. Велосипедный клуб девушек Беллегаррика выстроился там в полном составе. Девчонки были еще привлекательнее, чем по телевизору. Правда, не все, потому что среди них были не девушки. В смысле — парни. Наши беглецы. Впалые щеки, узкие бедра, глупые смущенные улыбки... Некоторые из них годами не видели велосипеда. Они катались по площади, виляя и часто падая.

— Внимание! — крикнул я. Шум немного утих. — Во-первых, перестаньте ругаться — постыдитесь этих добрых людей, ради вас рискующих своей жизнью. Во-вторых, если кто-нибудь упадет, проезжая заставу, мы все пропадем. Поэтому тех, кто в себе не уверен, прошу пересесть на трехколесные велосипеды или на задние сиденья тандемов.

— А куда мы едем? — выкрикнул кто-то.

— Приедем — узнаешь. Все, пора. Когда я скажу «поехали», — дружно стартуем. Кто зазевается — тот олух. Ругаться можно только старшим по званию. Я главный, и потому буду ругаться за всех, пока мы не выберемся отсюда. По коням!

«Девушки» следом за мной сделали два-три круга по площади. Потом я дал сигнал настоящим велосипедисткам. Они были прекрасны. Стремительно и четко они разделились на две колонны и окружили нас. Их президент с флагом клуба понеслась по широкой гладкой дороге, а девушки дружно последовали за ней.

Ближайшая застава ждала нас на перекрестке. На углу нас отсекала колонна клуба ветеранов — все спортсмены либо седые, либо лысые. Но они резво крутили педали тощими шишковатыми ногами, громко щелкая суставами. Подъехав к барьерам, они спешив-

лись и принялись стаскивать их с дороги. Как ни орали сержанты и офицеры, они не смогли остановить наших помощников, и вскоре мы проскочили в образовавшуюся брешь.

Некоторые девушки в порыве энтузиазма бросились помогать старикам. Другие смеялись и целовали офицеров.

Мы крутили педали что было сил. Потая, виляя, рутаясь. Проскочили заставу и скрылись за поворотом.

— Продолжать движение! — орал я. — Мы еще не вырвались. До леса никому не останавливаться. Вперед! Вперед! Кто последний — тот осел!

Наконец на краю леса свернули с дороги и горохом посыпались в кювет.

— А больше... мы... не будем так жать? — спросил Мортон. Он лежал на спине и стонал.

— Это еще что, Морт. Крепись. Тебе надо тренироваться.

Он сел и уставился в ту сторону, куда смотрел я. На дороге появился клуб девушек. Нежная кожа, развевающиеся на ветру волосы, блестящие глаза. И корзинки с едой.

Выпив по стакану пива, мои подопечные ожили. Армия казалась дурным сном; впереди их ждала свобода.

Для них это был первый день новой жизни — и он был похож на день в раю.

Я веселился и шутил вместе с ними, но смех мой был неестественным, а улыбка — вымученной. Мне не давали покоя мысли о Зенноре. Как поступит этот маньяк, узнав, что потерял половину армии?

Глава 27

Приказ подниматься «девушки» встретили стонами и воплями протеста.

— Тихо! — прикрикнул я на них. — У нас жесткий график. Если хотите выбраться отсюда живыми, слушайте меня. Когда я скажу «лягушка» — прыгайте. Ясно?

Я подождал, пока утихнет веселое кваканье, и добавил:

— Ехать нам еще примерно полчаса. И чем стонать, поглядите лучше на милых, нежных девушек, которые ради вас рискуют жизнью. Они не стонут, а ведь им еще возвращаться в город кружным путем. Давайте же поблагодарим их!

В многоголосом «Спасибо!», грянувшим за этим призывом, я различил звуки нескольких поцелуев. Пришлось громко свистнуть, чтобы привлечь к себе внимание.

— Скоро приедем на фабрику. От нее идет железнодорожный путь. Сразу после нашего прибытия по нему отправится на север товарный состав. На нем мы поедем в далекие края. А теперь — по коням!

Ехали мы в тишине — моих галантных попутчиков одолевала усталость. Когда над нами пролетел верто-

лет, они изрядно струхнули. Я приказал парням опустить головы, а девушкам — махать руками и улыбаться. Это подействовало — больше над нами не летали. Подъезжая к фабрике, мы услышали гудок поезда. Состав только что вывели на путь.

— Открывайте двери вагонов! — приказал я. — И залезайте побыстрее, пока нет вертолетов. Берите с собой велосипеды — вам зачтут их стоимость в банке. Поцелуйте девушек на прощанье. Через минуту отправляемся.

Я поискал глазами Ниби — загорелую рыжеволосую красотку, президента клуба велосипедисток. Передав флаг помощнице, она подъехала ко мне с улыбкой, от которой чуть не задымились шины моего велосипеда.

— Можно мне сопровождать тебя, инопланетник Джим? Умоляю — не отказывай.

— Глунк...

— Надо думать, это означает согласие. — Она забралась в вагон, втащила свой велосипед и уселась на тюк сена. — Ты очень добр. Я еще вчера училась в школе, но сегодня мы все покидаем Беллегаррик. Моя родина — на севере, там у моей семьи небольшая ферма в селе, которое называется Линг. Я говорила с отцом, матерью, братьями и сестрами — они будут очень рады, если ты поживешь у нас, сколько пожелаешь.

Увидев, как позеленел Мортон, я понял, что он все слышал.

— Почту за честь. Это просто замечательная идея.

Ниби улыбнулась, но улыбку как ветром сдуло, когда она взглянула на Мортон.

— Твой друг не заболел?

— Нет. — Меня переполняла щедрость. — Просто ему некуда ехать, и он надеется, что ты и его пригласишь.

— О чем разговор.

Мортон тут же порозовел и глуповато заулыбался.

— С благодарностью принимаю твое приглашение. Но надолго я у вас остаться не смогу. Как только Шарла, моя приятельница, даст о себе знать, сразу уеду.

— Так ты ее не забыл? — с притворным удивлением спросил я, и он вонзил в меня такой взгляд, что Ниби отвернулась.

Путь был нам не в тягость — поезд шел быстро, вагон не трясло. Уже через час мы перестали бояться вертолетов, зная, что удалились от города на приличное расстояние. Бывшие «девушки» спали на сене, подложив под головы ватные груди. В сумерках поезд сделал первую остановку. В вагоны загрузили корзины с едой и бутылки с напитками.

Наевшись и напившись, я заснул, а проснулся от прикосновения к плечу чьей-то мягкой ладони.

— Приехали, — сказала Ниби. — Буди своего друга.

Дверь вагона была открыта, снаружи медленно проплывали огни. Вскоре поезд остановился. Мы прыгнули на перрон, взяли свои велосипеды и, попрощавшись с парнями, спустились на шоссе и поехали вслед за Ниби. Дорога была превосходная, ночь — теплая. Над головами раскинулась на полнеба величественная туманность, и мы, казалось, плыли в ее холодном, белом сиянии.

— Ни за что не вернусь на Невенкебла, — пропыхтел Мортон.

— Но у тебя там родные.

— Попав в армию, я их потерял.

— Ты прав, — кивнул я. — Ну, на этой планете нет ничего общего с тем, что мы видели в армии. Хотя, честно говоря, я не совсем понимаю, как смог индивидуальный мютюэлизм привести общество к такому благополучию. Впрочем, благополучие — слишком сильно сказано. Не надо забывать о Зенноре.

— А как бы хотелось забыть!

Наутро мы добрались до фермы. Встретило нас все семейство. Видели бы вы, какой стол накрыла хозяйка к нашему приезду. И мы сделали все, чтобы ее не обидеть. Наконец, отдуваясь, встали из-за стола. Семья помаленьку разошлась на работу.

— Хорошо здесь, — произнес Мортон.

— Здесь здорово! — согласился я.

— Стоимость еды вычтена из твоего счета. — Улыбаясь, Ниби вернула мне вирр-диск. — Половина бу-

дет возмещена за счет Мортонa, когда у него появятся вирры.

— Непостижимая все-таки эта штука — индивидуальный мютюзлизм, — сказал я. — Мне бы хотелось побольше узнать о вашей жизни.

— Буду рада ответить на любые вопросы, — заверила меня Ниби с улыбкой, от которой у меня потеплело в груди. Но улыбка через секунду увяла. — Давай поговорим об этом позже. Я бы хотела, чтобы вы сейчас посмотрели телевизор. Мы записали утренние новости.

«Наверняка эти новости связаны с Зеннором, — мрачно подумал я. — А значит, они наверняка дурные».

Экран засветился, грянул бравурный марш. По дороге шагала пехота, ехали танки. Стреляли пушки. «Запись» — сразу понял я, узнав базу Мортстерторо. Видимо, это зрелище должно было вселить ужас в сердца непокорных туземцев. Но я уже достаточно хорошо знал жителей Чоджеки и не сомневался, что их изумляет напрасная трата средств, и только. Я выключил звук и подождал, пока уедет последний танк. Затем появился Зеннор.

— Мы могущественны, мы несокрушимы, и мы победим! — заявил он ледяным тоном. — Жители Чоджеки, до сих пор я был добр к вам. Даже готов был пощадить сбежавших солдат. Но теперь я вижу, что по-хорошему с вами нельзя. Ну что ж, вы получите небольшой урок. Я научу вас уважать нашу армию.

Вы помогли скрыться дезертирам, которые заслуживают смертной казни. Это не вызывает у нас сомнений. Как иначе объяснить, что ни один из них не воспользовался амнистией? Что, ни один из них не найден? Без вашей помощи они не смогли бы выбраться из города. Следовательно, население Беллегаррика виновно в измене, в содействии предателям-дезертирам и будет сурово наказано. Я обращаюсь к населению всей планеты. Жители Беллегаррика сознают свою вину и пытаются избежать наказания. Словно трусливые черви — каковыми они являются, — эти негодяи спешат расползтись в разные стороны. Город совершенно опустел, но не всем удалось скрыться. Мы

захватили сотни и сотни предателей. Однажды мы брали заложников, и это привело к желаемым результатам. В тот раз я пожалел их и отпустил целыми и невредимыми, но на сей раз не ждите от меня пощады.

Слушайте меня, жители планеты. Во-первых, все пустыри должны быть немедленно возвращены в город. Я обещаю помиловать их и заменить смертную казнь службой в штрафных батальонах. Я уже говорил, что у меня доброе сердце.

Во-вторых, я требую восстановить снабжение города всем необходимым и открыть рынки. Пусть те, от кого это зависит, сегодня же вернутся в город. Беллегаррик должен жить нормальной жизнью, как до нашего прибытия.

Он сделал драматическую паузу, потом ткнул пальцем прямо в объектив камеры.

— И эти требования будут выполнены, иначе через сутки я расстреляю десять заложников. Впрочем, я все равно их расстреляю, подчинитесь вы или нет. Это и будет уроком, который я вам обещал. Если вы не подчинитесь, я ежедневно буду казнить по десять человек. Как только эта мера окажет нужное воздействие, казни прекратятся. Но я прикажу их возобновить, когда сочту необходимым.

Экран потемнел, и я обнаружил, что смотрю, не мигая, на Мортонa.

— Редкий случай психопатологии, — заметила Ниби. — Не замеченное врачами изменение генетического кода. Ведь он сумасшедший, правда? По-моему, он бредил. Разве нормальный человек может убивать людей?

Краснея от стыда за род человеческий, я промолчал. Ответил Мортон, кипевший от гнева:

— Зеннор это может. Я родился и вырос в стране, где власть в руках таких, как он. Поверь, он выполнит свою угрозу.

— Надо его остановить. Как это сделать?

— Это очень сложный вопрос. Ведь вы не заставите дезертиров вернуться. Насколько я вас знаю, даже просить их об этом не станете. А они вряд ли захотят вернуться сами. Будь у вас правительство, оно бы, наверное, вступило с Зеннором в переговоры и сумело

найти компромиссное решение. Но он все еще не верит, что у вас нет правительства. Даже подумать страшно о том, что нас ждет в будущем.

— Но подумать надо, — с мрачной решимостью, какой прежде я за ним не замечал, сказал Мортон. — Зеннора необходимо убить. Иного выхода у нас нет.

— Убить?! — воскликнула Ниби. — Но это ужасно!

— А что ты предлагаешь?

— Увы, мне нечего предложить. Решить эту проблему мог бы только гениальный Марк Четвертый.

— Может быть, — пробормотал я. — Но мне кажется, это и ему не по плечу.

— Для Марка Четвертого нет неразрешимых задач, — тихо и твердо произнесла она.

Я разозлился — они слишком высокого мнения о своем божестве.

— Слова, слова. Извини, но это больше смахивает на слепую веру, чем на здравый смысл. Нет, Ниби, нам самим придется выкручиваться, поскольку твой Марк Четвертый давным-давно превратился в ржавчину. Нам он уже не поможет.

— Он мог бы нам помочь, — упорствовала Ниби. — Но мы, к сожалению, не должны его просить о помощи. В этом — суть индивидуального мютюзелизма. Мы сами должны решать свои проблемы. Он дал нам свои труды — и этого достаточно.

— Можете попросить, но не станете? Нет, милая. Не станете просить, потому что не можете. Марка Четвертого давным-давно нет.

— Неправда! — воскликнула она, затем, расценив мою реплику как неудавшуюся шутку, улыбнулась. — Марк Четвертый в Беллегаррике. Он никогда не покидал города.

Я беспомощно посмотрел на Мортонa. Если в тот момент у меня было такое же выражение лица, как у него, значит, я выглядел полным идиотом. Ниби нетерпеливо ждала, пока к нам вернется дар речи. Ко мне он вернулся чуть раньше.

— Марка Четвертого... не стало... тысячи лет назад...

— Почему? Что мешает искусственному разуму существовать вечно? Ведь приходящие в негодность детали можно заменять на новые безо всякого ущерба для интеллекта. Мы надеемся, что он доволен тем, как мы строим свою жизнь. Но никто и никогда не попросит его о помощи.

— Ошибаешься. Я попрошу, — сказал я, поднимаясь. — Причем, ни секунды не колеблясь. Ведь это из-за него сотням заложников грозит расстрел. Пускай этот умник как следует пошевелит своими искусственными извилинами, чтобы их спасти.

— Но тебе придется вернуться в Беллегаррик, — сказал Мортон.

Я хмуро кивнул.

— Да, Морт, да, дружище. Надо разыскать логово этого великого электронного философа. Надеюсь, мои вопросы не вызовут у него короткого замыкания.

Глава 28

— Тебе известно, где находится Марк Четвертый? — обратился я к Ниби. Она отрицательно покачала головой.

— Увы! Но я точно знаю, что Марк прилетел сюда вместе с нами и помогал строить Беллегаррик. И с тех пор он не покидал города.

— Надеюсь, кто-нибудь мне подскажет, где его искать. — Я надолго задумался, потом щелкнул пальцами. — Наш старый друг Стирнер — вот кто! Он — крупнейший специалист по электричеству. Если даже он не знает, где Марк, то наверняка сведет меня с тем, кто знает. Как с ним связаться?

— Видеофон к твоим услугам.

— Благодарю, Ниби. Но у меня нет номера Стирнера, как и представления о том, где он находится.

— Номера нет ни у кого. И где твой друг, тоже неважно. Вызови ЦС и попроси, чтобы тебя с ним соединили.

— ЦС?

— Центральную станцию. Ладно, я сама вызову.

Она нажала несколько клавиш, и на экране высветились слова: «ПОЖАЛУЙСТА, ИМЯ». Как умно и вежливо! Я мысленно снял шляпу перед человеком, составившим эту программу.

Потом на экране появилось слово «ВЫЗОВ». Когда светящиеся буквы померкли, я увидел мрачное лицо Стирнера. Он вымученно улыбнулся, и я сразу понял, что он тоже смотрел новости.

— А, мой добрый инопланетный друг Джим. Надеюсь, ты в добром здравии. Могу я чем-нибудь помочь?

— Конечно, можешь. Мне бы хотелось потолковать с вашим полубогом, Марком Четвертым.

— Странное слово. Я никогда не считал его полу...

— Ладно, не считал — и не считай. Ты знаешь, где он?

— Разумеется.

— Сможешь меня к нему провести?

— А вот это — вопрос непростой. Помнится, я читал, что после постройки города к Марку нередко обращались за советами и консультациями. Но это было сотни лет назад. Сам бы я туда никогда не пошел, но тебя отвести могу, потому что уважаю твою индивидуальность наравне с индивидуальностью Марка Четвертого. В этом мире каждый должен идти своей дорогой.

— Я собираюсь вернуться в город.

— Советую быть осторожным. У нас тут беспокойно. Движение поездов остановлено, кто пытается выбраться из города, тех задерживают. Насколько мне известно, никто из дезертиров не вернулся.

— Ничего, что-нибудь придумаю. Не отходи от видеофона, я сегодня приеду. Мне надо поговорить с Марком Четвертым, пока Зеннор не натворил беды.

Я повесил трубку и уставился в пространство. Но в этом пространстве идеи не витали.

— Что-нибудь посоветуешь? — спросил я у Мортонна.

— Разве что вернуться под видом раскаявшегося дезертира.

— Я уже обдумал эту идею. И отверг. Меня попросту расстреляют.

— А я могу дать совет? — спросила Ниби.

— Ну, разумеется.

— Поедем в город вдвоем. У нас тут театральная группа, с превосходными примерами и костюмерами.

Загримирую тебя под старика, а я буду твоей дочерью и водителем.

— Превосходно! — и в порыве энтузиазма я вскочил на ноги, обнял Ниби и поцеловал. И быстро сел, потому что во мне началась буря, которая разметала все полезные мысли. Это прекрасная, умная, привлекательная девушка, и надо все это выкинуть из головы на время.

— Мой брат отведет тебя в театр, а я позабочусь о транспорте. Просто нет слов, как я рада, что могу тебе помочь! Это так здорово! Гораздо интересней, чем в школе.

— А что ты там изучала?

— Вулканологию. Я без ума от магмы и шлаков. Когда спускаешься в кратер...

— Отлично. С удовольствием тебя послушаю, но позже. Ладно?

— Ладно... А вот и мой брат.

Поезд, которым я возвращался в Беллегаррик, состоял из двух вагонов и предназначался, по-видимому, специально для меня. Мортон, провожавший меня, выглядел виноватым, но не мог скрыть радости, что остается. Попрощавшись с ним, я с кряхтением поднялся в тамбур, опираясь на трость — ведь я был убежденным сединой старцем, а в подобный образ необходимо вжиться. Седая борода, слезящиеся красные глаза, морщины, как на голенище старого сапога — иными словами, в лингском театре работали профессионалы. Специальная упряжь под одеждой сгибала меня в три погибели.

Поезд мчался быстро и без остановок, и довольно скоро мы прибыли к месту назначения. На платформе нас ожидал черный автомобиль. Водитель вышел и распахнул перед нами дверцу.

— Вам приходилось водить такую машину? — спросил он.

Ниби кивнула.

— Отличная модель.

— Вы правы. — Он показал, где находится электрогенератор, а где — двигатель. — Экологически чистый, — добавил водитель.

Ниби уселась за руль, и меня вдавило в спинку сиденья многократной перегрузкой. Мы пулей понеслись по пустой дороге.

— Перед заставой я приторможу. Правда, здорово? Давай выжмем предельную скорость, а?

— Н-не... не надо! — прохрипел я. — Хоть я и глубокий старик, мне еще не охота сводить счеты с жизнью.

Расхохотавшись, Ниби сбросила скорость примерно до звуковой. Она неплохо знала дорогу — наверное, благодаря велогонкам. Внезапно она нажала на тормоза. Мы потихоньку свернули за угол, где путь преграждали барьеры.

— О, шалопай! — воззвал я к военным, грозно потрясая тростью. — Зачем вы перегородили дорогу?

Ко мне неторопливо подошел толстый капитан, что-то выковыривая из зубов. Наверное, остатки саморазогревающейся колбасы.

— Не ори, старый хрыч. Куда прешь?

— О, неужели ты такой дурак, каким выглядишь, или ты не слышал, что приказал твой самый главный начальник? Городские служащие должны вернуться в город. Я — инженер-электрик, и если тебе нужен свет в уборной и холод в холодильнике, немедленно пропусти меня!

— Побереги глотку, папаша, — проворчал офицер. Тем не менее, он отошел и жестом велел двум сержантам отодвинуть барьер. Рядовых я поблизости не заметил и мысленно пожелал сержантам, чтобы перемена деятельности пошла им на пользу.

Мы поехали дальше, и, когда застава скрылась из виду, остановились возле видеофонной будки. Я выбрался из машины и, ковыляя, как заправский ревматик, вошел в будку.

— Ты уже в городе? — спросил Стирнер.

— Только что прибыл.

— Очень хорошо. Встретимся у входа.

— У входа? А где он?

— На площади Марка Четвертого, разумеется. Где еще, по-твоему, он может находиться?

Хороший вопрос. А мне-то показалось, что там только статуя. Мне и невдомек было, что Марк — это резиденция Марка.

Пока мы туда добирались, я избавился от всего, в чем уже не было нужды, — начиная с упряжи. Бороду, правда, оставил — на тот случай, если по пути нам встретятся патрульные. И они встретились.

— Притормози, — велел я Ниби. — Не стоит привлекать к себе внимание.

Сержант, возглавлявший патруль, устремил на нас пылающий взгляд. Я игнорировал его, зато с любопытством посмотрел на его подчиненных. Когда патруль сворачивал за угол, последние двое солдат отделились и метнулись в открытую дверь здания. И исчезли. Выходит, дезертиры не только не возвращаются — их число растет!

Отлично! Если так пойдет и дальше, в армии Зеннора скоро останутся только офицеры и сержанты, а с таким контингентом войну не выигрывают.

На площади я сорвал бороду и избавился от морщин, тем самым сбросив лет сорок. Стирнер уже ждал возле статуи.

— Хотел бы я пойти с тобой, — сказал он.

— И я, — подхватила Ниби. — Наверное, потолковать с Марком было бы просто здорово. Но идти к нему непрошенными нам нельзя.

— Как туда войти?

Стирнер показал на маленькую бронзовую дверцу в пьедестале.

— Сюда.

— А ключ?

Стирнер и Ниби в изумлении уставились на меня:

— Какой еще ключ? Не заперто!

— А, ну конечно, — пробормотал я. Подумать только! Сотни, нет, тысячи лет эта дверь открыта, и никто не удосужился войти!

Они торжественно пожали мне руку. Как если бы вы попрощались с настоятелем местной церкви, вздохнув, он взобраться по лестнице на свидание с Богом.

Ручка была тугая, повернуть ее было трудно. Я толкнул дверь, она медленно отворилась, тихонько скрипнув. Вниз вели пыльные ступени. Вспыхнул свет,

одна лампочка, как видно, перегорела. Надеюсь, Марк Четвертый еще не перегорел. Я чихнул, когда мои ноги потревожили пыль веков. Последовал долгий спуск вниз. Лестница заканчивалась в маленькой комнате, где была большая покрытая золотом дверь. На ней бриллиантами были выложены бессмертные слова: «Я СУЩЕСТВУЮ, СЛЕДОВАТЕЛЬНО, Я МЫСЛЮ». А пониже красовалась надпись, сделанная маленькими красными буквами: «Пожалуйста, вытирайте ноги!»

Перед дверью лежал коврик. Я вытер ноги, глубоко вздохнул и взялся за ручку, изготовленную из цельного рубина.

Дверь бесшумно отворилась (похоже, петли были недавно смазаны), и я вошел в просторное помещение. Там было сухо, гудел кондиционер. Посреди комнаты стоял Марк Четвертый. В точности такой, как на портретах. С той лишь разницей, что от него к множеству стоящих поблизости аппаратов шли провода.

Шкалы приборов вспыхнули, и телекамера повернулась в мою сторону. Встав напротив нее, я с трудом подавил желание отвесить поклон. Кто его знает, как приветствуют разумную машину?

Марк Четвертый молчал, и мне становилось все неудобней. Я кашлянул.

— Я полагаю, вы — Марк Четвертый?

— Разумеется. А кого еще вы ожидали здесь гррк...

Голос сменился жутким скрежетом. На передней панели отскочила крышка, и из отверстия повалил дым. Я разозлился.

Отлично! Просто замечательно! Сотни лет этот электронный всезнайка бездельничает в склепе, храня в ячейках памяти мудрость веков, а стоит мне войти и задать один-единственный вопрос, он взрывается и издыхает... Скверная шутка.

За спиной у меня загудело, и я отскочил, повернулся и принял защитную стойку. Но это оказался всего-навсего робот-ремонтник на колесиках. Он подъехал к Марку Четвертому и сунул в отверстие клешнеобразный манипулятор. С хрустом выдрал оттуда перегоревшую деталь, робот бросил ее на пол, вставил новую и убрался восвояси.

— Нет, — глубоким, звучным голосом ответил Марк Четвертый. — Я не взорвался и не издох. Это случилось с блоком имитации голоса. Я слишком давно им не пользовался. Ты — инопланетник Джим диГриз.

— Совершенно верно, Марк. Для машины, давным-давно не вылезавшей из склепа, ты неплохо осведомлен.

— А зачем мне вылезать, Джим? Я же компьютер. Какая разница, где расположен мой главный процессор?

— Правильно, я об этом как-то не подумал. — Я уступил место роботу-уборщику, подобравшему с пола негодную деталь. — Ладно, Марк. Если ты знаешь, кто я такой, то тебе, наверное, известно, что творится в городе.

— Разумеется, известно. Давно не было такой суматохи.

— И как тебе это нравится? — Этот холодный, загадочный, электронный интеллект начинал меня раздражать. Когда он хохотнул, я невольно вздрогнул.

— Спокойно, Джим, спокойно. Я просто подключил к голосовой цепи блок эмоций. Он был отключен много веков назад, потому что верующие предпочитали слушать безапелляционный голос. Может, ты предпочитаешь женский? — добавил он мягким контральто.

— Если не трудно, оставь мужской, это как-то больше подходит к ситуации. Хотя странно, что я связываю пол и машину. А для тебя есть разница?

— Ни малейшей. Он, она или оно — выбирай сам. Для меня пол ничего не значит.

— А для нас, людей, значит очень много — тебе, наверное, этого не хватает.

— Чепуха. Невозможно сожалеть о том, чего никогда не имел. Ты же по ночам не плачешь от того, что на твоих пальцах нет фоторецепторов?

Это он хорошо завернул. старина Марк был не прост. Но как ни приятно поболтать, пора переходить к сути визита.

— Марк, я пришел по очень важному делу.

— Несомненно.

— Ты смотрел выступление Зеннора по телевизору, ты знаешь, что происходит. Этот кровожадный дебил собирается расстрелять завтра поутру десять твоих приверженцев. Что ты намерен предпринять?

— Ничего.

— Ничего?! — Придя в бешенство, я ударил ногой по панели. — Ты... Ты придумал индивидуальный мютюэлизм! Ты распространил свое учение по Галактике! Ты привел сюда верующих — и теперь, когда им грозит гибель, решил остаться в стороне?

— Пошел ты к черту, Джим, — добродушно сказал он. — Я опубликовал политико-философский трактат. Только и всего. Люди его прочли, вдохновились и прилетели сюда, захватив меня с собой. У них своя голова на плечах. Так что остынь, детка, и не позволяй эмоциям возобладать над логикой.

Я снова уступил место роботу-уборщику. Приблизившись к Марку Четвертому, он мокрой тряпкой стер с панели отметину от моего ботинка.

Я сделал глубокий вдох и успокоился. Действительно, эмоциями делу не поможешь.

— Ты прав, Марк. Послушай, завтра на этой самой площади погибнут люди. Неужели ты ничем им не поможешь?

— А чем я могу помочь? Советом? Так любой совет можно найти в моих книгах. Люди ровно столько знают об индивидуальном мютюэлизме, сколько и я.

— И ты будешь равнодушно смотреть, как их убивают?

— Люди и раньше умирали за убеждения.

— Чудесно. А вот я не считаю, что это правильно. И кое-что предприму, в отличие от тебя.

— Что ты предпримешь?

— Еще не знаю. Посоветуй что-нибудь.

— Что?

— Как спасти людей. Как сорвать экзекуцию и уничтожить Зеннора...

И тут меня осенило. Дискутировать с Марком не имело смысла — надо было попросту воспользоваться его разумом. Если в его ячейках хранится информация, накопленная за тысячи лет, то наверняка там имеются

сведения, которые мне нужны. Ведь у меня есть птица-шпион!

— Ладно, Марк. Ты все равно поможешь мне, дружище. Мне нужна кое-какая информация.

— Ну, о чем разговор.

— Тебе известны координаты этой звездной системы и этой планеты?

— Конечно.

— Ага! Дай-ка мне распечаточку, да побыстрее! Я pošлю сигнал на ССВ, позову на помощь флот Лиги.

— Не вижу в этом смысла.

Я взорвался.

— Не видишь смысла?! Ах ты, идиотская машина! Я тебя прошу поделиться информацией, а ты не видишь смысла в том, чтобы спасти людям жизнь...

— Джим, друг ты мой инопланетный! Не выходи из себя, от этого повышается кровяное давление. Дослушай до конца. Я хотел добавить, что координаты нашей планеты тебе ни к чему. Ты уже послал сигнал на ССВ, когда включил замаскированный под птицу передатчик.

Глава 29

— Я послал сигнал на ССВ? — обаддело переспросил я.

— Да.

— Но... Но... — Я умолк и, мысленно схватив себя за шиворот, хорошенько встряхнул. «Логика, Джим! Сейчас нужна логика!» — Но в своей речи, записанной на пленку, капитан Варод утверждал, что для этого необходимо знать координаты планеты.

— Это была откровенная ложь.

— Как и утверждение, что птица отправила радиопрограмму на обычных волнах?

— Конечно.

Я нервно расхаживал по комнате. Телекамера поворачивалась вслед за мной. «Что происходит? Почему Варод обманул меня? А если он получил сигнал — почему молчит? Ведь если он получил сигнал и не выслал флот мне на помощь, то ответственность за гибель людей ляжет на его совесть. Но офицеры Лиги дорожат своей репутацией, не могут они пойти на такое! И все же Марк, наверное, не лжет». Я резко обернулся к нему.

— А ну-ка, старая мыслящая жестянка, ответь, где сейчас флот Лиги? Уже прибыл или еще в пути?

— Извини, Джим, но чего не знаю, того не знаю. На последнем нашем орбитальном телескопе батареи сели лет двести тому назад. Понятия не имею, где этот флот, о котором ты говоришь. Но подозреваю, что очень и очень неблизко.

Внезапно на меня накатила усталость, и я остановился. Да, денек нынче выдался еще тот. Я окинул комнату взглядом.

— Тут есть старый ящик или что-нибудь в этом роде? Мне бы сесть.

— О, прошу прощения. Наверное, хозяин из меня не слишком гостеприимный. Не было практики.

В комнату въехал диван на колесиках и остановился возле меня. Я с удовольствием на него плюхнулся. Было трудно воспринимать Марка в среднем роде, учитывая его голос и манеры.

— Очень мягко. Премного благодарен. — Я облизал губы, и Марк понял намек.

— Располагайся поудобнее. Выпьешь что-нибудь?

— Почему бы и нет? Хорошая выпивка разговору не повредит.

— К сожалению, бар у меня сейчас не самый изысканный... Есть вино, но ему уже лет четыреста. Как бы в голову не ударило.

Ко мне подъехал столик. Сдув пыль с бутылки, я включил электронный откупориватель, и тот снял древнюю пробку целой и невредимой. Я наполнил бокал и понюхал.

— О-о! Божественный запах!

Вкус оказался и того лучше. А вдвоем они — запах и вкус — живо прочистили мне мозги. Я почувствовал, что смогу, пожалуй, справиться со своими проблемами.

— Который час? — поинтересовался я.

— До обещанной генералом Зеннором экзекуции более шестнадцати часов.

Потягивая вино, я перебирал всевозможные варианты.

— Я послал сигнал, значит, флот идет на помощь. Но рассчитывать на его своевременное прибытие не приходится. Все-таки один плюс в этом есть — мне теперь не надо волноваться, что на этой планете я

обречен жить до конца своих дней. Ладно, перейдем к делу. Что я могу предпринять для спасения людей, учитывая, что ты и твои мютюзелисты палец о палец для этого не ударите?

— Это не совсем так, Джим. Сейчас в городе проходят совещания, на которых обсуждается этот вопрос. К тому же многие жители вернулись.

— Что, решили смириться? Согласились работать на оккупантов?

— Отнюдь. Они намерены протестовать, но в какой форме выразить свой протест, еще не придумали.

— Откуда ты все это знаешь? Через шпионов?

— Не совсем. Я подключился к каналам связи и прослушиваю все видеофонные переговоры.

— А к армейским каналам ты тоже подключился?

— Да. Очень интересно.

— Ты понимаешь язык пришельцев?

— Я понимаю все языки на свете. Четырнадцать тысяч шестьсот двенадцать языков.

— Jamen, e'n ting er i hvert fald sikker. Du taller ikke dansk.

— Og hvorfor sa' ikke det? Dansk er da et smukt, melodisk sprog.

Прекрасно. Я-то думал, что кроме меня, никто на свете не владеет датским. Но я был уверен, что знаю язык, о котором Марк и слыхом не слыхивал. Древний язык под названием «латынь». На нем говорит только тайное общество — настолько тайное, что я больше ничего не стану о нем рассказывать.

— Nonne cognoscis linguam Latinam?

— *Loquarne linguam Latinam?* — голос Марка вдруг стал отрывистым, раздражительным. — *Quid referam in singulorum verborum delectu, in coniunctorum compositione, et structura, in casuum atque temporum discriminatione, in certarum concinnitate formularum, in incisorum membrorumque conformatione, in modulandis circumdictionibus, in elegantiarum cuiusque generis accurata, elaborataque frequentatione quantus tum sim et quam purus putus Ciceronianus? Ex qua Cicero mortuus est, meis verbis nihil latinus. Memoria vero libros omnium auctorum latinorum tam veterum quam recentiorum et neotericorum continet. Voces peregrinae et*

barbarae quae latinis eloquiis inseruntur, omino mihi notae sunt. Nae tu es baro et balatro, nam ego studeo partes difficiles cognoscere quas scholastici doctores gestant, latebras singulas auxilio mei ipsius cerno. Doctissimi enimvero homines omnino universitatum modernarum me rogant sensus omnium talium verborum.

Я только рот разевал, пока он все это излагал.

— Джим, ты уловил нюансы? Понял, что такое настоящая латынь Цицерона? Каждое слово подобрано и продумано, как и структура предложений, контрасты падежей и времен, мыслей и фраз...

Он, точнее оно, еще долго продолжало в том же духе. Хвастало. Болтая с Марком, я невольно очеловечивал его. Ее. Это.

Марк — это не человек, а мыслящая машина с непревзойденными умственными способностями. Как бы найти им полезное применение, вот вопрос.

— Марк, скажи, ты мне pomoжешь?

— Всем, чем могу.

Попивая вино, я чувствовал, как его живительные токи разбегаются по телу. А главное — они здорово стимулировали мозги, пробуждали память. Мне вспомнилось одно пустяковое, казалось бы, событие, свидетелем которого я стал по пути сюда.

— Марк, сегодня я видел, как дезертировали двое солдат. А кроме них в городе сейчас есть дезертиры?

— Да, и предостаточно. Сто двадцать один... прости, сто двадцать два. Только что прибыл еще один.

— Они все вооружены?

— То есть имеют орудия убийства? Да, все. Они сбежали из патрулей, разгуливающих по городу.

Но согласятся ли они воспользоваться своим оружием? А если согласятся, что мы сможем сделать? Мысль помаленьку обретала форму. Клин клином вышибают. Ничего другого не остается.

Налив себе еще вина, я повернулся к гостеприимному электронному хозяину.

— Я хотел бы встретиться и поговорить с дезертирами. И чтобы у них было с собой оружие. Ты мог бы это организовать?

Он долго молчал — видимо, рассчитывал последствия. Но я его не торопил.

— Все готово, — сказал он вдруг. — После наступления темноты люди, у которых они прячутся, приведут их в спортивный центр. Это совсем недалеко от места, выбранного генералами для казни.

— Ты идешь впереди меня на один шаг.

— Надо полагать. Ведь я, что ни говори, куда разумнее, чем ты. Ну, а поскольку до намеченного сбора еще не один час, не хочешь ли воспользоваться возможностью поболтать со мной? А то я уже тысячу лет, а то и больше, не имею представления о том, что творится в Галактике.

Тот день и вечер были для меня необычны. Память у Марка оказалась весьма внушительной, какой ей и полагалось быть, и я узнал от него много интересного. Но на один вопрос он так и не сумел мне толком ответить: где родилось человечество? Потому что он был собран много веков спустя после того, как люди вышли в Галактику.

— Как и ты, Джим, я знаю только мифы, легенды... Будто бы человечество появилось на планете под названием не то Грязь, не то Земля. Но в моей памяти, увы, нет ее координат.

— Да я просто так спросил, не расстраивайся. Но мне, кажется, пора идти. Приятно было с тобой потолковать.

— И мне. Заходи в любое время.

— Обязательно зайду. Скажи, ты можешь выключить свет, когда я буду на верху лестницы?

— Запросто. Ты даже не представляешь, как тут все автоматизировано.

— А с электричеством нет проблем?

— Смею тебя заверить, никаких. Первое чувство, которое я познал, — это тяга к выживанию. В моем распоряжении вся электроэнергия города, загородные электростанции, аварийные батареи и бензиновый генератор, который можно завести в течение десяти минут. За меня не беспокойся.

— Не буду. Пока.

Я поднялся по длинной лестнице и, как только дотронулся до двери, все лампы погасли. Притворив дверь, я осторожно выглянул и, не обнаружив патру-

лей, распахнул. Стирнер и Ниби сидели на скамье, дожидаясь меня.

— А вы не боитесь, что враг наткнется на вас после наступления комендантского часа?

— Не о чем беспокоиться, — ответил Стирнер. — Из армии сбежало столько солдат, что патрулирование, по всей видимости, прекращено. Военные не покидают базы и здания муниципалитета. Ну, расскажи, о чем ты говорил с Марком Четвертым?

Стирнер и Ниби даже дрожали от возбуждения.

— Да, собственно, о пустяках. Но Марк оказался очень гостеприимен. Кстати, у него там припасено два-три ящика отменного вина...

— Я верю всему, что говорят о Марке Четвертом, — сказал Стирнер, и Ниби кивнула. — Но мне жаль, что он не помог тебе решить проблему казней.

Я часто заморгал.

— Откуда ты знаешь? Я ничего подобного не говорил!

— А зачем говорить? Марк Четвертый прекрасно знает, что с этой проблемой мы справимся сами. И мы с ней справимся. Решение уже принято. Завтра на место казни соберется весь город. Мы заслоним приговоренных собой.

— благородно, но бессмысленно. Вас попросту перестреляют.

— Тогда наше место займут другие. Рано или поздно у военных кончатся заряды, и они поймут, что убийствами ничего не добьешься. Я уверен, что они не такие изверги, как их предводитель.

— Я бы не очень на это рассчитывал. Впрочем, у меня есть альтернативная идея. С помощью Марка я организовал сбор всех находящихся в городе дезертиров. Если вы окажете любезность и проводите меня в спортивный центр, у вас будет возможность ознакомиться с моим планом. Надеюсь, он покажется вам более разумным, чем ваш.

Мы неторопливо прогулялись до спортивного центра. Идти по вечерним улицам города было одно удовольствие — впервые я не опасался, что столкнусь с захватчиком. Нам встречались только группы горо-

жан, идущих в том же направлении, что и мы, сопровождая вооруженных дезертиров. Те ухмылялись, не скрывая радости, что вырвались из армии. Глядя на них, я начинал волноваться — согласятся ли они пожертвовать своей едва обретенной свободой? Но у меня был только один способ выяснить это.

Спортивный центр представлял собой стадион под куполом. На нижних рядах кресел разместились дезертиры, на верхних — зрители. Я подождал, пока все усядутся и утомонятся, и взял микрофон.

— Уважаемые бывшие военнослужащие, друзья мои! Многие из вас меня не знают...

— Все тебя знают, Джим! — крикнул кто-то. — Ты — тот самый парень, который едва не задушил генерала.

— В следующий раз будь удачливей!

Улыбаясь, я подождал, пока утихнет шум.

— Спасибо, друзья, я рад, что вы одобрили мой поступок. Наш любимый генерал, этот подлец Зеннор, затеял поутру расстрелять несколько безоружных граждан. Тех самых людей, которые помогали вам и вашим товарищам бежать, которые протянули нам руку дружбы и дали приют. Теперь наша очередь помочь, и я скажу, как мы это сделаем.

Мы повернем это оружие, с которым нас научили обращаться, на Зеннора и его подручных, и пообещаем стереть их в порошок, если они посмеют тронуть мирных жителей. Это рискованный шаг, и нам его не простят. Но что-то ведь надо делать!

Ребята пошумели, поспорили, но в конце концов большинство проголосовало «за». Меньшинство, не считая возможным с достоинством удалиться, вынуждено было уступить. Горожане развели нас переулками по домам, выходящим окнами на площадь, и мы уснули в обнимку с оружием. Я не сомневался, что многие дезертиры ночью разбегутся, но надеялся, что оставшихся хватит, чтобы оказать мне мощную огневую поддержку.

В первых лучах зари я разглядел на площади движущиеся фигуры. Отодвинув в сторону плюшевого миш-

ку, я смотрел вниз из окна магазина игрушек, который служил мне укрытием. На площади собирались войска. Привезли на грузовике и десяток заложников, связанных и в наручниках. Когда стало светлей, я увидел, что на площади нет рядовых. Ну, конечно, Зеннор больше не доверяет рядовым грязную работу. Наверняка они сидят взаперти под надежной охраной.

Зеннор вышел из здания муниципалитета и остановился посреди площади. И в тот же миг до меня донеслось рычание моторов и лязганье гусениц. На площадь выехали тяжелые самоходные артиллерийские установки. Этого я не учел. Как и того, что Зеннор вытащит из кобуры пистолет и высадит одно из окон магазина игрушек.

— Выходи, диГриз. Все кончено, — заорал он и следующим выстрелом продырявил плюшевого мишку.

Я отворил дверь и вышел на тротуар. А что еще оставалось делать? На все окна, за которыми прятались мои друзья-повстанцы, были нацелены пушки. А на лице Зеннора сияла злобная, торжествующая улыбка.

— Ты не забыл меня? Я — генерал. Неужели ты всерьез допускал, что твой идиотский замысел увенчается успехом? Мой агент во всех подробностях рассказал мне об этой дурацкой затее. Хочешь на него посмотреть?

По сигналу Зеннора из здания муниципалитета вышел один из дезертиров. У него были темные очки и огромные усы. Когда он снял то и другое, я его узнал.

— Капрал Гоу!

— Разжалован в рядовые за то, что не сумел тебя задержать. Меня бы расстреляли, если бы я не был достаточно богат, чтобы откупиться. Но мое падение — это и твое падение. Эти вонючие свиньи, рядовые, не разговаривали со мной, потому что знали, кем я был раньше. Но я все равно заподозрил неладное, а когда они начали дезертировать, доложил генералу. По его приказу я отправился в город, и там изменники-туземцы дружно склоняли меня к дезертир-

ству. Я согласился, и в результате генерал Зеннор, получил исчерпывающий рапорт.

— Ты — крыса!

— Не смей оскорблять меня, шпион! Добрый генерал восстановил меня в звании капрала. А ты проиграл!

— Это точно! — подтвердил Зеннор, прицеливаясь мне в переносицу. — Ты проиграл, и пусть эта мысль будет твоей последней мыслью.

— Тебе конец!

Глава 30

Признаться, тот момент в моей жизни был одним из самых неприятных. Чего уж приятного, когда рядом с тобой стоит генерал-убийца и ласкает пальцем спусковой крючок пистолета, нацеленного на тебя. За ним с оружием на изготовку стояли его головорезы, а моих обезоруженных солдат со всех сторон пинками сгоняли на площадь.

— Даром тебе это не пройдет, Зеннор, — не очень уверенно сказал я. Но ничего другого в тот миг мне в голову не пришло.

— Еще как пройдет, щенок! — Поглаживая спусковой крючок, он целился мне в переносицу. Потом опустил пистолет. — Но я не хочу, чтобы ты отделался так легко. Перед смертью ты увидишь, как я перестреляю всех мерзавцев-дезертиров. Они имели наглость выступить с оружием в руках против своего командующего. За эту ошибку они понесут суровое наказание. Потом я казню десять заложников, как и обещал. Потом, и только потом, я убью тебя.

— Если я сам тебя до того не прикончу! — зарычал я, чувствуя, как рот ощерился в зверином оскале. Терять мне было нечего. Вытянув руки перед собой, я пошел на Зеннора. И он побежал.

Но убежал он недалеко — всего лишь к ближайшей заложнице, седоволосой старушке. Он схватил ее за руку и прижал ствол пистолета к ее виску.

— Ну, смелее, диГриз! Еще шаг вперед, и я нажму на спуск. Или ты в этом сомневаешься?

Нет, я не сомневался. Поэтому я остановился. Вот-вот должно было случиться непоправимое — а я ничего не мог поделать. У врагов было оружие; у меня не было ничего.

И в этот момент сквозь мрачную пелену тягостных мыслей я услышал топот множества ног. Я оглянулся. Как и Зеннор.

Из-за угла показалась толпа горожан. В первом ряду шагали Стирнер и Ниби.

— Нет, уходите! — закричал я. Ниби улыбнулась мне. И продолжала идти рядом со Стирнером. Зеннор теперь целился именно в Стирнера — но тот, казалось, даже не заметил этого, остановился и заговорил:

— Люди, немедленно сложите оружие! Мы не причиним вам зла, потому что мы никому...

— Еще одно слово — и я тебя пристрелю! — заорал Зеннор, побледнев, и прицелился в Стирнера. Тот холодно, равнодушно смотрел на него.

— Верю, — сказал он. — До сего момента я сомневался в том, что человеческому существу под силу убить другое человеческое существо, но теперь увидел тебя и убедился в этом.

— Вот и прекрасно! В таком случае...

— Замолчи! Я все равно сделаю то, что задумал. Отберу у тебя оружие. Если не получится — это сделает кто-нибудь другой. Если и он погибнет — его место займет третий. Рано или поздно у вас кончатся патроны, и вы будете обезоружены. Вам не победить.

— Ошибаешься! — крикнул Зеннор. На его губах выступила пена, а в глазах горело безумие. Он оттолкнул заложницу и прижал пистолет к груди Стирнера.

— Кишка у вас тонка, ребята. Стоит мне выстрелить и забрызгать толпу твоей кровью, как она разбежится. Стоит моим людям дать залп — и уцелевшие обратятся в паническое бегство. Сейчас мы так и сделаем, и ты меня не остановишь...

Я бросился к нему. Он толкнул на меня Стирнера, ударил меня пистолетом по голове, а затем прижал его к моему виску.

— ДиГриз, тебе не терпится умереть? В таком случае, ты будешь первым.

В этот миг на нас упала тень, и в небесах загремел голос:

— Война окончена! Опустите оружие.

Над нами висел громаднейший крейсер, ошестиненный пушечными стволами, нацеленными на войска Зеннора.

Прибыл флот Лиги!

Но слишком поздно для меня.

— Ни за что! — закричал Зеннор. — Огонь! Уничтожить заложников! Сбить корабль!

Не забыл он и обо мне. Плотнее прижал пистолетное дуло к моему виску и нажал на спуск.

Осечка!

Я заметил, что сустав его пальца побледнел от напряжения — он изо всех сил давил на спуск. Лицо Зеннора стало пепельно-серым — он понял, что происходит. Я отскочил и выбил пистолет из его руки.

Присев на корточки, я распрямился как туто сжатая пружина и вложил все свои силы в апперкот. Зеннор аж в воздух взлетел, а потом рухнул. Глядя на распростертое на земле бесчувственное тело и глуповато улыбаясь, я потер разбитые суставы.

— Ваше оружие не действует! — громыхал с небес голос, порядочно искаженный эхом. Но я безошибочно узнал голос капитана Варода.

— Корабль распространяет вокруг себя поле энтропии, не позволяющее электронам двигаться или металлу соприкасаться с металлом. На живые существа это поле не действует, поэтому я прошу уважаемых жителей Чоджеки оказать нам услугу и разоружить захватчиков.

Послышался частый топот — дезертиры первыми бросились выполнять просьбу Варода. Я полюбовался на вытаращенные глаза офицеров и отвисшие челюсти сержантов. В днище корабля появилось отверстие, по тросу к земле скользнула знакомая фигура. На мое

плечо легла рука. Я оглянулся и встретил сияющий взгляд Ниби.

— Вот и все, Джим.

— Да, все хорошо, что хорошо кончается. Захватчики улетят и никогда не вернутся. Вы снова будете хозяевами своей планеты. И мир воцарится навеки.

— Ты тоже улетишь?

Мое сердце гулко екнуло. Схватив Ниби за руку, я чуть не утонул в омутах ее глаз.

Но вовремя вынырнул на поверхность.

— Не знаю... Здесь, конечно, замечательно, но боюсь, для меня такая жизнь была бы слишком спокойной. Ты уж меня извини. В раю, конечно, неплохо, но я к нему не привык. Во Вселенной еще столько планет, где я не бывал... К сожалению, мне придется улететь.

— Оставайся лучше здесь, Джим, — посоветовал Варод, приближаясь к нам. — Иначе снова утонишь за решетку. Не забудь — на одной из планет тебя ждут не дождутся.

— И это говорите вы, Варод! — возмутился я. — После того, как обманом заманили меня сюда и бросили на произвол судьбы, хоть я и послал вам сигнал на ССВ. Если бы вы немного опоздали, погибла бы половина населения планеты...

— Ничего подобного! Мы все время находились на орбите и следили за происходящим. И слышали каждое слово Зеннора. Мы прибыли через два дня после того, как ты отправил сигнал.

— Через два дня? Слушали Зеннора? Быть того не может! Марк Четвертый знал бы об этом.

— А он знал. Мы с ним постоянно консультировались. Эта гениальная машина очень нам помогла.

— Ты хочешь сказать, что Марк Четвертый лгал мне? Как и ты?

— Да.

Я открыл и закрыл рот. Поразмыслил. Сказал:

— Так... Какого же черта вы заставили меня рисковать своей шкурой, если могли приземлиться давным-давно?

— Мы ждали выборов, — улыбаясь, ответил он. — Сделали все возможное, чтобы выманить Зеннора с его родной планеты. Подсовывали ему «шпионов» с радиопередатчиками, чтобы он знал, что за ним наблюдают, а стартовав, отказался от мысли поддерживать радиосвязь с Невенкебла. А здесь за него взялся ты, и причинил ему массу хлопот. Должен тебя поздравить — ты прекрасно справился со своей ролью. У него совершенно не было времени думать о контактах со своей базой. А мы тем временем осуществили у него на родине небольшой государственный переворот, отобрав у военных бразды правления и передав их гражданским. Отныне на Невенкебла будет царить мир, а у власти стоять выборное правительство из штатских. А эти обезоруженные вояки будут возвращены на родину и демобилизованы.

— Вы меня выставили на посмешище, — дружелюбно сказал я. — Заставили таскать каштаны из огня.

— Я впервые слышу это выражение, но ты, наверное, хочешь сказать, что тебе пришлось делать для нас грязную работу?

— Примерно так.

— Ты прав, но не совсем. Ведь у тебя была своя причина, по которой ты прибыл сюда. Если бы мы не следили за тобой и не пришли на помощь, ты бы погиб.

С этим трудно было спорить. Да, я прилетел сюда по своей воле. Опустив взгляд на бесчувственное тело Зеннора, я с трудом подавил желание сломать ему два-три ребра.

— Что вы с ним сделаете?

— Зеннор психически болен, и подвергнется лечению. Потом он станет совершенно иным человеком.

— А как насчет меня?

— Советую остаться здесь. Все-таки ты совершил побег из-под стражи, да и в Райском Уголке тебя ждут не дождутся...

— Не тычьте меня носом в старые прегрешения, — возмутился я. — Вы что, забыли, что я — тайный агент флота Лиги? Что я вам помог обнаружить эту

планету и сделал все, чтобы обеспечить вам успех? Даже от вашего имени обещал кое-кому вознаграждение...

— Да, я знаю, птица подслушала твой разговор с тем солдатом, Аспайей. Не беспокойся, мы ему заплатим.

— И мне заплатите.

Он потер подбородок и ухмыльнулся.

— Под платой ты подразумеваешь прощение всех грехов?

— Не только. Вы ликвидируете мое досье и выплатите мне жалованье за все то время, которое я работал на вас.

— Ладно. Пока ты служишь флоту, никто не напомнит тебе о прежних проступках. Пожалуй, со временем из тебя получится неплохой агент, хотя ты слишком горяч...

— Ни за что! — воскликнул я. — Никогда! Чтобы я служил закону? Чтобы я получал мизерную зарплату и ждал жалкой пенсии? Лучше смерть, чем позор! Нет, капитан, у меня собственные планы на будущее. Заплатите — и до свидания!

— Мечтаешь о карьере преступника?

— Совсем напротив. Я клятвенно вам обещаю — больше никаких преступлений! — Я прижал одну руку к сердцу, а другую поднял над головой. — Жизнь дала мне хороший урок. Я проклинаю свое преступное прошлое и даю торжественное обещание стать добропорядочным членом общества.

— Ну что ж, малыш, ты меня радуешь. Так и быть, я позабочусь, чтобы тебе заплатили жалованье. Хорошо, что ты решил встать на правильный путь.

— Да, сэр! Отныне я — честный человек.

Да, я солгал. Солгал с легким сердцем. А что еще оставалось делать, если все кругом, в том числе капитан флота Лиги и величайший искусственный разум во Вселенной, не стеснялись обманывать бедного мальчишку, бывшего пастуха свинообразов?

У меня пересохло в горле, и я остро ощутил желание промочить его четырехсотлетним винцом.

Опять все радостно выпили, Марк Четвертый хохотнул от электронной щекотки. Я снова поднял бокал.

— Этот бокал я хочу поднять в честь моего проводника и учителя, Стирнера. И товарища по приключениям, Ниби — пусть вечно мчит ее велосипед.

Последовали крики радости, а я обернулся к сверкающей машине.

— И наконец, — но не в последнюю очередь — за Марка Четвертого — наставника и учителя, духовного лидера, хранителя вина. За Марка!

Когда хор голосов утих, и была откупорена следующая бутылка, Марк обратился к благодарной аудиторией:

— Спасибо, спасибо вам, последователи индивидуального мютюэлизма. Слишком долго я был *адино-ким...*

Адиноким? Значит, поплыл на своих электронах! Да, он пьян!

— ... отшельником, взирающим на праздник жизни, кипящий надо мной. А теперь я, наконец, рад вас приветствовать, рад вашей компании. И давайте откроем еще винца.

Стирнер шатаясь пошел за бутылкой, Ниби отправилась ему на помощь. Мортон и Шарла забылись в счастливом объятии. Марк что-то бормотал про себя.

Это был идеальный момент, для того, чтобы незаметно исчезнуть. Ненавижу прощания. Тихонько, чтобы никого не беспокоить, я встал и вышел. Закрывая дверь, заметил, что телеглаз Марка повернулся мне вслед и подмигнул диафрагмой. Я подмигнул в ответ, закрыл дверь, повернулся и медленно поднялся по лестнице.

Как бы мне ни нравилась эта планета и люди, ее населяющие, я знал, что все это не для меня. Слишком цивилизованно и мирно. Ни тебе полиции, ни тебе преступности — что мне тут делать?

Вперед, Джим, вперед! К звездам!

Содержание

Рождение Стальной крысы, роман перевод с английского П. Жукова	7
Стальная крыса идет в армию, роман перевод с английского Г. Корчагина	233

МИРЫ ГАРРИ ГАРРИСОНА

Книга вторая

Ответственный за выпуск *А. Москвин*

Оператор компьютерной верстки *Ф. Моторина*

Главный редактор *А. Захаренков*

Редактор *М. Проворова*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректор *Т. Крукле*

Художественное оформление серии: *М. Захаренкова*

Оформление шмуцтитлов: *А. Сергунин*

Цветные иллюстрации: *А. Кириллов*

Подписано в печать 18.05.92. Лицензия № 2-0477. Формат 84×108¹/₃₂.
Усл. печ. листов 25,20. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1466. С-007.

Издательская фирма «Полярис».
Латвийская Республика, LV—1039, г. Рига, а/я 22

Отпечатано с готовых диапозитивов на Тверском ордена Трудового Крас-
ного Знамени полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР
Министерства печати и информации Российской Федерации. 170040, Тверь,
проспект 50-летия Октября, 46.

ISBN 5-88132-015-8

**РОЖДЕНИЕ
СТАЛЬНОЙ КРЫСЫ**

**СТАЛЬНАЯ КРЫСА
ИДЕТ В АРМИЮ**